This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

59a28

Confined to Library

1883

PG 3115. N23 (4-5)
= Rep. Slav. 4232

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Н АѲАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е К. СОЛДАТЕНКОВА И Н. ЩЕПКИНА.

—

ВЫПУСКЪ IV.

—

ЦѢНА III И IV ВЫПУСКАМЪ 1 Р. 20 К.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1850.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 24-го 1860 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ*.

Печатано съ изданія 1858 г.

Digitized by Google

Въ настоящемъ выпускѣ «Народныхъ русскихъ сказокъ» напечатаны сказки, собранныя В. И. Далемъ. Свое богатое собраніе народныхъ сказокъ онъ передалъ, по моей просьбѣ, мнѣ для изданія этихъ любопытныхъ матеріаловъ въ свѣтъ, что теперь отчасти и выполняется. Собраніе В. И. Даля заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи списковъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ числѣ довольно попадается и такихъ, которые записаны весьма слабо, неотчетливо, и по содержанію своему указываютъ на заимствованіе изъ печатныхъ книгъ (напримѣръ изъ «Тысяча одной ночи») или вовсе не представляютъ ничего занимательнаго (таковы нѣкоторые солдатскіе разсказы). Вообще относительно языка собранныхъ г. Далемъ сказокъ слѣдуетъ замѣтить, что очень немногія переданы съ соблюденіемъ мѣстныхъ грамматическихъ формъ. Не смотря на то, собраніе это весьма важно. Оно, во-первыхъ, содержитъ въ себѣ много въ высшей степени интересныхъ сказаній и легендъ: это можно видѣть уже изъ напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ ска-

Digitized by Google

зокъ, и еще болѣе оправдаются слова наши при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ. Оно, во-вторыхъ, весьма обильно варіантами, и если это обстоятельство значительно уменьшаетъ численное количество входящихъ въ его составъ сказокъ, то съ другой стороны этимъ самымъ дана возможность: повѣрять одинъ списокъ другимъ и хотя приблизительно возстановить народный разсказъ въ его первоначальной простотѣ. Отъ лица науки и любителей русской народности приносимъ здѣсь искреннюю благодарность просвѣщенному собирателю, который съ такою живою любовью и такъ много трудовъ посвятилъ на пользу народнаго слова.

Въ заключеніе прибавимъ, что нѣкоторыя очень любопытныя сказки изъ собранія В. И. Даля, къ сожалѣнію, не могутъ быть допущены въ печать, ради нескромности своего содержанія; героемъ подобныхъ разсказовъ чаще всего бываетъ *попова батрака*. Здѣсь много юмору и фантазіи данъ полный просторъ.

А. А.

Digitized by Google

1.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА [1].

а. Былъ себѣ дѣдъ и баба. У дѣда былъ пѣтушокъ, а у бабы курочка. Въ одинъ день пошли они на смитьячко [2] поискать себѣ пищи; пѣтушокъ нашелъ пшеничный колосокъ, а курочка нашла маковку. Съ этого колоска дѣдъ вымолотилъ зерно, смололъ муку; а баба, вычистивши маковку, растерла макъ, смѣшала съ медомъ, и съ дѣдовой муки сдѣлала пирожокъ съ стертымъ макомъ, и за неимѣніемъ, по бѣдности, печки и огня, положила тотъ пирожокъ на окнѣ своей избушки, чтобы на солнышкѣ испекся.

Въ то время проходила лисичка съ волчикомъ. Лисичка и говоритъ: «а что, волчику-братику, украдемъ этотъ пирожокъ и раздѣлимъ его между собою по-братски.» — Хорошо, лисичко-сестричко, украдемъ. Лисичка украла. Отошедши въ сторонку, она замѣтила, что будто-бы пирожокъ еще не допекся и что для этого надобно ему еще пожариться на солнышкѣ; «а мы между тѣмъ уснемъ, а проснувшись смачненько [3] позавтракаемъ». Такъ улещала лисичка волчика-братика, который вскорѣ и уснулъ. Она въ то время къ пирожку, разломила,

---

1) Смотри выпускъ I, № 1, a, b; вып. II, стр. 108; вып. III, № 3. 2) Смѣтье—соръ (Словарь при Энеидѣ, переліціованной на малоросс. языкъ Котляревскимъ, стр. 21). 3) Вкусно.

Digitized by Google

сладкую начинку съѣла, а туда наклала... съ позволенія сказать—сами догадаетесь чего...и, залѣпивъ, положила. Волчикъ проснулся, и лиса за нимъ. Принялись дѣлиться пирожкомъ, и первая лиса замѣтила, что не та уже въ пирожкѣ начинка, и напустилась на волка. Волкъ божится, клянется, землю ѣстъ [1],—куда? лиса не вѣритъ. Наконецъ предлагаетъ испытаніе: лечь обоимъ противъ солнца, и у кого отъ жару выступитъ на тѣлѣ воскъ, тотъ и съѣлъ медъ. Согласились. Волчикъ безпечно уснулъ, а лиса побѣжала въ ближнюю пасѣку [2], украла сотъ, съѣла, а вощинами всего волка облѣпила. Проснувшись и бывъ изобличенъ, волкъ повинился, что онъ и самъ не помнитъ, какъ это случилось, но послѣ такого яснаго доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добычѣ не имѣть ему въ ней доли, а всю уступить лисѣ. Вотъ и разошлись въ разныя стороны для промыслу.

Лисичка, завидѣвъ, что идетъ фура чумаковъ, легла на дорогѣ, разметалась будто неживая и начала подфунивать [3] изо всей мочи. Чумаки ее завидѣли и сочли сначала живою, но подойдя ближе, когда услышали, что за нѣсколько шаговъ она такъ сильно смердитъ, закричали: «вона здохла, бачъ [4] якъ воня!» и взявъ ее, положили на возъ съ рыбою. Первое дѣло ея было — прогрызть у воза лубки, и потомъ начала выкидывать рыбу. Накидавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу съ воза, подобрала всю рыбу въ кучу и начала преисправно ее кушать. Волкъ, побродивши вездѣ, безъ успѣха возвращался на сборное мѣсто, и увидѣлъ лису

---

1) Это любопытное указаніе на старинный обрядъ клятвы. Вадимъ Пасекъ свидѣтельствуетъ, что на Украйнѣ были примѣры, когда клятва скрѣплялась цѣлованіемъ земли, и такая клятва почиталась самою важною и священною (Путевыя записки, стр. 151—2). 2) Пасѣка — пчельникъ. 3) Вонять. 4) Смотри.

Digitized by Google

за такимъ роскошнымъ пиромъ. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть маленькую рыбку...» — О, волчику-братику! налови себѣ, какъ и я наловила, да и ѣшь, сколько душѣ угодно. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть головку.» — О, волчику-братику! ни косточки. Я утомилась, пока ее наловила, и очень голодна. «Гдѣ, какъ и чѣмъ ты ее наловила?» — Самая бездѣлица! вонъ недалеко рѣка; иди туда. вложи хвостъ въ прорубь, сиди и приговаривай: ловись рыбка и мала и велика, ловись рыбка и мала и велика! потомъ выдерни хвостъ, то увидишь, сколько вытянешь рыбы. Какъ уже лиса кончила свой обѣдъ, то и взялася довести его до проруби. Волкъ вложилъ свой хвостъ и началъ приговаривать [1]: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса, бѣгая около него, приговаривала: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!»—Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я тебѣ помогаю»—а сама поминутно твердитъ: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» Волкъ скажетъ: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» Волкъ опять: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» — Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я тебѣ помогаю!» Волкъ уже хочетъ вытянуть свой хвостъ изъ проруби, но лиса запрещаетъ: «погоди, еще мало наловилось!» И опять начинаютъ они приговаривать. Волкъ только что попробуетъ вытащить хвостъ, а лиса ему: «погоди, еще рано!» — и какъ тогда былъ морозъ такой, *що ажъ скалкы* [2] *скачутъ*, то лиса, разочтя время, закричала на волка: тяни! Онъ потянулъ, но не тутъ-то было! Хвостъ его замерзъ въ рѣкѣ и волкъ не могъ освободить его, и самъ остался на мѣстѣ. Тогда лиса благимъ матомъ побѣжала въ село и начала кричать: «сюда, люди! спѣшите бить

---

1) Приговоры волка сказочники передаютъ *толстымъ* (грубымъ) голосомъ, басомъ; а приговоры лисы *тоненькимъ*, мягкимъ. 2) Осколки.

Digitized by Google

волка, примерзъ къ ополонкѣ [1]!» Всѣ бросились на волка: мущины съ дубинами, съ топорами, бабы съ гребнями, съ днищам [2], всѣ на волка; били его, били, колотили до того, что волкъ не пожалѣлъ и хвоста, оторвалъ его, и куцый [3] побѣжалъ куда глаза глядятъ. Какъ же всѣ люди бросились къ нему на ледъ, то одинъ мужикъ покинулъ даже и сани свои съ лошадью. Волкъ, набѣжавъ на нихъ, вскочилъ въ сани, началъ погонять лошадь и такимъ образомъ выбрался изъ села.

А лиса среди общей суматохи, когда всѣ бросились бить волка, вскочила въ пустую избу, увидѣла квашню съ тѣстомъ, вскочила въ нее, выляпалась въ тѣсто, побѣжала на дорогу и легла. Недалеко за селомъ увидѣлъ волкъ на дорогѣ лисичку-сестричку избитую, израненную и ледва [4] живую. Съ большимъ участіемъ бросился онъ къ ней, и она начала жаловаться, что и ее такъ больно прибили, что мозгъ изо всѣхъ костей повыступалъ. «Крѣпись, лисичко-сестричко! вотъ и я хвоста лишился, да какъ же быть! иди за мною, я еще покрѣпче тебя, буду тебя защищать.» Лисичка начала проситься въ сани, но волкъ ей отказалъ и доказалъ, что и одному тѣсно. Нечего дѣлать! пошла лиса тихо за ѣдущимъ волкомъ. Пройдя немного, начала упрашивать, чтобы хотя одну лапку самую разбитую положить на сани, не болѣе какъ лапку. Волкъ долго отнѣкивался, наконецъ согласился. Положивши лапку, лиса послѣ долгихъ переговоровъ упросила и о другой, третьей, четвертой, потомъ умолила волка имѣть состраданіе и къ ея хвосту, который такъ жалко волочился, и умостилась совсѣмъ въ санкахъ. Волкъ услышалъ, что санки трещатъ, началъ ее упре-

---

1) Прорубь на льду (Тр. Об. любит. рос. слов., кн. VII, стр. 309). 2) Днище — донце, дощечка, въ которую втыкается прядильный гребень (Малоросс. словарь Аѳанасьева, стр. 89). 3) Безхвостый. 4) Едва.

Digitized by Google

кать. «Это, волчику-братику, я орѣшки кусаю!» Поѣхали дальше; слышитъ волкъ, что санки опять трещатъ, и снова упрекаетъ лису. «Это, волчику-братику, я орѣшки кусаю!» Наконецъ санки совсѣмъ разсыпались.

Волкъ пошелъ рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. Отъ скуки она выѣла у лошади всю внутренность, напихала туда живыхъ воробьевъ и дырку подъ хвостомъ заткнула соломой. У волка сани поспѣли, и онъ запрегъ лошадь. «Ну, ну; ну, ну!»—лошадь ни съ мѣста. Волкъ увидѣлъ, что изъ-подъ хвоста у лошади торчитъ солома, и сказалъ: «вотъ какъ обожралася, что и солома назадъ лѣзетъ!» Вытянулъ ее... воробьи выпорхнули и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все еще больною отъ побоевъ, послѣ продолжительнаго спора убѣдила волка, чтобы онъ везъ ее въ санкахъ. Волкъ повезъ и сталъ приговаривать: «битый битую везетъ! битый битую везетъ!» А лисичка шепчетъ: «битый небитую везетъ!»—Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я, волчику-братику, говорю: битый битую везетъ!...»

(Записана въ харьковскомъ уѣздѣ Г. Ѳ. Квиткою.)

b. Якъ була соби лисичка, да-й пишла разъ до одныи бабы добувать огню; вишла́ у хату да-й каже: «добрый день тоби, бабусю! дай мини огня.» А баба тильки що выйняла изъ печи пирожокъ изъ макомъ, солодкій, да-й положила, щобъ винъ прохоловъ [1]; а лисичка се и пидгледала, да тильки що баба нахилилась [2] у пичъ, щобъ достать огня, то лисичка заразъ ухватила пирожокъ да и драла [3] съ хаты, да бижучи весь макъ изъ ёго выjила, а туда смитья наклала. Прибигла на поле, ажъ тамъ пасуть хлопци бичкивъ. Вона и каже имъ:

---

1) Остылъ. 2) Наклонилась. 3) Убѣжала.

Digitized by Google

«ей, хлопци! промѣняйте мини бичка третячка [1] за маковый пирожокъ.» Тые согласились; такъ вона имъ говорить: «смотрить-же, вы не јижте заразъ сёго пирожка, а тоди уже розломите, акъ я зави(е)ду бичка за могилку; а то вы ёго не за що не розломите.» Бачите вже — лисичка така соби була розумна, що хоть кого да обманить. Тые хлопци такъ и зробили, а лисичка якъ зашла за могилу, да заразъ у лисъ и повернула, щобъ на дорози не догнали; пришла у лисъ да и зробила соби санки, да-й јиде. Коли йде вовчикъ: «здорова була, лисичко-сестричко!» — Здоровъ, вовчику-братику! «Дѣ [2] се ты узяла соби и бичка и санки?» — Э! зробила. «Пидвези-жъ и мене.» — Э, вовчику! не можно. «Мини хоть одну нижку.» — Одну можно. Винъ и положивъ, да отъјихавши немного и просить, щобы еще одну положить. «Не можно, братику! боюсь, щобъ ты саней не зломавъ.» — Ни, сестричко, не бі(о)йся! — Да и положивъ другую нижку. Тильки що отъјихали, якъ щось и трисnуло. «Бачишъ, вовчику, уже и ломаешь санки.» — Ни, лисичко! се у мене бувъ оришдкъ, такъ я розкусивъ. Да просить опять, щобъ и третю ногу положить; лисичка и ту пустила, да тильки що опять отъјихали, ажъ щось уже дужче [3] трисnуло. Лисичка закричала: «охъ лишечко! [4] ты-жъ мини, братику, зовсимъ зломаишъ санки.» — Ни, лисичко, се я оришдкъ розкусивъ. «Дай же и мини; бачишъ якій, що самъ јишъ, а мини и не даешъ.» — Нима уже бильше, а я-бъ давъ. Да и просить опять, щобъ пустила положить и послѣдню ногу. Лисичка и согласилась. Такъ винъ тильки що положивъ ногу, якъ санки зовсимъ розломались. Тоди вже лисичка такъ на ёго розсердилась, що и сама не знала щобъ робила! а якъ

---

1) Третьякъ — теленокъ или жеребенокъ по третьему году (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 232). 2) Гдѣ. 3) Сильнѣе. 4) Уменьшительное отъ «лихо».

Digitized by Google

отошло сердце, вона и каже: «иди-жъ, ледащо [1]! да нарубай дерева, щобъ намъ опять изробить санки; тильки рубавши кажи такъ: «рубайся дерево и криве и пряме.» Винъ и пишовъ да-й каже усе: «рубайся-жъ дерево усе пряме да пряме!» Нарубавши и приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, якъ јій нужно, опять розсердилась: «ты, говорить, не казавъ видно такъ, якъ я тоби велила!»—Ни, я усе тее казавъ, що ты мини казала. «Да чомусь не таке рубалось? ну, сиди-жъ ты тутъ, а я сама пиду нарубаю»—да и пишла у лисъ. А вовкъ дивицця, що винъ самъ остався; узявъ да пројивъ у бичка дирку да выјивъ усе въ середини, да напускавъ туда горобцивъ [2], да ще соломой заткнувъ, поставивъ бичка, а самъ и втикъ [3]. Ажъ лисичка приходить, зробила санки да-й сила и стала погонять: «гей бичокъ третячокъ!» Тильки винъ не везе. Вотъ вона встала, щобъ поправить: може, що не такъ запряжено; да не хотячи одоткнула солому, а оттуда такъ и сыпнули горобци литить. Вона уже тоди побачила, що бичокъ неживый; покинула ёго да и пишла.

Легла на дорози, ажъ дивицця — јиде мужикъ зъ рибою; во́ и притворилась, що здохла. Вотъ мужикъ и говорить: «во́зму я оцю [4] лисицу, обдеру да хоть шапку соби сошью.» Узявъ да и положивъ сзади у воза. Вона замѣтила, що мужикъ не смотрить, стала ногами викидывать рибу съ воза, а когда побачила, що навикидала уже богато, тоди потихесеньку и сама слизла; сила биля [5] рибы да и јисть соби, — коли бижить опять той самый вовчикъ. Побачивши, що вона јисть рибу, прибигъ до ей да-й каже: «здорова́ була, лисичко-сестричко! дѣ се ты набрала стильки рибы?» Вона каже: «наловыла, вовчику-братику!» А соби на думци: «подожди, и я зроблю зъ тобою таку штуку, якъ и ты зо мною.» — Якъ же ты

---

1) Негодный. 2) Воробьевъ. 3) Убѣжалъ. 4) Эту. 5) Подлѣ, возлѣ.

Digitized by Google

ловыла? «Такъ, вовчику, уложила хвостикъ въ ополонку, вожу тихенько да-й кажу: ловыся рибка мала и велика! коли хочешъ, то и ты пиди, наловы соби.» Винъ побигъ да и зробивъ такъ, якъ казала лисичка. А лисичка стала за деревомъ да-й дивицця; коли у вовчика зовсимъ хвостикъ примерзъ, вона тоди побигла въ си(е)ло да и кричить: «идить, люди, вбывайте вовка!» Люди набигли съ кольями да и убили ёго.

с. Однажды лиса украла лошадь съ полной збруей и съ телегою, и давай разъѣзжать по лѣсу. Попадается ей на встрѣчу медвѣдь. «Лисанька! посади меня», говоритъ медвѣдь. — Садись, сиволапый чортъ! Медвѣдь сѣлъ. Поѣхали; попадается имъ волкъ. «Лисанька! посади меня», говоритъ волкъ. — Садись, сѣрой воръ! Послѣ того попадается на встрѣчу косой заяцъ. «Лисанька! посади меня», говоритъ онъ.—Садись, косой! Вотъ и поѣхали въ четверомъ и запѣли пѣсни. Вдругъ переломилась у нихъ оглобля. Лисица говоритъ медвѣдю: «ступай ты, Мишинька, принеси оглоблю.» Медвѣдь пошелъ по лѣсу, только лѣсъ трещитъ; перевалялъ пропасть деревъ, наконецъ выбралъ самое большое, толстое дерево и принесъ лисѣ. «Не годится это на оглоблю, сиволапый ты Мишка! Ступай ты, сѣрой волкъ!» говоритъ лисица . Волкъ пошелъ и принесъ также цѣлое дерево, но поменьше. «И это не годится, говоритъ лиса; поди, принеси ты, косой заяцъ!» Заяцъ пошелъ и принесъ пруточикъ. «Всѣ вы ничего не смыслите! Пойду ужь сама», говоритъ лисица. Пока она ходила, медвѣдь съ волкомъ и съѣли лошадь, а въ шкуру лошадиную набили моху, и опять запрягли, какъ-бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобельку; приходитъ къ телегѣ, а ужь на ней нѣтъ ни медвѣдя, ни волка, ни зайца. Она перемѣнила оглобельку и начала погонять лошадь, а та ни съ мѣста. Стала ее дергать возжами и бить палкою, лошадь и свалилась. Слѣзла лиса съ телеги, посмотрѣла на лошадь и увидала, что она набита мо-

Digitized by Google

хомъ, а мясо все съѣдено; поплакала-поплакала и опять стала ходить по лѣсу пѣшкомъ.

Повадилась лиса таскать изъ садковъ рыбу. Мужики догадались и рѣшились изловить вора, а лиса, какъ смѣтливая баба, накравши въ послѣдній разъ рыбки, пошла гулять по лѣсу. Попадается ей на встрѣчу сѣрый волкъ. «Что ты ѣшь, лисанька?» спрашиваетъ волкъ.—Рыбку, куманёкъ. «Да гдѣ же ты ее берешь.»—Да сама ловлю. «Да какъ же ты ее ловишь? научи-ка меня.» — Изволь куманёкъ! возьми ведро, привяжи къ хвосту да и опусти въ пролубь: рыба и найдетъ къ тебѣ сама въ ведро; только ты часа два посиди у пролуби! Волкъ такъ и сдѣлалъ; но только часа черезъ два хвостъ-то у него примёрзъ къ пролуби, такъ что онъ, какъ ни старался, оторвать его не могъ. Поутру пришли мужики и убили его.

Пришла лиса къ медвѣдю въ берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила ихъ подъ себя и ѣла по немножку. Медвѣдь однажды и спрашиваетъ: «что ты, кумушка, ѣшь?» — Да что, куманёкъ, изъ лба кишечки таскаю да и кушаю. «И сладко?» спрашиваетъ медвѣдь. — Сладко, куманёкъ. «Дай-ко попробовать!» Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка, и ну тискать себѣ изо лба кишечки, до тѣхъ поръ надрывался, пока не околѣлъ. А лисица этому и рада. Ей и пищи на цѣлый годъ, и мягкая постель, и теплая канура.

(Записана въ тверской губерніи.)

d. Шла лиса по дорожкѣ и нашла лáпотокъ, пришла къ мужику и просится: «хозяинъ, пусти меня ночевать.» Онъ говоритъ: «некуда, лисынька! тѣсно.» — Да много ли нужно мнѣ мѣста! я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку. Пустили ее ночевать; она и говоритъ: «положите мой лàпотокъ къ вашимъ курочкамъ.» Положили; а лисынька ночью встала и забросила

Digitized by Google

свой лапоть. Поутру встаютъ, она и спрашиваетъ свой лапоть; а хозяева говорятъ: «лисынька, вить онъ пропалъ!» — Ну, отдайте мнѣ за него курочку. Взяла курочку, приходитъ въ другой домъ и проситъ, чтобъ ея курочку посадили къ хозяйскимъ гуськамъ. Ночью лиса припрятала курочку, и получила са нее утромъ гуська. Приходитъ въ новой домъ, просится ночевать и говоритъ, чтобъ ея гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и проситъ посадить ея барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисынька украла и барашка, а поутру требуетъ, чтобъ за него отдали ей бычка [1]. Всѣхъ — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идетъ медвѣдь съ волкомъ, а лиса говоритъ: «подите, украдьте сани да поѣдемте кататься.» Вотъ они украли и сани, и хомутъ, впрягли бычка, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричитъ: «шню-шню! бычокъ-соломенной бочокъ, сани чужіе (или: не наши), хомутъ не свой, погоняй не стой!» Бычокъ не йдетъ. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка, рвали-рвали, видятъ, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домамъ.

е. Жили-были волкъ да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка-то лубяная. Лѣто стало, у лисички избушка и растаяла. Пошла она къ волку на фатеру [2] проситься: «пусти-ко, кумъ, меня на лѣсенку.»—Нѣтъ, кума, не пушшу.

---

1) *Вар.* Вздумала лисичка разбогатѣть, подняла на дорогѣ лычко и приходитъ въ одну избу, гдѣ толкутъ, мелютъ и зыбки качаютъ: такъ много народу! — и просится ночевать. На другой день лычко припрятала и получила за него ремешокъ, и т. дал. Наконецъ даютъ ей тройку лошадей, на которыхъ она и пускается въ путь.... 2) Квартиру.

Digitized by Google

«Пусти кумъ!» — Ну, лизь инно! [1] Взошла кума на лѣсницу; какъ-бы добраться до печки? начала она умолять кума не вдругъ, а потихоньку, помаленьку: «пусти-ко, кумъ, меня на крылечко-то.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» Ну, лизь инно! Взошла на крыльцо: «пусти-ко, кумъ, меня въ си(ѣ)нцы-те.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лизь инно. Взошла въ сѣни: «пусти-ко, кумъ, меня въ избу-то.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лизь инно! Пришла въ избу: «пусти-ко, кумъ, меня на го́лбчикъ-отъ.» [2] — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ.» Ну, лизь инно! Влѣзла на го́лбчикъ: «пусти-ко, кумъ, меня на полатцы-те.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лизь инно! А съ полатей просится: «пусти-ко, кумъ, меня на печку-то.» — Нѣту, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Да ужь лизь ты! съ досадою сказалъ волкъ. Легла кума на печку, да и постукиваетъ хвостикомъ: «чу! кумъ, меня зовутъ бабиться.» [3]. — Поди, отвѣчаетъ кумъ. Пошла кума на вышку [4], нашла кринку масла да и почала ее; пришла назадъ въ избу. Волкъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума? — Початышка. Легла опеть да постукиваетъ, и говоритъ: «чу! кумъ, меня бабиться зовутъ.» — Поди, кума! Сходила на вышку и пришла назадъ. Волкъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума?» — Серёдышка. Легла опеть на печку да постукиваетъ, и говоритъ: «чу! кумъ, меня бабиться зовутъ.» — Поди, кума! Воротилась кума, а волчокъ-отъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума?» — Заскрёбышка. Волкъ хотѣлъ оладьи печи, пошелъ на вышку, а масла-то нѣту. Спрашиваетъ онъ куму: «ты, кума, съѣла масло?» — Нѣтъ — ты,

---

1) Лѣзь — входи; инно — союзъ, употребляемый въ случаѣ недоумѣнія (Опыт обл. великорус. словаря, стр. 75). 2) Го́лбецъ — деревянная придѣлка къ печи (ibidem, стр. 38). 3) Быть повивальною бабкою. 4) Чердакъ (ibidem, стр. 33).

Digitized by Google

кумъ! ляжемъ-ко на шестокъ-отъ: у кого масло выпре(я)жится? [1] Волкъ уснулъ, а у лисички выпре(я)глось масло; она имъ и вымазала кума. Пробудился волкъ; лисичка ему и говоритъ: «вѣдь ты, кумъ съѣлъ!» Онъ говоритъ: «нѣтъ — ты, кума!» Спорили да спорили, и не могли переспорить одинъ другаго... Кума ро(а)зсердилась, пошла куды-то да и легла на дорогу, а мужикъ съ рыбой ѣхалъ, да и думаетъ, что лисичка пропала [2], взялъ ее и бросилъ на сани. Она проѣла у него бочку съ рыбой и рыбу ро(а)зсыпала. Пріѣхалъ мужикъ домой и посылаетъ жену: «поди-ко, жена, я лисицу привезъ.» Пошла жена: ни рыбы, ни лисицы нѣтъ. Лиса собрала рыбу и идётъ къ куму волку: «ли-ко [3], кумъ, сколько я наудила!» — Поведи-ко меня, кума, научи. «Вотъ какъ удь: хвостъ-то умочи въ воду-то.» Пошелъ кумъ, умочилъ хвостъ да и приморозилъ. Лисичка стала сми(ѣ)яться надъ кумомъ: «е(я)сни, есни на небѣ, мерзни, мерзни у волка хвостъ!» Онъ не учулъ [4] да и спрашиваетъ: «чего ты, кума, говорила?» — Чтобъ Богъ далъ тебѣ болѣ рыбы-то. Бабы пришли да и убили волка, а лисичка убѣжала [5].

(Записана въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.)

f. Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ. У волка былъ домъ коряной, а у лисы ледяной. Вотъ пришла весна красная, у лисы домъ растаялъ, какъ не бывалъ. Что дѣлать ей? но лиса хитра, пришла она къ волку подъ окошечко да и говоритъ: «волченёкъ-голубокъ! пусти меня горемычную хоть во дворъ.» А тотъ такъ толсто [6]: «поди, лиса.» — Волченёкъ-

1) Вытопится. 2) Издохла. 3) Гляди-ко (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 103). 4) Не разслыхалъ. 5) Въ этой сказкѣ и въ слѣдующей за нею соединены вмѣстѣ два разсказа о лисѣ, но при этомъ не сохранена должная послѣдовательность: дѣйствіе начинается лѣтомъ, а продолжается зимою. 6) Т. е. говоритъ.

Digitized by Google

голубокъ! пусти хоть на крылечко. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! пусти хоть въ избу. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! Пусти хоть на приступочекъ. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! пусти на печку. «Поди, лиса!» Вотъ лиса на печкѣ лежитъ да хвостомъ вертитъ; совсѣмъ бы она, да вишь трои сутки не ѣдала: какъ узнать, гдѣ у волка хлѣбъ? И ну искать; искала, искала да и нашла на избицѣ у волка лукошко толокна да кринку масла, а сама опять на печку. Стукъ, стукъ, стукъ! А волкъ: «лиса, кто-то стукается?» Лиса въ отвѣтъ: «волченёкъ-голубокъ! тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки.» — Поди, лиса, а мнѣ лихо [1]. А лиса тому и рада: съ печки скокъ, да на избицу скокъ, а тамъ масла лизнетъ, толоконца лизнетъ, лизала-лизала да все и сзобала [2]; съ избицы скокъ, да на печку скокъ, и лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Волкъ спалъ, спалъ да ись [3] захотѣлъ, и на избицу побрелъ. «Ахъ-ти бѣда! волкъ завопилъ. Ахъ-ти бѣда! кто масло съѣлъ? толокно сзобалъ?» А лиса: «волченёкъ-голубокъ! на меня не подумай.» — Полно ты, кума! кто подумаетъ на тебя! И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили. «Поди, кума, на Русь! говоритъ волкъ лисѣ; что найдешь, то и тащи, а не то съ голоду умремъ.» А лиса ни слова въ отвѣтъ и шмыгъ на Русь. Выбѣжала на дорогу, видитъ — ѣдетъ съ сельдями мужикъ, прикинулась и легла поперегъ дороги, какъ(бы) умерла. Наѣхалъ мужикъ на лису. «Ай, говоритъ, лисица! что за шерсть, что за хвостъ!» А самъ лису въ возъ. Лиса тому и рада: и ну рыть сельди, дорылась до дна и ну грызть рогоз(ж)у, перегрызла рогозу и ну грызть дно у саней, перегрызла и дно; сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ уже спалъ и ничего не

1) Не хочется, лѣнь (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 103). 2) Зобать — ѣсть, кушать (Опытъ обл. великор. слов., стр. 71). 3) Ѣсть.

Digitized by Google

зналъ; а лиса сельди собрала и къ волку въ избу принесла: «на, говоритъ, волченёкъ-голубокъ! ѣшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивоваться ухваткѣ своей кумы: «да какъ ты, кума, сельди-то имала?»—Ой ты, куманёкъ-голубокъ! я хвостъ-то какъ въ прорубь упущу, сельдь да двѣ, сельдь да двѣ! Волка такъ и забираетъ попробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба каталажку [1]) наклалъ и отправился ловить сельдей, какъ кума его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ въ воду хвостъ да и держитъ, а лиса въ тожъ время молитъ: «на небѣ ясни, ясни! у волка хвостъ мерзни, мерзни!» И вотъ треснулъ морозъ, что у волка хвостъ замёрзъ. Пришли поповы дочки и волка кичигой [2]) зашибли да изъ шкуры себѣ шубу сшили! А лиса осталась одна жить, и тепере живетъ, и насъ переживетъ.

(Записана въ архангельской губерніи.)

g. Жили-были куманёкъ да кумушка: волкъ да лисица. Вздумали они построить себѣ изъ снѣгу избушку и жить добромъ. Вздумано, взгадано и сдѣлано. Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ они и выстроили избушку возлѣ деревушки. Куманёкъ кормилъ свою кумушку телятиною да бараниною, а кума — курочками да цыплятами. Однажды кумушка говоритъ своему куманьку: «куманёкъ! пойдемъ вмѣстѣ въ деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить.» Вотъ отправились на охоту, пришли въ деревню; а въ деревнѣ всѣ мужики и бабы на сѣнокосѣ, а малы ребятишки въ горохѣ. «Ну, кумъ! теперь намъ раздолье; хоть всю деревню шаромъ покати! Теперь своя воля и наша доля.» И лиса улизнула въ стайку [3]) и двухъ куръ удушила; пришла и добычу принесла,

---

1) Каталажка—дорожная сумка, носимая за плечами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 80). 2) Кичи́га—цѣпъ молотильный; валекъ (ibidem, стр. 83). 3) Хлѣвъ для скотины (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 214).

Digitized by Google

и кȕму говоритъ: «теперь, куманёкъ, ты ступай, твоя череда! Я стану сторожить и на всѣ стороны гляди(ѣ)ть.» Волкъ пробѣжалъ половину деревни, и послышался ему лай собаки, запертой въ избѣ; онъ проскакалъ деревню и остановился за погребомъ. Видитъ, что нѣтъ за нимъ никакой погони, что въ деревнѣ нѣтъ ни шуму, ни гаму, и лиса-кумушка никакой вѣсти ему не даетъ, волкъ тихохонько отворилъ погребъ, схватилъ кринку масла и былъ таковъ. Пришли домой, зажарили добычу, съѣли и легли отдыхать.

Лисѣ показалось масло вкусно, захотѣлось еще полизать и отвѣдать маслеца голичкомъ. Вотъ она тихонько встала и къ кринкѣ подошла; на ту пору волкъ пробудился и съ боку на бокъ перевалился. Лиса брызгнула [1] отъ крынки и снова улеглась. Волкъ догадался, что кумушка-лиса хочетъ маслецомъ поживиться, всталъ и вынесъ кринку въ сѣни и поставилъ на высокую пȍлицу, чтобъ кумушкѣ не достать. Какъ ухитрить(ся) — кума обмануть и маслеца отвѣдать? Вотъ волкъ ушелъ въ лѣсъ за дровами, чтобъ печку затопить; въ ту пору лиса Патрȉкіевна приставила лѣсенку на потолокъ, вскочила по ней, и съ потолка на пȍлицу, обнюхала масло, хотѣла полизать да побоялась, чтобъ кумъ не засталъ. Скоро(ё)хонько воротилась, сѣла къ печкѣ и ждала кума; а кумъ что-то долго запоздалъ, бѣгалъ отъ собакъ, поздно пришелъ, жаловался, что оченно усталъ, и легъ спать не ѣвши. Ночью лиса, лежа подъ окномъ, стукъ въ стѣну хвостомъ и чужимъ голосомъ говоритъ: «матушка! кормилица! помоги, пособи горю, не дай умȇреть!» — Кто тамъ, говоритъ волкъ, что такое? «Ахъ, куманёкъ! кроликъ зоветъ меня въ повивушки.» — Бѣги, да къ свѣту вернись! «Коли Богъ дастъ счастливо, я тотчасъ

---

1) Стремительно, поспѣшно убѣжала (Словарь Академ. Россійской, ч. I, стр. 321).

Digitized by Google

прибѣгу.» Хлопнула дверьми, стукнула запоромъ, а сама ни вонъ изъ сѣней. Коль скоро все пріумолкло и волкъ захрапѣлъ, лиса шмыгъ на потолокъ, а съ потолка на по́лицу и къ маслу. Зоря на дворѣ и наша лиса передъ волкомъ въ избѣ. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — Початышекъ, куманёкъ, Початышекъ! На другую ночь лиса ту-же хитрость повторила, и стукнувъ запоромъ, передъ волкомъ явилась. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — Середышекъ, куманёкъ, Середышекъ! Въ третью ночь кума тоже сотворила и волку объявила: «Послѣдышекъ, куманёкъ, Послѣдышекъ!»

Однажды волкъ лисѣ говоритъ: «кумушка, мы теперь масло-то къ празднику побережемъ, а о праздникѣ сотворимъ пиръ на весь міръ и на славу добрымъ людямъ.»—Какъ-же, куманёкъ! сохранимъ, сохранимъ! Вѣть ты его самъ упряталъ, и некому взять. Передъ праздникомъ оба отправились на охоту. Волкъ притащилъ за уши свинью да ягненка, а лиса курицу да цыплёнка, и пошли наши стряпать. Все приготовлено, только маслецомъ сподобить, да гостямъ подать; вить для праздника надобно же и снадобье! [1]) «Куманёкъ, говоритъ лиса, сходи-ко да принеси маслеца то.» — Сейчасъ, сейчасъ, кумушка! — и вышелъ. Взялъ волкъ съ по́лицы кринку, но кринка пуста и масла нѣтъ. Волкъ изумѣ(и)лся и кричитъ: «кума! гдѣ масло? кто съѣлъ его? кума, ты съѣла!» — Что ты, куманёкъ! я масла и въ глаза не видала и близко не бывала. Ты поставилъ масло высоко и знаешь, что мнѣ не достать. Не самъ ли ты съѣлъ, а на меня сваливаешь? «Такъ кто же его съѣлъ?»—Вѣрно ты самъ, кумъ, и хочешь меня провести; полно шутить, меня не обманешь. Волкъ началъ сердиться и ротиться [2]), что онъ масла не ѣдалъ и что лиса его съѣла. «Полно, куманёкъ, полно шутить. Вотъ спознаемъ: кто масло

1) Приправа къ кушанью. 2) Клясться.

Digitized by Google

съѣлъ? Кто съѣлъ, у того оно вытопится; надо лечь брюхомъ къ огоньку, испробуемъ-ко? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду уберу.» Волкъ отдалъ кринку, а лиса въ кринку лапу и обшарила [1] всю. Вотъ легли наши противъ печки къ огоньку. Волка пригрѣло, и онъ захрапѣлъ. Лиса вымарала лапой полъ передъ волкомъ и лапой же провела по волчью брюху. Волкъ спросилъ: «что ты, кума, дѣлаешь?» — А вотъ смотрю, какъ у тебя масло вытапливается; смотри-ко, ты и полъ-отъ замаслилъ. Вишь, я правду сказала, что кто масло съѣлъ, у того и вытопится. Волкъ провелъ по брюху лапою и нашелъ, что оно въ маслѣ. «Что, куманёкъ, не стыдно ли свой грѣхъ на чужихъ сваливать? Отпирайся теперь, воръ, а укоры-то вѣрные.» Волкъ осердился, съ досады и горя пустился бѣжать и домой не воротился. Пришло лѣто, изба растаяла. Волкъ эту быль мнѣ самъ разсказывалъ и завѣрялъ, что впередъ никогда не станетъ жить вмѣстѣ съ лисою.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

h. У волка была изба деревянная, у лисы ледяная. Пришло лѣто, растаяла у лисы изба. Она пришла къ волку и говоритъ: «кумъ, ты не знаешь моего горечка!» — Что, кума, у тебя за горечко? «Изба-то растаяла, пусти къ себѣ пожить.» — Изволь поди, кума, поживи. Лиса говоритъ: «нынѣ, кумъ, разбуди меня пораньше, меня придутъ звать на повой.» Настала ночь, къ дверямъ пришла другая лиса и стучится. Волкъ услыхалъ и началъ будить свою куму: «кума! вставай, пришли за тобой.» — Спасибо тебѣ, куманёкъ, что разбудилъ; я бы проспала. Вышла и пустила тихонько въ сѣни свою подругу. Залѣзли онѣ на полдовку [2], гдѣ у волка было много меду, и съѣли по-

1) Вытерла. 2) Полдовка—чердакъ (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 164).

Digitized by Google

ловину кадушки. Проводила кумушка подругу и взошла въ избу. «Какъ, кума, младенца зовутъ?» спросилъ волкъ. — Починочкомъ. На другую ночь тоже. Кумушки весь медокъ съѣли. Волкъ опять спрашиваетъ: «что, кума, какъ зовутъ?»—Поскрёбышкомъ. День пришелъ и лиса захворала: охъ, охъ!... «Что, кума, или захворала?» — Захворала, кумъ, что-то головушка заболѣла. «Постой-ка, кума, я тебя вылѣчу; у меня есть запасецъ.» Полѣзъ на полдовку, хвать — нѣтъ меду въ кадушкѣ. Разсердился волкъ, вбѣжалъ въ избу и спросилъ: «ты, лиса, съѣла у меня медъ?» — Нѣтъ, кумъ, что ты! Господь съ тобой! Ты знаешь, что въ день-то мы съ тобой вмѣстѣ ходимъ, а ночью я на повоѣ бываю; когда мнѣ твой медъ ѣсть? «Нѣтъ, лебёдушка! пошла вонъ изъ моей избы, чтобъ я тебя не видалъ!» Лиса ушла, а волкъ сталъ по прежнему поживать да медокъ запасать.

(Записана въ саратовской губерніи г. К. Гуськовымъ.)

2.

ЛИСА И ПѢТУХЪ [1].

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лѣсу не ѣвши. На зорѣ прибѣжала она въ деревню, взошла на дворъ къ мужику и полѣзла на насѣсть къ курамъ. Только что подкралась и хотѣла схватить одну курицу, а пѣтуху пришло время пѣть: вдругъ онъ крыльями захлопалъ, ногами затопалъ и закричалъ во все горло. Лиса съ насѣсти-то такъ со страху полетѣла, что недѣли три лежала въ лихорадкѣ. Вотъ разъ вздумалось пѣтуху пойдти въ лѣсъ—разгуляться, а лисица ужь

1) См. вып. I, стр. 5; вып. II, стр. 111; вып. III, № 21.

Digitized by Google

давно его стережетъ; спряталась за кустъ и поджидаетъ, скоро ли пѣтухъ подойдетъ. А пѣтухъ увидѣлъ сухое дерево, взлетѣлъ на него, и сидитъ себѣ. Въ то время лисѣ скучно показалось дожидаться, захотѣлось сманить пѣтуха съ дерева; вотъ думала, думала да и придумала: дай прельщу его. Подходитъ къ дереву и стала здоровкаться: «здравствуй, Петинька!» [1] Зачѣмъ ее лукавой занесъ? думаетъ пѣтухъ. А лиса приступаетъ съ своими хитростями: «я тебѣ, Петинька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вотъ ты, Петя, имѣешь у себя пятьдесятъ женъ, а на исповѣди ни разу не бывалъ. Слѣзай ко мнѣ и покайся, а я всѣ грѣхи съ тебя сниму и на смѣхъ не подыму.» Пѣтухъ сталъ спускаться ниже и ниже, и попалъ прямо лисѣ въ лапы. Схватила его лиса и говоритъ: «теперь я задамъ тебѣ жару! ты у меня за все отвѣтишь, попомнишь, блудникъ и пакостникъ, про свои худыя дѣла! Вспомни, какъ я въ осеннюю темную ночь приходила и хотѣла попользоваться однимъ курёнкомъ, а я въ то время три дня ничего не ѣла, и ты крыльями захлопалъ и ногами затопалъ!...» — Ахъ. лиса! говоритъ пѣтухъ, ласковыя твои словеса! премудрая княгина! . . . . . пойдетъ про насъ слава добрая. — Лиса распустила лапы, а пѣтухъ порхъ на дубокъ.

3.

КОТЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА [2].

а. Жилъ-былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ у(по)нёсъ ему ѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса.

---

1) Игра словъ: *пе(т)тинька* — уменьшительная форма и отъ слова *пѣтухъ (пѣтелъ)*, и отъ имени *Петръ*. 2) См. выпускъ II, № 3.

Digitized by Google

«Ки(у)ке(у)реку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку.» 1)

Такъ лиса пѣла, сидя подъ окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поётъ? Лиса схватила пѣтуха въ когти и понесла его въ гости. Пѣтухъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, въ далекія страны, въ чужія земли, да тридевять земель, въ тридцатое царство, въ тридесятое государство. Котъ Котонаевичъ, отыми меня!» Котъ въ полѣ услыхалъ голосъ пѣтуха, бросился въ погоню, достигъ лису, отбилъ пѣтуха и принёсъ домой. «Мотри 2) ты, Петя-пѣтушокъ! говоритъ ему котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ; она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ.»

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ унёсъ ему ѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и запѣла:

---

1) *Варіантъ:*

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка,
Смятанный лобокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ кашки
На красной ложкѣ.»

Или:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Чесаная головушка,
Масляная бородушка!
Выгляни въ окошечко;
Бары ѣдутъ,
Кольцами звенятъ,
Деньгами дарятъ!

2) Смотри.

Digitized by Google

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ.»

Пѣтухъ ходилъ по избѣ да молчалъ. Лиса снова запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ, и говоритъ: «нѣтъ, лиса, не обманешь меня! ты хочешь меня съѣсть и косточекъ не оставишь.» — Полно ты, Петя-пѣтушокъ! стану ли я ѣсть тебя! Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ и на мое добро поглядѣлъ! — и снова запѣла:

«Кикереку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Выгляни въ окошко,
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ 1).»

Пѣтухъ лишь выглянулъ въ окошко, какъ лиса его въ когти. Пѣтухъ лихимъ матомъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ; хочетъ лиса съѣсти меня и косточекъ не оставити!» Котъ въ полѣ услыхалъ, пустился въ догоню, пѣтуха отбилъ и домой принёсъ: «не говорилъ ли

1) Въ рукописи слѣдуетъ продолженіе, которое вѣроятно вставлено сюда изъ другаго народнаго разсказа:

«Гдѣ ты вечеръ былъ-побывалъ?»
Я леталъ, леталъ
До Ѳаді(ѣ)ева двора.
«Что тебѣ баба дала?»
— Клюку да лопату,
Корову горбату.
Кикѣреку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Да выгляни въ окошко.

Digitized by Google

я тебѣ: не открывай окошка, не выглядывай въ окошко, съѣстъ тебя лиса и косточекъ не оставитъ. Мотри, слушай меня! мы завтря дальше пойдемъ.»

Вотъ опять старикъ на работѣ, а котъ ему хлѣба унёсъ. Лиса подкралась подъ окошко, ту-же пѣсенку запѣла; три раза пропѣла, а пѣтухъ всё молчалъ. Лиса говоритъ: «что это, ужь нынѣ Петя нѣмъ сталъ!» — Нѣтъ, лиса, не обманешь меня, не выгляну въ окошко. Лиса побросала въ окошко горошку и пшенички, и снова запѣла:

«Кикереку — пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы большіе,
Въ каждомъ углу
Пшенички по мѣрочкѣ;
Ѣшь, сытъ, не хочу!»

Потомъ прибавила: «да, посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей! да покажись же ты, Петя! полно не вѣрь коту. Если бы я съѣсти хотѣла тебя, то давно бы съѣла; а то вишь я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, уму-разуму тебя наставить и научить, какъ надо жить. Да покажись же ты, Петя, вотъ я за уголъ уйду!»—и къ стѣнѣ ближе притаилась. Пѣтухъ на лавку скочилъ и смотрѣлъ издалека, хотѣлось ему узнать, ушла ли лиса? Вотъ онъ высунулъ головку въ окошко, а лиса его въ когти, и-была такова. Пѣтухъ туже пѣсню запѣлъ; но котъ его не слыхалъ. Лиса унесла пѣтуха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Котъ со старикомъ пришли домой и пѣтуха не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «вотъ каково не слушаться!» [1]

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

---

1) Сказка эта оканчивается и такъ: Не найдя дома своего товарища, унесеннаго злодѣйкою-лисою, котъ погоревалъ, погоревалъ и пошелъ выручать

Digitized by Google

b. Жилъ-былъ котъ да баранъ, у нихъ былъ пѣтушокъ. Вотъ они пошли лыки драть; пришла лиса подъ окошко къ пѣтушку и говоритъ:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Вотъ тебѣ съ сѣмячкомъ лепешка.
У Карпова двора
Преукатана гора,
Стоятъ санки-самокатки;
Они сами катятъ,
Сами ѣхать хотятъ!»

Пѣтушокъ выглянулъ; она его унесла. Онъ дорогой и кричитъ: «котъ да баранъ! меня лиса несётъ за высокія горы, за темные лѣса.» Они услыхали, воротились и отняли пѣтушка. На другой день говорятъ ему: «смотри же, если придётъ лиса — не выглядывай!» Лиса пришла, ту-же пѣсень запѣла; пѣтушокъ выглянулъ, она и унесла его. Котъ да баранъ опять

его изъ бѣды. Онъ нарядился гусляромъ, пришелъ къ лисициной избѣ, и поетъ: «Трень-трень (или: стрень-брень), гусельки-золотыя струнушки! Дома ли Лисафья, со своими со дѣтками: одинъ сынъ Терентьюшко, другой Меленьтьюшко, третій Алёшка-парнечокъ, одна дочь Чучелка, другая Почучелка, третія Подмети-шестокъ, четвертая Подай-челнокъ!» Лиса посылаетъ своихъ дѣтей посмотрѣть, кто тамъ поетъ? А котъ всѣхъ ихъ и зарубилъ саблею. Подождала, подождала лиса; гусляръ пересталъ пѣть, а дѣтки не йдутъ въ избу. Говоритъ пѣтушку: «поди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ, какъ увидалъ кота — чуть было не закричалъ отъ радости: кукуреку! «Бѣги скорѣе домой!» говоритъ ему котъ. Пѣтушокъ побѣжалъ, а котъ къ лисѣ идетъ да поетъ:

«Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить!»

Пришелъ, да какъ хватитъ лису саблей — изъ нея и духъ вонъ!

Digitized by Google

отняли. На третій день говорятъ ему: «стотри же, не гляди въ окно; мы теперь далеко уйдемъ, не услышимъ — какъ будешь кричать.» Лиса пришла, такимъ сладкимъ голосомъ запѣла, что пѣтушокъ не утерпѣлъ — выглянулъ; она его схватила и понесла домой. Онъ кричалъ-кричалъ дорóгой; нѣтъ, не слыхали котъ да баранъ. Приходятъ они домой, нѣтъ пѣтушка! они сдѣлали гусельцы-барановы струночки и пошли къ лисѣ выручать пѣтушка. У лисы было семь дочерей. Котъ да баранъ пришли подъ окошко и начали играть: «тюкъ-тюкъ, гусельцы-барановы струночки! жила-была лиса красна во своемъ золотомъ гнѣздѣ; у нея было семь дочерей: первая дочь Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнокъ, четвертая Мети-шестокъ, пятая Трубу-закрывай, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-пироги!» Лиса говоритъ: «поди, Чучелка, посмотри — кто такую хорошую пѣсню поетъ?» Чучелка вышла, они стукъ ее въ лобокъ да въ коробокъ. Такъ всѣхъ лисиныхъ дочерей по одиночкѣ и забрали. Потомъ вышла сама лиса. Они и ее стукъ въ лобокъ да въ коробокъ; взошли въ избушку, взяли пѣтушка еще живаго, воротились домой и стали жить да быть.

4.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВЪ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была.» — Бу-бу-бу, бу-бу-бу! была, такъ была. «Терентій, Терентій! я указъ добыла.»—Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла. «Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.» — Бу-бу-бу, бу бу-бу! гулять, такъ гулять. «Терентій! кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица,

Digitized by Google

услышавъ конской топотъ и собачій лай. — Мужикъ. «Кто за нимъ бѣжитъ?» — Жеребёнокъ. «Какъ у него хвостъ-то?»— Крючкомъ. «Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.»

(Записана въ тверской губерніи.)

5.

ЛИСА И РАКЪ.

Лиса и ракъ стаятъ вмѣстѣ и гыварятъ прамёшъ сибя. Лиса гваритъ раку: «давай съ табой пирганятца.» Ракъ: «штошъ, лиса, ну давай!» Зачили пирганятца. Лишь лиса пабѣгла, ракъ уцыпилси лисѣ за хвостъ. Лиса да мѣста дабѣгла. а ракъ ни атцыпляитца. Лиса абярнулась пысматрѣть, вярнула хвастомъ, ракъ атцыпилси и гваритъ: «а я давно ужъ жду тибя тутъ.»

(Записана въ тамбовской губерніи.)

6.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

Лиса съ журавлёмъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманёкъ! приходи, дорогой! ужь я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званой пиръ, а лиса наварила манной каши [1] и размазала по тарелкѣ. Подала и подчиваетъ: «покушай, мой голубчикъ-куманёкъ! сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ

1) *Варіантъ:* «яишницы и размазала по сковородѣ».

Digitized by Google

носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу [1], такъ всю сама и скушала. Каша [2] съѣдена; лисица и говоритъ: «не безсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ.»—Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право больше нечѣмъ подчивать.» Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и эдакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ.» Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлёмъ — врозь [3].

(Записана въ тверской губерніи.)

7.

ЛИСА—ЛѢКАРКА.

Бывалъ-живалъ старикъ со старухой. Старикъ посадилъ кочешокъ [4] въ подпольецо, а старуха въ попелушку [5]. У

---

1) *Вар*: «яишницу.» 2) *Вар*: «яишница.»

3) Начало этой общеизвѣстной басни передается еще такъ: Захотѣлось лисѣ, чтобъ журавль ее угостилъ, и вздумала завести съ нимъ знакомство и причесться ему въ родню. Увидала разъ, что журавль гуляетъ по полю, подошла къ нему и говоритъ: «Здравствуй, журавль!» — Здравствуй, премудрая лиса! что тебѣ? «Ходила я . . . справлялась по книгамъ и розыскала, что ты доводишься мнѣ троюродным братомъ: надо намъ другъ друга знать и почитать, другъ къ другу въ гости ходить.» 4) Ко́чень (кочанъ). 5) Куда собирается зола, пепелъ.

Digitized by Google

старухи въ попелушкѣ совсѣмъ завялъ кочешокъ, а у старика росъ, росъ, до полу доросъ. Старикъ взялъ топоръ и вырубилъ на полу прямо [1] кочешка дыру. Кочешокъ опять росъ, росъ, до потолку доросъ; старикъ опять взялъ топоръ и вырубилъ на потолку прямо кочешка дыру. Кочешокъ росъ, росъ, до неба доросъ. Какъ старику поглядѣть на верхушку кочешка? Полѣзъ по корешку [2], лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ, долѣзъ до неба, просѣкъ на небѣ дыру и взлѣзъ туда. Смотритъ: стоятъ жо́рновцы [3]; жорновцы повернутся — пирогъ да шаньга [4], наверхъ каши горшокъ. Старикъ наѣлся, напился и спать повалился. Выспался, слѣзъ на землю и говоритъ: «старуха! а старуха! какое житье-то на небѣ! тамъ есть жорновцы, какъ повернутся — пирогъ да шаньга, наверхъ каши горшокъ!»—Какъ-бы мнѣ, старичокъ, тамъ побывать? «Садись, старуха, въ мѣшокъ; я тебя унесу.» Старуха подумала и сѣла въ мѣшокъ. Старикъ взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ на́ небо; лѣзъ-лѣзъ, долго лѣзъ; старухѣ стало скучно, она и спрашиваетъ: «далеко ли, старичокъ?» — Далече, старуха! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. «Далеко ли, старичокъ?» — Еще половина! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. Старуха снова спрашиваетъ: «далеко ли, старичокъ?» Только старикъ хотѣлъ сказать: «не далече» [5]—мѣшокъ у него изъ зубовъ вырвался, старуха на землю свалилась и вся разшиблась [6]. Старикъ спустился внизъ по кочешку [7], поднялъ мѣшокъ, а въ мѣшкѣ одно костье, и то примельчалось. Пошелъ старикъ изъ дому и горько плачетъ. На встрѣчу ему лиска: «о чемъ, старичокъ,

---

1) Противъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 183). 2) *Варіантъ:* «Старикъ взялъ купилъ кирпичу, навозилъ и выклалъ лѣстницу до самаго неба, и полѣзъ.» 3) Жернова или ручная мельница. 4) Ватрушка или хлѣбъ изъ пшеничной муки, обмазанный сметаною и масломъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 263). 5) *Вар:* «послѣднія ступеньки.» 6) *Вар:* «покатилась старуха по лѣстницѣ, только костье тѣщитъ.» 7) *Вар:* «по лѣстницѣ.»

Digitized by Google

плачешь?»—Какъ не плакать! старуха разшиблась. «Молчи, я вылѣчу,» Старикъ палъ лисицѣ въ ноги: «вылѣчи, что угодно заплачу̀».—Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мѣшочекъ, масленца горшочекъ, да старуху, а самъ стань за двери и не смотри въ баньку. Старикъ вытопилъ баню, принесъ что надо и сталъ за двери; а лиса зашла въ баню, двери на крюкъ, стала мыть старухины кости, моетъ-не моетъ, а все огладываетъ. Старикъ спрашиваетъ: «каково старушка?» — Пошевеливается! говоритъ лиска, а сама доѣла старуху, собрала костье и сложила въ уголокъ, и принялась мѣсить саламату. Старикъ постоялъ-постоялъ и спрашиваетъ: «каково старушка?»—Посиживаетъ! говоритъ лиска, а сама саламату дохлебываетъ. Съѣла и говоритъ: «старичокъ! отворь двери шире.» Онъ отворилъ, а лиса прыгъ изъ баньки и убѣжала домой. Старикъ вошелъ въ баню, поглядѣлъ: только старухины кости подъ лавкой и тѣ оглоданы! толоконцо и масленцо съѣдено. Остался старикъ одинъ въ бѣдности [1]).

(Записана въ архангельской губерніи. шенкурскомъ уѣздѣ.)

---

1) *Варіантъ 1:* Жилъ старикъ и старуха. Старикъ каталъ-каталъ одну горошину. Она и упала на земь; искали-искали, не могли найдти съ недѣлю. Минула недѣля, и увидѣли старикъ да старуха, что горошина дала ростокъ; стали ее поливать, горошина взяла рости выше избы. Горохъ поспѣлъ, и полѣзъ старикъ по горохъ, нащипалъ большой узелъ и сталъ слѣзать по китинѣ. (Кѝтина—стволъ травы, на которой ростутъ стружки. См. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 83.) У старика узелъ упалъ и старуху убилъ; тѣмъ и кончилось.

(Записана въ вологодской губерніи.)

Варіантъ 2: Жилъ дѣдъ да баба, и была у нихъ хата. Посадилъ дѣдъ бобинку, а баба горошинку подъ столъ. Горошинку поклевала курица, а бобинка выросла подъ самый столъ; приняли столъ, она еще выше выросла; сняли накатъ, крышу, — все ростетъ, и выросла подъ самое небо. Дѣдъ полѣзъ на небо, лѣзъ, лѣзъ — стоитъ хатка, стѣны изъ блиновъ, лавки изъ калачей, печка изъ творогу, вымазана масломъ. Онъ принялся ѣсть; наѣлся и легъ за печку отдыхать. Приходятъ двѣнадцать сестеръ-козъ: у одной

Digitized by Google

8.

СНѢГУРУШКА И ЛИСА.

Жилъ да былъ старикъ со старухой, у нихъ была внучка Снѣгурушка. Собрались ея подруш̀ки итти въ лѣсъ по ягоды, и пришли её звать съ собой. Старики долго не соглашались, но послѣ многихъ просьбъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ. Ходя по лѣсу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, Снѣгурушка отстала отъ своихъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слыхала. Ужь стало темно, подруш̀ки пошли домой, Снѣгурушка, видя, что она осталась одна, взлѣзла на дерево, стала горько плакать, припѣваючи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! у дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка! ее дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули.» Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «о чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?»— Какъ мнѣ, батюшка медвѣдюшка, не плакать! я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. «Сойди, я тебя отнесу.»— Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Медвѣдь ушелъ отъ нея. Она опять заплакала, припѣваючи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!...» Идетъ волкъ, спрашиваетъ: «о чемъ ты, Снѣ-

---

одинъ глазъ, у другой два, у третей три, и такъ дальше, у послѣдней двѣнадцать. Увидали, что кто-то попробовалъ ихъ хатку, выправили ее, и уходя оставили стеречь одноглазую. На другой день дѣдъ опять полѣзъ туда-же, увидѣлъ одноглазую и сталъ приговаривать: «спи, очко, спи!» Коза заснула, онъ наѣлся и ушелъ. На слѣдующій день сторожила двуглазая, потомъ трехглазая, и такъ дальше. Дѣдъ приговаривалъ: «спи, очко, спи другое, спи третье! и проч.» Но на двѣнадцатой козѣ сбился, заговорилъ только одиннадцать глазъ; коза увидала его двѣнадцатымъ и поймала.

Сличи также съ началомъ сказки подъ № 9.

Digitized by Google

гурушка, плачешь?» Она отвѣчаетъ ему тоже, что и медвѣдю. «Сойди, я тебя отнесу.»—Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Волкъ ушелъ, а Снѣгурушка опять запакала, причитаючи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!...» Идетъ лисица, спрашиваетъ: «чего ты, Снѣгурушка, плачешь?»—Какъ мнѣ, лисынька, не плакать! меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. «Сойди, я тебя отнесу.» Снѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та помчалась съ нею; прибѣжала къ дому и стала хвостомъ стучаться въ калитку. — Кто тамъ? Лисица отвѣчаетъ, что она принесла къ старику и старухѣ ихъ внучку Снѣгурушку. «Ахъ, ты наша дорогая, такая-сякая, немазанная! Войди къ намъ въ избу. Гдѣ намъ тебя посадить и чѣмъ угостить?» Принесли молока, яицъ, творогу, и стали лисицу подчивать за ея услугу. А лисица проситъ, чтобъ въ награду дали ей курицу и пустили бы ее въ поле. Старики простились съ лисицею, посадили въ одинъ мѣшокъ курицу, а въ другой собаку, и понесли за нею на указанное мѣсто. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица какъ припуститъ въ лѣсъ, такъ и ушла.

(Записана въ калужской губерніи.)

9.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ [1].

Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ на земь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; взлѣзъ туда, хо-

1) См. выпускъ I, № I, d.

Digitized by Google

дилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говоритъ себѣ: «дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слѣзъ на земь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, смотритъ — лежитъ старуха, оскаливъ зубы. Онъ и говоритъ: «что ты, старуха зубы-то оскалила?» да какъ увидѣлъ, что она уже мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинёхоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ старикъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи. Видитъ — идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: «поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки.» Медвѣдь заревѣлъ: «ахъ, ты моя родимая бабушка! какъ тебя жалко.» — Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: «туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка.» Мужику понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ; хвать, а четвертой пары курочекъ и не достаетъ. Старикъ говоритъ: «лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдемъ ко мнѣ.» Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя остановилась около пня и говоритъ: «сяду на пенёкъ, съѣмъ бѣлую курочку.» Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенёкъ сѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, бѣжала бѣжала, и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы

Digitized by Google

дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣлали? — Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостище, что дѣлалъ? — Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нате, собаки! ѣште мой хвостъ! — и высунула хвостъ, а собаки ухватили за хвостъ, и самоё лисицу вытащили и разорвали [1].

10.

СКАЗКА О БУХТАНѢ БУХТАНОВИЧѢ [2].

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ живалъ-бывалъ нѣкто Бухтанъ Бухтановичъ; у Бухтана Бухтановича была выстроена середи поля печь на столбахъ. Онъ лежитъ на печи *по полу-локоть въ тараканьемъ молокѣ* (?). Приходила къ ёму лисица и говорила: «Бухтанъ Бухтановичъ! хошь ли я тебя женю у царя на дочери?» — Что ты, лиска! «Есть ли у тебя сколько-нибудь денегъ?» — Да есть: всего одинъ пятакъ. «Подай и тотъ сюда.» Лисица пошла, размѣняла пятакъ на мелкія деньги — на копѣйки, денежки и полушки; пошла къ царю и говоритъ: «царь, вольный человѣкъ! дай четверика, у Бухтана Бухтановича деньги смѣрять.» Онъ говоритъ: «возьми». Она принесла домой; деньгу, копѣйку запихала за обручь и отнесла къ царю и говоритъ:

---

1) Сличи съ окончаніемъ сказки: «Мужикъ, медвѣдь и лиса» (Вып. I, стр. 9—10; вып. II-й, стр. 111). 2) Была напечатана въ Москвитянинѣ 1844 г., № I, стр. 122—4.

Digitized by Google

«царь, вольный человѣкъ! четверика мало; дай полмѣры, деньги у Бухтана Бухтановича смѣрять.» — Возьми. Она взяла, принесла домой; деньгу, копѣйку запихала за обручь и отнесла къ царю: «царь, вольный человѣкъ! полмѣры мало, дай мѣру.» — Возьми мѣру. Она взяла, принесла домой и остальное отъ пятака запихала за обручьё и отнесла къ царю. Царь говоритъ: «смѣряла ли, лиска?» Лиска сказала: «всё вцѣлѣ [1]). Ну, царь, вольный человѣкъ! я пришла къ тебѣ за добрымъ дѣломъ: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича.» — Ну, ладно, покажи же ты мнѣ жениха [2]). Она побѣгла домой.

---

1) Цѣло.

2) *Варіантъ 1:* Въ одной деревнѣ была-жила вдова, у нея былъ сынъ Ванька Голой. Жили они въ большой бѣдности: изба на бокъ свалилась; окно худымъ сарафанишкомъ затыкалось; ни сѣней, ни двора—кругомъ чисто! Пошелъ сынъ въ городъ работы искать, денегъ наживать; жилъ тамъ годъ и два, и выжилъ десять рублей. Нѣтъ, думаетъ, отъ работы не будешь богатъ, а развѣ горбатъ! Воротился домой и говоритъ матери: «поди къ богатому мужику, проси четверикъ, а станетъ спрашивать: зачѣмъ? — скажи: деньги мѣрять.» Пришла баба къ богатому мужику и проситъ четверика: сынъ де пріѣхалъ изъ города, такъ деньги надо смѣрять. — Возьми. Приноситъ домой; Ванька Голой и началъ побрякивать десятью рублями. А богатому мужику не терпится, пошелъ подслушивать. Баба увидала его и спрашиваетъ у сына: «что, сколько четвериковъ?» А онъ говоритъ: «двадцать». Только богатой мужикъ воротился домой, Ванька Голой будь догадливъ, позасунулъ въ четверикъ за обручи пятачковъ да гривенничковъ и отнесъ къ нему. Посмотрѣлъ мужикъ на свой четверикъ, какъ увидѣлъ серебро — и думаетъ себѣ: «и впрямь онъ деньги мѣрялъ!» На другой день Ванька Голой посылаетъ свою мать: «поди, сватай за меня дочь у богатаго мужика.» Пошла сватать, а мужикъ тому и радъ; веселымъ пиркомъ да за свадебку! Взялъ Ванька большое приданое, и сталъ жить-поживать съ своею молодою женою въ богачествѣ, и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ. Я у нихъ на свадьбѣ былъ, медъ-вино пилъ; дали мнѣ блинъ, что три года гнилъ, а кто-то былъ смѣлъ, выхватилъ да съѣлъ.

Варіантъ 2: Жилъ себѣ купецъ, у него былъ сынъ. Вотъ отецъ померъ, а сынъ остался одинъ, прогулялъ все имѣніе, и задумалъ жениться. Пошелъ онъ на базаръ, накупилъ горшковъ, поразбивалъ въ черепки и наколотилъ полной погребъ. Недалеко жилъ другой купецъ, у него была дочь красавица.

Digitized by Google

«Бухтанъ Бухтановичъ! есть ли у тебя какое-нибудь платьё? надѣвай.» Бухтанъ Бухтановичъ оболокся [1] и пошелъ съ лисою къ царю. Идутъ по ряду, и привелось имъ идти по мостику — грязной такой! Лиска пихнула его, и Бухтанъ Бухтановичъ валйлся [2] въ грязь. Она прибѣгла къ нему: «что ты, что ты, Бухтанъ Бухтановичъ?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтанъ Бухтановичъ! я къ царю сбѣгаю.» Лиска прибѣгла къ царю и говоритъ: «царь, вольный человѣкъ! мы шли съ Бухтаномъ Бухтановичемъ по мостику— мостикъ скверный такой!—мы какъ-то не постереглись, валйлись; Бухтанъ Бухтановичъ весь замарался; идти-то не хорошо въ городъ; нѣтъ ли у тебя платья ижидёнова?» [3]—На, возьми. Лиска побѣгла. Прибѣгла. «Бухтанъ Бухтановичъ, на — переболокйсь [4] да пойдемъ.» Пришли къ царю. У царя было уже налáжено [5] на столъ. Бухтанъ Бухтановичъ никуда не глядитъ, какъ на себя,—отъ роду не видалъ онъ такого платья! Царь и моргонулъ лискѣ: «лиска, что это Бухтанъ Бухтановичъ-то никуда не глядитъ, какъ на себя?»—Царь, вольный человѣкъ! ему стыдно кажйться, что на немъ эко платьё; Бухтанъ Бухтановичъ эково платья-то отроду не нашивалъ дряннова. Царь, вольный человѣкъ! дай ему платьё то, которое носишь! ты въ Пасху.—А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «не гляди на себя!» Бухтанъ Бухтановичъ опять глядитъ *некуды*—

Приходитъ къ нему купеческой сынъ и проситъ: «дай, пожалуй, четверика.»— На что тебѣ? «Да купилъ овса, такъ зá ночь хочу перемѣрить.» — Бери, говоритъ купецъ, а самъ думаетъ: «что такое хочетъ онъ ночью мѣрить? дай разузнаю!» И пошелъ подслушивать, а купеческій сынъ сидитъ въ погребѣ, да черепки пересыпаетъ. «Йшь гремитъ! думаетъ купецъ, вѣрь послѣ людямъ, сказываютъ, что промотался, а онъ по ночамъ деньги мѣряетъ.» Наутро купеческій сынъ набилъ въ щели четверика мелкихъ денегъ съ рубль серебра, понесъ и отдалъ купцу. Потомъ заслалъ къ нему сваху и женился на его дочери, да и сталъ жить припѣваючи. 1) Одѣлся. 2) Свалился. 3) Ежедневнаго. 4) Переодѣнься. 5) Приготовлено.

Digitized by Google

што на стулъ: стулъ былъ вызолоченный. Царь шепнулъ лискѣ: «лиска, что̀ это Бухтанъ Бухтановичъ никуды не глядитъ, что на стулъ?»—Царь вольный человѣкъ! у ихъ эково стулья-та по банямъ много. Царь хлопъ стулъ за̀ дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу: «не гляди въ одно мѣсто; гляди туды да ѝнуды.» [1] Ну тутъ стали толковать о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ. Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? ни пива́ варить, ни вина курить, всё готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили и поѣхали домой на корабляхъ. Ѣдутъ домой: Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ на корабляхъ съ жонкою, а лиска по̀ берегу бѣжитъ. Бухтанъ Бухтановичъ увидѣлъ свою печь и скрычалъ: «лиска, лиска! эводе моя-то печь!» — Молчи, Бухтанъ Бухтановичъ; стыдно! — Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ, а лиска напередъ бѣжитъ по̀ берегу; прибѣгла напередъ, вызнялась на угóръ [2]: стоитъ на угорѣ домъ каменный пребольшущій и царство явилось преогромное. Она въ избу — нѣту никово́ въ избѣ, забѣгла въ палату — въ большомъ углу лежитъ-протянулся Змѣй Змѣёвичъ, сидитъ на печномъ столбѣ Воронъ Вороновичъ, сидитъ на престолѣ Кокотъ Кокотовичъ [3]. Лиска говоритъ: «што вы тутъ сидите! царь идетъ съ огнемъ, царица съ маланьёй [4], сожгутъ и спалятъ васъ.»—Лиска! куда мы? «Кокотъ Кокотовичъ, поди ты въ бочку!» Лиска заперла въ бочку Кокота Кокотовича. «Воронъ Вороновичъ, поди ты въ ступу, давай!» [5] Ворона Вороновича въ ступу заперла; Змѣя Змѣёвича въ солому завертѣла и вынесла на у̀лку [6]. Корабли пришли. Лиска приказала въ воду свезти всѣхъ ихъ; казаки [7] сейчасъ свезли въ воду. Бухтанъ Бухтановичъ въ тотъ домъ всё житейской

---

1) И туда, и сюда. 2) Поднялась на гору. 3) Кочетъ Кочетовичъ? 4) Молніей. 5) *Давай* употребляется въ шенкурскомъ уѣздѣ почти въ каждой рѣчи: *давай-иди туда-то; давай-сдѣлай то-то; давай возьми у ёво.* 6) Улицу. 7) Работники, слуги.

Digitized by Google

свое перевезъ; тамъ жилъ-поживалъ, добра наживалъ, царилъ-властвовалъ, да тамъ и животъ скончалъ.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ, г. Борисовымъ.)

11.

О КОЗЬМѢ СКОРОБОГАТОМЪ.

Жилъ-проживалъ Кузинька, одинъ-одинёшенекъ въ темномъ лѣсу; у него былъ худой домишко, да одинъ пѣтушокъ да пять курочекъ. Къ этому Кузинькѣ повадилась ходить лисичка; пошелъ онъ разъ на охоту, и только изъ дому, а лисичка какъ тутъ; прибѣжала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузинька, хвать—нѣтъ курочки! и думаетъ: вѣрно коршунъ утащилъ. На другой день пошелъ опять на охоту. Попадается ему на встрѣчу лисичка и спрашиваетъ: «куда, Кузинька, идешь?»—На охоту, лисичка! «Ну, прощай!» — и тотчасъ же побѣжала къ нему въ избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришелъ домой Кузинька, хватился курочки—нѣту! Пало ему въ догадку: «ужь не лисичка ли кушаетъ моихъ курочекъ?» Вотъ на третій день онъ крѣпко-накрѣпко заколотилъ у себя въ избѣ окна и двери, а самъ пустился на промыселъ. Неоткуль взялась лисичка и спрашиваетъ: «куда идешь, Кузинька?»—На охоту, лисичка! Лисичка тутъ-же и побѣжала къ дому Кузиньки, а онъ поворотилъ да вслѣдъ за нею. Прибѣжала лисичка, обошла кругомъ избу, видитъ: окна и двери заколочены крѣпко-накрѣпко, какъ попасть въ избу? взяла да и спустилась въ трубу. Тутъ Кузинька и поймалъ лисичку; «ба! говоритъ, вотъ какой воръ ко мнѣ жалуетъ. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь живу изъ рукъ не выпущу!» Лисичка стала просить Кузиньку: «не-

Digitized by Google

убивай меня! я тебя сдѣлаю Козьмою Скоробогатымъ, только изжарь для меня одну курочку съ маслечкомъ пожирнѣе.» Кузинька согласился, а лисанька, накушавшись такого жирнаго обѣда, побѣжала на царскіе заповѣдные луга и стала на тѣхъ заповѣдныхъ лугахъ кататься. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: «экъ ты, проклятая лиса! гдѣ такъ жирно обтрескалась?» [1]— Ахъ, любезный волченёкъ-куманёкъ! вѣдь я была у царя на пиру. Неужли тебя, куманёкъ, не звали? а насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! Волкъ и проситъ: «лисанька, не сведешь ли и меня къ царю на обѣдъ?» Лисичка обѣщалась и велѣла собрать сорокъ сороковъ сѣрыхъ волковъ и привести съ собою. Волкъ согналъ сорокъ сороковъ сѣрыхъ волковъ. Лиса повела ихъ къ царю; какъ привела, сейчасъ же вошла въ бѣлокаменныя палаты и поклонилась царю сорокомъ сороковъ сѣрыхъ волковъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь весьма тому обрадовался, приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ ограду и запереть накрѣпко. А лисичка бросилась къ Кузинькѣ; прибѣжала, велѣла зажарить еще одну курочку; пообѣдала сытно и пустилась на заповѣдные луга, и стала кататься по травѣ. Бѣжитъ медвѣдь мимо, увидѣлъ лисаньку и говоритъ: «экъ вѣдь ты, проклятая хвостомеля, какъ обтрескалась!» Она отвѣчаетъ: «я была у царя въ гостяхъ; насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо невидимо! да и теперь еще остались—пируютъ волки. Ты знаешь, любезный куманёкъ, какіе они объѣдалы! по сю пору всё обѣдаютъ.» Мишка и проситъ: «лисанька! не сведешь ли и меня на царской обѣдъ?» Лисичка согласилась и велѣла ему собрать сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей; «для одного тебя царь де и безпокоиться не захочетъ.» Мишка собралъ сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей. Лиса

1) Объѣлась.

Digitized by Google

повела ихъ къ царю; привела и поклонилась ему сорокомъ сороковъ черныхъ медвѣдей отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь тому и радъ, приказалъ загнать ихъ и запереть накрѣпко. А лисичка отправилась къ Кузинькѣ; прибѣжала и велѣла зажарить послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ. Кузинька не пожалѣлъ, зажарилъ ей послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповѣдные луга, и стала валяться по зеленой травѣ. Бѣжитъ мимо соболь съ куницею и спрашиваетъ: «экъ ты, лукавая лиса! гдѣ такъ жирно накушалась?» — Ахъ, вы соболь и куница! я у царя въ превеликомъ почетѣ. У него нынче пиръ и обѣдъ на всякихъ звѣрей: я что-то порадѣла, таки много жирнаго поѣла; а что звѣрей на обѣдѣ-то было, видимо-невидимо! только васъ тамъ и не доставало. Вы сами знаете волковъ, какъ они завистливы, будто съ роду жирнаго не ѣдали, о сю пору трескаютъ у царя! А про косолапаго Мишку и говорить нечего: онъ потуль ѣстъ, что чуть дышетъ! — Соболь и куница стали лису упрашивать: «кумушка, своди ты насъ къ царю: мы хоть посмотримъ.» Лиса согласилась и велѣла имъ согнать къ себѣ сорокъ сороковъ соболей и куницъ. Согнали; лиса привела ихъ во дворецъ и поклонилась царю сорокомъ сороковъ соболей и куницъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь не можетъ надивиться богатству Козьмы Скоробогатаго, съ радостью принялъ даръ, и приказалъ всѣхъ звѣрей перебить и поснимать съ нихъ шкуры.

На другой день лисичка опять прибѣжала къ царю и говоритъ: «ваше царское величество! Козьма Скоробогатой приказалъ тебѣ низко кланяться и попросить пудовки [1]; нужно размѣривать серебрены деньги. Свои-то пудовки всѣ запростаны [2] у него золотомъ.» Царь безъ отказу далъ лисѣ пу-

1) Четверика (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 183). 2) Заняты, наполнены (ibidem, стр. 66).

Digitized by Google

довку. Она прибѣжала къ Кузинькѣ и велѣла мѣрить пудовкою песокъ, чтобы высвѣтлить у ней бочокъ. Какъ высвѣтлило, она заткнула въ зауторы [1] сколько-то мелкихъ денегъ, и понесла назадъ къ царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатаго. Царь не отказываетъ, велитъ Козьмѣ совсѣмъ изготовиться и пріѣзжать. Поѣхалъ Кузинька къ царю, а лисичка забѣжала впередъ и подрядила работниковъ подпилить мостикъ. Кузинька только что въѣхалъ на мостикъ — мостикъ вмѣстѣ съ нимъ и рушился въ воду. Лисичка стала кричать: «ахти! пропалъ Козьма Скоробогатой!» Царь услышалъ и тотчасъ же послалъ людей перехватить Козьму. Вотъ они перехватили его, переодѣли въ нарядное платье и привели къ царю. Обвѣнчался онъ на царевнѣ, [2] и живетъ у царя недѣлю и двѣ. «Ну, го-

---

1) Уторъ — вырѣзка по внутренней поверхности четверика, около края, въ которую вставливается ребро дна (Словарь Акад. Росс., ч. VI, стр. 453).

2) *Варіантъ:* Былъ-жилъ мужикъ съ бабой, у нихъ былъ одинъ сынъ, да и тотъ не въ полномъ разумѣ. «Мужъ-муженёкъ! говоритъ баба, въ нашемъ сынѣ мало толку будетъ; давай отдѣлимъ его, пускай живетъ самъ по себѣ.» Вотъ и отдѣлили его, дали ему одну худую лошаденку да пѣтуха. Сѣлъ дуракъ на клячу, взялъ пѣтуха и поѣхалъ въ чистое поле; ѣхалъ долго ли, коротко ли, и пріѣхалъ въ лѣсъ. Видитъ: стоитъ въ лѣсу глиняная избушка; входитъ туда, а въ избушкѣ пусто — нѣтъ никого! Вотъ пустилъ онъ лошадь въ лѣсъ, а самъ забрался въ избушку, и лежитъ себѣ голодный на печкѣ. Гдѣ не взялася лисица, вбѣжала въ избу и говоритъ: «здравствуй, дядюшка! какъ тебя зовутъ? скажешь — буду знать, какъ величать.» — Люди зовутъ: Никита Македонской. «Ну, Никита Македонской! подари мнѣ пѣтуха, я тебѣ невѣсту высватаю.» Онъ немного думалъ, слѣзъ съ печи, зарѣзалъ пѣтуха, ощипалъ и отдалъ лисицѣ: «на, кушай, лисанька! на здоровье.» — Спасибо, Никита Македонской! Есть царь Огонь и царица Грозная Маланья (молнія), у нихъ дочь — прекрасная царевна; я её за тебя высватаю. «Кто за меня, бѣднаго, пойдетъ?» — Молчи, не твоя забота. И побѣжала лисица къ царю Огню и царицѣ Маланьѣ. «Здорово, Лиса! что хорошенькаго скажешь?» — Здорово! пришла свахою. У васъ есть невѣста, у меня женихъ молодецъ, Никита Македонской царевичъ. «Гдѣ же онъ? что самъ не пріѣхалъ? — Ему нельзя; онъ одинъ на своемъ царствѣ. «Что-же онъ подѣлываетъ?» — Да всѣ

Digitized by Google

воритъ царь, пойдемъ теперь, любезный зять, къ тебѣ въ гости.» Козьмѣ дѣлать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поѣхали. А лисичка отправилась впередъ. Бѣжала-

---

за звѣрями охотится. «Ну, пускай пришлетъ намъ семьдесятъ зайцевъ; тогда повѣримъ тебѣ.» Лисица пустилась въ лѣсъ; попадается ей косой заяцъ: «гдѣ была, лиса?» — На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи. «Не слыхала-ль чего про насъ, зайцевъ?» — Какъ-же, слышала; про васъ завтра будетъ у царя съ царицей большой обѣдъ. Соберитесь гуртомъ семьдесятъ зайцевъ, я васъ завтра туда проведу. Заяцъ бросился созывать своихъ товарищей; созвалъ. «Ну, лиса, веди!» Лиса привела ихъ къ царю, поставила рядкомъ и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! нареченный зять прислалъ вамъ въ подарокъ семьдесятъ зайцевъ.» Ну, ихъ забрали и заперли въ клѣть. Царь и говоритъ лисѣ: «коли нареченный зять прислалъ зайцевъ, пусть пришлетъ еще семьдесятъ волковъ.» Лисица опять побѣжала въ лѣсъ; попадается ей на встрѣчу сѣрой волкъ. «Здорово, лиса!» —Здорово, кумънёкъ! «Гдѣ ты была?» — На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи. «Не слыхала-ль чего про насъ, волковъ?» — Какъ-же слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Собери семьдесятъ волковъ, я васъ туда проведу. — Волкъ побѣжалъ скликать своихъ товарищей, скликалъ и прямо къ лисѣ. «Ну, лиса, веди насъ!» Лисица привела къ царю, построила ихъ рядкомъ, и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! извольте принять; нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ.» — Ну, спасибо. Сейчасъ ихъ забрали и заперли въ сарай. «Скажи нареченному зятю: коли онъ прислалъ волковъ, то пусть пришлетъ еще семьдесятъ медвѣдей.» Лисица ударилась въ лѣсъ; попадается ей на встрѣчу медвѣдь: «куда, лиса, ходила?» — Была въ гостяхъ на обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи. «Не слыхала-ль чего про насъ, медвѣдей?» — Какъ-же слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Соберитесь семьдесятъ медвѣдей, я васъ проведу. — Косолапый медвѣдь поплелся скликать своихъ товарищей, накликалъ — и къ лисицѣ: «ну, веди насъ, лиса!» Привела ихъ лисица, построила рядкомъ и говоритъ: «царь Огонь и царица Грозная Маланья! нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ.» — Спасибо! пускай нареченный зять Никита Македонской пріѣдетъ самъ къ намъ; мы на него поглядимъ, а онъ на невѣсту посмотритъ. Лисица распрощалась и пустилась къ глиняной избушкѣ, гдѣ Никита Македонской на печи ничкомъ лежалъ. Прибѣжала и говоритъ: «что лежишь? Царь Огонь и царица Грозная Маланья зовутъ тебя въ гости; поѣдемъ, станемъ свадьбу играть.» — Ахъ, лиса! какъ я поѣду? мнѣ одѣться не во что. «Ничего! запрягай свою лошадь. Какъ поѣдешь черезъ городъ, я пробѣгу мимо лавокъ; купцы и прикащики бросятся за мною, а ты смотри

Digitized by Google

бѣжала, глядитъ: пастухи пасутъ стадо овецъ; она спрашиваетъ ихъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» Пастухи отвѣчаютъ: «стадо царя Зміулана.» Лисичка начала ихъ учить: «сказывайте всѣмъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а не Зміулана-царя; а то ѣдутъ царь Огонь да царица Маланьйца; коли не скажете имъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго,—они всѣхъ васъ и съ овцами-то сожгутъ и спалятъ.» Пастухи видятъ, что дѣло неминучее, надо слушаться! — и обѣщаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатаго, какъ лиса учила. А лисичка пустилась впередъ; видитъ — пастухи стерегутъ свиней и спрашиваетъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?»—Царя Зміулана. «Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатаго, а то ѣдутъ царь Огонь и царица Маланьйца; они всѣхъ васъ сожгутъ и спалятъ, коли станете поминать царя Зміулана.» Пастухи согласились. Лиса опять побѣжала

не плошай! Кушаки, шапки и разную одёжу изъ лавокъ хватай; да захвати кстати и пилу.» Поѣхалъ Никита городомъ, а лиса ужь около лавокъ; всѣ купцы и прикащики выбѣжали да за нею, а Никита Македонской беретъ изъ лавокъ что надо, да грузитъ тележонку: и одёжу добылъ, и пилу спроворилъ одноручную. Выѣхалъ за городъ, и видитъ, что лиса давно его дожидаетъ. Поѣхали. Попался на пути на дорогѣ мостикъ. «Пили мостъ!» говоритъ лиса. Никита Македонской и ну стараться, подпилилъ столбы; мостъ и рухнулъ. «Раздѣвайся до нага да кидай всю одёжу въ воду-то, а самъ катайся по песку.» Сказала лиса и побѣжала къ царю и царицѣ: «ахъ! говоритъ, несчастье случилось.» — Какое несчастье? спрашиваетъ царь. «Да мосты не крѣпки въ вашемъ царствѣ; нареченный зять вашъ Никита Македонской ѣхалъ къ вамъ въ гости, а мостъ и подломился; люди его всѣ потонули, да и самъ онъ еле живъ.» Поскакали къ мосту; смотрятъ: Никита Македонской голой валяется въ песку. Подняли его, одѣли въ царское платье, посадили въ карету и повезли во дворецъ. Вотъ пиркомъ да за свадебку; у царя не пиво варитъ, не вино курить, обвѣнчали Никиту на царевнѣ и стали пить-ѣсть и прохлаждаться. Нагулялись досыта. Молодая княгиня и говоритъ: «ну, Никита Македонской! пора къ тебѣ ѣхать, посмотрѣть твое царство . . .» (Продолженіе сказки такое-же, какъ и о Козьмѣ Скоробогатомъ Вмѣсто выраженій: царь Огонь и царица Грозная Молнія — ставятъ иногда Грома-батьку и Молнію матку.)

Digitized by Google

впередъ; добѣгаетъ до коровьяго стада царя Змiулана, потомъ до конскаго стада, и велитъ пастухамъ сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатаго, о царѣ же Змiуланѣ ничего не говорить. Добѣгаетъ лиса и до стада верблюжьяго. «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — Царя Змiулана. Лиса строго запретила имъ сказывать о царѣ Змiуланѣ, а велѣла говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатаго; а то царь Огонь и царица Маланьйца сожгутъ и спалятъ все стадо! Лисанька опять побѣжала впередъ, прибѣгаетъ въ царство царя Змiулана и прямо въ бѣлокаменныя палаты. «Что скажешь, лисанька?»— Ну, царь Змiуланъ! теперь-то надо тебѣ скоро-на́скоро спрятаться. Ѣдетъ грозный царь Огонь и царица Маланьйца, все жгутъ и палятъ. Стада твои и съ пастухами прижгли: сначала овечье, потомъ свиное, а тутъ коровье и конское. Я не стала мѣшкать, пустилась къ тебѣ сказать, и чуть отъ дыма не задохлась! Царь Змiуланъ закручинился-запечалился: «ахъ, лисанька! куда-же я подѣваюсь?» — Есть въ твоемъ саду старой заповѣдной дубъ, средина вся повыгнила: бѣги и схоронись въ дупло, пока они мимо ни проѣдутъ. Царь Змiуланъ вмигъ собрался и по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ такъ, какъ лиса научила. А Козьма Скоробогатой ѣдетъ себѣ да ѣдетъ съ женою и тестемъ. Доѣзжаютъ они до стада овечьяго. Молодая княгиня и спрашиваетъ: «пастушки́, пастушки́! чье стадо пасете?»—Козьмы Скоробогатаго, отвѣчаютъ пастухи. Царь тому и радъ: «ну, любезный зять! много же у тебя овецъ.» Ѣду́тъ они дальше, доѣзжаютъ до стада свинаго. «Пастушки́, пастушки́! спрашиваетъ молодая княгиня, чье стадо пасете?»— Козьмы Скоробогатаго. «Ну, любезный зять! много же у тебя свиней.» Ѣдутъ они все дальше и дальше; тутъ пасется стадо коровье, тамъ конское, а тамъ и верблюжье. Спросятъ у пастуховъ: «чье стадо пасете?» Они знай себѣ отвѣчаютъ одно: «Козьмы Скоробогатаго». Вотъ пріѣхали

Digitized by Google

къ царскому дворцу; лисанька встрѣчаетъ и вводитъ ихъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь вошелъ и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-ѣсть и веселиться! Живутъ они день, живутъ и недѣлю. «Ну, Кузинька! говоритъ лисанька, перестань гулять, надо дѣло исправлять. Ступай съ тестемъ въ зеленый садъ; въ томъ саду стоитъ старой дубъ, а въ томъ дубѣ сидитъ царь Зміуланъ—отъ васъ спрятался. Разстрѣляйте дерево на мелкія части!» Тогда Кузинька по сказанному, какъ по писанному, пошелъ вмѣстѣ съ тестемъ въ зеленый садъ, и стали они въ тотъ дубъ стрѣлять, и убили царя Зміулана до смерти. Козьма Скоробогатой воцарился въ томъ государствѣ, и сталъ онъ съ царевною жить да поживать, и теперь живутъ—хлѣбъ жуютъ. Лисаньку всякой день угощали они курочками, и она до тѣхъ поръ у нихъ гостила, докуда всѣхъ куръ не испакостила [1].

12.

ВОЛКЪ.

Жилъ-былъ старикъ да старушка, у нихъ была кошечка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Дознался волкъ, что у старика много скотины; пошелъ просить себѣ. Пришелъ и говоритъ: «отдавай старуху!» Старику жаль отдать старушку; отдалъ вмѣсто ея кошечку-судомоечку. Волку этого мало; съѣлъ и опять пришелъ къ старику: «подавай старуху!» Старику жаль отдавать старушку; отдалъ за нее со-

1) Извела (перѣла). — Эту и предыдущую сказки сличи съ напечатанною въ «Деревенской забавной старушкѣ, по вечерамъ разсказывающей простонародныя веселыя сказочки» (М., 1804) подъ заглавіемъ: «О лисицѣ и дуракѣ».

Digitized by Google

бачку-пустолаечку. Съѣлъ волкъ, и опять идетъ за старухою. Старикъ не даетъ старушки; отдалъ за нее овечку, а потомъ и коровушку. А старушку себѣ оставилъ; и стали они вдвоемъ жить да быть, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

13.

ВОЛКЪ-ДУРЕНЬ.

Въ одной деревнѣ жилъ былъ мужикъ, у него была собака; съ молоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость — и брехать [1] перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ, что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало; смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой. Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ его и говоритъ: «здравствуй, пестрой кобель! долгонько поджидалъ тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дому; а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужь я тебѣ за все отплачу!» — А что хочешь ты, сѣрой волчокъ, надо мною сдѣлать? «Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и съ костями.» — Ахъ ты, глупой сѣрой волкъ! Съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь; таки послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? мое мясо теперь словно гнилая колода. А вотъ я лучше тебя нау-

---

1) Лаять.

Digitized by Google

чу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что̀ угодно.— Волкъ послушалъ кобеля, пошелъ и притащилъ ему половину кобылы: «вотъ тебѣ и говядинка! смотри поправляйся.» Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мясцо и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ сѣрой дуракъ и говоритъ кобелю: «ну, братъ! поправился али нѣтъ?» — Маленько поправился; колибъ еще принесъ ты мнѣ какую-нибудь овцу, мое мясо сдѣлалось бы не въ примѣръ слаже! — Волкъ и на то согласился, побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лощинѣ и сталъ караулить, когда погонитъ пастухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонитъ стадо; волкъ повысмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирнѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее; ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собакѣ. «Вотъ тебѣ овца, поправляйся!» Стала собака поправляться, съѣла овцу и почуяла въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: «ну что, братъ, каковъ теперь?» — Еще немножко худъ. Вотъ когда-бъ ты принесъ мнѣ какого-нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ, какъ свинья! — Волкъ добылъ и кабана, принесъ и говоритъ: «это моя послѣдняя служба! черезъ два дня прійду къ тебѣ въ гости.» — Ну ладно, думаетъ собака, я съ тобою поправлюсь. Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песъ завидѣлъ и сталъ на него брехать. «Ахъ ты, мерзкой кобель! сказалъ сѣрой волкъ, смѣешь ты меня бранить?» и тутъ-же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ въ дыбки и начала его такъ подчивать, что съ сѣраго только ко̀смы летятъ. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе; отбѣжалъ далече, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай — опять припустилъ. Прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны, что̀ дались ему отъ собаки. «Ишь какъ обманулъ, мерзкой кобель! говоритъ волкъ самъ съ собою. Постой же,

Digitized by Google

теперь кого ни попаду, ужь тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!»

Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ на горѣ стоитъ большой козелъ; онъ къ нему, и говоритъ: «козелъ, а козелъ! я пришелъ тебя съѣсть.»—Ахъ ты, сѣрой волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? а ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкую пасть; я разбѣгусь да таки прямо къ тебѣ въ ротъ, ты меня и проглотишь! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ свою широкую пасть, а козелъ себѣ на умѣ, полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ да такъ крѣпко, что онъ съ ногъ свалился. А козелъ и былъ таковъ! Часа черезъ три очнулся волкъ, голову такъ и ломитъ ему отъ боли. Сталъ онъ думать: проглотилъ ли онъ козла, или нѣтъ? думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ. «Коли-бъ я съѣлъ козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись онъ бездѣльникъ меня обманулъ! Ну, ужь теперь я буду знать что дѣлать!»

Сказалъ волкъ и пустился къ деревнѣ, увидалъ свинью съ поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не даетъ. «Ахъ ты, свиная харя! говоритъ ей волкъ, какъ смѣешь грубить? да я и тебя разорву, и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу.» А свинья отвѣчала: «ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» — Какъ такъ? «А вотъ какъ! Самъ ты, сѣрой, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? вить, они недавно родились. Надо ихъ обмыть...» Волкъ согласился. Вотъ хорошо, пришли они къ большой мельницѣ. Свинья говоритъ волку: «ты, любезный кумъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду, стану поросятъ въ чистую воду окунать да тебѣ по одному подавать.» Волкъ обрадовался, думаетъ: вотъ когда попадетъ въ зубы добыча-то! Пошелъ сѣрой дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ схватила заставку зубами, подняла и пусти-

Digitized by Google

ла воду. Вода какъ хлынетъ и потащила за собой волка и почала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой; пришла, наѣлась и съ дѣтками на мягкую постель спать повалилась.

Узналъ сѣрой волкъ лукавство свиньи, насилу кое-какъ выбрался на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Долго издыхалъ онъ съ голоду, не вытерпѣлъ, пустился опять къ деревнѣ, и увидѣлъ: лежитъ около гумна какая-то падла. «Хорошо, думаетъ, вотъ придетъ ночь, наѣмся хоть этой падлы.» Нашло на волка неурожайное время, радъ и падлою поживиться! Все лучше, чѣмъ съ голоду зубами пощелкивать да по волчьи пѣсенки распѣвать. Пришла ночь; волкъ пустился къ гумну и сталъ уписывать падлу. Но охотникъ ужь давно его поджидалъ и приготовилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ [1]; ударилъ онъ изъ ружья, и сѣрой волкъ покатился съ разбитой головою. Такъ и скончалъ свою жизнь сѣрой волкъ!

14.

СВИНЬЯ И ВОЛКЪ. [2]

Жилъ-былъ старикъ и при немъ старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери; было скота только одна свинья востроухая. И повадилась та свинья ходить со двора въ заднія ворота. Чортъ ее понёсъ, да въ чужую полосу — въ овёсъ. Прибѣжалъ тутъ волкъ, да и пріумолкъ: схватилъ, онъ свинку за щетинки, уволокъ ее за тынинки и изорвалъ. Тѣмъ сказка и кончилась.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

---

1) Т. е. пуль. 2) См. ниже № 36, а и вып. III, № 21.

Digitized by Google

15.

МЕДВѢДЬ. [1]

Жилъ-былъ старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Старуха и говоритъ старику: «старикъ! сходи по дрова.» Старикъ пошелъ по дрова; попалъ ему на встрѣчу медвѣдь и сказываетъ: «старикъ! давай бороться.» Старикъ взялъ да и отсѣкъ медвѣдю топоромъ лапу; ушелъ домой съ лапой [2] и отдалъ старухѣ: «вари, старуха, медвѣжью лапу.» Старуха сейчасъ взяла, содрала кожу, сѣла на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила въ печь вариться. Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ, надумался и сдѣлалъ себѣ липовую лапу; идётъ къ старику на деревяшкѣ и поетъ:

Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
По селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!

Втѣпоры [3] старикъ и старуха испугались. Старикъ спрятался на полати подъ корыто, а старуха на печь подъ черныя рубахи. Медвѣдь взошелъ въ избу; старикъ со страху крехтитъ

---

1) См. выпускъ III, № 17.

2) *Варіантъ:* Жилъ старикъ со старухой. Захотѣлось старухѣ медвѣжьяго мяса. «Ступай, старикъ, за медвѣжьимъ мясомъ.» Старикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ; глянулъ: лежитъ подъ колодою старой медвѣдь и крѣпко спитъ. Старикъ недолго думалъ, отрубилъ у медвѣдя ногу и понесъ домой. 3) Тогда.

Digitized by Google

подъ корытомъ, а старуха закашляла. Медвѣдь нашелъ ихъ, взялъ да и съѣлъ [1].

(Записана въ пермской губерніи, осинскомъ уѣздѣ.)

16.

КОЗА [2].

Сидитъ козёлъ да плачетъ: онъ послалъ козу за орѣхами; она пошла и пропала. Вотъ козелъ и запѣлъ:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, коза! пошлю на тя волки.
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами!
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, волки! пошлю на васъ медвѣдь(я).
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, медвѣдь! пошлю на тя людъ.
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, люди! пошлю на васъ дубьё.
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать.

---

1) *Варіантъ:* Увидалъ старуха медвѣдя. «Ну, старикъ! полѣзай въ кузовъ, я тебя повѣшу надъ дверьми, а сама залѣзу на печь и за дрова спрячусь.» Только медвѣдь въ избу, кузовъ съ старикомъ оборвался и упалъ. Медвѣдь испугался, вонъ изъ избы да бѣжать . . . 2) См. выпускъ II-й, стр. 130.

Digitized by Google

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, дубьё! пошлю на тя топоръ.
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, топоръ! пошлю на тя камень.
Камень не йдетъ топоръ тупить,
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать;
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, камень! пошлю на тя огонь,
Огонь не йдетъ камень палить,
Камень не йдетъ топоръ тупить,
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать;
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, огонь! пошлю на тя воду.
Вода не йдетъ огонь лить,
Огонь не йдетъ камень палить,
Камень не йдетъ топоръ тупить,
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными,
Добро же, вода! пошлю на тя бурю.
Буря пошла воду гнать,

Digitized by Google

Вода пошла огонь лить,
Огонь пошелъ камень палить,
Камень пошелъ топоръ тупить,
Топоръ пошелъ дубьё рубить,
Дубьё пошло людей бить,
Люди пошли медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь пошелъ волковъ драть,
Волки пошли козу гнать:
Вотъ коза съ орѣхами,
Вотъ коза съ калёными!

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

17.

ВОЛКЪ И КОЗА [1].

Жила-была коза, сдѣлала себѣ въ лѣсу избушку и нарожала дѣтокъ. Часто уходила коза въ боръ искать корму; какъ только уйдетъ, козлятки запрутъ за нею избушку, а сами никуда не выходятъ. Воротится коза, постучится въ дверь и запоетъ: «козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молоко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытичка въ сыру землю!» [2] Козлятки тотчасъ отопрутъ двери и впустятъ мать. Она покормитъ ихъ и опять уйдетъ въ боръ, а козлятки запрутся крѣпко-накрѣпко. Волкъ все это и подслушалъ; выждалъ время, и только коза въ боръ, онъ подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ тол-

1) См. II-й, № 4. 2) *Варіантъ:*
Охъ вы, дѣтушки, мои батюшки,
Отопритеся, отомкнитеся;
Ваша мать пришла — молока принесла,
Полны бока молока, полны рога творога,
Полны копытцы водицы!

Digitized by Google

стымъ голосомъ: «вы, дѣтушки! вы, батюшки! отопритеся, отворитеся! ваша мать пришла, молока принесла, полны копытцы—водицы!» А козлятки отвѣчаютъ: «слышимъ, слышимъ не матушкинъ голосокъ! Наша матушка поетъ тонкимъ голоскомъ и не такъ причитаетъ.» Волкъ ушелъ и спрятался. Вотъ приходитъ коза и стучится: «козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытечка въ сыру землю!» Козлятки впустили мать и разсказали ей, какъ приходилъ къ нимъ бирюкъ и хотѣлъ ихъ поѣсть. Коза покормила ихъ, и уходя въ боръ, строго-настрого наказала: коли придетъ кто къ избушкѣ и станетъ проситься толстымъ голосомъ и не переберётъ всего, что она имъ причитываетъ, — того ни за что не впускать въ двери. Только что ушла коза, волкъ прибѣжалъ къ избѣ, постучался и началъ причитывать тоненькимъ голоскомъ: «козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытичка въ сыру землю!» Козлятки отперли двери, волкъ вбѣжалъ въ избу и всѣхъ поѣлъ, только одинъ козлёночекъ схоронился, въ печь улѣзъ. Приходитъ коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе къ дверямъ и видитъ, что все отворено; въ избу — а тамъ все пусто; заглянула въ печь и нашла одного дѣтища. Какъ узнала коза о своей бѣдѣ, сѣла она на лавку, зачала горько плакать и припѣвать: «охъ вы, дѣтушки мои, козлятушки! на что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися? онъ васъ всѣхъ поѣлъ, и меня, козу, со великимъ горемъ, со кручиной сдѣлалъ.» Услышалъ это волкъ, входитъ въ избушку и говоритъ козѣ: «ахъ ты, кума, кума! что ты на меня грѣшишь? неужли таки я сдѣлаю это! пойдемъ въ лѣсъ погуляемъ.» — Нѣтъ, кумъ, не до гулянья.

Digitized by Google

«Пойдемъ!» уговариваетъ волкъ. Пошли они въ лѣсъ; нашли яму, а въ этой ямѣ разбойники кашицу недавно варили, и оставалось въ ней еще довольно таки огня. Коза говоритъ волку: «кумъ! давай попробуемъ, кто перепрыгнетъ черезъ эту яму?» Стали прыгать. Волкъ прыгнулъ да и ввалился въ горячую яму; брюхо у него отъ огня лопнуло, и козлятки выбѣжали оттуда да прыгъ къ матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

(Записана въ саратовской губерніи г. А. Гуськовымъ.)

18.

КОЛОБОКЪ [1].

Жилъ-былъ старикъ со старухою. Проситъ старикъ: «испеки, старуха, колобокъ.» — Изъ чего печь-то? муки нѣту. «Э, эхъ, старуха! по коробу [2] поскреби, по сусѣку [3] помети; авось мукѝ и наберется.» Взяла старуха крылушко, по коробу поскребла, по сусѣку помела, и набралось мукѝ пригоршни съ двѣ. Замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошечко простудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился, съ окна на лавку, съ лавки на̀ полъ, по̀ полу да къ дверямъ, перепрыгнулъ черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота, дальше и дальше. Катится колобокъ по дорогѣ, а на встрѣчу ему заяцъ: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Не ѣшь меня, косой зайчикъ! я тебѣ пѣсеньку спою, сказалъ колобокъ и запѣлъ:

---

1) Сдобная, прѣсная лепёшка (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 87). 2) Ящикъ съ замкомъ для поклажи (ibidem, стр. 90). 3) Засѣкъ, закромъ.

Digitized by Google

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушчки ушелъ,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только заяцъ его и видѣлъ!... Катится колобокъ, а на встрѣчу ему волкъ: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Не ѣшь меня, сѣрой волкъ! я тебѣ пѣсеньку спою:

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только волкъ его и видѣлъ!... Катится колобокъ, а на встрѣчу ему медвѣдь: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня!

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У тебя, медвѣдь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медвѣдь его и видѣлъ!... Катится-катится колобокъ, а на встрѣчу ему лиса: «здравствуй, колобокъ! какой ты хорошенькой.» А колобокъ запѣлъ:

Digitized by Google

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У медвѣдя ушелъ,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

— Какая славная пѣсенька! сказала лиса, но вѣдь я, колобокъ, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче. Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту-же пѣсню. «Спасибо, колобокъ! славная пѣсенька, еще бы послушала! сядь-ка на мой язычокъ да пропой въ послѣдній разокъ.» Сказала лиса и высунула свой языкъ; колобокъ съ-дуру прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его, и скушала.

19.

МЕДВѢДЬ, ЛИСА, СЛѢПЕНЬ И МУЖИКЪ.

Жилъ-былъ мужикъ, у него была пѣгая лошадь. Мужикъ запрёгъ её въ телегу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Только пріѣхалъ въ лѣсъ, а на встрѣчу ему идётъ большой медвѣдь. Поздоровался съ мужикомъ и спрашиваетъ: «скажи, мужичокъ, кто твою лошадку пѣжилъ [1]? Ишь какая рябенькая да славная!» — Эхъ, братъ Мишка! говоритъ мужикъ, я самъ её выпестрилъ. «Да развѣ ты умѣешь пѣжить?» — Кто? я-то? Да еще какой мастакъ! Коли хочешь, я пожалуй сдѣлаю тебя

1) Сдѣлалъ пѣгою.

Digitized by Google

пестрѣе моей лошади. Медвѣдь обрадовался: «сдѣлай милость, пожалуста! я тебѣ за работу цѣлой улей притащу.» — Ну чтожъ! хорошо. Только надо тебя, стараго чорта, связать веревками; а то тебѣ не улежать, какъ стану пѣжить. Медвѣдь согласился. «Погоди, думаетъ мужикъ; я тебя спеленаю!» Взялъ возжи и веревки, и такъ скрутилъ, опуталъ медвѣдя, что тотъ зачалъ ревѣть на весь лѣсъ, а мужикъ ему: «постой, братъ Мишка! не шевелись, пора пѣжить.» — Развяжи, мужичокъ! просится медвѣдь. Я ужь не хочу быть пѣгимъ; пожалуста, отпусти! «Нѣтъ, старой чортъ! самъ напросился, такъ тому и быть.» Нарубилъ мужикъ дровъ, наклалъ цѣлой ворохъ и развелъ огонь жарко-жарко, да взялъ топоръ и положилъ его прямо на огонь. Какъ накалился топоръ до-красна, мужикъ вытащилъ его и давай пѣжить медвѣдя; только заверещало[1])! Медвѣдь заревѣлъ что есть мочи, понатужился, перервалъ всѣ веревки и возжи и ударился бѣжать по лѣсу безъ оглядки — только лѣсъ трещитъ. Рыскалъ-рыскалъ медвѣдь по лѣсу, изъ силы выбился, хочетъ лечь—нельзя: все брюхо и бока вызжены; какъ заревѣтъ, заревѣтъ! «Ну, только попадись мнѣ мужикъ въ лапы, ужь будетъ меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла въ поле рожь жать и взяла съ собою краюшку хлѣба да кувшинъ молока. Пришла на свою полосу, поставила къ сторонкѣ кувшинъ съ молокомъ и стала жать. А мужикъ думаетъ: «дай провѣдаю жену.» Запрёгъ лошадь, подъѣзжаетъ къ своей полосѣ и видитъ, что во ржи бродитъ лиса. Подобралась плутовка къ кувшину съ молокомъ, кое-какъ всунула въ него свою голову, да назадъ-то ужь никакъ её и не вытащитъ; ходитъ по жнивѣ да головою мотаетъ, и говоритъ: «ну, кувшинъ, пошутилъ да и будетъ!...

---

1) Верещать — трещать, шипѣть, какъ масло или вода на огнѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 23).

Digitized by Google

ну, полно же баловать: отпусти меня!... кувшинушко! голубчикъ! полно тебѣ дурачиться, поигралъ да и довольно!...» А сама всё головою мотаетъ. Вотъ покудова лиса уговаривалась съ кувшиномъ, мужикъ досталъ полѣно, подошелъ да какъ урѣжетъ ее по ногамъ. Лиса бросилась вдругъ въ сторону да головой прямо объ камень, и кувшинъ въ мелкіе черепки разбила. Видитъ, что за ней гонится мужикъ съ полѣномъ, лиса какъ прибавитъ рыси! — даромъ что на трёхъ ногахъ, а не догонишь и съ собаками — и скрылась въ лѣсу.

Воротился мужикъ и сталъ накладать на телегу снопы. Откуда нѐ взялся слѣпень, сѣлъ ему на шею и больно его укусилъ. Мужикъ хватился за шею и поймалъ слѣпня. «Ну, говоритъ, что съ тобой мнѣ дѣлать? да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить.» Взялъ мужикъ соломину и воткнулъ ее слѣпню въ задъ. «Лети теперь, какъ знаешь!» Бѣдный слѣпень полетѣлъ и соломину за собой потащилъ. «Ну, думаетъ себѣ, попался я въ руки! Еще отъ роду эдакой ноши я не таскивалъ, какъ теперь!» Вотъ летѣлъ онъ, летѣлъ, прилетѣлъ въ лѣсъ и совсѣмъ ужь изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево — отдохнуть, думалъ повыше подняться, а соломина тянетъ его къ низу. Бился-бился, насилу кое-какъ присѣлъ, запыхался и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево зашаталось. А подъ этимъ деревомъ лежалъ тотъ самой медвѣдь, котораго мужикъ пестрилъ. Медвѣдь испугался: отъ чего такъ шибко зашаталось дерево? Глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ слѣпень. Онъ и закричалъ ему: «эй, братъ! родня! слѣзай пожалуста долой, а то, пожалуй, вѣдь ты и дерево повалишь.» Слѣпень послушался и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «кто, братъ, тебѣ такую соломину въ задъ забилъ?» А слѣпень посмотрѣлъ на медвѣдя и самъ спрашиваетъ: «а тебя, братъ, кто изуродовалъ? вишь у тебя гдѣ шерсть, а въ другомъ мѣстѣ

Digitized by Google

и кости видать.» — Ну, братъ слѣпень! это меня мужикъ обработалъ. «Ну, братъ медвѣдь! и мнѣ отъ мужика досталось.» Смотрятъ они: лиса на трёхъ ногахъ скачетъ. «Кто тебѣ ногу-то сломалъ?» спрашиваетъ медвѣдь. — Ахъ, куманёкъ! и сама хорошенько не видала, а не кому кромѣ мужика; онъ за мной съ полѣномъ гнался. «Братцы, пойдемте всѣ трое губить мужика!» Тотчасъ всѣ трое собрались и пошли на̀ поле, гдѣ мужикъ убиралъ снопы. Вотъ стали они подходить; мужикъ увидалъ, испугался и не знаетъ, что ему дѣлать.....

20.

СКАЗКА ПРА АННАВО АННАБОКАВА БАРАНА.

У аннаво́ барина бы́ла многа животсѝны [1]. Тольки што јонъ прѝнилъ [2] пятсь баран̀шковъ, изъ шку́ракъ јихныхъ выдзѣлалъ авчинки и сталъ сибѣ̀ шубу шить. Призвалъ партнова: «ну, баитъ, шшей мнѣ шубу.» Тотъ памѣрилъ, памѣрилъ; видзитъ, што не хватаитъ јиму̀ полъавчинки на шубу. «Мало, баитъ, авчинъ — не хватаитъ на клиньи.» — Эвтому дѣлу мо́жна пасабить, баитъ баринъ, и вилѣлъ лакею свамѝ у аннаво́ барана садрать шкурку съ аннаво́ боку. Лакей такъ и сдзѣлалъ, какъ баринъ баилъ. Тольки шко јетотъ баранъ разсерчалъ на барина, падазвалъ къ сибѣ̀ казла́: «пайдземъ, баитъ, отъ эдакава лихадзѣя; въ лѣсу пака̀ мо́жна житсь, травка естсь, вадзѝцу найдзе́мъ, сы́тси бу̀дземъ». Вотъ јяны́ и пашлѝ Пришли въ лѣсъ, сладзили шалашу̀, и ну по ноцамъ начеватсь. Живутъ сибѣ̀ да паживаютъ, да травку паядаютъ.

---

1) Скота. 2) Принять — бить и свѣжевать скотину (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 178).

Digitized by Google

Тольки што у тавó барина житсь не палюбилось ни јимъ анны́мъ. Ушло съ тавó со двара карова да свинья, питухъ да гусакъ. Вотъ јяны́, пакà бы́ла тсипло́, жили сибѣ на воли, а какъ пришла зимушка-зима, и јяны стали прята́тцы атъ мороза. Вотъ хадзили, хадзили по́ лису, да и нашли шалашу́-та барана и стали јяны праситца къ јиму: «пустси, баютъ, намъ вѣдзь халадно.» А јяны и знатсь не хатсятъ, никавó ни пускаютъ. Вотъ карова падходзитъ: «пустсѝтсе, баитъ, а ни то всю вашу шалашу́ нà бокъ сварачу!» Баранъ видзитъ плоха дзѣла пустсилъ јиё. Падходзитъ свинья: «пустсѝтсе, баитъ, а пѣтъ — такъ я всю землю изрою, да такѝ падроюсь къ вамъ; матрѝтсе, вамъ же будзетъ халаннѣя.» Дзѣлать нечиво, и јету пустсили. Глядзь — и гусакъ тоже баитъ: «пустсѝтсе, а ни то я дыру праклюю, матрѝтсе, вамъ же будзетъ халаннѣя.»—«Пустсѝтсе, баитъ и пѣту́нъ [1]), а ни то всю крышу вашу абс...!» Што дзѣлатсь, пустсили и јѣтыхъ, да и стали всѣ јяны житсь вмѣстяхъ.

Долга-ль, карòтка-ль јяны жили, а аннажды шли мѝма јихъ разбойники, и услыхали крикъ да гамъ, падашлѝ, паслухали; ни знаютъ, што такое естсь, и пасылаютъ аннавó свавó таварища: «ступай, баютъ, а ни то — веревку на шею да и въ воду!» Дзѣлать нечиво, тотъ и пашолъ. Какъ тольки взашолъ, какъ начали јивò са всѣхъ старонъ. Вотъ јонъ дзѣлатсь нечиво, назадъ... «Ну, братчи! баитъ, што хотсѝтсе — дзѣлайтсе, а я ужь ни за́ што не пайду. Эдакаво страха сродзясь ни видывалъ! тольки штовза шолъ, гдзѣ ни вазьмись баба да миня ухватамъ-та, да миня ухватамъ-та; а тутъ ищо барыня, да такъ и серчаитъ; а тутъ глядзь — чиботарь [2]) да миня шѝламъ-та, да миня шѝламъ-та въ задъ; а тутъ ищо партной да ножницами; а тутъ ищо салдатъ со шпорами, да такъ на миня ски-

1) Пѣтухъ. 2) Сапожникъ.

Digitized by Google

нулся, што волосы у нивò дыбомъ стали: вотъ я те! баитъ. А тамъ ищо знатсь jихной нàбольшой: ужò-ка я-та jиво! Братчи, баитъ, срóбилъ.» — Ну, баютъ разбойники, дзѣлатсь нечиво, уйдземтсе, а то пожалуй и насъ-та всѣхъ пиpиважутъ!— Ушли.

А jяны живутъ пакà, да живутъ сибѣ складно. Вдругъ приходзятъ къ jихной шалаши звѣрьё [1]), да пò духу и узнали, што тамъ éстся(ь). «Нутка, баютъ волку, падзи-ка ты напирёдъ!» Тольки што тотъ взашолъ, какъ тсѣ начали jивò кататсь; насѝлу ноги аттуда вынесъ. Ни знаютъ што и дзѣлатсь. А тýта былъ съ ними ёжъ; во jонъ: «постойтсе-ка, баитъ; вотъ ужò-ка я панытаюсь, авось лучше будзетъ!» Вишь jонъ зналъ, што у барана-та аннавó бока нѣту. Вотъ jонъ и подкатсился да и кал(ь)ни барана; какъ тотъ черезъ всѣхъ да какъ прыгнетъ, да и дрáла. За нимъ и всѣ, да такъ и разбѣжались. А намѣсто ихъ звѣрьё тýта и астались.

(Записана въ тверской губерніи И. И. Лажечниковымъ.)

21.

ЗИМОВЬЕ ЗВѢРЕЙ.

Шелъ быкъ лѣсомъ; попадается ему на встрѣчу баранъ. «Куды, баранъ, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, говоритъ баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ на встрѣчу свинья. «Куды, свинья, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами!» Пошли втроемъ дальше; на встрѣчу имъ попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта

1) Волки (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 69).

Digitized by Google

ищу, отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а на встрѣчу имъ пѣтухъ. «Куды, пѣтухъ, идешь?» спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами!» Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «какъ-же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ: «ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамёрзнемъ.» Баранъ говоритъ: «у меня шуба тепла—вишь какая шерсть! я и такъ прозимую.» Свинья говоритъ: «а по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую.» Гусь говоритъ: «а я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся,—меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую.» Пѣтухъ говоритъ: «и я тожъ!» Быкъ видитъ — дѣло плохо, надо одному хлопотать. «Ну, говоритъ, вы какъ хотите; а я стану избу строить.» Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ — дѣлать нечего — приходитъ къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.» — Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пущу! «А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ твоей избы бревно [1]; тебѣ же будетъ холоднѣе.» Быкъ думалъ-думалъ: «дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ» — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.»—Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешся, и такъ прозимуешь! «А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню.» Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: «пусти, братъ, къ себѣ погрѣться.» — Нѣтъ; не пущу. У васъ по два крыла; одно постелишь, другимъ одѣнешься; и такъ прозимуете! «А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ

1) *Варіантъ:* «и вышибу дверь съ крючьемъ».

Digitized by Google

изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю; тебѣ же холоднѣе будетъ.» — «Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на верхъ [1], всю землю съ потолка сгребу; тебѣ же холоднѣе будетъ.» Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся, и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ [2]. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и зачалъ пѣсеньки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсеньки распѣваетъ, захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: «ну, любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка; для тебя, волкъ, барана; а для себя пѣтуха.» — Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. «Кумъ, говоритъ она медвѣдю, отворяй дверь, я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ.» Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ зачалъ осаживать по бокамъ; изъ лисы и духъ вонъ. «Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться? говоритъ волкъ. Отпирай, братъ Михайло Ивановичъ! я пойду.» — Ну, ступай.

---

1) На чердакъ.

2) Сказка эта оканчивается и такъ: Спознали про то волкъ и медвѣдь. «Пойдемъ, говорятъ, въ избушку, всѣхъ поѣдимъ, а сами станемъ тамъ жить.» Собрались и пришли къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку: «иди ты впередъ!» А волкъ говоритъ: «мнѣ не управиться, иди ты впередъ!»—Ну, смотри же, не выдавай меня, сказалъ медвѣдь и пошелъ въ избушку. Только вошелъ, быкъ и припёръ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ бацнетъ (ударитъ) медвѣдя въ бокъ и сшибъ его съ ногъ, а свинья рветъ и мечетъ въ клочки, а гусь подлетѣлъ—глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на брусу и кричитъ: «подайте сюда, подайте сюда!» Волкъ услыхалъ крикъ, да бѣжать. Вотъ медвѣдь рвался, рвался, насилу вырвался, прибѣжалъ и разсказываетъ волку: «ну, что мнѣ было, до смерти чуть не забили, да еще одинъ на брусу сидѣлъ да все кричалъ: подайте сюда, подайте сюда! ну, еслибъ подали къ нему, кажись бы и смерть была!»

Digitized by Google

Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдь ждалъ-ждалъ: «что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ! дай я пойду.» Вошелъ въ избушку; а быкъ да баранъ и его также приняли. Насилу вонъ вырвался, и пустился бѣжать безъ оглядки.

22.

МѢДВѢДЬ И ПѢТУХЪ.

Былъ у старика сынъ дуракъ. Проситъ дуракъ, чтобы отецъ его женилъ: «а если не женишь — всю печку разломаю!» — Какъ я тебя женю? у насъ денегъ нѣту. «Денегъ нѣту, да есть волъ; продай его на бойню.» Волъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ опять пристаетъ къ отцу: «жени меня, не то всю печку разломаю!» Отецъ говоритъ: «радъ бы женить, да денегъ нѣту.» — Денегъ нѣту, да есть баранъ; продай его на бойню. Баранъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ отъ отца не отходитъ: жени меня, да и только. «Я же тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ!» — Денегъ нѣту, да есть пѣтухъ; заколи его, испеки пирогъ и продай. Пѣтухъ услыхалъ, въ лѣсъ улеталъ. Волъ, баранъ и пѣтухъ сошлись всѣ вмѣстѣ и выстроили себѣ въ лѣсу избушку. Медвѣдь узналъ про то, захотѣлъ ихъ съѣсть и пришелъ къ избушкѣ. Пѣтухъ увидалъ его и запрыгалъ по насѣсти; машетъ крыльями и кричитъ: «куда-куда-куда! да подайте мнѣ его сюда: я ногами стопчу, топоромъ срублю! и ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!» Медвѣдь испугался и пустился назадъ, бѣжалъ-бѣжалъ, отъ страху упалъ и умеръ. Дуракъ

Digitized by Google

пошелъ въ лѣсъ, нашелъ медвѣдя, снялъ съ него шкуру и продалъ; на эти деньги и женили дурака. Волъ, баранъ и пѣтухъ изъ лѣсу домой пришли.

23.

КОТЪ И ЛИСА [1].

Жилъ-былъ мужикъ, у него былъ котъ, только такой шкодливой [2], что бѣда! Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думалъ-думалъ, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Принесъ и бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Котъ ходилъ-ходилъ, и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ; залѣзъ на чердакъ и полеживаетъ себѣ, а захочетъ ѣсть — пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить, наѣстся досыта и опять на чердакъ, и горя ему мало! Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а на встрѣчу ему лиса, увидала кота и дивится: «сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала.» Поклонилась коту и спрашиваетъ: «скажись, доброй молодецъ, кто ты таковъ? какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени величать?» А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: «я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котофей Ивановичъ.» — Ахъ, Котофей Ивановичъ! говоритъ лиса, не знала про тебя, не вѣдала; ну, пойдемъ-же ко мнѣ въ гости. Котъ пошелъ къ лисицѣ; она привела его въ свою нору и стала подчивать разной дичинкою, а сама выспрашиваетъ: «что, Котофей Ивановичъ, женатъ ты али холостъ?» — Холостъ, говоритъ котъ. «И я лисица—дѣвица, возьми меня замужъ.» Котъ согласил-

---

1) См. выпускъ III, № 18, и ниже въ этомъ IV-мъ выпускѣ № 26.
2) Шкода — убытокъ, вредъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 266).

Digitized by Google

ся, и начался у нихъ пиръ да веселье. На другой день отправилась лиса добывать припасовъ, чтобъ было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить; а котъ остался дома. Бѣжитъ лиса, а на встрѣчу ей попадается волкъ и началъ съ нею заигрывать: «гдѣ ты, кума, пропадала? мы всѣ норы обыскали, а тебя не видали.» — Пусти, дуракъ! что заигрываешь? я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужня жена. «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена! «Нѣтъ не слыхалъ, Лизавета Ивановна. Какъ-бы на него посмотрѣть?» — У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклонъ; барана то положи, а самъ схоронись, чтобъ онъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придётся! Волкъ побѣжалъ за бараномъ. Идетъ лиса, а на встрѣчу ей медвѣдь и сталъ съ нею заигрывать. «Что ты дуракъ, косолапый Мишка, трогаешь меня? я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужня жена.» — За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла? «А которой присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, зовутъ Котофей Ивановичъ, — за него и вышла.» — Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна? «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклонъ; волкъ барана хочетъ принесть. Да смотри, быка-то положи, а самъ схоронись, чтобъ Котофей Ивановичъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придётся!» Медвѣдь потащился за быкомъ.

Принёсъ волкъ барана, ободралъ шкуру, и стоитъ въ раздумьи; смотритъ — и медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. «Здравствуй, братъ Михайло Иванычъ!» — Здравствуй, братъ Левонъ! что не видалъ лисицы съ мужемъ? «Нѣтъ, братъ, давно дожи-

Digitized by Google

даю.» — Ступай, зови. «Нѣтъ, не пойду, Михайло Иванычъ! самъ иди, ты посмѣлѣй меня.» — Нѣтъ, братъ Левонъ! и я не пойду. Вдругъ откуда нѣ взялся — бѣжитъ заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: «поди-ка сюда, косой чортъ!» Заяцъ испугался, прибѣжалъ. «Ну что, косой пострѣлъ! знаешь, гдѣ живетъ лисица?» — Знаю, Михайло Ивановичъ! «Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Иванычемъ давно ужь готовы, ждутъ тебя-де съ мужемъ, хотятъ поклониться бараномъ да быкомъ.» Заяцъ пустился къ лисѣ во всю свою прыть. А медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь говоритъ: «я полѣзу на сосну.» — А мнѣ что-же дѣлать? я куда дѣнусь? спрашиваетъ волкъ. Вить я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Ивановичъ! схорони пожалуста куда-нибудь, помоги горю. Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухимъ листьемъ, а самъ взлѣзъ на сосну, на самую таки макушку, и поглядываетъ: не идетъ ли Котофей съ лисою? Заяцъ межъ тѣмъ прибѣжалъ къ лисицыной норѣ, постучался и говоритъ лисѣ: «Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Иванычемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждутъ тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться вамъ быкомъ да бараномъ.» — Ступай, косой! сейчасъ будемъ [1]).

---

1) *Варіантъ 1:* Жилъ старикъ и старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери, былъ только одинъ сѣрой котъ. Онъ ихъ поилъ-кормилъ, носилъ имъ кунокъ и бѣлокъ, рябчиковъ, тетеревей и всякихъ звѣрьковъ. Сдѣлался старъ сѣрой котъ. Старуха и говоритъ старику: «изъ чего мы, старикъ, кота держимъ? только даромъ на печи мѣсто занялъ!» — Да куда его дѣвать-то? «Посади въ котомку и отнеси въ островъ (отъемный лѣсъ, удобный по своему положенію для охотниковъ); пускай тамъ свою жизнь рѣшитъ.» Старикъ отнёсъ. Котъ остался въ острову, день голодалъ, другой и третій, и сталъ плакать. Идетъ лиса, и спросила кота: «о чемъ ты плачешь, Котай Ивановичъ?» — Ахъ, лиса! какъ мнѣ не плакать? жилъ я у старика и старухи, поилъ-кормилъ ихъ; сталъ старъ, они и прогнали меня. А лиса говоритъ: «давай, Котай Ивановичъ, женимся!» — Куды мнѣ жениться! только бы свою голову пропитать; а у тебя чай дѣтки есть, кормить-поить надо.

Digitized by Google

Вотъ идетъ котъ съ лисою. Медвѣдь увидалъ ихъ и говоритъ волку: «ну, братъ Левонъ Иванычъ, идетъ лиса съ мужемъ; какой же онъ маленькой!» Пришелъ котъ и сейчасъ-же бросился на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать

«Ничего, какъ-нибудь прокормимся.» Вотъ и вышла лиса за Котая Иваныча. Однажды медвѣдь и заяцъ шли мимо лисицыной норы. Увидала ихъ лиса и закричала: «ахъ ты, толстопятый медвѣдь, и ты, косой заяцъ! какъ была я вдовой, бывало ни одинъ изъ васъ не проходилъ мимо моей норы, а какъ вышла замужъ, то каждый день шляетесь; ишь какія дороги проторили! Смотрите, какъ-бы васъ Котай Ивановичъ по шеѣ не проводилъ!» Вотъ идучи дорогой, медвѣдь и сказалъ зайцу: «что, братъ, у нея за мужъ такой— Котай Ивановичъ? ужли больше меня!» А заяцъ: «ужли прытче меня? пойдемъ-ка завтра, посмотримъ на него.» Пришли на другой день къ лисицыной норѣ и видятъ: котъ гложетъ цѣлый стягъ быка, а самъ мурлычетъ: «мало, мало!» Ну, братъ, сказалъ медвѣдь зайцу, бѣда наша; Котай все говоритъ: мало, мало! Спрячемся, ты ляжь подъ хворостъ, а я взлѣзу на дерево. Только усѣлись они по своимъ мѣстамъ, какъ выбѣжала изъ-подъ хвороста мышь. Котъ увидалъ ее и въ ту-жъ минуту бросился за ней къ хворосту. Заяцъ испугался, кинулся бѣжать; а медвѣдь услышалъ тревогу, хотѣлъ повернуться да со страстей упалъ съ дерева, и убился до смерти. Лиса съ котомъ и донынѣ поживаютъ, да медвѣдя поѣдаютъ.

(Записана въ вологодской губерніи.)

Варіантъ 2: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ въ дремучихъ лѣсахъ могучій котъ. Медвѣдь, волкъ, олень, лиса и заяцъ собрались совѣтъ держать, какъ-бы могучаго, сильнаго кота къ себѣ на пиръ позвать. Наготовили всякаго добра, и стали думать: кому идти за котомъ. «Ну, ступай ты, медвѣдь!» Медвѣдь началъ отговариваться: «я мохнатъ и косолапъ, куда мнѣ! пускай волкъ пойдетъ.» А волкъ говоритъ: «я неповоротливъ, онъ меня не послушаетъ; лучше пусть олень идетъ!» Олень тоже отказывается: «я пугливъ-боязливъ, не съумѣю отвѣтъ держать; котъ, пожалуй, за то меня смерти предастъ. Иди ты, шустрая (бойкая)! говоритъ лисѣ; ты и собой хороша и оборотлива.»—У меня хвостъ длиненъ, не смогу скоро бѣжать; пускай идетъ заяцъ! отвѣчаетъ лиса. Тутъ всѣ стали складывать на зайца: «ступай, косой! не бойся. Ты поворотливъ и на ногу скоръ; коли онъ на тебя вскинется, ты сейчасъ отъ него уйдешь.» Заяцъ — дѣлать нечего — побѣжалъ къ коту; прибѣжалъ, поклонился пониже ногъ котовыхъ и сталъ звать его на пиръ, на бесѣду. Исправилъ все по наказу, и пустился назадъ

Digitized by Google

мясо и зубами, и лапами, а самъ мурчитъ, будто сердится: «мало, мало!» А медвѣдь говоритъ: «невеликъ да прожористъ! намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало; пожалуй, и до насъ доберется!» Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Ивановича да сквозь листья не видать! и началъ онъ прокапывать надъ глазами листья, а котъ услыхалъ, что листъ шевелится, подумалъ, что это—мышь, да какъ кинется и прямо волку

бѣжать, сколько силъ хватаетъ. Явился къ своимъ товарищамъ и говоритъ: «ну, набрался страху! самъ-то котъ бурой, шерсть на немъ стоитъ дыбомъ, а хвостъ такъ по землѣ и волочится!» Тутъ звѣри стали прятаться, кто куда: медвѣдь взобрался на дерево, волкъ залѣзъ въ кусты, лиса зарылась въ землю, а олень съ зайцемъ совсѣмъ ушли .... (Окончаніе — тоже.)

Варіантъ 3: Лиса вышла замужъ за Котонайла Иваныча. Разъ побѣжала она припасти мужу обѣдъ; бѣгала-бѣгала и поймала утку. Несетъ домой, а на встрѣчу ей лѣсной кабанъ. «Стой, лиса! говоритъ; отдай утку.»—Нѣтъ, не дамъ. «Ну, я самъ отниму.»—А я скажу Котонайлу Иванычу; онъ тебя смерти предастъ!—Что такой за звѣрь? думаетъ кабанъ, и пошелъ своей дорогой. Лиса побѣжала; вдругъ повстрѣчался ей медвѣдь: «куда, лиса, бѣжишь, кому утку несешь? отдай ее мнѣ.» — Ступай-ка по добру; а то скажу Котонайлу Иванычу; онъ тебя смерти предастъ! Медвѣдь побоялся и пошелъ своей дорогой. Лиса дальше бѣжитъ; попадается ей волкъ. «Отдавай, говоритъ, утку!» — Какъ-же не такъ! я вотъ скажу Котонайлу Иванычу, онъ тебя самого съѣстъ! Волкъ оробѣлъ и пошелъ себѣ дорогой; а лиса побѣжала домой. Вотъ кабанъ, медвѣдь и волкъ сошлись вмѣстѣ и стали думать да гадать, что за звѣрь такой Котонайло Иванычъ? напередъ того его не видывали, и въ лѣсахъ его не бывало! Положили: сдѣлать большой пиръ и позвать къ себѣ Котонайла Иваныча въ гости. Изготовились. «Ну, говорятъ, кому-жъ идти за Котонайломъ?» и присудили идти волку. Волкъ собрался и побѣжалъ къ лисицыной норѣ. Прибѣжалъ. А котъ выглядываетъ изъ норы, усы повисли, а глаза такъ и свѣтятся. Затрясся волкъ со страху, отдалъ коту низкой поклонъ, поздравилъ его съ молодою женою и сталъ просить въ гости. Котъ сидитъ да мурчитъ. У, какой сердитой! думаетъ волкъ и не знаетъ, какъ уйти... Воротился и сказалъ кабану и медвѣдю: «ну, да и страшной же Котонайло Иванычъ! глаза такъ и горятъ! только посмотрѣлъ на меня — и то дрожь проняла...» Вотъ оробѣли они и стали прятаться: медвѣдь взлѣзъ на дерево, кабанъ затесался въ болото, а волкъ закопался въ стогъ сѣна....

Digitized by Google

въ морду вцѣпился когтями. Волкъ вскочилъ да давай Богъ ноги! и былъ таковъ. А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. «Ну, думаетъ медвѣдь, увидалъ меня!» Слѣзать-то некогда, вотъ онъ положился на божью волю да какъ шмякнется съ дерева объ земь, всѣ печенки отбилъ: вскочилъ да бѣжать! А лисица вслѣдъ кричитъ: «вотъ онъ вамъ задастъ! погодите!» Съ той поры всѣ звѣри стали кота бояться; а котъ съ лисой запаслись на цѣлую зиму мясомъ, и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

24.

МЕДВѢДЬ, СОБАКА И КОШКА.

Жилъ себѣ мужикъ, у него была добрая собака, да какъ устарѣла—перестала и лаять и оберегать дворъ съ анбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ, прогналъ со двора. Собака ушла въ лѣсъ и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь [1]) и спрашиваетъ: «что ты, кобель, улегся здѣсь?»—Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости—ну и погонятъ со двора! «А что, кобель! хочется тебѣ ѣсть?»—Еще какъ хочется-то! «Ну, пойдемъ со мною; я тебя накормлю.» Вотъ и пошли. Попадается имъ на встрѣчу жеребецъ. «Гляди на меня!» сказалъ медвѣдь собакѣ

---

1) *Варіантъ:* Идетъ сѣрой волкъ. «А, попался! говоритъ онъ кобелю. Зачѣмъ ты не подпускалъ меня близко къ деревнѣ?» — Прости, Григорій Иванычъ! Впередъ не стану, буду тебѣ первый другъ! Тутъ волкъ и подружился съ собакою. (Вся сказка имѣетъ тоже содержаніе, только мѣсто медвѣдя заступаетъ волкъ.)

Digitized by Google

и сталъ лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!»—Ну, что? «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?»—Красны, медвѣдь! Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. «Кобель, а кобель! что шерсть взъерошилась?» — Взъерошилась, медвѣдь! «Кобель, а кобель! что хвостъ поднялся?» — Поднялся! Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо; жеребецъ упалъ на̀ земь. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: «ну, кобель! ѣшь, сколько угодно. А какъ приберешь все, приходи ко мнѣ.» Живетъ себѣ кобель, ни о чемъ не тужитъ; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. «Ну что, братъ, съѣлъ?» — Съѣлъ; теперича опять пришлось голодать. «Зачѣмъ голодать! Знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?» — Знаю. «Ну, пойдемъ; я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки [1] ея ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она за то станетъ тебя по старому кормить хлѣбомъ.» Вотъ ладно, прибѣжалъ медвѣдь, подкрался и унёсъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы бросились за медвѣдемъ, догоняли-догоняли и не могли нагнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужатъ. Откуда нѐ взялся кобель, догналъ медвѣдя, отнялъ ребенка и несетъ его назадъ. «Смотрите, говорятъ бабы, старой-то кобель отнялъ ребенка!» Побѣжали на встрѣчу. Мать ужь такъ рада-рада; «теперича, говоритъ, я этого кобеля ни-за̀-что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлѣбца и дала ему: «на, покушай!» А мужику говоритъ: «нѣтъ, муженёкъ, нашего кобеля надо беречь да кормить; онъ моего ребенка у медвѣдя отнялъ. А ты сказывалъ, что у него силы нѣтъ!» Поправился кобель, отъѣлся: «дай Богъ, говоритъ, здоровья медвѣдю! не далъ помереть съ голоду» — и сталъ медвѣдю первой другъ.

---

1) Люльки, колыбели.

Digitized by Google

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришелъ къ собакѣ въ гости. «Здорово, кобель! ну, какъ поживаешь-хлѣбъ поѣдаешь?» — Слава Богу! отвѣчаетъ собака; не житье, а масляница. Чѣмъ же тебя подчивать? пойдемъ въ избу. Хозяева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подъ печку. Вотъ я что добуду, тѣмъ и стану тебя подчивать. — Ладно, забрались въ избу. Кобель видитъ, что гости и хозяева порядкомъ перепились, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ, другой, и поразобрало его. Гости затянули пѣсни, и медвѣдю захотѣлось, сталъ свою заводить; а кобель уговариваетъ: «не пой, а то бѣда будетъ!» Куды! медвѣдь не утихаетъ, а все громче заводитъ свою пѣсню. Гости услыхали вой, похватали колья и давай бить медвѣдя; онъ вырвался да бѣжать, еле-еле живъ уплёлся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить: куда ни полѣзетъ, а что-нибудь разобьетъ или изъ кувшина прольетъ. Мужикъ прогналъ кошку изъ дому, а собака видитъ, что она бѣдствуетъ безъ ѣды, и начала потихоньку носить къ ней хлѣба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; какъ узнала про это, принялась кобеля бить, била-била, а сама приговаривала: «не таскай кошкѣ говядины, не носи кошкѣ хлѣба!» Вотъ дня черезъ три, вышелъ кобель со двора и видитъ, что кошка совсѣмъ съ голоду издыхаетъ. «Что съ тобой?» — Съ голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормилъ. «Пойдемъ со мною.» Вотъ и пошли. Приходитъ кобель къ табуну, и началъ копать землю лапами, а самъ спрашиваетъ: «кошка, а кошка! что глаза красны?»—Ничего не красны. «Говори, что красны!» Кошка и говоритъ: «красны.»— «Кошка, а кошка! что шерсть ощетинилась?»—Нѣтъ, не ощетинилась. «Говори, дура, что ощетинилась.» — Ну, ощетинилась. «Кошка, а кошка! что хвостъ поднялся?» — Ничего не поднялся. «Говори, дура, что поднялся!» — Ну, поднялся. Ко-

Digitized by Google

бель какъ бросится на кобылу, а кобыла какъ ударитъ его задомъ: у кобеля и духъ вонъ! А кошка и говоритъ: «вотъ теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвостъ завился. Прощай, братъ кобель! и я пойду помирать.»

25.

СОБАКА И ДЯТЕЛЪ.

а. Жили мужикъ да баба и не знали, что есть за работа; а была у нихъ собака, она ихъ и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара; куда ужь тутъ кормить мужика съ бабой! чуть сама съ голоду не пропадаетъ. «Послушай, старикъ! говоритъ баба; возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони: пусть идетъ, куда хочетъ. Теперича она намъ не надобна! Было время, кормила насъ, ну и держали ее.» Взялъ старикъ собаку, вывелъ за деревню и погналъ прочь. Вотъ собака ходитъ себѣ по чистому полю, а домой идти боится: старикъ со старухою станутъ бить-колотить. Ходила-ходила, сѣла на̀ земь и завыла крѣпкимъ голосомъ. Летѣлъ мимо дятелъ и спрашиваетъ: «о чемъ ты воешь?»—Какъ не выть мнѣ, дятелъ! Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, гдѣ вѣкъ доживать. «Пойдемъ ко мнѣ, карауль моихъ дѣтушекъ, а я кормить тебя стану.» Собака согласилась и побѣжала за дятломъ. Дятелъ прилетѣлъ въ лѣсъ къ старому дубу, а въ дубѣ было дупло, а въ дуплѣ дятлово гнѣздо. «Садись около дуба, говоритъ дятелъ, ни кого не пущай, а я полечу разыскивать корму.» Собака усѣлась возлѣ дуба, а дятелъ полетѣлъ. Леталъ-леталъ и увидалъ: идутъ по дорогѣ бабы съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать; пустился назадъ къ дубу, при-

Digitized by Google

летѣлъ и говоритъ: «ну, собака, ступай за мною; по дорогѣ бабы идутъ съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать. Ты становись за кустомъ, а я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто взлетѣть, повыше не могу. Онѣ начнутъ меня ловить, горшечки свои постановятъ на̀ земь, а сами за мною. Ну, ты поскорѣе къ горшечкамъ-то бросайся да наѣдайся до сыта.» Собака побѣжала за дятломъ и, какъ сказано, стала за кустомъ; а дятелъ вывалялся весь въ песку и началъ передъ бабами по дорогѣ перепархивать. «Смотрите-ка, говорятъ бабы, дятелъ-то совсѣмъ мокрой, давайте его ловить!» Покинули на̀ земь свои горшки, да за дятломъ, а онъ отъ нихъ дальше да дальше, отвелъ ихъ въ сторону, поднялся вверхъ и улетѣлъ. А собака межъ тѣмъ выбѣжала изъ-за куста и все, что было въ горшечкахъ, пріѣла и ушла. Воротились бабы, глянули, а горшки катаются порожніе; дѣлать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятелъ нагналъ собаку, и спросилъ: «ну, что сыта?» — Сыта, отвѣчаетъ собака. «Пойдемъ же домой.» Вотъ дятелъ летитъ, а собака бѣжитъ, попадается имъ на дорогѣ лиса. «Лови лису!» говоритъ дятелъ. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всѣхъ силъ. Случись на ту пору ѣхать мужику съ бочкою дегтю. Вотъ лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телегѣ, и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею да завязла въ колесѣ; тутъ изъ нея и духъ вонъ. «Ну, мужикъ! говоритъ дятелъ, когда ты задавилъ мою собаку, то и я причиню тебѣ великое горе!» Сѣлъ на телегу и началъ долбить дыру въ бочкѣ, стучитъ себѣ въ самое дно. Только отгонитъ его мужикъ отъ бочки, дятелъ бросится къ лошади, сядетъ промежду ушей и долбитъ ее въ голову. Сгонитъ мужикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ; таки продолбилъ въ бочкѣ дыру и весь деготь выпустилъ. А самъ гово-

Digitized by Google

ритъ: «еще не то тебѣ будетъ!» и сталъ долбить у лошади голову. Мужикъ взялъ большое полѣно, засѣлъ за телегу, выждалъ время и какъ хватитъ изо всей мочи; только въ дятла не попалъ, а со всего маху ударилъ лошадь по головѣ и ушибъ ее до смерти. Дятелъ полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и прямо въ окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятелъ сѣлъ ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не можетъ прогнать: злой дятелъ все клюетъ; вотъ она схватила палку да какъ ударитъ; въ дятла-то не попала, а ребенка зашибла...

b. Мужикъ прогналъ со двора старую собаку: она придумала идти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами. Пошла въ поле; увидѣлъ ее дятелъ и взялъ къ себѣ въ товарищи. «Я голодна», говоритъ собака.—Пойдемъ въ деревню, отвѣчаетъ дятелъ; тамъ свадьбу справляютъ, будетъ чѣмъ поживиться. Птица влетѣла въ избу, гдѣ свадьбу справляли, и зачала бѣгать по столамъ, а гости стали кидать въ нее, кто чѣмъ попало, всѣ перебили и подъ столъ перебросали; а собака въ такой суматохѣ незамѣтно пробралась въ эту-же избу, затесалась подъ столъ, наѣлась, сколько душѣ угодно, и ушла. «Ну, что сыта?» спрашиваетъ дятелъ. — Сыта-то сыта, да пить хочу! говоритъ собака. «Ступай въ другую избу, тамъ старикъ вино цѣдитъ изъ бочки.» Дятелъ влетѣлъ въ окошко, сѣлъ на бочку и ну долбить въ самое дно. Старикъ хотѣлъ ударить дятла, кинулъ въ него воронкой, да не попалъ; воронка куда-то закатилась: старикъ и туда и сюда, не можетъ найти, а изъ бочки вино себѣ льется на̀ земь. Собака пробралась въ избу, напилась и назадъ. Сошлась съ дятломъ и говоритъ ему: «я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!»—Ладно, отвѣчаетъ дятелъ. Вотъ увидали они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятелъ тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ

Digitized by Google

палку, хотѣлъ ударить птицу, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣху такъ и катается по землѣ! Послѣ того дятелъ съ собакою пустились въ чистое поле и повстрѣчали лисицу. Дятелъ началъ манить лисицу: чуть-чуть подымется вверхъ и опять опустится внизъ; лиса ну гоняться за нимъ по полю, а собака подкралась сзади къ лисицѣ, подползла на брюхѣ, хвать ее и начала грызть. На ту пору ѣхалъ въ городъ мужикъ съ возомъ, горшки продавать, увидѣлъ, что собака лису давитъ, прибѣжалъ къ нимъ съ полѣномъ, ударилъ со всего размаху, убилъ и ту и другую. Озлился дятелъ на старика; сѣлъ его лошади на голову и сталъ выклевывать ей глаза. Мужикъ бѣжитъ съ полѣномъ, хочетъ убить дятла; прибѣжалъ, какъ хватитъ—лошадь тутъ-же и повалилась мертвая. А дятелъ увернулся, перелетѣлъ на́ возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бьетъ крыльями. Мужикъ за нимъ, и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то. Перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ, а дятелъ улетѣлъ съ лѣсъ.

26.

БАРАНЪ, КОЗЕЛЪ, ВОЛКИ И МЕДВѢДЬ [1].

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ, у него были козелъ да баранъ [2]. Полѣнился

1) Смотри вып. III, №18. 2) *Варіантъ 1:* Козелъ говоритъ: «пойдемъ, баранъ, странствовать.»—Куда? спрашиваетъ баранъ. «Извѣстно—куда! въ лѣсъ.»—Зачѣмъ? «Извѣстно—зачѣмъ! волковъ да медвѣдей пугать.»—Какъ-бы на свою шею не напугать? «Ничего! пойдемъ.» Вотъ и пошли въ лѣсъ.

Варіантъ 2: Жилъ мужикъ, у него былъ козелъ да такой бѣдовой: погонитъ пастухъ стадо, козелъ бѣжитъ впереди да прямо въ хлѣбъ. Пастухъ за нимъ, а онъ въ сторону; бился-бился съ нимъ, и свилъ себѣ кнутъ аршинъ въ тридцать. Только козелъ въ хлѣбъ, а пастухъ его кнутомъ по ляшкамъ. Собрался козелъ бѣжать...

Digitized by Google

мужикъ накосить сѣна; пришла зима, нечего ѣсть козлу и барану, стали они на весь дворъ ревѣть, а мужикъ схватилъ кнутъ и ну колотить ихъ. Вотъ козелъ и сказалъ барану: «давай, братъ, уйдемъ въ лѣсъ; найдемъ стогъ сѣна и станемъ жить.» — Пойдемъ, братъ Козьма Микитичъ! хуже не будетъ. Козелъ стащилъ у хозяина ружье, а баранъ куль, и пошли вдвоемъ; идутъ путемъ-дорогою и нашли старую волчью голову. «Братъ баранъ! сказалъ тутъ козелъ, возьми эту голову и положи въ куль.» — На чорта она намъ? и такъ тяжело идти! «Возьми! придемъ на мѣсто, сваримъ себѣ студень.» Баранъ поднялъ волчью голову, положилъ въ куль и понёсъ. Шли они, шли, и наконецъ пришли въ лѣсъ. «Я совсѣмъ иззябъ», сказалъ баранъ. А козелъ увидалъ, что въ сторонѣ огонь свѣтится, и говоритъ: «вонъ гдѣ-то огонь горитъ; пойдемъ туда!» Пошли на огонь, и прямехонько таки наткнулись на волковъ: сидятъ кругомъ огня да грѣются. Баранъ напугался, еле душа въ тѣлѣ держится. А козелъ говоритъ ему: «не робѣй, баранъ!» а самъ подошелъ къ волкамъ: «здорово, ребята!» Здравствуй, Козьма Микитичъ! Вотъ, думаютъ волки, славная будетъ пожива: козелъ да баранъ сами пришли, сами въ ротъ просятся. Только козелъ себѣ на умѣ. «Ну-ка, братъ баранъ! давай, говоритъ, сюда волчью голову; сваримъ да сдѣлаемъ студень. Да смотри, выбирай, чтобъ былъ старой волкъ!» Баранъ вынулъ изъ куля волчью голову и несетъ козлу. «Не та! говоритъ козелъ, тамъ въ кулю есть другая голова, съ самаго стараго волка, — ту и притащи.» Баранъ сталъ копаться въ своемъ кулѣ, копался-копался и несетъ опять ту-же голову. «Ахъ, ты дуракъ! закричалъ козелъ и ногами затопалъ; не та!... посмотри, на самомъ исподѣ лежитъ.» Баранъ опять копался-копался и несётъ ту-же самую голову. «Ну, вотъ теперь такъ! сказалъ козелъ. Эту самую голову мнѣ и надобно.» А волки поглядываютъ, да раздумываютъ: «ишь сколько наколо-

Digitized by Google

тилъ нашей братіи! однѣхъ головъ цѣлой куль.» — Нѣтъ ли у васъ, братцы! спрашиваетъ козелъ, въ чемъ намъ ужинъ изготовить? Тутъ волки повскакивали и побѣжали кто за дровами, кто за водою, кто за посудою, а у самихъ на умѣ какъ-бы уйдти по добру, по здорову. Бѣгутъ, а на встрѣчу имъ медвѣдь. «Куда вы, сѣрые волки?» — Ахъ, Михайло Ивановичъ! ты не знаешь нашего горя: пришли къ намъ козелъ да баранъ, принесли съ собой цѣлый куль волчьихъ головъ, хотятъ студень варить; мы убоялись, чтобъ они и до насъ-то не добрались и убѣжали. «Ахъ вы, дурачье! сказалъ медвѣдь. Козелъ да баранъ сами къ вамъ пришли, только бери да кушай; а вы убоялись! Пойдёмте-ка со мною.» — Пойдемъ.

Козелъ и баранъ увидали, что волки назадъ идутъ, засуетились, забѣгали. Козелъ взобрался на дерево, изловчился и усѣлся, а баранъ лѣзъ-лѣзъ, никакъ не можетъ высоко подняться, ухватился кое-какъ за сукъ передними ногами и повисъ на немъ. Вотъ пришелъ и медвѣдь съ волками, смотритъ: куда бы дѣвались козелъ да баранъ? нигдѣ не видать. «Ну, братцы! сказалъ медвѣдь волкамъ, собирайте жолудей, стану ворожить: куда запропастился козелъ съ бараномъ?» Волки набрали жолудей; а медвѣдь сѣлъ подъ дерево, сталъ выкидывать жолудями и ворожить, какъ бабы на бобахъ гадаютъ. Баранъ говоритъ козлу: «ахъ, козелъ! упаду; мочи нѣтъ — ногамъ больно!»—Держись! отвѣчаетъ козелъ, а то ни за грошъ пропадёмъ; они заѣдятъ насъ! Баранъ крѣпился-крѣпился, да какъ повалится на-земь. Козелъ видитъ бѣду неминучую, выстрѣлилъ въ ту-жъ минуту изъ ружья и закричалъ во всю глотку: «хватай ворожею-то! держи его!» [1] Медвѣдь испугался,

1) *Варіантъ:* Напуганные козломъ волки не долго бѣжали, а поразду-мали—поразсудили и поворотили назадъ. Приходятъ, а козла и барана нѣтъ. Козелъ взлѣзъ на дерево, а баранъ повисъ на суку. Слышатъ волки по духу, что они близко, а гдѣ—не найдутъ, и послали за медвѣдемъ-ко-

Digitized by Google

какъ броситься бѣжать безъ оглядки, а волки за нимъ. Такъ всѣ и разбѣжались. Тогда козелъ слѣзъ съ дерева, и не захотѣлъ оставаться въ лѣсу. Воротился онъ вмѣстѣ съ бараномъ домой, и стали себѣ жить-поживать да лиха избывать. [2]

стомётомъ. Пришелъ медвѣдь, сталъ метать на костяхъ и отгадывать, гдѣ спрятались козелъ да баранъ. Пока медвѣдь ворожилъ, баранъ не удержался, какъ брякнется на̀ земь, и кричитъ: «вотъ они! вотъ они!» А козелъ за нимъ вслѣдъ упалъ и реветъ: «держи, пожалуста, костомёта!»...

2) *Варіантъ:* Жили старикъ да старуха, у нихъ были баранъ да козелъ, только такіе блудливые: совсѣмъ отъ стада отбились, бѣгаютъ себѣ по сторонамъ—ищи гдѣ хочешь. «Знаешь что, старуха! говоритъ старикъ, давай заколемъ козла и барана, а то они съ жиру бѣсятся! Пожалуй туда забѣгутъ, что и не найдешь; все равно пропадутъ даромъ.» — Ну, чтожъ? заколемъ. А баранъ съ козломъ стояли подъ окошкомъ, подслушали эти рѣчи, и убѣжали въ густой-густой лѣсъ. Прибѣжали и говорятъ: «надо развести теперь огонь, а то холодно будетъ; вишь, какая роса холодная!» Стали они таскать хворосту; набрали цѣлую кучу. Надо огню добыть. Недалеко мужики жгли уголья. Вотъ козелъ съ бараномъ утащили у нихъ головешку, развели огонь и сѣли грѣться. Вдругъ прибѣжали три медвѣдя и усѣлись около костра. Что дѣлать! Козелъ сталъ спрашивать: «что, баранъ, ѣсть хочешь?» — Хочу. «А что ружье у тебя заряжено?» — Заряжено. «А топоръ востёръ?» — Востёръ. «Ну поди, добывай на ужинъ.»—Нѣтъ, братъ козелъ, я сейчасъ только пришелъ; не пойду. «Неужто-жъ намъ голоднымъ спать? Ступай, убей вотъ этого медвѣдя; мы ихъ не звали, они сами къ намъ пришли! зажаримъ да поужинаемъ.» Медвѣдь оробѣлъ и говоритъ: «ахъ, братцы козелъ и баранъ! гдѣ станете меня жарить? вишь у васъ какой малой огонь! пустите меня, я наломаю вамъ дровъ, разведу побольше костеръ, тогда убейте меня и жарьте.» — Хорошо, ступай за дровами. Медвѣдь вскочилъ и давай Богъ ноги. «Кто себѣ врагъ! думаетъ онъ про себя. Ни за что не ворочусь назадъ.» Другой медвѣдь видитъ, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: пожалуй, они за меня теперь примутся. «Пойду, говоритъ, помогу тому медвѣдю; вѣрно онъ такъ много наломалъ, что̀ и притащить не въ силу.» — Ну ступай, помоги. Вотъ и другой медвѣдь убѣжалъ; остался еще одинъ. Козелъ обождалъ немножко, и говоритъ: «ну, братъ медвѣдь! приходится тебя бить. Самъ видишь, очередные-то ушли!»—Ахъ, братцы! на чемъ-же станете меня жарить; огню-то вовсе нѣтъ. Лучше пойду я да погоню очередныхъ назадъ. «Да и ты, пожалуй, не воротишься?» — Ну право, ворочусь, да и тѣхъ съ собой приведу! «Ступай да поскорѣй приходи; не умирать же намъ съ голоду. Коли

Digitized by Google

27.

КУРИЦА И ПѢТУХЪ.

Ходятъ курица съ пѣтухомъ на поповомъ гумнѣ. Подавился пѣтушокъ бобовымъ зёрняткомъ. Курочка сжалѣлась, пошла къ рѣчкѣ просить воды. Рѣчка говоритъ: «поди къ липкѣ, проси лѝста, тогда и дамъ воды!» — Липка, липка! дай листу: листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зёрняткомъ: ни спышѝтъ [1]), ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ! Липка сказала: «поди къ дѣвкѣ, проси нитки; въ тѣ-поръ дамъ лѝста!» — Дѣвка, дѣвка! дай нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зёрняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ! — Дѣвка говоритъ: «поди къ коровѣ, проси молока; въ тѣ-поръ далъ нитки.» Пришла курочка къ коровѣ: «корова, корова! дай молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зёр-

---

самъ за вами пойду — всѣмъ худо будетъ!» И послѣдній медвѣдь со всѣхъ ногъ пустился бѣжать, и убѣжалъ далеко-далеко. «Славно, братъ, надули! говоритъ козелъ. Только вишь, здѣсь надо каждаго шороху бояться. Пойдемъ-ка домой; за одно пропадать! а можетъ старикъ-то и сжалится.» Вотъ и воротились домой. Старикъ обрадовался; «накорми-ка ихъ!» говоритъ старухѣ. Козелъ и баранъ зачали ласкаться; старухѣ жалко ихъ стало. Она и говоритъ старику: «неужто намъ ѣсть нечего! не станемъ колоть козла и барана, пусть еще поживутъ!» — Ну, ладно! сказалъ мужикъ. Стали они жить себѣ, поживать, да добра наживать; а козелъ съ бараномъ баловство свое совсѣмъ оставили, сдѣлались смирными да послушными.

1) Пышàть — дышать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).

Digitized by Google

няткомъ: ни спышѝтъ ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Корова говоритъ: «поди, курочка, къ сѣнокосамъ [1]), попроси у нихъ сѣна; въ тѣ-поръ дамъ молока.» Пришла курочка къ сѣнокосамъ: «сѣнокосы, сѣнокосы! дайте сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку,—подавился пѣтушокъ бобовымъ зе́рняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Сѣнокосы говорятъ: «поди, курочка къ кузнецамъ, чтобы сковали косу.» Пришла курочка къ кузнецамъ: «кузнецы, кузнецы! скуйте мнѣ косу, косу нести къ сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку,—подавился пѣтушокъ бобовымъ зе́рняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Кузнецы сказали: «иди, курочка, къ Ла́янамъ [2]), проси у нихъ уголья; въ тѣ-поръ скуёмъ тебѣ косу.» Пришла курочка къ Ла́янамъ: «Ла́яна, Ла́яна! дайте уголья, у̀голье нести къ кузнецамъ, кузнецы скуютъ ко́су, косу нести къ сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку,—подавился пѣтушокъ бо́бовымъ зе́рняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!»

Дали Ла̀яна уголья; снесла курочка у̀голье къ кузнецамъ, кузнецы сковали косу; снесла косу къ сѣнокосамъ, сѣнокосы

---

1) Т. е. косцамъ. 2) *Ла́яна* — жители деревни *Ла̀и*, которая стоитъ при рѣчкѣ того же имени (*Ла́я*), впадающей въ Сѣверную Двину. Они занимаются приготовленіемъ угля для портовыхъ кузницъ.

Digitized by Google

накосили сѣна; снесла сѣно къ коровѣ, корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ, дѣвка дала нитки; снесла нитки къ липкѣ, липка дала лѝсту; снесла листъ къ рѣчкѣ, рѣчка дала воды; снесла воду къ пѣтушку: онъ лежитъ, ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, подавился на поповомъ гумнѣ бобовымъ зёрняткомъ!

(Записана въ архангельскомъ уѣздѣ г. А. Харитоновымъ.)

28.

КУРОЧКА.

а. Жилъ-былъ старикъ со старушкою, у нихъ была курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подъ окошкомъ: пестро, востро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старикъ плачетъ, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась [1] Идетъ просвирня, спрашиваетъ: что они такъ плачутъ? Старики начали пересказывать: «какъ намъ не плакать? есть у насъ курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подъ окошкомъ: нестро, востро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старикъ, плачу, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась.» Просвирня какъ услыхала — всѣ просвиры изломала и побросала. Подходитъ дьячокъ и спрашиваетъ у просвирни: зачѣмъ она просвиры

1) *Варіантъ:* Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ была курочка ряба; снесла подъ поломъ яичко. Дѣдъ билъ — не разбилъ, баба била — не разбила, а мышка прибѣгла да хвостикомъ раздавила. Дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кодкудачетъ, ворота скрипятъ, съ двора щепки летятъ! . . . (Записано въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

Digitized by Google

побросала? Она пересказала ему всё горе; дьячокъ побѣжалъ на колокольню и перебилъ всѣ колокола. Идетъ попъ, спрашиваетъ у дьячка: зачѣмъ колокола перебилъ? Дьячокъ пересказалъ всё горе попу, а попъ побѣжалъ, всѣ книги изорвалъ.

b. Какъ у нашей бабушки, въ задворенкѣ,
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
Съ полки на полку,
Въ осиновое дупёлко 1),
Въ кутъ подъ лавку.
Мышка бѣжала,
Хвостомъ вернула —
Яичко приломàла!
Объ этомъ яичкѣ строй 2) сталъ плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать,
Курицы летать, ворота скрыпѣть;
Соръ подъ порогомъ заку́рился,
Двери побутусились 3), тынъ разсыпался;
Поповы дочери шли съ водою,
Ушатъ приломали, —
Попадьѣ сказали:
«Ничего ты не знаешь, матушка!
Вѣдь у бабушки, въ задворенкѣ,
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
Съ по̀лки на полку,
Въ осиновое дупёлко,
Въ кутъ подъ лавку.
Мышка бѣжала,
Хвостомъ вернула—
Яичко приломала!
Объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать,
Курицы летать, ворота скрыпѣть;
Соръ подъ порогомъ заку́рился,
Двери побуту́силисъ, тынъ разсыпался;

1) Кадочка, выдолбленая изъ цѣльнаго дерева, изъ пня. 2) Нищій, калѣка (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 217). 3) Покривились.

Digitized by Google

Мы шли съ водою — ушатъ приломали!»
Попадья квашню мѣсила —
Все тѣсто по полу разметала;
Пошла.... попу сказала:
«Ничего ты незнаешь.....
Вѣдь у бабушки, въ задворенкѣ,
Была курочка-рябушечка....
(Снова повторяется тотъ-же разсказъ).
. . . . . тынъ разсыпался;
Наши дочери шли съ водой—
Ушаты приломали, мнѣ сказали;
Я тѣсто мѣсила —
Все тѣсто разметала!»
Попъ сталъ книгу рвать —
Всю по полу разметалъ!

(Послѣдняя записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

29.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ.

Летала сова-веселая голова; вотъ она летала, летала и сѣла, да хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла, и опять полетѣла; летала, летала и сѣла, хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болотѣ журавль да цапля, построили себѣ по концамъ избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумалъ онъ жениться. «Дай пойду, посватаюсь на цаплѣ!» Пошелъ журавль — тяпъ, тяпъ! семь верстъ болото мѣсилъ; приходитъ и говоритъ: «дома ли цапля?» — Дома. «Выдь за меня замужъ. — Нѣтъ, журавль, не йду за тя замужъ: у тебя ноги долги, платье коротко, самъ худо летаешь и кормить то меня тебѣ нечѣмъ! Ступай прочь, долговязой!— Журавль, какъ не солоно похлебалъ, ушелъ домой. Цапля пос-

Digitized by Google

лѣ раздумалась и сказала: «чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля» 1). Приходитъ къ журавлю и говоритъ: «журавль, возьми меня замужъ!»—Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не беру тебя замужъ. Убирайся!— Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. Журавль раздумался и сказалъ: «напрасно нѐ взялъ за себя цаплю; вить одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замужъ.» Приходитъ и говоритъ: «цапля! я вздумалъ на тебѣ жениться; поди за меня.»—Нѣтъ, журавль, не йду за тя замужъ! Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: зачѣмъ отказала? что одной-то жить? лучше за журавля пойду! Приходитъ свататься, а журавль не хочетъ. Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

30.

ОРЕЛЪ И ВОРОНА.

Жила-была на Руси ворона, съ нянькáми, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними сосѣдками. Прилетѣли гуси-лебеди, нанесли яичекъ; а ворона стала ихъ забижать, стала у нихъ яички таскать. Случилось лететь мимо сычу; видитъ онъ, что ворона большихъ птицъ забижаетъ, и полетѣлъ къ сизому орлу. Прилетѣлъ и проситъ: «батюшка сизой орелъ! дай намъ праведной судъ на шельму ворону.» Сизой орелъ по-

1) *Варіантъ:* Повадился журавль къ цаплѣ въ гости ходить. Пришелъ разъ, долбитъ носомъ въ вороты; а цапля спрашиваетъ: «кто тутъ у воротъ?» Журавль отвѣчаетъ: «я, цаплинька, пришелъ тебя сватать.» — О долгоногой жульдеба (уменьшительное отъ «журавль»)! не пойду я за тебя. Поплелся журавль домой; а цапля стосковалася и думаетъ: что я не пошла за такого молодца! думала-думала, пошла его искать.....

Digitized by Google

слалъ за вороной легкаго посла воробья. Воробей тотчасъ полетѣлъ, захватилъ ворону; она была упираться, воробей давай ее пинками, и привелъ таки къ сизому орлу. Орелъ сталъ судить. «Ахъ ты, шельма ворона, шалавая [1] голова, непотребной носъ, г..... хвостъ! про тебя говорятъ, что ты на чужое добро ротъ разѣваешь, у большихъ птицъ яички таскаешь.»—Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! «Про тебя же сказываютъ: выйдетъ мужичокъ сѣять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ, и ну разгребать.»—Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! «Да еще сказываютъ: станутъ бабы жать, нажнутъ и покладутъ снопы на полѣ, а ты выскочишь со всѣмъ содомомъ и опять-таки ну разгребать да ворошить.»—Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! — Осудили ворону въ острогъ посадить.

31.

ТЕРЕМЪ МУХИ [2].

а. Построила муха теремъ; пришла вошь-поползуха: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — Муха-горюха; а ты кто? «Я вошь-поползуха.» Пришла блоха-попрядуха [3]: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»— Я муха-горюха да вошь-поползуха. Пришелъ комаръ долгоногой: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»— Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха. Пришла мышечка-тютюрюшечка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой. Пришла ящерка [4]-ше-

---

1) Глупая (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 262). 2) См. выпускъ III, № 16. 3) Отъ слова «прядать»—прыгать, скакать. 4) Ящерица.

Digitized by Google

рошéрочка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка — тютюрю́шечка. Пришла лиса Патрикѣевна: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто кто въ высокóмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я я̀щерка-шерошéрочка. Пришелъ заюшко изъ-подъ кȕстышка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ? — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я я̀щерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна. Пришелъ волчище-сѣрое хвостище: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я я̀щерка шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшко изъ-подъ кȕстышка. Пришелъ медвѣдь толстоногой: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я ящерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшко изъ-подъ кȕстышка, я волчище-сѣрое хвостище. Всѣ изъ терема: «а ты кто?» — Я тя̀пышъ-ля̀пышъ, всѣмъ подгнётышъ!—сказалъ медвѣдь, спустилъ лапой по терему и разбилъ его.

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

b. Ѣхалъ мужикъ съ горшками, потерялъ большой кувшинъ. Залетѣла въ кувшинъ муха и стала въ немъ жить поживать. День живетъ, другой живетъ. Прилетѣлъ комаръ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха; а ты кто? «А я комаръ-пискунъ.»—Иди ко мнѣ жить. Вотъ и стали вдвоемъ жить. Прибѣжала къ нимъ мышь и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ; а ты кто? «Я изъ-за угла хмыстень.»—Иди къ намъ

Digitized by Google

жить. И стало ихъ трое. Прискакала лягушка и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, да изъ-за угла хмыстень; а ты кто? «Я на водѣ балагта [1].» — Иди къ намъ жить. Вотъ и стало ихъ четверо. Пришелъ заяцъ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта; а ты кто? «Я на полѣ свертень [2].» — Иди къ намъ. Стало ихъ теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень; а ты кто? «Я на полѣ краса.» — Ступай къ намъ. Прибрела собака и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень да на полѣ краса; а ты кто? «А я гамъ-гамъ!» — Иди къ намъ жить. Собака влѣзла. Прибѣжалъ еще волкъ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса да гамъ-гамъ! А ты кто? «Я изъ-за кустовъ хапъ [3].» — Иди къ намъ жить. Вотъ живутъ себѣ всѣ вмѣстѣ. Спозналъ про эти хоромы медвѣвь, приходитъ и стучится — чуть хоромы живы: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстѣнь, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса, гамъ-гамъ, да изъ-за кустовъ хапъ; а ты кто? «А я лѣсной гнётъ!» Сѣлъ на кувшинъ и всѣхъ раздавилъ.

---

1) «Хмыстень» можетъ быть отъ глагола хмистить — красть, похищать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 247), а «балагта» отъ балáкать — болтать. 2) Въ другомъ спискѣ (см. вып. III) заяцъ названъ: на горѣ *увертышъ*, вѣроятно — въ смыслѣ «увертливаго». 3) *Варіантъ:* «я волкъ, что дѣлилъ васъ въ долгъ.»

Digitized by Google

32.

СКАЗКА ОБЪ ЕРШѢ ЕРШОВИЧѢ, СЫНѢ ЩЕТИННИКОВѢ [1].

а. Ершишко-кропачѝшко [2], ершишко-пагубнѝшко, склался на дровнишки [3] со своимъ маленькимъ ребятишкамъ [4]; пошелъ онъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро, и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подъ добало(?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ, и стали выбирать себѣ судью праведную(аго), рыбу-сомъ съ большимъ усомъ: «будь ты, говорятъ, нашимъ судьей.» Сомъ послалъ за ершомъ-добрымъ человѣкомъ и говоритъ: «ершъ, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?» — Потому, говоритъ, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и дѝ верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и дѝ верху и запустѣло. «Не во вѣкъ, говоритъ рыба-сомъ, наше озеро не гарывало! есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя граматы?» — Есть у меня въ тотъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: сорóга-рыба [5] на пожарѣ была, глаза запалѝла и понынче у нея красны. И по-

---

1) См. выпускъ III, № 15. 2) Кропотливой, безпокойной. 3) Санки. 4) Творительный падежъ множественнаго числа. 5) Плотица (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 211).

Digitized by Google

сылаетъ сомъ-рыба за сорóгой-рыбой. Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей [1], туды же понятыхъ, зовутъ сорóгу-рыбу: «сорóга-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» [2] Сорóга-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ: «здравствуй, сорóга-рыба, вдова честная! гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъто, говоритъ сорóга-рыба, не гарывало наше озеро! — Говоритъ сомъ-рыба: «слышишь, ершъ, добрый человѣкъ! сорóга-рыба въ глаза обвинила.» А сорóга тутъ-же примолвила: «кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; «есть же у меня, говоритъ, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ, — это государскіе посыльщики — приходятъ и говорятъ: «окунь-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба: «скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ, наше озеро не гарывало! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ! — Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ: «есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: щука-рыба, вдова честная, притомъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила, и понынче черна.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ, — это государскіе посыльщики — приходятъ и гово-

---

1) Моль — мелкая рыба разнаго рода, снятки несушеные (ibidem, стр. 115). 2) Въ рукоп. прибавлено: «предъ ершово высочество».

Digitized by Google

рятъ: «щука рыба! зоветъ рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» Щука-рыба, не дошечди рыбы-сомъ, кланялась: «здравствуй, ваше величество!»—Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! говоритъ сомъ; гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня? Щука-рыба отвѣчаетъ: «не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ; «есть же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче онъ чоренъ.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ—это государскіе посыльщики—приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ: «налимъ-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.»—Ахъ, братцы! нате вамъ гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьями не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу. Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поимали ерша и посадили его въ петлю.... Пошелъ дождь и сдѣлалась слякоть. Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говоритъ имъ ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой, и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку. «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

Ь. Жилъ-былъ ершишка въ барскомъ домишкѣ — брюханишка [1], ябедничишка! Проскудалось [2] ершу, прибѣднялось

1) Объѣдало; брюханить — много ѣсть (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 16). 2) Скудаться—скупиться, представляться бѣднымъ (ibidem, стр. 206).

Digitized by Google

ему; поѣхалъ ершишка въ Ростовское озеро на худенькихъ санишкахъ объ трехъ копи(ы)лишкахъ [1]. Закричалъ ершишка своимъ громкимъ голосишкомъ: «рыба севрюга, калуга, язи, головли, послѣдняя рыбка плотичка-сиротичка! пустите меня ерша въ озеро погулять. Мнѣ у васъ не годъ годовать, а хотя одинъ часъ попировать, хлѣба-соли покушать да рѣчей послушать.» Согласилась вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша въ озеро на одинъ часъ погулять. Ершъ прогулялъ одинъ часъ, и сталъ всю рыбу обижать, къ тинѣ, плотинѣ прижимать. Живой рыбѣ въ обиду то показалось, пошла на ерша просить къ Петру-осетру [2] праведному: «Петръ-осетръ праведный! за что насъ ершъ обижаетъ? выпросился онъ на одинъ часъ въ наше озеро побывать, да всѣхъ насъ съ озера и сталъ выгонять. Разбери и разсуди, Петръ-осетръ праведный, вѣрою и правдою.» Петръ-осетръ праведный послалъ малую рыбу пискаря искать ерша. Пискарь искалъ ерша въ озерѣ, да не могъ сыскать. Петръ-осетръ праведный послалъ среднюю рыбу щуку искать ерша. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, ерша въ коргахъ [3] нашла: «здоровъ, ершишка?»—Здравствуй, щучишка! зачѣмъ ты пришла? «Къ Петру-осетру праведному звать на честь, не посадитъ ли тебя на цѣпь; на тебя есть просители.»—Кто же тамъ проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, и послѣдняя рыба плотичка-сиротичка — и та на тебя проситъ, да еще сомъ, мужикъ простой, губы толстые и говорить не умѣетъ—и тотъ на тебя челобитную подалъ; пойдемъ-ка ершъ,

---

1) Перекладинахъ? *копылъ* — дровни; дно у прядильнаго гребня, на которое садится пряха, и колодка, на которой плетутъ лапти (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89). 2) Въ рукописи вездѣ: «Петръ-сетръ». 3) Ко́рга — гряда камней въ водѣ; корга́ — камень или пень, лежащій на днѣ рѣки; плотное песчаное или каменистое дно озеръ и рѣкъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89).

Digitized by Google

раздѣлаемся, что на судѣ по правдѣ скажутъ.»—Нѣтъ, щучишка! не лучше ли дѣло такъ будетъ: пойдемъ со мною погуляемъ. Щука не соглашается съ ершомъ гулять, а хочетъ ерша на судъ праведный тащить, какъ-бы поскорѣй его осудить. «Ну, щука! хоть ты съ рыла и востра, да не возьмешь ерша съ хвоста! А вотъ нынче суббота, у моего отца дѣвишникъ—пиръ да веселье; пойдемъ лучше, попьемъ, погуляемъ вечерокъ, а завтра, хоть и воскресенье, пойдемъ—такъ и быть—на судъ праведный; по крайней мѣрѣ неголодные будемъ.» Щука согласилась и пошла съ ершомъ гулять; ершъ напоилъ ее пьяною, за пелёду [1] засадилъ, дверью затворилъ и кольемъ заколотилъ. Долго ждали на судъ щуку и не дождались. Петръ-осетръ праведный послалъ за ершомъ большую рыбу-сомъ. Сомъ въ озеро нырнулъ, хвостомъ плеснулъ, ерша въ коргахъ нашелъ. «Здравствуй, зятюшка!»—Здоровъ, тестюшка! «Пойдемъ, ершъ, на судъ праведный; на тебя есть просители.»—Кто же проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ершъ-то сому зять; съумѣлъ его сомъ въ руки взять, и самолично привелъ на судъ праведный. «Петръ-осетръ праведный, зачѣмъ меня требовалъ на-скоро?» спросилъ ершъ.—Какъ тебя было не требовать? ты въ Ростовское озеро выпросился одинъ часъ погулять, а потомъ всѣхъ съ озера и сталъ выживать. Живой рыбѣ то за досаду показалося; вотъ собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка, и самолично подала мнѣ на тебя челобитную: разбери де, Петръ-осетръ, это дѣло правдою!»—Ну, послушай же, отвѣчаетъ ершъ, и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись [2], а берега водою подмыло, а я ѣхалъ

1) Пелёда — передній навѣсъ крыши между двумя избами; покрышка на скирдахъ. Пелёдъ — мѣсто подлѣ самого овина, которое покрывается соломою. Пелёвня—сарай для соломы (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 154).
2) Сгладились, уничтожились.

Digitized by Google

тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко [1] гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а всѣ выскочитъ.—Петръ-осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На починѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазёнки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?»—Вижу, ершъ! что ты правъ; ступай въ озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ да ворóна тебя изъ грязи вытащитъ. Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «доброже, рыба севрюга, калуга! достанется вамъ и всѣмъ язямъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу.» Шелъ Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шелъ Сергѣй, нёсъ охапку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ [2]; пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить да ерша упустилъ.

с. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый 3) хвостъ,
Слюноватый носъ,
Киловатая 4) брюшúна,

1) Очень, много (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 195). 2) Заколъ рыбный (ibidem, стр. 271). 3) Увертливой плутоватой. 4) Киловатъ — бранное слово (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 82).

Digitized by Google

Лихая образина,
На рожѣ кожа, какъ елова кора.
Прижилось, прискудалось ершишку-плутишку
Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,
Собрался на ветхихъ 1) дровнишкахъ
Съ женою и дѣтишками,
Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,
Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,
Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовскіе жильцы!
Пустите ерша пообѣдать
И коня покормить.»
Лещи распространились 2),
Ерша къ ночи пустили.
Ершъ гдѣ ночь ночевалъ,
Тутъ и годъ годовалъ;
Гдѣ двѣ ночевалъ,
Тутъ два года годовалъ;
Сыновей поженилъ,
А дочерей замужъ повыдалъ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота,
Пропасти земныя.
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Бѣлаго свѣту не видали;
Съ того лещи
Съ голоду помирали.
Сбиралися лещи въ земскую избу
И думали думу заедино,
И написали просьбу
И подавали Бѣлозеръ-Палтосъ-рыбѣ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему ершишко-плутишко,»

---

1) Въ рукописи: «на вельмей» (?) 2) Разступились, дали мѣсто.

Digitized by Google

Худая головишко,
Разжился, распоселился
Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
И изогна́лъ насъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя:
Три года мы лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали;
Съ того мы лещи
И съ голоду помирали.
Есть ли у него на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая пере(я)славска,
Рыба-сомъ съ большимъ усомъ.
Кого послать ерша позвать?
Менька 1) послать —
У него губы толстыя,
А зубы рѣдкіе,
Рѣчь не умильна(я),
Говорить съ ершомъ не съумѣетъ!
Придумала рыба-сомъ
Съ большимъ усомъ:
Послать или нѣтъ за ершомъ гарьюса 2);
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо бѣленько,
Рѣчь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня разсыльнымъ,
Карася пятисотскимъ,
Семь молей, понятыхъ людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали

---

1) Налима. 2) Харіусъ — родъ лососей.

Digitized by Google

И на судъ представили.
Ершъ предъ судомъ стоитъ
И съ повадкой 1) говоритъ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему меня на судъ повѣщали?»
— Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и разселился и
Почему меня на судъ повѣщали?»
Въ здѣшнемъ Ростовскомъ озерѣ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя?
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали.
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали,
И съ того лещи
Съ голоду помираютъ.
Есть ли у тебя на это дѣло
Книги, отписи и паспорты: какіе?
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Въ память или нѣтъ тебѣ пришло:
Когда горѣло наше славное Кубинское озеро,
Тамъ была у ершишка избишка,
Въ избишкѣ были сѣнишки,
Въ сѣнишкахъ клѣтишко,
Въ клѣтишкѣ ларцышко,
У ларцышка замчишко,
У замчишка ключишко —
Тамъ-то были книги и отписи
И паспорты, и все пригорѣло!
Да не то одно пригорѣло;
Былъ у батюшка дворецъ
На семи верстахъ,
На семи столбахъ
Подъ полатями бобры,

1) Въ рукоп. «не съ упадкой.»

Digitized by Google

На полатяхъ ковры —
И то все пригорѣло!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злымъ голосомъ кричала:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лѣтъ
Подъ порогомъ стоялъ
И сорокъ человѣкъ
Разбою держалъ,
И много головъ погубилъ
И много живота 1) притопилъ!»
И ершу стало азартно;
Какъ съ рыбою-семгою не отговориться?
«Ахъ ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кисльі!
Васъ ѣдятъ господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы штей наварятъ
И блиновъ напекутъ,
Шти хлебаютъ, подхваливаютъ:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тутъ ершъ съ семгой отговорился.
Говоритъ Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба:
«Окунь-разсыльный,
Карась-пятисотской,
Семь молей, понятыхъ людей!
Возьмите ерша.»
А ершъ никакихъ рыбъ не боится,
Ото всѣхъ рыбъ боронится.
Собрался онъ ершишко плутишко
На свои на ветхіе 2) дровишки
Съ женою и дѣтишками,
И поѣзжаетъ въ свое славное
Въ Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша злымъ голосомъ кричала,
Только за ершомъ въ слѣдъ подавалась:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня въ свое славное

1) Имущества. 2) Въ рукописи: «вельмые».

Digitized by Google

Въ Кубинское озеро;
Кубинскаго озера поглядѣть
И Кубинскихъ ста́новъ посмотрѣть.»
Ершъ зла и лиха не помнитъ,
Рыбу-семгу за собой поводитъ.
Рыба-семга идучи устала,
Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
И мужику въ сѣть попала.
Ершъ назадъ оглянулся,
А самъ усмѣхнулся:
«Слава тебѣ, Господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злымъ голосомъ кричала,
А сегодня мужику въ сѣть попала.»
Ершъ семгѣ подивовалъ
И самъ на утренней зорѣ вздремалъ,
Мужику въ морду 1) попа́лъ.
Пришелъ Никонъ,
Заколи́лъ приколъ 2);
Пришелъ Перша
Поставилъ вершу;
Пришелъ Богданъ,
И ерша Богъ далъ;
Пришелъ Вавила,
Поднялъ ерша на вила;
Пришелъ Пименъ,
Ерша запи́нилъ 3)
Пришелъ Обросимъ,
Ерша о̀ земь бросилъ;
Пришелъ Антонъ
Завертѣлъ ерша въ балахонъ;
Пришелъ Амосъ,
Ерша въ клѣть понёсъ;
Идетъ Спира(я),
Около ерша стырить 4);
Амосъ Спиру

---

1) Морда — рыболовная снасть, состоящая изъ мѣшка, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ (См. Записки объ уженьѣ рыбы, С. Аксакова, издан. 3, стр. 301). 2) Т. е. сдѣлалъ заколъ(ѣзъ). 3) Т. е. запина́лъ (пинать, нуть). 4) Стырить—дразнить, грубо говорить (Опыть областн. великорус. словаря, стр. 218).

Digitized by Google

Да по рылу:
«Ахъ ты, Спира!
Надъ эдакой рыбой стыришь;
У тебя эдака рыба
Вѣкъ въ дому не бывала!»
Пришелъ Вася,
Ерша съ клѣти сляпалъ 1);
Пришелъ Петруша,
Ерша разрушилъ 2);
Пришелъ Савва,
Вынялъ съ ерша полтора пуда сала;
Пришелъ Іюда
Расклалъ ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришелъ Антипа,
Ерша стѝпалъ 3);
Пришелъ Алупа,
Ерша слупалъ;
Пришелъ Елизаръ,
Блюда облизалъ;
Пришелъ Власъ,
Попучилъ глазъ,
Пришла Ненила,
И блюда обмыла!

33.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ.

Жили-были: пузырь, соломинка и лапоть; пошли они въ лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, не знаютъ: какъ черезъ рѣку перейтти? Лапоть говоритъ пузырю: «пузырь, давай на

1) Стащилъ (ляснть—льстить, хитрить); сля́мзить и сля́щить—украсть (Оп. обл. великор. словаря, стр. 217). 2) Т. е. разрѣзалъ, порушилъ. 3) Укралъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 215).

Digitized by Google

тебѣ переплывемъ!» — Нѣтъ, лапоть! пусть лучше соломинка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней. Соломинка перетянулась; лапоть пошелъ по ней, она и переломилась. Лапоть упалъ въ воду, а пузырь хохоталъ-хохоталъ да и лопнулъ! [1].

34.

РѢПКА.

Посѣялъ дѣдко [2] рѣпку; пошелъ рѣпку рвать, захватился за рѣпку: тянетъ-потянетъ, вытянуть не можетъ! Созвалъ дѣдко бабку; бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла нóга (?). Нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла дрýга [3] нóга; дрýга нóга за нóгу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! (и такъ далѣе до пятой нóги). Пришла пя́та нóга пять ногъ за четыре, четыре ноги за три, три ноги за двѣ, двѣ ноги за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ: вытянули рѣпку [4]!

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

---

1) *Варіантъ*: Шли два старика по дорожкѣ и зашли въ пустую избушку согрѣться на печкѣ: пузы́рекъ да бородка. Посылаетъ пузы́рекъ бородку: «поди, добудь огонька!» Бородка пошла, дунула на огонёкъ и (вс)пыхнула; а пузы́рекъ хохоталъ да хохоталъ, палъ съ печки и лопнулъ. 2) Дѣдъ. 3) Другая. 4) *Варіантъ:* Былъ старикъ со старухою; насѣяли рѣпку. «Старуха! зоветъ старикъ; я ходилъ, смотри(ѣ)лъ: рѣпка частая. Пойдемъ рвать.» Пришли

Digitized by Google

35.

ГРИБЫ.

Вздумалъ грибъ, разгадалъ боровикъ [1]; подъ дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, сталъ приказывать: «приходите вы, бѣлянки, ко мнѣ на войну.» Отказалися бѣлянки: «мы грибовыя дворянки! не йдемъ на войну.» — Приходите, рыжики, ко мнѣ на войну. Отказались рыжики: «мы богатые мужики, не повинны на войну идти!» — Приходите вы, волнушки, ко мнѣ на войну. Отказалися волнушки: «мы господскіе стряпушки [2]! не йдемъ на войну.» — Приходите вы, опенки, ко мнѣ на войну. Отказалися опенки: «у насъ ноги очень тонки! мы не йдемъ на войну.» — Приходите, грузди, ко мнѣ на войну. «Мы грузди — ребятушки дружны, пойдемъ на войну!»

Это было, какъ царь-горохъ воевалъ съ грибами.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

36.

ПРИБАУТКИ.

а. «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли тебѣ отъ роду лѣтъ?» — Семьдесятъ, бабушка! семьдесятъ, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда ты уми-

---

къ рѣпкѣ; посудили—посудили: какъ намъ рѣпку рвать? Бѣжитъ ножка по дорожкѣ. «Ножка! пособи рѣпку рвать.» Рвали-рвали, не могли вырвать... (Записана въ вологодскомъ уѣздѣ).

1) *Вар.* Грибъ-грибъ-боровикъ, всѣмъ грибамъ полковникъ... или: Царь грибной сталъ звать грибовъ на войну... 2) *Вар.* «Мы старушки».

Digitized by Google

рать будешь?» — Въ среду, бабушка! въ среду, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда-жъ тебя хоронить будутъ?» — Въ пятницу, бабушка! въ пятницу, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ тебя поминать будутъ?» — Блинами, бабушка! блинами, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, во что послѣ тебя позвонить будетъ?» — Въ сковороду, бабушка! въ сковороду, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли у тебя дѣтушекъ?» — Семеро, бабушка! семеро, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ послѣ тебя поить-кормить будетъ?» — По міру, бабушка! по міру, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить—зима студена!» — Въ лапоткахъ, бабушка! въ лапоткахъ, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить—собаки съѣдятъ!» — Съ палочкой, бабушка! съ палочкой, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить — не во что милостыню класть!» — Въ сумочку, бабушка! въ сумочку, Пахомовна!

b. «Куда, миленькой, снаряжаешься?»—Не скажу. «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — Въ городъ на ярманку. «Миленькой, возьми меня съ собой!»—Не возьму. «Возьми, мой дорогой, меня съ собой.» — Садись на самой краюшекъ. «Что у тебя, миленькой, въ возу?» — Не скажу. «Что, мой дорогой, въ возу?» — Яблоки. «Дай мнѣ, миленькой, яблочко?» — Не дамъ. «Дай, дорогой, яблочко.» Возьми одно. «Гдѣ мы, миленькой, ночуемъ съ тобой?» — Не скажу. «Скажи, мой дорогой, гдѣ ночуемъ съ тобой?» — Въ большой деревнѣ у попа въ пелевнѣ [1]).

c. «Коза, коза, лубяные глаза! гдѣ ты была?»—Коней пасла. «А кони-то гдѣ?» — Николка увелъ. «А Николка-то гдѣ?»—

---

1) Пелёвня — сарай для соломы, пуня.

Digitized by Google

Въ клѣть ушелъ. «А клѣть-то гдѣ?» — Водой унесло [1]. «А вода-то гдѣ?» — Быки выпили. «А быки-то гдѣ?» — Въ гору ушли. «А гора-то гдѣ?» — Черви источили. «А черви-то гдѣ?» — Гуси выклевали. «А гуси-то гдѣ?» — Въ вереснякъ [2] ушли. «А вереснякъ-то гдѣ?» — Дѣвки выломали. «А дѣвки-то гдѣ?» — Замужъ выскокали. «А мужья-то гдѣ?» Всѣ примерли [3].

(Записана въ новгородской губерніи.)

d. «Галка-копалка! ты куды, галка, летала?» — На дѣдину полянку. «Чего дѣлаютъ на дѣдиной полянкѣ?» — Грамоту пишутъ, на дѣвицу здышутъ [4]. Дѣвица, дѣвица! сходи за водицей. — Рака боюся! — Ракъ на болотѣ, рубахи колотитъ, въ цвѣтномъ платьѣ; трои сани съ козырями, трои съ вычурами.

e. Гуси лебеди лети(ѣ)ли, въ чисто поле залетѣли, въ полѣ банюшку доспи(ѣ)ли. Воробей дрова кололъ, тараканъ баню топилъ, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася [5]; бѣла гнида подхватила, на рогожку повалила; сѣра

---

1) *Вар:* Вода поняла. 2) Можжевельникъ (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 23).

3) *Варіантъ 1:* Какъ ударили въ доски, поѣхали въ гости. «А кони-то гдѣ?» . . . . «А гора-то гдѣ?» — Въ соснякъ ушла. «А соснякъ-то гдѣ?» — Въ тростнякъ ушелъ. «А тростнякъ-то гдѣ?» — Дѣвки выломали. «А дѣвки-то гдѣ?» — По замужьямъ ушли. «А мужевья-то гдѣ?» — Въ Питеръ ушли. «А Питеръ-то гдѣ?» — Питеръ выгорѣлъ. «А огонь-то гдѣ?» — Огонь въ камень ушелъ. «А камень-то гдѣ?» — Камень въ землю ушелъ.

Варіантъ 2: «Боба (заяцъ) ты, боба! ты куды, боба ходила?» — Въ гости ходила. «Чего пила, ѣла?» — Сыръ да масло, печоно ѣичко. «Мнѣ принесла ли?» — Принесла, покинула (положила) на полку. «На полкѣ нѣту!» — Собачки съи(ѣ)ли. «Гдѣ собачки?» — Въ лѣсъ убѣжали. «Гдѣ лѣсъ?» — Огнёмъ сгорѣлъ. «Гдѣ огонь?» — Водой залили . . . . «Гдѣ гора?» — Черви выточили. «Гдѣ черви?» — Гуси выклевали. «Гдѣ гуси?» — Стры(ѣ)лцы пристри(ѣ)лили. «Гдѣ стрыльцы?» — Умерли. «Гдѣ душа?» — На небѣ. (Записана въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.) См. Владимірской сборникъ Тихонравова, М., 1857 года, стр. 40. 4) По дѣвицѣ вздыхаютъ? 5) Устала.

Digitized by Google

блошка подскочила, ножку подломила, въ передбанокъ вошку выносила...

f. Котъ на печи сухари толчетъ, кошка въ окошкѣ ширинку [1] шьетъ, свинья въ огородѣ овесъ толчетъ, курочка въ сапожкахъ избушку метётъ; вымела избушку, положила голичокъ подъ порожичокъ [2].

g. Ходитъ курочка въ сапожкахъ, выронила перышко, изъ перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановомъ селѣ-то собачка на лычкѣ потявкиваетъ, медви(ѣ)дь на цѣпочкѣ порывается, господинъ на печкѣ обувается, госпожа за печкой оладьи печетъ, сухари толчетъ.

(Записаны въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.)

h. Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пѣли онѣ — воспѣвали, жалобно причитали: кто у насъ на морѣ бóльшимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орелъ царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русской гусь торговой, сѣра утка попадья, воробышекъ дьячекъ, малые чирята крылошане, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водовозомъ, на морѣ журавль перевозомъ: тото-ли долгіе ноги, тото-ли короткое платье! журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтно платье не мочитъ; галочки черноваты, малиновки штуковаты [3], синички молодицы, касаточки красны дѣвицы; малая птица синица сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонъ [4] воспѣваетъ, слышитъ

---

1) Платокъ.

2) *Вар:* Скакала галка по ельничку, по хвошничкамъ (хвощъ—растеніе), по березничкамъ; наѣхали на галку разбойнички, сняли съ галки синь кафтанъ, не въ чемъ галкѣ по городу скакать! Волкъ по дорогѣ въ три ноги бьетъ, свинья въ ожерелкѣ (ожерёлокъ—воротникъ у шубы) овесъ толчетъ. Былъ я у тещи, била меня теща вѣничкомъ; плакать я: хень, хень! утѣшали меня: тбрюнь, тбрюнь! 3) Хитры (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 268). 4) Жаворонокъ.

Digitized by Google

вёсну красну, слышитъ лѣто тёпло: стала мать-рожъ на колосъ метаться, скотинушка въ лѣсъ убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ [1], зимой ворона по дорогѣ, каждаго слѣду перегребаетъ; каждаго братомъ называетъ; сорока-то гостинная жена, хочетъ щепотко [2] ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать. безъ калача и(ѣ)сть не сядетъ, безъ водки не изопьетъ [3].

k. Лежитъ зайко подъ кустомъ; охотнички за нимъ взорятъ, звѣря малаго ловятъ. Скочилъ зайко на ноги: вы, охотнички, идите — на мой хвостикъ посмотрите!

«Заинько сѣринькой, гдѣ ты былъ-спобывалъ?» — Былъ я, побывалъ въ огородѣ-ельничкѣ, въ анбарчикѣ-спальничкѣ. «Кого видѣлъ-сповидалъ?» — Видѣлъ я, повидалъ три дѣвчины хороши, три любчины пригожи; Аннюшенька черноброва, черноглаза лучше всѣхъ. «Заинько сѣринькой, онѣ звали ли тебя?» — Звали-звали, позывали: Катюша на часокъ, Марьюша на денёкъ; Аннюшенька удала, на недѣльку позвала. «Заинько сѣринькой, кормили ли тебя?» — Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Аннюшенька удала, кашу съ масломъ поднесла. «Заинько сѣринькой, поили ли тебя?» — Катюша-то пивцомъ, Марьюша-то винцомъ; Аннюшенька удала, стаканъ мёду налила. «Заинько сѣринькой, положили ли тебя?» — Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Аннюшенька удала, подушечку подала. «Заинько сѣринькой, не били ли тебя?»—Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Аннюшенька удала, за ушеньки подрала. «Заинько сѣринькой, провожали

---

1) Суслонъ—нѣсколько сноповъ, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221). 2) Чисто, богато. 3) Начинается и такъ: «Скажемъко про лѣто про тёпло, про весну про красну, про зиму студёну, про хлѣбы хлѣбисты, яровцы яристы, пшеницы пшенисты, ржи колосисты. Прилетали пташки . . .

Digitized by Google

ли тебя?» — Катюша-то на сѣнецъ, а Марьюша на крылецъ; Аннюшенька удала, за ворота провела.

1. Тень-потетень! выше города плетень; на полицѣ трубица гороховая, на печи калачи, какъ огонь горячи, съ печки упали, въ горшечекъ попали. Кушайте, бояре, пова́рныхъ щей. Тетка-божатка! [1] сошей-ка рубашку, тонѐньку, бѣлѐньку, косей воротокъ. Поѣду я жениться, на сивкѣ, на буркѣ, на соло́вой кобылкѣ. Кобылка, кобылка! не сдерни овина; въ овинѣ Арина ткётъ полотно, перетыки-то [2] кладетъ, да не дотыкиваетъ. Шапка-татарка поѣхала по лавкамъ; бей въ доску̀ да поминай Москву. Какъ на Вологдѣ вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка! гляча [3] долго не жила? Я боялась типуна. А типунъ-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дѣти хотятъ улетѣти на Ивановъ городъ. Они по грамоткѣ пишутъ, на дѣвицу дышутъ. Дѣвица, дѣвица! поди по водицу. На дорогѣ-то волки горохъ молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то съ печи обломала плечи. Сёмъ-пересёмъ на лопаткѣ испеченъ; мужикъ пѣсню спѣлъ, на капустникъ сѣлъ, съѣлъ три короба блиновъ, три костра пироговъ, заулокъ рогулекъ, заходъ калачей, мяки̇нницу сулóю [4], овинъ киселя, поваренку щей! [5]

---

1) Крестная мать (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 5). 2) Пере́тки — особеннаго рода нить, затканная въ полотно (ibidem, стр. 156). 3) Вмѣсто: для-ча(чего). 4) Сулóй — мутный квасъ и густое сусло, изъ котораго варятъ ржаной кисель (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 220).

5) *Варіантъ 1:* Тпрушки, тпрушки! въ городѣ витушки, висятъ калачи, какъ огонь горячи; въ Питерѣ вино по три денежки ведро — хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся да поворачивайся! Тонъ-тонаны! съ овсомъ пироги, обали́ха (саламата — Опытъ обл. великор. словаря, стр. 131) съ киселемъ, а кашка съ молокомъ: это по зубамъ пришло!

Варіантъ 2: Господи помилуй! на ко́никѣ Данило, на лавкѣ Флоръ, на печи приговоръ, въ печи калачи — какъ огонь горячи, про бояръ печены. Наѣхали бояре да собакъ навезли; собаки-то вздурили да попа укусили.

Digitized by Google

m. Нутко, дядюшка Корнило, запрягай-ко ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горё-тоску: стоитъ бражка въ туяску [1], бражка пьяная пьяна, весела хмѣльная голова! Бражка порняй [2] выпивай!.....

n. Пошелъ полковникъ погулять, поймалъ птичку-перепёлочку; птичка-перепёлочка пить похотѣла, поднялась-полетѣла, пала-пропала, подъ ледъ попала, попа поймала, попа поповича, Петра Петровича.

o. Однажды говорила о себѣ рѣпа: «я рѣпа съ мёдомъ хороша!» — Поди прочь, хвастунья! отвѣчалъ ей мёдъ. я и безъ тебя хорошъ.

(Двѣ послѣднія записаны въ тверской губерніи.)

p. Была рѣпа важная, дивилась старуха кажная! однимъ днёмъ кругомъ не обойдешь; и той рѣпы половину мы съ семьей цѣлую недѣлю ѣли, а другую половину другую недѣлю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вотъ какая была мудрость недавно ўтро(ѣ)сь! [3]

q. Было два брата Хома да Ерёма; сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у нихъ рóзна [4], ботникъ [5] безо дна; три дни тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили. Сѣли братаны на бережокъ, понюхиваютъ табачокъ. Вздумали они торговать: накупили холстовъ, съѣхали въ Ростовъ, и промѣняли холсты на свиные хвосты, и тутъ неудача! Вздумали землю пахать: посѣяли рожъ и овёсъ; рожъ-то не выникла, а овёсъ-то не взошелъ, съ того они соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ! [6]

1) Туесъ — берестяный буракъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 233) 2) Пóрно — крѣпко, скоро, прытко (ibidem, стр. 171). 3) Утромъ. 4) Изломана, дырява (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192). 5) Челнокъ, маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева (ibidem, стр. 14). 6) Смотри № 49.

Digitized by Google

г. Стоитъ градъ пустъ, а во градѣ кустъ; въ кустѣ сидитъ старецъ да варитъ изварецъ; и прибѣжалъ къ нему косой заяцъ и проситъ изварецъ. И приказалъ старецъ безногому бѣжать, а безрукому хватать, а голому въ пазуху класть.

(Эта прибаутка записана въ вологодской губерніи.)

s. Теща про зятя пирогъ пекла, творѝла [1]) да вмѣсѝла три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яицъ на́ восемь рублей, окорокъ свиной да поросёнокъ годовой. Этого пирожка семерымъ не снесть, а хоть семеро подымутъ, такъ десяткомъ не съѣсть. А зятёкъ сѣлъ, у присѝдку [2]) все съѣлъ. Теща по полу похаживаетъ, скóса на зятя поглядываетъ: «милый зять! не одуло ли тебя?» — Ласкова теща! не прибавишь ли еще хоть сито блиновъ, рѣшето пироговъ? «Что тебя, зятюшко, не рòзорвало?» Вотъ зять идетъ дорогой, а брюшина стороной; на встрѣчу ему — прохожій спрашиваетъ: «что это за диво? гдѣ я не бывалъ, нигдѣ не видалъ!» — Какое это диво! зятева брюшина.

t. «Бабушка Арина, куда ты ходила?» — Въ новую деревню. «Ну, что въ новой деревнѣ?» — Утка въ юбкѣ, селезень въ кафтанѣ, корова въ рогожѣ — нѣтъ ея дороже. Это присказка, сказка будетъ впереди. Кудель, кудель! куда ты летѣла, на кусточекъ сѣла, на кусточекъ сѣла — соловьемъ запѣла? У насъ не такъ, какъ у васъ: и кудель поетъ соловьемъ!

u. Наташка, Наташка! сладенька кулажка [3]), сладка медовая, въ печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки въ дудки, жи(у)равли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

---

1) Существительное «творѝло» отъ глагола творить — разводить муку на теплой водѣ. 2) За присѣсть. 3) Кулáга — солодъ ржаной, смѣшанный съ ржаною же мукою и сваренный въ печкѣ (Этнограф. сбор., ч. 1, стр. 134).

Digitized by Google

x. Межъ долами, межъ горами, сидитъ баба съ пирогами, недорого продаетъ: все по денежкѣ пирогъ. Она вѣкъ-отъ свой торгуетъ, ходитъ босикомъ: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базаръ везти.

Курошинскимъ-то ребятамъ нынѣ по́жилось, прибогатилось; они съ торгу мукѹ брали, мукѹ на́ солодъ мѣняли, часто піушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмѣльненькую. Они пили, пировали, сами всѣ проистощали [1], кошелечки нашивали и пестери [2] наплели, по дворамъ побрели.

y. Не бѣлая березонька въ полѣ шатается, шолудивый съ плѣшивымъ считается: «хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

z. Была старая свинья, не ходила никуда днемъ со двора; ночь пришла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу миновала, въ сосѣдскую попадала; цвѣточки срывала, соломку бросала. Откуль взялся старой старичище сѣрой волчище, поднялъ хвостище, свиньѣ челомъ отдалъ: «здравствуй, милая жена, супоросная свинья! зачѣмъ шляешься и скитаешься? здѣсь волкъ поѣдаетъ овецъ.» Приходитъ свиньѣ конецъ. «Не ѣшь меня, волчинька, не ѣшь меня, сѣринькой! я тебѣ приведу стадо поросятъ.» — Не хочу мясца инова, хочу мясца свинова. Взялъ волкъ свинку за бѣлую спинку, за чорную щетинку; понёсъ волкъ свинку за пень, за колоду, за бѣлую березу, сталъ свиныя косточки глодать, свиныхъ родителей поминать [3].

---

1) Поразорились. 2) Пестéрь—котомка, сплетенная изъ лыкъ или бересты; коробъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 157). 3) См. вып. III, № 21 и въ этомъ выпускѣ № 14.

Digitized by Google

37.

ДОКУЧНЫЯ СКАЗКИ.

a. Жили-были два братца, два братца — куликъ да журавль. Накосили они стожокъ сѣнцá, поставили середи польцá. Не сказать ли сказку опять съ конца?

d. Жилъ-былъ старикъ, у старика былъ колодецъ, а въ колодцѣ-то я(е)лѣцъ [1]; тутъ и сказкѣ конецъ.

(Записаны въ вологодской губернiи, никольскомъ уѣздѣ.)

«Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?»—Скажи. «Ты-скажи, да я-скажи, да сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — Скажи. «Ты-скажи, да я-скажи, да чего у насъ будетъ, да докуль это будетъ! Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» [2]

38.

БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ.

Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую:
Старика свяжу со старухою,
Со старухою съ кособрюхою.

---

1) Рыба.

2) И такъ далѣе, пока не наскучитъ одному спрашивать, а другому отвѣчать. Въ воронежской губернiи обыкновенно спрашиваютъ: «Разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» — Разскажи. «Ты говоришь: разскажи, я говорю: разскажи; разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» — Не надо. «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» и т. дал.

Digitized by Google

То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Середи моря овинъ горитъ,
По чисту полю корабль бѣжитъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Еще вотъ вамъ чудо чуднѣе того:
Ужь какъ кутюшка [1] бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!
Это вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Мужики на улицѣ заѣзки [2] бьютъ,
Заѣзки бьютъ, они рыбъ ловятъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
По поднебесью медвѣдь летитъ,
Ушками, лапками помахиваетъ,
Сѣрымъ хвостикомъ поправливаетъ;
На дубу кобыла бѣлку злаяла,
Въ стойлѣ сука въ запрягу стоитъ,
Въ осѣку [3] овца гнѣздо свила!
И тому чуду не дивуйтеся:
Съ горы корова на лыжахъ катится,
Разширя ноги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жена въ пристяжи была;
Сынъ матушку припонюживалъ [4],

---

1) Кута—собака (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 98). *Вар:* «курочка». 2) Ѣзы—заколы для рыбной ловли (ibidem, стр. 69). 3) Осѣкъ—изгорода изъ кольевъ, отдѣляющая пажить отъ луговъ или селеніе отъ полей (ibidem, стр. 145). 4) Понуждалъ (нудилъ), подгонялъ.

Digitized by Google

Молоду жену призадёрживалъ!
Я еще видѣлъ чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкою,
Большимъ боёмъ бьются — мутовками,
Ложками стрѣляли во чисто поле;
Устрѣлили татарина мертваго,
Кафтанъ съ него сняли рогóзяный,
Опоясочку съ него сняли лычану,
Сапоги съ него сняли берестяные.
Кто богатъ да скупъ: пива не варитъ,
Насъ молодцевъ не кормитъ, не поитъ,
Тому дастъ Богъ кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогатому да тороватому,
Кто пиво варитъ, насъ молодцевъ поитъ,
Дастъ Богъ на полѣ приплóдъ,
На гумнѣ примолотъ,
Въ квашнѣ спорину 1),
На столѣ сдвижину 2).
Съ пива съ того пріупѝлся мужикъ,
Пріупившись, самъ на сараѣ лежитъ,
У рта кроха — полтора колпака 3)....

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

---

1) Прибыль. 2) Частую перемѣну яствъ. 3) Колпáкъ — большая чашка (Опытъ обл. великор. словаря стр. 88). Сличи начало этой сказки съ былиною, напечатанною у Кирши Данилова (Древн. росс. стихотворенія, стр. 317).

Digitized by Google

39.

СОЛНЦЕ, МѢСЯЦЪ И ВОРОНЪ ВОРОНОВИЧЪ.

Жилъ-былъ старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ анбаръ крупку брать; взялъ крупку, понёсъ домой, а на мѣшкѣ-то была дырка: крупка-то въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спрашиваетъ: «гдѣ крупка?» — а крупка вся высыпалась. Пошелъ старикъ собирать, и говоритъ: «какъ-бы́ Солнышко обогрѣло, какъ-бы́ Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ-бы́ Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупку собрать: за Солнышка бы отдалъ старшую дочь, за Мѣсяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Сталъ старикъ собирать — Солнце обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ пособилъ крупку собрать. Пришелъ старикъ домой, сказалъ старшей дочери: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее. Средней дочери также велѣлъ одѣться хорошенько и выйти на крылечко. Она одѣлась и вышла; Мѣсяцъ схватилъ и утащилъ вторую дочь. И меньшой дочери сказалъ: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась и вышла на крылечко; Воронъ Вороновичъ схватилъ ее и унесъ.

Старикъ и говоритъ: «идти развѣ въ гости къ зятю.» Пошелъ къ Солнышку; вотъ и пришелъ. Солнышко говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?» — Я ничего не хочу. Солнышко сказало женѣ, чтобъ настряпала оладьевъ. Вотъ жена настряпала. Солнышко усѣлось середи полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришелъ старикъ домой, приказалъ старухѣ состряпать оладьевъ; самъ сѣлъ на полъ и велитъ ставить на себя сковороду съ

Digitized by Google

оладьями. «Чего на тебѣ испекутся!» говоритъ старуха. — Ничего, говоритъ, ставь, испекутся. Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего дѣлать поставила старуха сковороду въ печь, испеклися оладьи, наѣлся старикъ.

На другой день старикъ пошелъ въ гости къ другому зятю, къ Мѣсяцу. Пришелъ; Мѣсяцъ говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?» — Я, отвѣчаетъ старикъ, ничего не хочу. Мѣсяцъ затопилъ про него баню. Старикъ говоритъ: «тёмно, бывáтъ [1]), въ банѣ-то будетъ!» А Мѣсяцъ ему: «нѣтъ, свѣтло; ступай.» Пошелъ старикъ въ баню, а Мѣсяцъ запихалъ перстикъ [2]) свой въ дырочку и отъ того въ банѣ свѣтло-свѣтло стало. Выпарился старикъ, пришелъ домой и велитъ старухѣ топить баню ночью. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее туда париться. Старуха говоритъ: «тёмно-париться-то!» —Ступай, свѣтло будетъ! Пошла старуха, а старикъ видѣлъ-то, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда-жъ —взялъ прорубилъ дыру въ банѣ и запихалъ въ нее свой перстъ. А въ банѣ свѣту нисколько нѣтъ! Старуха знай кричитъ ему: «тёмно!» Дѣлать нечего, пошла она, принесла лучины съ огнемъ и выпарилась.

На третій день старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. Пришелъ. «Чѣмъ тебя подчивать-то?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ.—Я, говоритъ старикъ, ничего не хочу. «Ну, пойдемъ хоть спать на сѣдала» [3]). Воронъ поставилъ лѣстницу и полѣзли съ старикомъ. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ крыло. Какъ старикъ заснулъ, они оба упали и убились.

---

1) Вѣроятно, можетъ быть (Опытъ областнаго великорус. словаря, стр. 18). 2) Пальчикъ. 3) Насѣсть.

Digitized by Google

40.

ВАЗУЗА И ВОЛГА.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе бо́льшаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придётъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе.» Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

(Записана въ тверской губерніи.)

41

КОБЫЛЯЧЬЯ ГОЛОВА [1].

Якъ бувъ дидъ да баба, да у ихъ було дви дочкѝ: одна дидова, а друга бабина. У дида була дочкà така, що всегда рано уставала да усе робила, а бабиній якъ бы ничо́го не робить! Ото разъ баба послала ихъ на попряхи: идить же, говорить, да щобъ мини багато напряли. Дидова дочкá до свита встала да усе пряла; а бабина зъ вечера тильки якъ попряла трошки, да-й не

1) См. выпускъ I, стр. 85—86.

Digitized by Google

пряла бильши(е). Ураньци, якъ свитъ ставъ, пошли вони до дому; треба имъ було въ одномъ мисти черезъ перелазъ [1] лизти. Бабина дочка́ упередъ перелизла и гово́рить: «дай мини, сестрице, твои починки [2]; я подержу, покиль ты перелизишъ.» Та јій одала; такъ вона ихъ забравши побигла до дому, да-й каже: «дивись, мамо, скильки я напряла, а сестра якъ легла зъ вечера, дакъ и не уставала до свита!» А та прійшовши скильки не божилась, що то јіи починки, дакъ куда — баба и слухать не хотила, одъ того що вона јіи и по-пере́ду не любила, да и навьязалась на дида: «дѣ хочешъ, тамъ и динь [3] свою дочку̀, тильки щобъ вона у мене дурно [4] хлиба не јила!» Отъ дидъ запригъ кобылу да посадывъ дочку на визъ, и самъ сивъ, да и поjихали. Jидуть лисомъ, ажъ тамъ стоить хатка на курячій нижки. Дидъ узявъ дочку̀ да-й повивъ у хату, а хата була одчѝнина [5], да-й каже: «оставайся-жъ, доню [6], тутъ, а я пиду дровецъ нарубаю, щобъ було чимъ кашу зварить.» Да самъ пишовъ съ хати да-й поjихавъ, тильки привьязавъ до оконецы колодочку. Колодочка стукне, а дочка́ и каже: «се мій батенько дровця рубае!» Коли стукотить, гуркотить [7] кобыляча голова: «хто въ мојій хати, одчини!» Дивчина встала и одчинила. «Дивчино, дивчино! пересадь черезъ порогъ.» Вона пересадила. «Дивчино, дивчино! постели мини постиль.» Вона постелила. «Дивчино, дивчино! положи мене на пилъ» [8]. Вона положила. «Дивчино, дивчино! укрій мене.» Вона и укрила. «Дивчино, дивчино! улизь-же мини у праве ухо, а у ливе вылизь.» Вона якъ вылизла изъ ушей, дакъ стала така хоро́ша, що кра̀щой [9]

---

1) Одно или два бревна, положенныя черезъ ручей или рѣчку (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 155). 2) Почи́нокъ—пряжа, намотанная на веретено (ibidem, стр. 175). 3) Дѣвай, дѣнь. 4) Даромъ. 5) Отворена. 6) До́чка. 7) Кричитъ, шумитъ. 8) Полъ — возвышенный помостъ въ крестьянскихъ избахъ, замѣняющій кровати (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 168). 9) Болѣе красивой.

Digitized by Google

не мае. Зàразъ стали и лакеи, и кони, и коляска; вона сила у коляску да-й поjихала до батька. Приходить у хату, а батько jiи и не пизнавъ; а посли вона имъ розказала, що зъ нiю було. Отъ баба упять пристала до дида: «вези и мою дочкȕ туда, куда свою возивъ.» Дидъ и бабину туда-жъ отвизъ, и посадивши у хати, веливъ себе ждать, покиль винъ нарубаеть дровъ. Тильки та пождала трошки, начала плакать, що сама осталась у лѣсȕ; ажъ опять стукотить, гуркотить кобыляча голова: «хто въ моjiй хати, одчини!» — Невелика пани — и сама одчинишъ! каже дивчина. «Дивчино, дивчино! пересади мене черезъ порогъ.» — Невелика пани — и сама перелизишъ! «Дивчино, дивчино! постели мини постиль.» — Невелика пани — и сама постилишъ! «Дивчино, дивчино! положи мене на пилъ.» — Невелика пани — и сама ляжешъ! «Дивчино, дивчино! укрiй мене.» — Невелика пани — и сама укрiешся! Тогди кобыляча голова схватилась и зъjила бабину дочкȕ, да ки(о)сточки въ мѣшочку и повисила, а сама опять ушла. Собачка прибѣжала до баби да начала брехать: «гавъ, гавъ! дидова дочкà якъ панночка, а бабиной дочкѝ у торбинци кисточки!» Що прожене [1] баба jiи, то вона опять и прибижить. Тильки баба и говóрить дидови: «поjидь да подивись, що тамъ изъ моjiй дочкòю робиця.» Отъ дидъ поjихавъ и привизъ у торбинци кисточки, дакъ баба росердилась да собачку и убила.

42.

МОРОЗКО.

а. Жили были старикъ да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была

1) Прогонитъ.

Digitized by Google

ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Дѣвушка скота(ину) поила-кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку топила, обряды [1] творила, избу мела и все убирала еще до́ свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Марѳушу ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и не такъ-то стоитъ, и сорно-то въ избѣ. Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась мачихѣ уноровить [2] и дочерямъ ея услужить; но сестры, глядя на мать, Марѳушу во всёмъ обижали, съ нею вздорили [3] и плакать заставляли: то имъ и любо было! Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Старику жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушляная [4] да работящая, никогда не упрямилась, что заставятъ, то и дѣлала, и ни въ чемъ слова не перекорила [5]; да не зналъ старикъ чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ея лѣнивицы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ — какъ-бы дочерей пристроить, а старуха — какъ-бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говоритъ старику: «ну, старикъ! отдадимъ Марѳушу замужъ.» — Ланно [6], сказалъ старикъ и побрёлъ себѣ на печь; а старуха въ слѣдъ ему: «завтра встань, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой; а ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку, да накинь бѣлую исподку [7]: завтра поѣдишь въ

---

1) Уборы женскіе, платья (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 135). 2) Приноровиться, прійтиться по нраву. 3) Ссорились. 4) Послушная. 5) Не поперечила. 6) Ладно. 7) Чистую рубаху (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 75).

Digitized by Google

гости!» Добрая Марѳуша рада была такому счастью, что увезутъ ее въ гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама нарядилась, и была дѣвка — хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ наутро, ни свѣтъ, ни зоря, запрёгъ кобылу въ дровни, подвелъ ко крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на коникъ и сказалъ: «ну, я все изладилъ!» — Садитесь за столъ да жрите![1] сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собой посадилъ; хлѣбница [2] была на столѣ, онъ вынялъ челпа́нъ [3] и нарушалъ [4] хлѣба и себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: «ну, голубка, ѣшь да убирайся, я вдоволь на тебя нагдядѣлась! Старикъ, увези Марѳутку къ жениху; да мотри, старой хрычъ, поѣзжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то направо, на боръ, — знаешь, прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Марѳутку за Морозка.» Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и пересталъ хлѣбать, а дѣвка завыла. «Ну что тутъ нюни-то распустила! Вить женихъ-то красавецъ и богачъ! Мотри-ко, сколько у него добра: всѣ ёлки, мянды [5] и берёзы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!» Старикъ молча уклалъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ [6], и пустился въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли пріѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Наконецъ доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился прямо снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ

---

1) Въ рукописи: «жорите». 2) Круглая коробка, лукошко, съ крышей — для держанія хлѣба (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 248). 3) Непочатой коровай хлѣба, пирогъ безъ начинки (ibidem, стр. 255). 4) Нарѣзалъ. 5) Верхніе слои сосны (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 119). 6) Крестьянская баранья шуба (ibidem, стр. 268).

Digitized by Google

подъ огромной сосной коробейку и сказалъ: «сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковѣе.» А послѣ заворотилъ лошадь и домой.

Дѣвушка сидитъ да дрожитъ; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла она выть, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ. Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очуд(т)ился онъ и на той соснѣ, подъ коёй дѣвица сидитъ, и сверху ей говоритъ: «тепло ли те, дѣвица?» — Тепло, тепло, батюшко-Морозушко! Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: «тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, но еще говоритъ: «тепло, Морозушко; тепло, батюшко!» Морозко пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ и дѣвицѣ сказалъ «тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли те, лапушка?» Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала: «ой тепло, голубчикъ Морозушко!» Тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одѣялами.

Старуха наутро мужу говоритъ: «поѣзжай, старой хрычъ, да буди молодыхъ!» Старикъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ. Подъѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую, и коробъ съ богатыми подарками. Не говоря ни слова, старикъ сложилъ все на́ возъ, сѣлъ съ дочерью и поѣхалъ домой. Пріѣхали домой, и дѣвица бухъ въ ноги мачихѣ. Старуха изумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую шубу и коробъ бѣлья. «Э, сука! не обманешь меня.»

Вотъ спустя немного старуха говоритъ старику: «увези-ко и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одаритъ!» Нескоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ поутру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ-же путемъ оставилъ дѣвокъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да

Digitized by Google

посмѣиваются: «что это у матушки выдумано — вдругъ обѣихъ замужъ отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровенъ чортъ пріѣдетъ и не знаешь какой!» Дѣвушки были въ шубнякахъ, и тутъ имъ стало зябко. «Что, Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну какъ суженой-ряженой не пріѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ» [1]. — Полно, Машка, врать! коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обѣдъ [2] на дворѣ. «А что, Параха, коли пріѣдетъ одинъ, кого онъ возмѣтъ?» — Не тебя ли, дурище? «Да, мотри тебя!» — Конечно меня. «Тебя! полно тебѣ ци(ы)ганить [3] да врать!» Морозко у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за тоже. «Ой ты, заспанная рожа! нехорошая тресся [4]! поганое рыло! пре(я)сть ты не умѣешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.» — Охъ ты, хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдкамъ ходить да облизываться. Посмотримъ, кого скорѣе возметъ! Такъ дѣвицы растобаривали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали: «да кой хранци! [5] что долго не йдетъ? вишъ ты посинѣла!» Вотъ вдалекѣ Морозко началъ потрескивать и съ елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дѣвицамъ послышалось, что кто-то ѣдетъ. «Чу, Параха! ужь ѣдетъ да и съ колокольцомъ.» — Поди прочь, сука! я не слышу, меня морозъ обдираетъ. «А еще замужъ нарохтишься!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе, да ближе; наконецъ очуд(т)ился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говоритъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?» — Ой, Морозко, больно студёно! мы замерзли, ждёмъ суженаго, а онъ окаянной сгинулъ. Морозко сталъ

---

1) Замерзнемъ. 2) Обѣденная пора, полдень. 3) Насмѣхаться (Оп. обл. великорус. словаря, стр. 253). 4) Ругательное слово, прилагаемое людямъ сварливымъ и вздорнымъ (ibidem, стр. 232). 5) Бранное выраженіе; см. Опытъ обл. великорусск. словаря, стр. 250.

Digitized by Google

ниже спускаться, пуще потрескивать, и чаще пощелкивать. «Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?»—Поди ты къ чорту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерзли. Морозко еще ниже спустился, сильно пріударилъ и сказалъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы?» — Убирайся ко всѣмъ чертямъ въ омутъ, сгинь окаянной! — и дѣвушки окостенѣли.

Наутро старуха мужу говоритъ: «запряги-ко ты, старикъ, пошевёнки; положи охабочку сѣнца да возьми шубное опахало [1]. Чай дѣвки-то пріозябли; на дворѣ-то страшной-морозъ! да мотри, воровѣй [2] старой хрычъ!» Старикъ не успѣлъ и перекусить, какъ былъ ужь на дворѣ и на дорогѣ. Пріѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевёнки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогоз(ж)кой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, на встрѣчу выбѣгала и такъ его вспрошала: «что дѣтки? — Въ пошевняхъ. Старуха рогозку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха какъ гроза разразилась и старика разбранила: «что ты надѣлалъ, старой песъ? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ сѣмячокъ (семячковъ), моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибью, кочергой зашибу!»—Полно, старая дрянь! вишь ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямицы! Коли я виноватъ? ты сама захотѣла. — Старуха посердилась, побранилась да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусѣдъ, свадебку сыграли, и Марѳуша счастливо живетъ. Старикъ внучатъ Морозкомъ страшилъ и упрямиться не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, мёдъ-пиво пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана вологодской губерніи въ никольскомъ уѣздѣ.)

---

1) Покрывало, одѣяло (сличи глаголъ: запахиваться, запахнуть). 2) Проворнѣе, скорѣе.

Digitized by Google

b. У мачихи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодитъ, все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится — нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать: «вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ тёплую хату, а во чистò поле на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повёзъ бездомную во чистò поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принёсъ по мою душу грѣшную [1]. Морозъ хотѣлъ ее туknуть [2] и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принёсъ по мою душу

---

1) *Варіантъ:* Идетъ Морозъ въ одныхъ чулкахъ, въ одныхъ сапогахъ. «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? тепло-ль тебѣ, красная?» — Божье тепло, Божье и холодно! 2) Стукнуть, пришибить.

Digitized by Google

грѣшную. Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ привёсъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачиха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. «Ступай, мужъ! вези хоронить свою дочь.» Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!»—Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица—панья паньей сіяетъ! Мачиха глянула — и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то-же поле, на то-же мѣсто.» Повёзъ старикъ на то-же поле, посадилъ на то-же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ.—«Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!» — Не ври! на пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ! Растворились

Digitized by Google

ворота, старуха выбѣжала встрѣть(чать) дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

(Записана въ курской губерніи.)

43.

СТАРУХА-ГОВОРУХА.

И день, и ночь старуха ворчитъ, какъ у ней языкъ не заболитъ? а все на падчерицу: и не умна, и не статна! пойдетъ и прійдетъ, станетъ и сядетъ—все не такъ, не впопадъ! съ утра до вечера какъ заведенныя гусли. Надоѣла мужу, надоѣла всѣмъ, хоть со двора бѣжи! Запрёгъ старикъ лошадь, затѣялъ въ городъ просо везть, а старуха кричитъ: «бери и падчерицу, вези хоть въ темный лѣсъ, хоть на путь, на дорогу, только съ моей шеи долой!» Старикъ повёзъ. Дорога дальняя, трудная, все боръ да болото, гдѣ кинуть дѣвку? Видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ накрыта, стоитъ—перевертывается. Въ избушкѣ, подумалъ, лучше оставить дочь, ссадилъ ее, далъ проса на кашу, ударилъ по лошади и укатилъ изъ виду. Осталась дѣвка одна; натолкла проса, наварила каши много, а ѣсть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать — бока пролежишь, глядѣть — глаза проглядишь, слова молвить не съ кѣмъ, и скучно, и страшно! Стала она на порогъ, отворила дверь въ лѣсъ и зовётъ: «кто въ лѣсѣ, кто въ тёмномъ — приди ко мнѣ гостевать!» Лѣшій откликнулся, скинулся [1] молодцомъ, новогородскимъ купцомъ, прибѣжалъ и подарочекъ принёсъ. Нынче придётъ — покалякаетъ [2], завтра придётъ—гостинецъ принесётъ; увадился [3],

1) Прикинулся, оборотился. 2) Поболтаетъ, поговоритъ. 3) Повадился.

Digitized by Google

наносилъ столько, что дѣвать некуда! А старуха-говоруха и скучила [1] безъ падчерицы, въ избѣ у ней стало тихо, на животѣ тошно, языкъ пересохъ. «Ступай, мужъ, за падчерицей, со дна моря ее достань, изъ огня выхвати! я стара, я хила, за мной походить некому.» Послушался мужъ; пріѣхала падчерица, да какъ раскрыла сундукъ да развѣсила добро на веревочкѣ отъ избы до воротъ, — старуха было разинула ротъ, хотѣла по своему встрѣтить, а какъ увидѣла — губки сложила, подъ святые [2] гостью посадила, и стала величать ее да приговаривать: чего изволишь, моя сударыня?

(Записана въ курской губерніи.)

44.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь Василису прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха призвала къ себѣ дочку, вынула изъ-подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала: «слушай, Василисушка! помни и исполни послѣднія мои слова. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай; а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она, и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью.» Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены, купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потомъ сталъ думать, какъ-бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но больше всѣхъ

1) Соскучилась. 2) Иконы (т. е. въ передній уголъ).

Digitized by Google

по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти одногодокъ Василисѣ,—стало быть и хозяйка, и мать опытная. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачиха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами, чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла; совсѣмъ житья не было! Василиса все переносила безропотно и съ каждымъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачиха съ дочками своими худѣла и дурнѣла отъ злости, не смотря на то, что онѣ всегда сидѣли сложа руки, какъ барыни. Какъ-же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою! За то Василиса сама, бывало, не съѣстъ, а ужь куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и подчиваетъ ее, приговаривая: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости, злая мачиха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта; научи ты меня, какъ мнѣ быть и жить и что дѣлать?» Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а наутро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рвётъ цвѣточки, а у нея ужь и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было жить ей съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ; на мачихиныхъ дочерей никто и не посмотритъ. Мачиха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: «не выдамъ меньшой прежде старшихъ»; а проводя жениховъ, побоями вымѣщаетъ зло на Василисѣ.

Digitized by Google

Вотъ однажды купцу понадобилось уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачиха и перешла на житье въ другой домъ, а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла избушка, а въ избушкѣ жила баба-яга: никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачиха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку тамъ, гдѣ работали дѣвушки, и сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачихиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобъ поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно и потушила свѣчку. «Что теперь намъ дѣлать? говорили дѣвушки; огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ!»—Мнѣ отъ булавокъ свѣтло! сказала та, что плела кружево; я не пойду. — И я не пойду, сказала та, что вязала чулокъ; мнѣ отъ спицъ свѣтло! «Тебѣ за огнемъ идти, закричали обѣ; ступай къ бабѣ-ягѣ!» и вытолкали Василису изъ горницы. Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: «на, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылаютъ за огнемъ къ бабѣ-ягѣ; баба-яга съѣстъ меня!» Куколка поѣла и глаза ея заблестѣли, какъ двѣ свѣчки. «Не бойся, Василисушка! сказала она, ступай, куда посылаютъ; только меня держи всегда при себѣ. При мнѣ ничего не станется съ тобой у бабы-яги.» Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ, и перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Digitized by Google

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо ея всадникъ: самъ бѣлой, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлой и сбруя на конѣ бѣлая,—на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ: самъ красной, одѣтъ въ красномъ и на красномъ конѣ,—стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка яги-бабы; заборъ вокругъ избы изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе, съ глазами; вмѣсто верей у воротъ — ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черной, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ; подскакалъ къ воротамъ бабы яги и исчезъ, какъ сквозь землю провалился,— настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; у всѣхъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ середи дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшной шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли; выѣхала изъ лѣсу яга-баба — въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась, и обнюхавъ вокругъ себя, закричала: «фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?» Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ, и низко поклонясь, сказала: «это я, бабушка! Мачихины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ.» — Хорошо, сказала яга-баба, знаю я ихъ, поживи ты напередъ да поработай у меня, тогда и дамъ тебѣ огня; а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ! Потомъ оборотилась къ воротамъ и вскрикнула: «эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь; вороты мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились и баба-яга въѣхала посвистывая, за нею вошла Василиса, а по-

Digitized by Google

томъ опять все заперлось. Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говоритъ Василисѣ: «подавай-ка сюда, что̀ тамъ есть въ печи; я ѣсть хочу.» Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что̀ на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье, а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха; Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣбца да кусочекъ поросятины. Стала яга-баба спать ложиться, и говоритъ: «когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да пойди въ закромъ, возьми четверть пшеницы и очисть ее отъ чернушки [1]). Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ тебя!» Послѣ такого наказу баба-яга захрапѣла; а Василиса поставила старухины объѣдки передъ куклою, залилась слезами и говорила: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую дала мнѣ яга-баба работу и грозится съѣсть меня, коли всего не исполню; помоги мнѣ!» Кукла отвѣтила: «не бойся, Василиса прекрасная! поужинай, помолися да спать ложися; утро мудренѣй вечера!»

Ранёшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлой всадникъ — и совсѣмъ разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красной всадникъ — взошло солнце. Баба-яга сѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла домъ бабы-яги, подивилась изобилью во всемъ, и остановилась въ раздумьѣ: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выби-

---

1) Черну́ха — ягель, родъ полеваго дикаго гороха (Словарь Академ. Росс., ч. VII, стр. 705).

Digitized by Google

рала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. «Ахъ ты, избавительница моя! сказала Василиса куколкѣ, ты отъ бѣды меня спасла.» — Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать, отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы; состряпай съ Богомъ, да и отдыхай на здоровье! — Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черной всадникъ — и совсѣмъ стемнѣло; только свѣтились глаза у череповъ. Затрещали деревья, захрустѣли листья — ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. «Все ли сдѣлано?» спрашиваетъ яга.— Изволь посмотрѣть сама, бабушка! молвила Василиса. Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: ну, хорошо! Потомъ крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ: «завтра сдѣлай ты тоже, что и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли, по зернышку; вишь кто-то по злобѣ земли въ него намѣшалъ!» Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей по вчерашнему: «молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ сдѣлано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тотчасъ исправили. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ маку масло!» Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла обѣдать; она ѣстъ, а Василиса стоитъ молча. «Что-жъ ты ничего не говоришь со мною? сказала баба-яга; стоишь, какъ нѣмая!»— Не смѣла, отвѣчала Василиса, а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой-о-чемъ. «Спрашивай; только не всякой вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро

Digitized by Google

состарѣешься!» — Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла: когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлой и въ бѣлой одежѣ; кто онъ такой? «Это день мой ясной!» отвѣчала баба-яга. — Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красной и весь въ красномъ одѣтъ; это кто такой? «Это мое солнышко красное!» отвѣчала баба-яга. — А что значитъ черный всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка? «Это ночь моя темная — всѣ мои слуги вѣрные!» Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. «Что-жъ ты еще не спрашиваешь?» молвила баба-яга.—Будетъ съ меня и этого; сама-жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состарѣешься. «Хорошо, сказала баба-яга, что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ! я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили, и слишкомъ любопытныхъ ѣмъ! Теперь я тебя спрошу; какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ?» — Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери, отвѣчала Василиса. «Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! не нужно мнѣ благословенныхъ.» Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, наткнувъ на палку, отдала ей и сказала: «вотъ тебѣ огонь для мачихиныхъ дочекъ, возьми его; онѣ вѣдь за этимъ тебя сюда и прислали.»

Бѣгомъ пустилась домой Василиса, при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и наконецъ къ вечеру другаго дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ; вѣрно дома, думаетъ себѣ, ужь больше въ огнѣ не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа: «не бросай меня, неси къ мачихѣ!» Она взглянула на домъ мачихи, и не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась идти туда съ черепомъ. Впервые встрѣ-

Digitized by Google

тили ее ласково и разсказали, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей — тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось твой огонь будетъ держаться!» сказала мачиха. Внесли черепъ въ горницу; а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда не бросятся — глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ; къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замóкъ пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говоритъ она старушкѣ: «скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну, самаго лучшаго; я хоть прясть буду.» Старушка купила льну хорошаго; Василиса сѣла за дѣло, работа такъ и горитъ у нея и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да такихъ бердъ не найдутъ, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сдѣлать-то. Василиса стала просить свою куколку; та и говоритъ: «принеси-ка мнѣ какое-нибудь старое бердо да старой челнокъ, да лошадиной гривы; я все тебѣ смастерю.» Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славной станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлили, и Василиса говоритъ старухѣ: «продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ.» Старуха взглянула на товаръ и ахнула: «нѣтъ, дитятко! такого полотна кромѣ царя носить некому; понесу во дворецъ.» Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ: «что тебѣ, старушка, надобно?» — Ваше царское величество, отвѣчаетъ старуха, я принесла диковинный товаръ; никому,

Digitized by Google

окромѣ тебя, показать не хочу. Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху и какъ увидѣлъ полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» спросилъ царь. — Ему цѣны нѣтъ, царь-батюшка! я тебѣ въ даръ его принесла. Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскроили, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ царь позвалъ старуху и сказалъ: «умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить.» — Не я, государь, пряла и соткала полотно, сказала старуха: это работа пріемыша моего — дѣвушки. «Ну такъ пусть и сошьетъ она!» Воротилась старушка домой и разсказала объ всемъ Василисѣ. «Я знала, говоритъ ей Василиса, что эта работа моихъ рукъ не минуетъ.» Заперлась въ свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываючи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царской слуга; вошелъ въ горницу и говоритъ: «царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ.» Пошла Василиса и явилась предъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. «Нѣтъ, говоритъ онъ, красавица моя! не разстанусь я съ тобою; ты будешь моей женою.» Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а тамъ и свадебку сыграли. Скоро воротился и отецъ Василисы, порадовался объ ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

Digitized by Google

45.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦЪ ИВАНУШКА[1]).

а. Идутъ двое сиротокъ — сестрица Аленушка съ братцемъ Иванушкой по дальнему пути, по широкому полю, а жаръ-то, жаръ ихъ донимаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить: «сестрица Аленушка, я пить хочу!» — Подожди, братецъ, дойдемъ до колодца. Шли, шли, — солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ коровье копытцо полно водицы. «Сестрица Аленушка, хлебну я изъ копытца?» Не пей, братецъ; теленочкомъ скинешься! Братецъ послушался, пошелъ дальше. Солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ лошадиное копытцо полно водицы. «Сестрица Аленушка, напьюсь я изъ копытца?» — Не пей, братецъ; жеребеночкомъ станешь. Вздохнулъ Иванушка, опять пошелъ. Солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ баранье копытцо полно водицы. Братецъ увидѣлъ его, и не спросясь съ Аленушкой, выпилъ до дна. Аленушка зоветъ Иванушку, а вмѣсто Иванушки за ней бѣжитъ бѣленькой баранчикъ Догадалась она, залилась слезами, сѣла подъ стожекъ — плачетъ, а баранчикъ возлѣ нея по травочкѣ скачетъ. Ѣхалъ мимо баринъ, остановился и спрашиваетъ: «о чемъ ты, красная дѣвушка, плачешь?» Разсказала она ему свою бѣду. «Поди, говоритъ, за меня; я тебя наряжу и въ платье и въ серебро и баранчика не покину: гдѣ будешь ты, тамъ будетъ и онъ.» Аленушка согласилась; обвѣнчались и жили такъ, что добрые люди глядя на нихъ радовались, а дурные завидовали.

---

1) Смотри выпускъ II-й, № 29.

Digitized by Google

Одинъ разъ мужа не было дома, Аленушка оставалась одна. Вѣдьма навязала ей на шею камень и бросила въ воду, а сама нарядилась въ ея платье и заселилась въ барскихъ палатахъ; никто ее не распозналъ, самъ мужъ обманулся. Одному баранчику все было вѣдомо, одинъ онъ печалился, повѣсилъ голову, не бралъ корму, и утро и вечеръ ходилъ около воды по бережку да кричалъ: бя, бя! Узнала о томъ вѣдьма и не любо ей стало; велѣла разложить костры высокіе, разогрѣть котлы чугунные, наточить ножи булатные, и говоритъ: «барана надо зарѣзать!» Послала слугу его поймать. Мужъ дивится: какъ жена то любила барана, мнѣ надоѣла — пой его, корми его, а то велитъ рѣзать! А баранчикъ спровѣдалъ, что ему недолго жить, легъ на бережку и причитываетъ:

«Аленушка, сестрица моя!
Меня хотятъ зарѣзати;
Костры кладутъ высокіе,
Котлы грѣютъ чугунные,
Ножи точатъ булатные.»

Аленушка ему въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетёръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на груди легли!»

Человѣкъ слушаетъ, что за чудо? Пошелъ, сказалъ барину; стали оба караулить. Баранчикъ пришелъ и опять сталъ вызывать Аленушку и плакаться надъ водою: «сестрица моя, Аленушка! меня хотятъ зарѣзати; костры кладутъ высокіе, котлы грѣютъ чугунные, ножи точатъ булатные!» Аленушка ему въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетёръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на груди легли!»

Digitized by Google

—Людей! людей! закричалъ баринъ; собирайся челядь дворовая, запускай невода, закидай сѣти шелковыя! Собралась челядь дворовая, закинула сѣти шелковыя; Аленушка и поймалась. Вытащили ее на бережокъ, отрѣзали камень, окунули ее, сполоснули въ чистой водѣ, бѣлымъ полотномъ обернули, и стала она еще лучше, чѣмъ была, и обняла своего мужа. Баранчикъ сталъ опять братецъ Иванушка, и зажили всѣ по старому, по хорошему, только вѣдьмѣ досталось; ну, яа ей, говорятъ, туда и дорога, объ такой не жалѣютъ!

(Записана въ курской губерніи.)

b. Жили систрица и братицъ и пашли ани въ лѣсъ па ягыды. Шли, шли; вотъ ны дороги лижить лышидина капытца съ вадицый, вотъ братицъ и гварить: «систрица, я пить хачу; я въ этомъ капытцѣ напьюсь.» — Нѣтъ, ни пей, братицъ! каняшка будишь. Ищо шли, шли, корова капытца стаить. «Систрицъ, систрицъ! я пить хачу.»—Нѣтъ, ни пей; бычокъ будишь. Шли, шли; стаить авеча капытца. «Систрицъ, систрицъ! я напьюсь.»—Нѣтъ, ни пей; баранчикъ будишь. Шли, шли, стаить козина капытца. «Систрицъ, систрицъ! я напьюсь.» — Нѣтъ, ни пей; а то казёльчикъ будишь. Пашли дальши; онъ ни утирпѣлъ, атвярнулси и нынилси, и абратилси казёльчикамъ, бижить и бліёть [1]. «Я гварила тибѣ: ни пей!» Идуть, баринъ ѣдить и гварить: «продай, дѣвушка, казёльчика.» — Нѣтъ, онъ у миня ни продажный; это мой братицъ, а ни казёльчикъ! Баринъ взялъ обѣихъ ихъ, увёсъ, и на дѣвушкѣ жинился, и казёльчика ласкалъ.

Вотъ баринъ уѣхалъ, а эту жану яво Алёнушку дворовыя нинавидили, взяли привязали ей на шею каминь большищій и бросили въ раку; а вмѣста её другая убралась въ её платья.

1) Отъ «блеять».

Digitized by Google

Баринъ пріѣхалъ и ни узналъ. Эта другая жана хатѣла извость и казёльчика, и вилѣла барину зарѣзать яво: «я, гварить, хачу казлинува мясца!» Баринъ вилѣлъ слугамъ зарѣзать казёльчика. Казёльчикъ пачуилъ, приходить къ барину и гварить: «баринъ, баринъ! пусти миня на рѣчку вадицы испить, кишочки прамыть; тваей барыни лучше будить кушать!» — Ступай, ды ни ухадись. Онъ пашолъ, ны биряшку сѣлъ и сталъ кричать: «Алёнушка, систрицушка, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; миня казла хатять рѣзать, нажи точуть булатныя, катлы кипять нимѣцкія, агни гарять всё жаркія!» А ана яму гварить, выныривая изъ рякй: «Иванушка, радимый мой, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; чижолъ каминь ка дну тянить, бѣла-рыба глаза выила, люта змія сер(д)ца выс(о)сыла, шелкава трава ноги спутыла!» Казёльчикъ пашолъ дамой, пылижалъ и апять у барина проситца ны рякў; баринъ пустилъ и паслалъ заслѣдамъ слугу пысматрѣть: зачѣмъ онъ часта ходить туда. Казёльчикъ сѣлъ ны биряшку и апять закричалъ: «Алёнушка, сестрицушка, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; миня казла хатять рѣзать, нажи точуть булатныя, катлы кипять нимѣцкія, агни гарять всё жаркія!» Ана яму гварить: «Иванушка, радимый мой, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; чижолъ каминь ка дну тянить, бѣла-рыба глаза выила, люта змія серца выс(о)сыла, шелкава трава ноги спутыла!» Пришли дамой, слуга ничаво ни сказалъ барину; а казёльчикъ нимношка пывярнулся и апять проситца у барина на рѣчку вадицы испить, кишочки прамыть. Баринъ атпустилъ и самъ пашолъ заслѣдамъ. Казёльчикъ сѣлъ ны биряшкѣ и сталъ апять кричать: «Алёнушка, систрицушка, миня казла хатять рѣзать, нажи точуть булатныя, катлы кипять нимѣцкія, агни гарять всё жаркія!»—И ана выныриваить изъ раки и гварить стала: «Иванушка, радимый мой!...» Кы(а)къ баринъ-та угадалъ, ды вдрухъ кинитца и выт(а)щилъ её; узналъ аба всёмъ,

Digitized by Google

всѣхъ пирисѣкъ, а катора нашѣста её здѣлылась, (ту) прагналъ; а съ этый началъ жить, пыживать па прежнему, и казёльчику стала храшо [1]).

(Записана въ тамбовской губерніи.)

46.

БѢЛАЯ УТОЧКА.

Одинъ князь женился на прекрасной княжнѣ, и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею наговориться, не

---

1) *Варіантъ:* Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ сынокъ Иванушка и дочка Оленушка. Отецъ послалъ ихъ въ лѣсъ за ягодками. Они пошли; пришли въ лѣсъ и нашли земляночку. Оленушка сказала: «давай, братецъ, взойдемъ въ эту землянку.» Взошли и увидѣли: лежитъ на печи и спитъ яга-баба. Они сѣли на лавку и стали играть Оленушкинымъ кольчикомъ. Долго ли, коротко ли въ ней посидѣли; потомъ вышли изъ землянки. Отойдя немножко, Оленушка сказала: «охъ, братецъ Иванушка! я кольчико-то позабыла въ землянкѣ на окошечкѣ; поди, возьми его, да смотри не лижи козлинаго сальца, что на лавочкѣ лежитъ.» Пошелъ Иванушка и дорогою самъ съ собою думаетъ: что мнѣ сестрица не велѣла лизать сальца? Пришелъ въ землянку, взялъ кольчико и лизнулъ сальце, да и сдѣлался козломъ. Надѣлъ кольчико на рога, бѣжитъ къ Оленушкѣ и блеетъ по козлиному. «Охъ, ты дурачекъ Иванушка! говоритъ Оленушка, вить я тебѣ наказывала, чтобы не лизалъ сальце; а ты не послушалъ таки меня!» . . . Взялъ ихъ баринъ къ себѣ, и живутъ они у него съ годъ времени. Вотъ пришли къ Оленушкѣ дочери яги-бабы, зовутъ ее купаться. Долго она отказывалась; наконецъ уговорили. Пришли къ водѣ, скинули съ себя рубашки, полѣзли въ воду. Ягины дочери привязали Оленушкѣ на шею камень и пустили съ нимъ въ воду . . . . . Козленочекъ ходитъ на бережокъ и горько плачетъ, приговаривая: «Оленушка, сестрица моя! ты выдь ко мнѣ, ты выгляни. Я братецъ твой, Иванушка, пришелъ къ тебѣ съ нерадостной вѣсточкой, меня козла убить хотятъ, зарѣзати . .» Оленушка изъ воды отвѣчаетъ ему: «Охъ, братецъ мой, Иванушка! я рада бы къ тебѣ выглянуть, тяжелъ камень ко дну тянетъ . . .» Слуги пошли за козленочкомъ, и какъ на его голосъ выглянула изъ рѣки Оленушка — они тотчасъ схватили ее и вытащили на берегъ. Баринъ взялъ Оленушку къ себѣ въ домъ, а козла Иванушку пустилъ въ садъ гулять, а дочерей яги-бабы приказалъ растрѣлять.

(Записана въ саратовской губерніи.)

Digitized by Google

успѣлъ ее наслушаться, а ужь надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ дальній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорятъ, вѣкъ обнявшись не просидѣть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока терема, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не ватажиться, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покоѣ и не выходитъ. Долго ли, коротко ли, пришла къ ней женщинка, казалось — такая простая, сердечная! «Что, говоритъ, ты скучаешь? хоть бы на божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила» [1]. Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ подумала: по саду походить не бѣда, и пошла. Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, говоритъ женщинка, день такой жаркой, солнце палитъ, а водица студёная — такъ и плещетъ, не скупаться ли намъ здѣсь?» — Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! — а тамъ подумала: вѣдь скупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду. Только окунулась, женщинка ударила ее по спинѣ: «плыви ты, говоритъ, бѣлою уточкой!» и поплыла княгиня бѣлою уточкой. Вѣдьма тотчасъ нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужь бѣжитъ на встрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распозналъ ее.

А бѣлая уточка нанесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморушка, и дѣточки ея вышли—ребяточки; она ихъ выростила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ. «Охъ, не

1) Освѣжила чистымъ воздухомъ.

Digitized by Google

ходите туда, дѣти!» говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграютъ на травкѣ, завтра побѣгаютъ по муравкѣ, дальше-дальше и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ, накормила, напоила и спать уложила, а тамъ велѣла разложить огня, навѣсить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули,—а заморушка, чтобъ не застудить, приказала (имъ?) мать въ пазушкѣ носить — заморушекъ-то и не спитъ, все слышитъ, все видитъ. Ночью пришла вѣдьма подъ дверь и спрашиваетъ: «спите вы, дѣтки, иль нѣтъ?» Заморушекъ отвѣчаетъ: «мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!»—«Не спятъ!» Вѣдьма ушла, походила, походила, опять подъ дверь: «спите, дѣтки, или нѣтъ?» Заморушекъ опять говоритъ тоже: «мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» Что-же это всё одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видитъ: оба брата спятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой [1])—и они померли.

Поутру бѣлая уточка зоветъ дѣтокъ; дѣтки не йдутъ. Зачуяло ея сердце, встрепенулась она и полетѣла на княжій дворъ. На княжьемъ дворѣ бѣлы какъ платочки, холодны какъ пласточки лежали братцы рядушкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и материнскимъ голосомъ завопила:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой васъ выхаживала,

1) Есть повѣрье, что воры запасаются рукою мертвеца, и приходя на промыселъ, обводятъ ею спящихъ хозяевъ, чтобы навести на нихъ непробудной сонъ.

Digitized by Google

Я слезой васъ выпаивала,
Тёмну ночь не досыпала,
Сладокъ кусъ не доѣдала!

«Жена, слышишь небывалое? утка приговариваетъ.»—Это тебѣ такъ чудится! велите утку со двора прогнать!—Её прогонятъ, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная;
Отняла у васъ отца роднаго,
Отца роднаго — моего мужа,
Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
Обратила насъ въ бѣлыхъ уточекъ,
А сама живетъ — величается!

«Эге!» подумалъ князь и закричалъ: «поймайте мнѣ бѣлую уточку!» Бросились всѣ, а бѣлая уточка летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ, она къ нему на руки пала. Взялъ онъ ее за крылушко и говоритъ: «стань бѣлая береза у меня назади, а красная дѣвица впереди!» Бѣлая береза вытянулась у него позади, а красная дѣвица стала впереди, и въ красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню. Тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули дѣтокъ живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя цѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать. Я вѣдьму привязали къ лошадиному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога — тамъ стала кочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ голова — тамъ кустъ да колода; налетѣли птицы — мясо поклевали, поднялися вѣтры — кости разметали, и не осталось отъ ней слѣда, ни памяти!

(Записана въ курской губерніи.)

Digitized by Google

47.

ЧУДЕСНЫЕ КОНИ, КОЗА И СВИНКА[1].

Живъ колись на свитѣ старéнькій панокъ вдовець и мавъ у себе трёхъ сынивъ, двохъ розумныхъ, а третёго дурня; и дурень усе було сидить у грубѣ [2] и мне въ попелѣ пузыри. Якъ же прійшла пора батькови умирати, то винъ, зозвавши до себе усѣхъ, заповѣдавъ, щобъ вони дѣ іого поховаютъ [3]—приходили по очереди три ночи зряду каждый особне до іого на могилу: старшій на першу ничь, середульшій на другу, а дурень на третю. И послѣ, якъ умéръ, вони іого поховали и одпоминали; то дурень, дождавшись темной ночи, вылизъ изъ грубы, и побачивши, що у бративъ повни хаты гостей, пьють та бенкетують [4], спитавъ старшого: чи пиде винъ на могилу до батька? и почувши, якъ сказавъ той: не хóчу,—побривъ самъ никому не сказавши до могилы и сивъ изъ боку коло ей. У саму-жъ глупу [5] ничь земля на могилѣ розступилась и батько вылизши наверхъ зъ ямы, спитавъ: «а хто тутъ сидить?» Якъ же почувъ, що обизвався дурень и розказавъ, що старшій казавъ: ити не хóчу; то винъ отдаючи іому уздечку веливъ, щобъ коли іому буде яка нужда, або чого треба —то потрясъ бы уздечкою, и до іого прибижить заразъ чорный кинь; тогди влизъ бы іому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого іому треба. А самъ полизъ упять у яму, и могила затулилась [6]. Тогди дурень узявши уздечку вернувся до дому и полизъ у грубу спати. На другій же день почувши, що гости у бративъ бен-

---

1) Смотри вып. II, № 21 и 28. 2) На печи (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 82). 3) Похоронятъ. 4) Пируютъ. 5) Въ глухую (Словарь Чужбинскаго, стр. 73). 6) Закрылась, затворилась.

Digitized by Google

четують, и дождавшись ночи знайшовъ середульшого и спитавъ: чи пиде винъ до батька на могилу? но якъ сказавъ и сей, що не хóчу; то винъ побривъ самъ и сивъ на тимъ-же мѣсцѣ коло могилы. У саму-жъ глупу ничъ земля на могилѣ розступилась, батько зъ ямы вылизъ наверхъ, и узнавши, що сидить дурень, а середульшій сказавъ: не хóчу, то винъ отдавши іому и другу уздечку, тоже веливъ: якъ треба колись буде, щобъ винъ потрясъ уздечкою, и заразъ прибижить до іого рыжій кинь; то винъ щобъ улизъ іому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого іому треба. Самъ сховався у яму, земля зтулилась, а дурень вернувшись до дому полизъ у грубу спати. Проснувшись же на третій день почувъ, що усе гости бенкетують, и дождавшись ночи пишовъ на могилу, якъ тильки гараздъ смеркло, и сивъ у тимъ-же самимъ мѣсцѣ коло могилы. Земля розступилась, батько зъ ямы вылизъ и побачивши, що сидить дурень, отдавъ іому и третю уздечку, и розказавъ, що коли іому чого буде треба, то щобъ потрясъ јію —и тоди вже прибижить до іого кинь сивый; щобъ влизъ іому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ чого буде треба. Попращавсь зъ дурнемъ, не звеливъ вже до могилы приходити, полизъ у яму. Земля зтулилась, и дурень зъ уздечкою вернувшись до дому полизъ у грубу спати.

У те-жъ саме время царь тіи земельки, дѣ живъ дурень зъ братáми, мавши у себе одну дочкýдивку, построивъ теремъ, чи стовпъ каменный превысокій, и розославъ по царству бумаги, що хто зъ молодцивъ достане тамъ дочкýіого, за тóго отдасть еи и усе царство зъ нею. И назначивъ для того три дни, коли хто схоче зъ царивъ и панивъ и усякого народу, зъјизжатись и сходитись. То до бративъ дурневыхъ зъјихалось богато молодцивъ, и браты вже туда убирались сами и кóней убирали; дурень попросивъ, щобъ узяли и іого хочъ подивитись, но уси вони осміявши іого покинули дома. Дакъ винъ узявши пер-

Digitized by Google

ву уздечку и выйшовши за царину [1] у поле далеченько, якъ потрясъ уздечкою, то заразъ прибигъ до іого чорный якъ галка кинь и поспитавъ, чого треба? а в(у)знавши звеливъ лизти у праве ухо, а у ливе вылазить. И якъ зробивъ се дурень, то самъ себе не пизнавъ въ дорогій одежѣ—дуже хорошій зробився! А кинь іого поспитавъ: чи бѣгти по земли, чи піднятись ви(ы)ще? [2] скочивши разъ, полетивъ якъ птица и долетивши до царивны мимо еи промчався. Тутъ народъ наробивъ крику, щобъ ловити; но винъ якъ птица тильки мелькнувъ, отбигъ у поле, знявъ зъ коня узду, самъ перемѣнився, прійшовъ до дому и полизъ у грубу. Якъ же прійихали браты и навезли гостей до себе, то тильки и мови [3] було, що про тее чудо. На другій же день упять народъ збирався, и до бративъ зайихали товариство и вже готовились їихать, такъ и дурень попрохався, щобы взяли іого хочъ подивитись. Но вони надъ нимъ насміявшись поїихали. Тогди дурень, узявши другу уздечку, выйшовъ у поле далеченько; потрясъ уздечкою, и заразъ прибигъ до іого рижій кинь и поспитавъ: чого треба? а взнавши звеливъ влизти у праве ухо, а у ливе вылизти. И якъ зробивъ тее дурень, то ставъ ще въ богатчій одежѣ и кращій [4], нижъ [5] первый разъ. И звеливъ коню нести іого одъ земли высоко. Кинь якъ скочивъ разъ, то дурень и не вгладивъ, коли ставъ коло царивны и еи минувъ; прибигши-жъ у поле почувъ, що народъ кричавъ ловить, но вже пизно. Винъ зъ коня уздечку знявъ, самъ перемѣнився, пишовъ до дому и полизъ у грубу. Браты прійихали зъ гостями и усе розказували те чудо. А на третій день упять народъ туда-жъ збирався; до бративъ зайихало товариство, и вже зъ двора выїизжали, тогди и дурень, узявши третю уздечку, выйшовъ у поле, потрясъ уздечкою —

---

1) Огорожа кругомъ деревни. 2) Выше. 3) Рѣчи. 4) Красивѣе. 5) Нежели.

Digitized by Google

и заразъ прибигъ до іого кинь сивый, и взнавши, для чого винъ званый, звеливъ пролизти у обое уха. А якъ дурень тее зробивъ, то явився ще въ богатчій одежѣ и кращій одъ первыхъ двохъ разивъ, и взеливъ нести іого одъ земли высоко. Кинь якъ скочивъ разъ — долетивъ до царивны; дурень взоравъ у ніи изъ шіи платочокъ, а вона вдарила іого у лобъ перстнемъ—напечаталась печатка. Народъ кричавъ, кричавъ, що ловить; но винъ пролетивъ, зъ коня уздечку знявъ у полѣ, самъ перемѣнився, прійшовъ додому и у лизъ у грубу; а печатка на лобѣ осталася вічно.

На другій же день послявъ царь усихъ оглядати, у кого на лобѣ осталась печатка. Посланци обійшовши скризь [1] и усихъ оглядивши привернули и до бративъ, и не знайшовши ни на одному печатки выволокли дурня зъ грубы за ноги, и якъ угляділи на іого лобѣ печатку — полякались [2]: узявши зъ собою дурня, повели до царя, и царь щобъ не измѣнять слова звеливъ попамъ іого зъ дочкою звѣнчати, и давъ имъ щобъ вони жили особу хатину. А самъ объявивъ, що хто приведе до іого козу, на которій золота та сребна шерсть, тому вручить царство. Зобралось богато розного народу и по усихъ дорогахъ и стежкахъ розъѣхались козы шукаты. Такъ и дурень упросивъ жинку, щобъ выпросила и іому у царя яку-нибудь шкапу [3]. А якъ вона зъ слёзами выпросила водовоза, то винъ узявши зъ собою перву уздечку и сивши на шкапу задомъ до головы, а очима до хвоста, узявъ у зубы хвистъ и погоняючи долонею, выѣхавъ у поле, а тамъ вставши узявъ за хвистъ, смыкнувъ [4] и этягъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ потрясъ уздечкою и якъ прибигъ до іого чорный кинь, то винъ розказавши чого треба и взнавши одъ іого: дѣ коза ходить, пролизъ

---

1) Вездѣ. 2). Лякать — пугать (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13). 3) Кмчу. 4) Дернулъ.

Digitized by Google

кризь уха, перемѣнився зовсимъ и сивши на коня заразъ козу піймавъ, привьязавъ до стремена и вернувся назадъ потихеньку. Недалеко-жъ одъѣхавши зустрівъ [1] одного изъ тихъ, що поѣхали козу шукаты, и той ставъ просить, щобъ винъ узявъ що хоче и козу іому отдавъ. Такъ дурень стребовавъ изъ правой руки отъ крайнёго пал(ь)ця урѣзать одинъ суставъ, и той согласився; такъ винъ козу оддавъ, а суставъ заховавъ у кишеню. И якъ розъѣхались, то дурень узду зъ коня знявъ и прійшовъ до дому, а той якъ прививъ до царя козу, то царь зготувавъ обидъ, скликавъ народъ и объявивъ, що хто ще приведе до іого дикого кабана въ золотѣ та въ сребліѣ, то той и царство получить. На другій день зобрався народъ, и уси въ розны стороны розъѣхались кабана шукаты. И дурень упять намигся [2] на жинку, щобъ и іому выпросила у царя шкапу. И та якъ зъ плачемъ выпросила, то винъ упять выѣхавши у поле зтягъ шкуру, покинувъ стерво у полѣ, а самъ потрясъ другою уздечкою. И якъ прибигъ кинь рижій, то винъ розказавши чого требя и почувши одъ іого: дѣ кабанъ ходить, пролизъ у обое уха, перемѣнився, сивъ на коня и заразъ піймавъ кабана, привьязавъ у пояса и вернувся назадъ. Недалеко-жъ одъѣхавши устрівъ опять того, що козу купивъ, и якъ ставъ винъ прохаты, щобъ и кабана іому отдавъ, то дурень потребовавъ, щобъ на правій же руцѣ давъ одрѣзать другаго пал(ь)ця першій суставъ; и той согласився. Винъ урѣзавъ составъ, заховавъ у кишеню, отдавъ кабана, а самъ одъѣхавши знявъ уздечку, коня пустивъ и вернувся до дому. Якъ же той прививъ кабана, то царь звеливъ готувати обидъ, усихъ скликавъ и сказавъ, що хто йще приведе у послидній разъ кобылу въ золотѣ та въ сребліѣ, то той вже получить и царство. На третій день зобрався народъ и уси розъѣхались въ розныи мѣста кобы-

1) Встрѣтивъ. 2) Напустился на жену, присталъ къ ней?

Digitized by Google

лушукаты. Такъ и дурень на жинку намигся, щобъ и іому выпросила шевлюгу [1]). Вона пишла до царя, и хочъ той не хотивъ давати за те, що двое вже пропало, но уваживши на слёзы давъ; а сей выjихавши у поле такъ же зтягъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ узявъ третю уздечку и потрясъ. И акъ прибигъ кинь сивый и дурень іому розказавъ: чого треба, а кинь объявивъ, що кобыла теперь зъ нимъ паслась у полѣ; то винъ, пролизши у обое уха, перемѣнився, на коня сивъ и заразъ кобылу піймавъ и вернувся назадъ. Не дojизжаючи до дому зустривъ упять того-жъ чоловика и за кобылу зторговався, щобъ на тій же руцѣ урѣзать третёго пал(ь)ця первый суставъ. И якъ урѣзавъ, сховавъ суставъ у кишеню, самъ одъjихавъ, зъ коня узду знявъ и вернувся до дому. А якъ привели кобылу, то царь звеливъ готувати обидъ, поззывавъ народъ, и сидя за столомъ объявивъ, що завтра вручае царство тому, хто піймавъ козу, кабана и кобылу. Тогди дурень объявивъ, що усе половивъ винъ и попродавъ за суставы на правій руцѣ изъ палцивъ, и вынявши поклавъ на тарелку суставы, а тому звеливъ, щобъ показавъ руку. Тогди народъ здивувався, царь и іого жинка зрадувались, повставали одъ обида, выйшли уси надви(о)ръ, а дурень потрясъ усими трёма уздечками—прибигли уси три кони; винъ лазивъ до усихъ у обое уха и перемѣнявся такъ, що изъ хорошаго зробився кращимъ, а изъ кращаго йще кращимъ, на конях летавъ поверхъ хатъ и лѣсивъ. Коней винъ не пустивъ у поле, а поставивъ зъ кобылою, кабаномъ и козою у стаднѣ [2]). Самъ зробився царемъ, ввійшовъ жить у царськи будинки [3]), бративъ зробивъ панами; Богъ послався жинци двохъ близнюкивъ-дитокъ; надъ батькомъ выстроивъ церковъ, що-дня [4]) іого поминае, самъ

1) Клячу. 2) Въ конюшнѣ (Словарь въ Труд. Общ. люб. рос. слов. кн. VII, стр. 317). 3) Великолѣпный домъ, дворецъ (ibidem, стр. 288). 4) Ibidem, стр. 325: ежедневно.

Digitized by Google

пье горилку зъ барильця [1], и я прихопився [2], тай соби напився — по бородѣ текло, а въ ротѣ не було!

48.

ГОРШЕНЯ [3].

Горшеня ѣдетъ дремлетъ съ горшками. Догналъ его осударь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся. —Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ. «Знать вздремалъ?» —Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ. «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?» — Съ измолоду, да вотъ и середовой сталъ. «Кормишь дѣтей?» — Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ. «Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа.» — Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа. «А какіе три худа: горшенюшка?» — Первое худо: худой шаберъ [4], а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?» — Отъ худова шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь — все съ тобой. «Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня — а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!» — Годится, такъ покину — какъ придетъ! а то и на-голо. «Ну, горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду.» Горшеня остановился, на-

---

1) Барило — боченокъ (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 6). 2) Примкнулъ, присталъ. 3) См. выпускъ II, № 17. Сказка эта была напечатана въ Москвитянинѣ 1843 г., № 1, стр. 130—1. 4) Сосѣдъ.

Digitized by Google

чалъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты надѣлаешь мнѣ едакихъ?» — Сколько угодно вашему царскому величеству? «Возовъ десятокъ надо.» — На много ли дашь время? «Мѣсяцъ.» — Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня. «Спасибо, горшенюшка!» — А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ. «Буду въ дому у купца въ гостяхъ.» Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: «Богъ за товаромъ, горшеня!» — Просимъ покорно. «Продай мнѣ весь товаръ.» — Нельзя, по заказу. «А што тебѣ, ты бери деньги — не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возмешь?» — А вотъ што: каждую посудину насыпать полну денегъ. «Полно, горшенюшка, много!» — Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили. — Ты для меня, а я для тебя.— Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали.... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ — товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?» — Ну, што ни жадала? Нечево дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ и всѣ деньги. Бояринъ мялся, мялся — жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ, да везетъ. «До коихъ же мѣстъ везти тебя?» — Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поетъ горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхалъ, выбѣгъ

Digitized by Google

на крыльцо—призналъ горшеню. «Ба! здравствуй, горшенюшка, съ пріѣздомъ!» — Благодарю, ваше царское величество. «Да на чемъ ты ѣдешь?» — На худомъ-то разумѣ, осударь. «Ну мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ — а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?» — Прилетали. «Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?» —Нѣтъ, на-голо, великій осударь, — всего ощипалъ.

(Записана П. М. Языковымъ въ симбирской губерніи со словъ крестьянина села Головина.)

49.

СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВЪ ѲОМУ И ЕРЕМУ [1].

Ахъ, да Ерёма да Ѳома были два братейка:
Они волосомъ однаки и умомъ равны,
У нихъ бороды, какъ бороды, и усы, какъ усы.
Вотъ задумали братаны въ божью церковь идти;
Въ божью церковь идти, Богу молиться.
Вотъ Ерёма зашелъ въ церковь, а Ѳома въ олтарь,
Вотъ Ерёма взялъ книгу а Ѳома псалтырь;

---

1) Смотри № 36, q. Въ толстовскомъ сборникѣ XVIII столѣтія и еще въ одной рукописи XVII в. (въ Публичной библіотекѣ) записана повѣсть «о двухъ братехъ о Еремѣ и о Ѳомѣ». Ерема и Ѳома попали на лубочную картину и служатъ для русскаго простолюдина олицетвореніемъ глупости и нелѣпости. Сказаніе о ихъ похожденіяхъ цѣликомъ перешло въ пословицы (Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей, стр. 300—301). Въ Отечеств. Запискахъ 1841 года (№ 5, библіогр., стр. 58) напечатанъ любопытный варіантъ этой сатиры: «Ерема жилъ на горкѣ, Ѳома подъ горой; Ерема ѣлъ макину, Ѳома колосокъ» и т. дал.

Digitized by Google

Охъ, Ерёма-то запѣлъ, а Ѳома заговорилъ.
То заслышали попы со высокія горы,
Попы грамотные, люди надобные . . .
. . . . . .
Ерёма-то изъ двери, а Ѳома изъ окна.
Охъ, Ерёма пошелъ въ ельникъ, а Ѳома въ соснякъ;
Они оба испугались, оба вмѣстѣ соходились.
Вотъ задумали братаны сѣрыхъ зайковъ промышлять,
Сѣрыхъ зайковъ, побѣгóшковъ: ничего не нашли!
Вотъ пошли они, братаны, по крутому бережку,
По крутому бережку, по желтому по песку.
Вотъ увидѣли братаны, что двѣ уточки п(л)ывутъ:
Одна уточка бѣлешенька, а другая-то что̀ снѣгъ.
Охъ, Ерёма схватилъ палку, а Ѳома косарь:
Какъ Ерёма не докинулъ, Ѳома че́резъ перекинулъ.
Вотъ задумали братаны себѣ рыбу промышлять,
Себѣ рыбу промышлять, красну сёможку.
Охъ, Ерёма сѣлъ да въ лодку, а Ѳома въ ботню̀:
У нихъ лодка̀ безъ набоевъ [1] и ботня̀ безо дна.
Они три года тонули — не могли потонуть,
Ихъ три чорта давили — не могли задавить!
Вотъ задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себѣ хлѣбъ наживать,
И поло̀жили ребята себѣ пашню пахать;
Вотъ Ерёма пошелъ въ рынокъ, а Ѳома на базаръ,
Вотъ Ерёма купилъ мерина, Ѳома жеребца —
Охъ, у нихъ меринъ-то не тянетъ и соха-то не валитъ;
Они мерина коломъ, сами съ пашенки бѣгомъ!

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

---

1) Набойная лодка — та, у которой на бортахъ набито по одной или по двѣ доски (Опытъ обл.. великорус. словаря, стр. 119).

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

3.

Котъ, лиса и пѣтухъ.

Смотри варіантъ этой сказки, напечатанный въ изданіи г-жи Авдѣевой: «Русскія сказки для дѣтей, разсказанныя нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою. Изд. 3-е, Спб., 1856» (№ 1). Здѣсь лиса поетъ:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка
Шелкова бородушка!
Выгляни въ окошечко:
Вотъ бояре ѣхали,
Горохъ разсыпали —
Некому подобрать.

А старикъ, у котораго жилъ пѣтушокъ, пошелъ выручать его, и наигрывая на гусельцахъ—припѣваетъ:

Стрень-брень, мои гусельцы,
Золотыя мои струночки!
Ужь какъ дома ли, лиса,
Лиса Ивановна,
Со своими малыми дѣтушками?
Первая-то дочь Чучелка,
А вторая-то Почучелка,
Третья-то Подай-пирожокъ,
А четвертая Зажми-кулачокъ.

Онъ убилъ и лису и ея дочерей и сшилъ старухѣ изъ ихъ шкурокъ шубу.

Digitized by Google

5. 6.

«*Лиса и ракъ*» — сличи съ подобною же баснею въ изданіи: «Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, съ новѣйшаго французскаго перевода, полнымъ описаніемъ жизни Езоповой, разсужденіями нравственными и историческими и проч. снабженнаго г. Беллегардомъ, нынѣ вновь на россійской языкъ переведенныя Д. Т. Москва, 1792», in 8°, стр. 325—6. «*Лиса и журавль*» — сличи въ томъ же изданіи съ Езоповою баснею о лисицѣ и аистѣ, на стр 147—8.

13.

Волкъ-дурень.

В. И. Даль передалъ интересную сказку, разсказанную ему Пушкинымъ, «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ» (См. Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго, ч. II, стр. 459 и въ Библіот. для чтенія 1836 г., т. XIV, стр. 133). Основная мысль этой сказки, по замѣчанію г. Пыпина, представить въ похожденіяхъ волка ту далекую первобытную эпоху, когда еще не были опредѣлены отношенія звѣрей ни къ самимъ себѣ, ни къ человѣку, и когда волкъ долженъ былъ самоучкою впервые добывать для себя живности; вообще начало сказокъ о звѣряхъ принадлежитъ грубой порѣ звѣроловнаго и пастушескаго быта, ставившаго людей лицомъ къ лицу съ независимымъ міромъ животныхъ. Мірская сходка, о которой здѣсь говорится, напоминаетъ подобную же сходку при дворѣ царя-льва въ германскомъ Рейнгартѣ (Отечеств. Записки 1855, № 5, критика, стр. 20—22). Жестокій пріемъ, испытанный волкомъ у гнѣдаго тура и коня (быкъ бросаетъ его рогами, а конь бьетъ задомъ), извѣстенъ еще въ Езоповой баснѣ: «о лошади и львѣ» (смотри вышеозначенное изданіе 1792 года, стр. 36). Старый

Digitized by Google

левъ, желая растерзать лошадь, вздумалъ притвориться лѣкаремъ и сталъ спрашивать ее о здоровьѣ. Лошадь жаловалась, что недавно занозила заднюю ногу. Левъ взялся вынуть занозу. Но только наклонился, какъ лошадь ударила его въ лобъ задними ногами и скрылась. У латинскаго стихотворца Филельфа («Езоповы басни», стр. 348 — 350) волкъ, поддѣлываясь къ коню, спрашиваетъ: чей онъ сынъ и какъ его зовутъ? Конь отвѣчалъ, что покойный отецъ написалъ обо всемъ ему на копытѣ, и когда волкъ полюбопытствовалъ прочесть эту надпись, то лошадь ударила его задомъ и убѣжала. — Георгій Храбрый посылаетъ еще волка къ барану, который бьетъ его своимъ крѣпкимъ лбомъ, къ кабану, который ранитъ его клыкомъ, и наконецъ къ людямъ, которые зашиваютъ его въ собачью шкуру и бьютъ.

Съ сказкою о волкѣ-дурнѣ сходна напечатанная въ превосходномъ изданіи Гаупта и Шмалера (Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. Grimma, 1843, in 4°), во II-й части на стр. 161—4: «Des Wolfes glücklicher Tag». Разъ поутру потягивался волкъ въ своей берлогѣ, а солнце бросало на него свой свѣтъ. Шла мимо лисица и сказала ему: «нынѣшній день ты постоянно будешь счастливъ.» — Отчего? спросилъ волкъ. «Да солнце бросаетъ на тебя свой свѣтъ!»—Я было не хотѣлъ сегодня выходить, сказалъ волкъ, но если это такъ— то пойду. Бѣжитъ волкъ лѣсомъ, а на встрѣчу ему два вора несутъ свиное сало. Увидѣли сѣраго, побросали сало и давай Богъ ноги. Волкъ обнюхалъ сало и сказалъ: «лисица права, сегодня я въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Какое славное сало! Но кто станетъ поутру ѣсть сало, чтобы потомъ цѣлый день томиться жаждою?» И онъ побѣжалъ дальше на лугъ; тамъ увидѣлъ кобылу съ жеребенкомъ и подумалъ про себя: «это получше!» Онъ сказалъ кобылѣ: «нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье, и потому я съѣмъ твоего жеребенка.»—Мнѣ это очень пріятно,

Digitized by Google

и я высоко цѣню, что столь знатный господинъ хочетъ скушать моего жеребенка. Но будь добръ, окажи мнѣ напередъ услугу. Я слышала, что ты знаменитый лѣкарь. Я всадила себѣ въ правую заднюю ногу большую занозу, и куда ни ходила —никто не могъ мнѣ помочь. Не избавишь ли ты меня отъ этой бѣды? «Знаменитый лѣкарь! подумалъ про себя волкъ. Гмъ! этого я не зналъ. Но кобыла не стала бы говорить, еслибъ не было такъ.» И онъ сказалъ: «покажи!» и подступилъ ближе. Кобыла подняла ногу, и только что волкъ хотѣлъ посмотрѣть — ударила его въ голову съ такою силою, что онъ упалъ безъ чувствъ. А кобыла скрылась съ своимъ жеребенкомъ. Когда волкъ очнулся, его ужасно раздражилъ обманъ кобылы. «Кто приказалъ тебѣ выдавать себя за лѣкаря? сказалъ волкъ. Но лиса сказала, что сегоднешній день сулитъ мнѣ счастье...»—и онъ пустился дальше и пришелъ къ мельницѣ: тутъ увидѣлъ онъ свинью съ поросенкомъ. «Сегодня мой счастливый день, сказалъ волкъ, и потому я съѣмъ твоего поросенка.»—Мнѣ это очень лестно, и я высоко цѣню, что такой знатный господинъ хочетъ скушать моего поросенка. Но будь добръ, обожди немножко. Самъ видишь, поросенокъ весь выпачканъ и замаранъ; я вымою его начисто, какъ пристойно для столь почетнаго вельможи. «Почетный вельможа! подумалъ про себя волкъ; гмъ! этого я еще не зналъ. Но свинья не стала бы говорить, еслибъ это не такъ было.» И онъ сказалъ: «вымой!» а самъ сѣлъ на берегу. Свинья бросилась съ своимъ поросенкомъ въ рѣку, поплыла къ мельницѣ и скрылась совсѣмъ. Разсердился волкъ и говорилъ самъ себѣ: «никто не приказывалъ тебѣ выдавать себя за вельможу! Вотъ теперь и обманула тебя свинья, это глупое животное! Но лиса сказала, что нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье...» и голодный волкъ пошелъ дальше. Пришелъ онъ на поле и увидѣлъ двухъ бодавшихся козловъ. Онъ объявилъ имъ о счастливомъ днѣ и о своемъ желаніи съѣсть одного

Digitized by Google

изъ нихъ. «О, это намъ очень лестно, отвѣчали они, что такой знатный господинъ желаетъ скушать одного изъ насъ. Но будь добръ, окажи намъ напередъ услугу. Мы слышали, что ты знаменитѣйшій судья; у насъ идетъ споръ объ этомъ полѣ, и куда мы ни обращались—никто не могъ навести насъ на правый путь. Разсуди, кому должно принадлежать поле. Ты стань здѣсь середи поля, а мы разойдемся по концамъ, и кто прежде прибѣжитъ къ тебѣ, тотъ и выиграетъ.» — Знаменитѣйшій судья! я этого еще не знавалъ. Но козлы не стали бы говорить, еслибъ этого не было. «Бѣгите!» сказалъ волкъ, а самъ усѣлся посреди поля. Козлы пустились бѣжать изо всѣхъ силъ и быстро исчезли. Раздраженный этимъ обманомъ волкъ сказалъ себѣ: «кто велѣлъ выдэвать себя судьею! но пойду еще дальше; лиса сказала, что сегоднешній день обѣщаетъ мнѣ счастье...» Пришелъ онъ на выгонъ и увидѣлъ въ загородкѣ цѣлое стадо овецъ, а при нихъ ни пастуха, ни собаки. Это не дурно, подумалъ волкъ, и сказалъ овцамъ: «нынче счастливой мой день, и я теперь же хочу одну изъ васъ съѣсть.»—Намъ очень пріятно, отвѣчали овцы, и мы высоко цѣнимъ, что такой знатной господинъ хочетъ скушать одну изъ насъ. Но будь добръ, окажи напередъ услугу. Мы слышали, что ты опытный запѣвало, а мы сильно въ немъ нуждаемся; лучшій баранъ у насъ умеръ, и куда мы ни ходили — никто не могъ намъ хорошенько затянуть. Не поможешь ли ты намъ въ нуждѣ? «Опытный запѣвало! я этого еще не знавалъ о себѣ. Но овцы не стали бы говорить, еслибъ это не такъ было!» подумалъ волкъ. Онъ взлѣзъ на пастушій шалашъ и съ важностью началъ качать ногою взадъ и впередъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ онъ ударяетъ тактъ. Овцы заблеяли во все горло, одна выше другой; завылъ и волкъ. Цѣлая деревня и всѣ собаки сбѣжались на это пѣніе, и въ то время, какъ волкъ заливался больше и больше, кто-то нанесъ ему такой ударъ, что онъ упалъ съ шалаша на̀ земь.

Digitized by Google

Тутъ принялись грызть его собаки, а люди бить дубинами, жердями и вилами. Насилу ушелъ онъ. «Кто велѣлъ, говорилъ онъ самъ съ собою, выдавать себя за пѣвца! Вотъ теперь овцы, самыя глупыя изъ всѣхъ животныхъ,—и тѣ обманули... Но у меня есть еще сало, можно хорошо поужинать.» И волкъ отправился на то мѣсто, гдѣ повстрѣчалъ двухъ воровъ; но лиса ужь давно утащила все сало.

17. 18.

«*Волкъ и коза*» — смотри варіантъ въ «Русскихъ сказкахъ для дѣтей», изданныхъ Авдѣевою, стр. 33—39; здѣсь разсказывается, что волкъ досталъ себѣ козлиную шкуру, нарядился въ нее и такимъ образомъ обманулъ козлятокъ.

«*Колобокъ*»—смотри въ томъ-же изданіи на стр. 16—21.

23.

Котъ и лиса.

Сличи съ этою сказкою напечатанныя: а) въ изданіи Караджича («Српске народне приповијетке», № 49) — сказку о медвѣдѣ, свиньѣ и лисицѣ. Однажды эти три звѣря вспахали вмѣстѣ землю, посѣяли пшеницу, и собрали хлѣбъ; дошло до раздѣла: медвѣдь взялъ себѣ зерно, свинья взяла солому, а лисѣ не досталось ничего. Разсердилась лиса и сказала имъ, что приведетъ съ собой царскаго мужа, который по правдѣ ихъ раздѣлитъ. И медвѣдь, и свинья попрятались; онъ взлѣзъ на грушу, а она закопалась въ солому. Лиса встрѣтила кошку и пригласила ее идти на гумно—мышей ловить. Кошка пошла съ радостью; идетъ по дорогѣ да за птицами гоняется. Медвѣдь и говоритъ свиньѣ: «зло свиньо! ето лисице ѣе води страш-

Digitized by Google

нога бумбашира: огрнуо ћурак од куне, па и крилате тице хвата око пута.» — Конецъ такой же, какъ и въ русской сказкѣ.

b) —въ изданіи Гаупта и Шмалера («Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz», ч. II, № 8, стр. 167—9) сказку о войнѣ волка съ лисою. У Пардоньи была старая кошка, у Наздалака старая собака. «Зачѣмъ мы держимъ кошку? сказалъ Пардонья своей женѣ; она совсѣмъ не ловитъ мышей. Я ее утоплю!» — Не дѣлай этого, говорила жена; она еще можетъ пригодиться. «Какъ-же! мыши могутъ танцовать на ней, и она все-таки ни одной не поймаетъ. Только увижу ее— сейчасъ въ воду!» На ту пору кошка лежала подъ печью; услышавъ такія угрозы, она убѣжала изъ дому. «Зачѣмъ мы держимъ собаку? сказалъ Наздалакъ своей женѣ; она и глуха и слѣпа, лаетъ — когда не нужно, и молчитъ — когда нужно лаять. Я ее повѣшу!»—Не дѣлай этого, говорила жена; она еще пригодится. «Какъ-же! воры могутъ занять цѣлой дворъ, она и не увидитъ. Только попадется мнѣ на глаза—сейчасъ и повѣшу!» На ту пору собака лежала въ углу; услышавъ такія рѣчи, она вскочила и убѣжала изъ дому. Кошка и собака сошлись вмѣстѣ, усѣлись и начали клясть свою судьбу. Шла мимо лисица, распросила ихъ обо всемъ и сказала: «я васъ выручу, если вы согласны помогать мнѣ: волкъ объявилъ мнѣ войну, съ нимъ соединились медвѣдь и кабанъ. Хотите завтра участвовать въ великой битвѣ?» Собака и кошка согласились. Волкъ, медвѣдь и кабанъ собрались на сказанное мѣсто, долго ждали непріятеля, и какъ было очень жарко, то медвѣдь вскарабкался на вѣтвистое дерево, волкъ легъ въ тѣни подъ дубомъ, а дикая свинья вся закопалась въ кучу соломы: только кончикъ уха торчалъ наружу. Явилась лиса съ собакой и кошкой; кошка тотчасъ запримѣтила, какъ замоталъ кабанъ своимъ выставленнымъ ухомъ, въ которое ужалила его муха

Digitized by Google

(жигалка), и кинулась на солому. Испуганная свинья пустилась бѣжать, а кошка со страху бросилась на дерево и прямо вцѣпилась медвѣдю въ морду. Медвѣдь растерялся, упалъ съ дерева да прямо на волка, задавилъ его, а самъ—бѣжать.

Лиса наловила десятка три мышей, подложила къ Пардоньѣ, и говоритъ кошкѣ: «таскай себѣ по одной мыши.» Кошка такъ и сдѣлала. «Смотри, сказала жена, наша кошка мышей ловитъ.» — А я не думалъ, чтобы старая кошка могла ловить ихъ. «То-то, вить я говорила! Но вы, мущины, всегда хотите быть правыми.» Собакѣ велѣла лиса идти къ Наздалаку въ тотъ самой день, какъ зарѣзали тамъ свинью: «ступай во дворъ и какъ будетъ попозднѣе—лай изо всѣхъ силъ.» Собака такъ и сдѣлала. «Поди, говоритъ жена, посмотри—не воры ли пришли? ишь собака лаетъ.» — Она сама не знаетъ, чего лаетъ! сказалъ Наздалакъ и не пошелъ. Поутру хватились, а колбасъ нѣту; лиса ихъ давно утащила. «Я не думалъ, сказалъ мужъ, чтобы старая собака могла быть такъ сторожлива.» А жена: «то-то, вить я тебѣ говорила! Но вы, мущины, всегда хотите быть правыми.»

25.

Собака и дятелъ.

Точно такая-же сказка встрѣчается и въ Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 58, ч. III, стр. 100): «Der Hund und der Sperling.» Воробей, подобно дятлу нашей сказки, добываетъ собакѣ мяса и хлѣба; собака легла на дорогѣ (въ одномъ варіантѣ: она напивается допьяна на свадьбѣ) и заснула. Извозникъ, который проѣзжалъ по дорогѣ съ двумя бочками вина, не захотѣлъ посторониться и раздавилъ собаку. Раздраженный воробей выпустилъ изъ бочекъ вино, по-

Digitized by Google

нудилъ мужика гоняясь за нимъ съ киркою убить своихъ лошадей, потомъ собралъ множество птицъ и вмѣстѣ съ ними опустошилъ его нивы; наконецъ воробей влетѣлъ въ избу извозника, который, гоняясь за нимъ, перебилъ окна, зеркала и посуду и переломалъ столы и скамейки. Послѣ долгихъ хлопотъ хозяинъ поймалъ таки воробья. «Убить его!» говоритъ хозяйка. — Нѣтъ, этого ему мало: я его живаго проглочу! Сказалъ и сдѣлалъ. «Der Sperling aber fängt an in seinem «Leibe zu flattern, flattert wieder herauf, dem Mann in den Mund: da streckt er den Kopf heraus und ruft: Fuhrmann, es kostet dir doch dein Leben! Der Fuhrmann reicht seiner Frau die Hacke und spricht: Frau, schlag mir den Vogel im Munde todt». Жена ударила и попала мужу прямо по головѣ, такъ что онъ свалился мертвой; а воробей улетѣлъ. Окончаніе это весьма близко съ окончаніемъ нашей сказки (подъ литерою *а*), котораго впрочемъ мы не рѣшились напечатать.

27.

Курица и пѣтухъ.

Подобныя же сказки смотри въ Norwegische Volksmärchen, ч. I. № 16 и въ Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 80: «Von dem Tode des Hühnchens»; ч. III, стр. 128—9). Нѣмецкая сказка любопытна по подробностямъ, съ какими переданъ разсказъ о погребеніи курочки, подавившейся орѣхомъ. Въ погребальномъ шествіи принимаютъ участіе всѣ лѣсные звѣри.

36.

Прибаутки.

Прибаутки любопытны по своему складу, близкому къ пѣсеннымъ размѣрамъ и обильному риемами; любопытны онѣ,

Digitized by Google

какъ и другія устныя произведенія, еще такъ называемою аллитераціею, т. е. повтореніемъ одной согласной буквы въ началѣ словъ: отличные примѣры аллитераціи представляютъ прибаутка подъ буквою *п* и начало байки, напечатанной въ этомъ выпускѣ подъ № 38: «*С*тарину *с*кажу *с*тародавнюю, *с*тародавнюю, небывалую, *с*тарика *с*вяжу *со с*тарухою, *со с*тарухою *съ* кособрюхою.» Прибаутки, въ томъ видѣ, въ какомъ слышатся теперь въ устахъ народа, очевидно составляютъ отрывки изъ различныхъ произведеній народнаго слова: пѣсенъ, сказокъ и причитаній, сопровождающихъ игры и обряды. Сличи: прибаутку подъ литерою *h* съ пѣснею, напечатанною у Сахарова въ «Сказаніяхъ русскаго народа», т. I, стр. 222, № 26; прибаутку подъ литерою *я* съ пѣснею, напечатанною тамъ же на стр. 88, № 7; наконецъ прибаутку подъ литерою *с* съ описаніемъ простонародной игры: «коза» (Сахар. Сказанія русс. народа, т. I, стр. 90. № 34; Терещенко: Бытъ русс. народа, т. IV, стр. 45). Многія сказочныя выраженія, отличающіяся стихотворнымъ складомъ, какія особенно часто встрѣчаются въ сказкахъ о животныхъ, вошли въ пословицы и въ прибаутки. По нѣкоторымъ прибауткамъ можно заключать, что кромѣ уже собранныхъ сказокъ о животныхъ, существуютъ въ народѣ или по крайней мѣрѣ существовали прежде (хотя въ послѣдствіи и были забыты) другія подобныя же сказки.

39.

Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ.

Въ этой сказкѣ солнце и мѣсяцъ, согласно съ древними языческими преданіями, являются олицетворенными и женятся на дѣвицахъ. На ряду съ ними поставленъ и воронъ, игравшій такую видную роль въ миѳологіи индо-европейскихъ народовъ.

Digitized by Google

Олицетворенія солнца и мѣсяца, какъ и другихъ нѣкогда обоготворенныхъ силъ и явленій природы, очень обыкновены въ сказкахъ, заговорахъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ (см. выпускъ II, стр. 144; вып. III, № 1. Болгарс. пѣсни во Временникѣ, кн XXII, стр. 5—10. Сербск. пѣсни Вука Караджича, ч. I, стр. 154—5, 305). Въ Словѣ о полку Ярославна въ своемъ поэтическомъ обращеніи къ солнцу называетъ его *господиномъ*. Литовскія и славянскія преданія согласно говорятъ о томъ, что богиня Солнце разъѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной тремя конями, что она имѣетъ на небѣ свой теремъ и живетъ тамъ вмѣстѣ со всѣмъ родомъ, и что ежегодно празднуетъ свой бракъ съ Мѣсяцемъ (Русск. достопамятн., ч. III, стр. 219—220; Отечеств. Зап: Зооморфич. божества у славянъ, 1852, № I, стр. 12—14; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 68 и пѣсни литовскія подъ № 28 и 33). Герои народныхъ сказокъ часто обращаются къ свѣтиламъ, спрашивая о дорогѣ въ далекой край или о судьбѣ милыхъ сердцу. Въ одной нѣмецкой сказкѣ сестра идетъ искать своихъ братьевъ, проклятыхъ отцомъ. Она шла далеко, далеко, на конецъ свѣта, и вотъ пришла къ Солнцу; оно было сурово, жгуче, и пожирало маленькихъ дѣтей. Поспѣшно убѣжала она и явилась къ Мѣсяцу, но онъ былъ холоденъ, страшенъ и золъ; какъ только замѣтилъ ее, то закричалъ: я чую, чую человѣчье мясо! Быстро удалилась она и пришла къ Звѣздамъ, которыя были дружелюбны и ласковы; каждая изъ нихъ сидѣла на своемъ престолѣ. Утренняя звѣзда помогла ей найти братьевъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ героиня идетъ искать своего милаго, обращеннаго въ голубя. Люди не могутъ мнѣ помочь, думаетъ она, и обращается къ Солнцу: «ты свѣтишь во всѣ стороны, во всѣ щели; не видалъ ли ты —гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — Нѣтъ, отвѣчало Солнце и подарило ей ящичекъ съ блестящимъ плать-

Digitized by Google

емъ. Вечеромъ, когда взошелъ Мѣсяцъ, она обратилась къ нему: «ты свѣтишь цѣлую ночь во всѣ лѣса и поля; не видалъ ли ты, гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — Нѣтъ, отвѣчалъ Мѣсяцъ и подарилъ ей яйцо, изъ котораго, какъ только его разбили, вышла золотая насѣдка съ цыплятами. За тѣмъ слѣдуютъ подобныя же обращенія къ вѣтрамъ (Грим. Kinder- und Hausmärchen, ч. I, № 25; ч. II, № 88. Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. I. вып. 3. стр. 312; смотри также Srpske народне приповиједке, № 10). Въ Калевалѣ мать Лемминкяйнена спрашиваетъ дорогу въ Похьёлу у Мѣсяца, и отъ Солнца вывѣдываетъ о жребіи своего сына. — Въ малороссійской сказкѣ богатырь идетъ за тридевять земель, туда, гдѣ ночуетъ Солнце, и хочетъ узнать, отчего прежде оно всходило красное, а потомъ стало всходить блѣдное. Приходитъ онъ до *господы* (дома), гдѣ Солнце проводитъ ночь и гдѣ все сдѣлано изъ чистаго золота; здѣсь засталъ богатырь одну солнцеву мать и пересказалъ ей, зачѣмъ пришелъ. Она спрятала его подъ золотое корыто; а когда царь-Солнце, обойдя небо, воротился къ ночи домой, стала спрашивать его. «отчего ты, сынъ мой, всходилъ прежде краснымъ, а теперь всходишь блѣднымъ?» (Русск. Бесѣда, 1856. т. III, статья Максимовича, стр. 100—101; Костомарова: Славянск. миѳологія, стр. 29 и Народн. славянск. разсказы, Боричевскаго, стр. 108).

Замѣчательно, что и солнце и мѣсяцъ при такихъ олицетвореніяхъ сохраняютъ тѣ особенности, какія обыкновенно съ ними связываются. Такъ въ напечатанной нами сказкѣ мѣсяцъ *освѣщаетъ* своимъ пальцемъ цѣлую баню, а солнце велитъ поставить на себя сковороду и *поджариваетъ* оладьи.

Digitized by Google

40.

Вазуза и Волга.

Здѣсь олицетворены двѣ рѣки, которыя спорятъ о старѣйшинствѣ и пускаются въ перегонку. Олицетвореніе это не есть пустая риторическая фигура, а остатокъ древняго миѳическаго представленія. Любопытно, что бо́льшая часть тропъ, не придуманныхъ нарочно, а издавна составляющихъ неотъемлемую принадлежность языка, ведутъ свое начало отъ древнихъ представленій народа, и потому заключаютъ въ себѣ намеки на миѳическія сказанія, хотя въ позднѣйшее время намеки эти до того стерлись, что могутъ быть разгаданы только путемъ научныхъ изслѣдованій. Не останавливаясь на свидѣтельствахъ о языческомъ обожаніи водъ, скажемъ, что преданіе о Вазузѣ и Волгѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи переносится на другія рѣки. Такъ ходитъ разсказъ о спорѣ между *Днѣпромъ* и *Десною*. Когда Богъ опредѣлялъ рѣкамъ ихъ судьбу, то Десна опоздала прійдти и не успѣла выпросить себѣ первенства передъ Днѣпромъ. Богъ сказалъ ей: «постарайся сама опередить его». Десна пустилась, но какъ ни спѣшила — Днѣпръ все-таки опередилъ ее и впалъ въ море, а Десна должна была впасть въ быстрый Днѣпръ (Москвитян., 1846, № XI и XII, стр. 154). Въ тульской губерніи подобное же повѣрье относится къ рѣкамъ *Дону и Шату*. У Ивана-озера было два сына: Шатъ и Донъ, почему этотъ послѣдній и называется въ пѣсняхъ Ивановичъ. Шатъ противъ воли родительской захотѣлъ погулять въ чужихъ дальнихъ сторонахъ, пошелъ въ путь, но куда ни приставалъ — нигдѣ его не принимали; *прошатавшись* безъ пользы, воротился онъ домой. Донъ же за свою необыкновенную тихость получилъ родительское благословенье и смѣ-

Digitized by Google

ло пустился въ дальнюю дорогу. На пути повстрѣчалъ онъ во́рона и спросилъ, куда онъ летитъ? — Къ синю морю, отвѣчалъ воронъ. «Отправимся вмѣстѣ.» Вотъ достигли они моря. Донъ подумалъ: если перенырну черезъ море, то и его утащу все за собою. «Воронъ! говоритъ онъ, сослужи мнѣ службу; я нырну въ море, а ты лети на другую его сторону, и какъ скоро долетишь до берега — каркни.» Донъ нырнулъ въ море, воронъ полетѣлъ, каркнулъ да слишкомъ рано — Донъ такъ и остался, какимъ поднесь его видимъ (Москвит., 1852, № XIX, стр. 101—2; Тульскія губернск. вѣдомости, 1852, № 27). Г. Боричевскій въ «Славянскихъ народныхъ разсказахъ» (стр. 183—5) передалъ бѣлорусское преданіе о *Днѣпрѣ и Сожѣ*, начало котораго скопировано съ библейской исторіи Исава и Якова. Былъ-жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дома, когда мать обманомъ заставила старика-отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина благословилъ его: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету до́ моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путями, непроходимыми темными лѣсами, и если обгонишь брата — то онъ послужитъ тебѣ.» Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ бокъ. А Сожъ уговорилъ ворона летѣть прямо къ Днѣпру и только обгонитъ его хоть на

Digitized by Google

шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, разсчитывая выскочить наверхъ по крику ворона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ напалъ на ворона; воронъ закаркалъ прежде, нежели опередилъ рѣку Днѣпръ. Сожъ выскочилъ изъ-подъ земли и со всего размаху впалъ въ Днѣпръ.

Весьма интересны поэтическія сказанія о рѣкахъ, встрѣчаемыя въ старинныхъ пѣсняхъ, въ сборникѣ Кирши Данилова. Плылъ по синему морю богатой гость Садко, и вдругъ остановился его корабль — и не съ мѣста. Стали бросать жребіи, чтобъ узнать виноватаго; палъ жребій на самаго хозяина. Признался Садко: «бѣгаю, говоритъ, я по морю двѣнадцать лѣтъ, *не платилъ я царю Заморскому дани-пошлины, не опускивалъ въ сине море Хвалынское хлѣба-соли!*» Бросили его корабельщики въ воду, и корабль поплылъ своей дорогою, а Садко принесенъ волною къ царю Морскому. Стоитъ изба великая во все дерево; вошелъ Садко въ избу— а въ ней лежитъ на лавкѣ царь Морской: «гой еси богатой гость! говоритъ ему царь, ждалъ тебя двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ самъ головой пришелъ. Поиграй-ка мнѣ въ звончатыя гусли.» Заигралъ Садко, сталъ царя тѣшити;

Расплясался царь Морской:
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя.

Захотѣлъ царь женить гостя, привелъ ему тридцать дѣвицъ и приказалъ выбрать себѣ невѣсту. Выбралъ Садко и легъ спать съ молодою женою.

Со полуночи, въ просоньи ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену,

а когда проснулся—то самъ очутился подъ Новгородомъ, *а лѣвая нога въ рѣкѣ Волховѣ* (Древн. росс. стихот., стр.

Digitized by Google

337—343). Въ другой разъ плылъ Садко по Волгѣ-рѣкѣ; *отрѣзалъ онъ великой сукрой хлѣба, посыпалъ его солью и опустилъ въ воду* съ этими словами: «спасибо тебѣ, матушка Волга! гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ—никакой скорби надъ собою не видывалъ. А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.» И проговорила ему Волга-рѣка: «поклонись отъ меня брату моему, славному озеру Ильменю.» Пріѣхалъ Садко на Ильмень-озеро и правилъ ему челобитье отъ Волги-рѣки. Приходитъ тутъ отъ Ильмень-озера удалой доброй молодецъ и спрашиваетъ: «какъ де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко разсказалъ. Молодецъ велѣлъ ему закинуть въ воду три невода — и торговой гость наловилъ множество рыбы, а какъ вытащилъ невода — вся рыба превратилась въ деньги: это былъ подарокъ Ильмень-озера (ibidem, стр. 266—7, 270). Пѣсенныя сказанія о гостѣ Садкѣ сохранили живую память о жертвенныхъ приношеніяхъ морю и рѣкамъ, что вполнѣ согласно съ свидѣтельствами древнихъ памятниковъ о жертвенныхъ требахъ, какія совершались озерамъ, рѣкамъ и колодезямъ: смотри вопросы Кирика въ Русск. достопамятн., т. I, стр 94; Библіограф. листы Кеппена, № 7, стр. 88; Густинск. лѣтопись (въ Полн. собр. лѣт., т. II), стр. 234, 257. Если жертвоприношеніями снискивалась милость водяныхъ божествъ, то наоборотъ непочтеніе къ нимъ влекло за собой неминучее наказаніе. По сказанію одной старинной пѣсни, молодецъ подъѣхалъ къ рѣкѣ Смородинѣ и взмолился, чтобъ указала ему бродъ. Смородина указала бродъ, а молодецъ переправившись сталъ глупымъ разумомъ похвалятися: «сказали про быстру рѣку Смородину — не пройти, не проѣхати черезъ нее ни пѣшему, ни конному; а она-то плоше дождевой лужи!» Пришлось ворочаться молодцу, не нашелъ онъ брода, и потопила его рѣка Смородина въ своихъ глубокихъ омутахъ, а сама провѣщилась душой-красной-дѣвицей: «безвременной молодецъ! не я

Digitized by Google

тебя топлю, топитъ тебя похвальба твоя!» Это прекрасное преданіе сличи съ разсказомъ Гомера о Ксанѳѣ и Симоисѣ, преслѣдовавшихъ своими ярыми волнами Ахиллеса (пѣснь XXI Иліады), и съ свидѣтельствомъ сербской сказки (выпускъ I-й Нар. рус. сказокъ, стр. 124).

42. 43. 44.

Морозко. Старуха-говоруха. Василиса-прекрасная.

Эти три сказки основаны на обычномъ сказочномъ мотивѣ о нелюбви мачихи къ падчерицѣ (см. вып. I, стр. XV и № 3). Въ первой сказкѣ олицетворенъ морозъ — намекъ на вѣрованіе отдаленной старины (смотри выпускъ II, стр. 144 и 149 и вып. III, № 1). Между нашими поселянами до сихъ поръ существуетъ обычай, указывающій, что могучія силы природы народному воображенію представляются, какъ существа живыя и могучія. Наканунѣ Рождества и на Великъ день въ каждой семьѣ старикъ беретъ ложку кутьи или киселя, выходитъ на порогъ сѣней или влѣзаетъ на печь, и просовывая голову въ волоковое окно, говоритъ: «Морозъ, Морозъ! приходи кисель ѣсть; Морозъ, Морозъ, не бей нашъ овесъ; ленъ да конопли въ землю вколоти.» («Морозе, Морозе! иды до насъ кути јисты, та не поморозь нашой гречкы.») Черемисы боятся отбивать отъ избъ и воротъ сосульки, вѣря, что за такое дѣло Морозъ будетъ серчать и всѣхъ заморозитъ (Сахар: Сказанія Русск. народа, т. I, стр. 54; Морск. Сборн., 1856, № IV, статья Чужбинскаго, стр. 60; Московск. Вѣдомости, 1857 г., литературн. отдѣлъ, № 36). Вмѣсто Мороза во второй сказкѣ является лѣшій, а въ третьей сказкѣ любопытны миѳическія представленія дня, солнца и ночи въ образѣ всадниковъ, разъѣзжающихъ на коняхъ: бѣломъ, красномъ и черномъ, въ доспѣхахъ тѣхъ-же цвѣтовъ, что̀ согласно

Digitized by Google

съ преданіями всѣхъ индо-европейскихъ народовъ (смотри: Зооморфич. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852, № I, стр. 13 — 14, 18; въ богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ татаръ, въ Вѣстникѣ Рус. Географ. Общества, 1855 г., ч. VI, стр. 190, упоминаются два родныхъ брата—богатыри Солнце и Мѣсяцъ на рыжихъ коняхъ). Весьма знаменателенъ и разсказъ о черепахъ, глаза которыхъ свѣтятъ и жгутъ, какъ огонь: представленіе это основано на древнѣйшей доисторической связи понятій: зрѣнія, свѣта и огня, о чемъ смотри въ моей статьѣ, въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи (т. II, половина 2-я). Василиса прекрасная несетъ воткнутый на палку черепъ, глаза котораго освѣщаютъ ей дорогу среди ночи: этотъ разсказъ напоминаетъ намъ прекрасный образъ трубадура Бертрама даль Борніо въ Дантовомъ Адѣ: онъ несетъ свою собственную голову, отдѣленную отъ тѣла, за волосы и освѣщаетъ ею путь себѣ. какъ фонаремъ (см. переводъ г. Мина, пѣснь XXVIII).

Съ напечатанными нами сказками сходна «Сказка о злой мачихѣ», помѣщенная въ изданіи г. Авдѣевой, стр. 56—72. Вмѣсто лѣшаго, который является въ сказкѣ: «Старуха-говоруха», здѣсь выведенъ: «старикъ старый-престарый, борода сѣдая до колѣнъ, глаза такъ и свѣтятся, какъ угли». Онъ не позволяетъ мужикамъ рубить дровъ въ своемъ заповѣдномъ лѣсу, а привезенную къ нему падчерицу заставляетъ въ одни сутки напрясть нитокъ, выткать холстъ и сшить рубашку. Послушная падчерица—дѣлать нечего—стала прясть и ткать; веретенцы такъ сами и вертятся, успѣвай нитки поправлять, а челнокъ такъ и прыгаетъ взадъ и впередъ: все готово! Старикъ остался доволенъ и сказалъ: «хочешь ли, я пошлю своихъ волковъ и медвѣдей — пусть съѣдятъ мачиху!» — Нѣтъ, не трогай ее! говоритъ дѣвочка. Онъ наградилъ ее уборами, златомъ и серебромъ и отпустилъ домой. Ѣдетъ падчерица съ отцемъ домой, а со-

Digitized by Google

бачка лаетъ: «тявъ, тявъ, тявъ! хозяинъ ѣдетъ, золото да серебро стучитъ да гремитъ!» А мачихина дочь не послушалась старика, не связала ему ни носковъ, ни варегъ; онъ прогналъ ее въ лѣсъ, гдѣ и съѣли ее волки. Везетъ отецъ ея косточки, а собачка лаетъ: «тявъ, тявъ, тявъ! хозяинъ ѣдетъ, косточки въ лукошкѣ стучатъ да гремятъ!»

46.

Бѣлая уточка.

Вѣдьма обращаетъ княжну въ бѣлую уточку, подобно тому, какъ въ предыдущей сказкѣ (№ 45) обращенъ Иванушка чрезъ колдовство въ козленка. О превращеніяхъ сохранилось у всѣхъ народовъ много прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ и любопытныхъ, весьма разнообразныхъ преданій: мы еще встрѣтимся съ этими разсказами и преданіями въ слѣдующихъ выпускахъ. Съ напечатанною теперь сказкою сходна отчасти нѣмецкая сказка: Die weisse und schwarze Braut (Грим. Kinder- und Hausmärchen, ч. II, № 135). Шла полемъ мачиха съ падчерицею и родною дочерью; встрѣтился съ ними убогой старецъ. «Какъ пройдти въ деревню?» спросилъ онъ. — Самъ найдешь дорогу, отвѣчала мачиха. «А не хочешь искать, такъ возьми себѣ вожака», сказала мачихина дочь. «Пойдемъ со мною, я тебя проведу», прибавила падчерица. Мачиха и ея дочь въ наказаніе за это сдѣлались черными, какъ темная ночь, и безобразными, какъ самой грѣхъ; а падчерица сдѣлалась столь прекрасною и свѣтлою, какъ ясный день. Увидѣлъ ея изображеніе король, влюбился и пожелалъ на ней жениться. Когда поѣхала она во дворецъ вмѣстѣ съ мачихою и переправлялись онѣ черезъ мостъ, то завистливая мачиха сбросила ее въ воду

Digitized by Google

и обратила бѣлою уткою; а королю такъ околдовала очи, что онъ женился на ея черной дочери. Разъ вечеромъ, когда черная невѣста сидѣла у короля на колѣняхъ, бѣлая утка прилетѣла въ поварню и сказала повареику:

Jüngelchen, mach Feuer an,
dass ich meine Federn wärmen kann.

Поваренокъ развелъ огонь на очагѣ: утка сѣла возлѣ, встрепенулась, оправила носомъ свои перья, и спросила:

was macht die schwarze Hexe im Haus?

Поваренокъ:

«die sitzt warm
ins Königs Arm.»
— Dass Gott erbarm!

сказала утка и ушла. На другой вечеръ и на третій случилось тоже. Поваренокъ разсказалъ обо всемъ королю, и король пошелъ вечеромъ самъ въ поварню, и только показалась утка— взялъ мечъ и пересѣкъ ей шею: тотчасъ приняла она свой прежній видъ прекрасной дѣвицы. Король обрадовался, велѣлъ нарядить ее въ царскія одежды, а мачиху и ея черную дочь положили въ бочку, набитую гвоздями, привязали эту бочку къ лошади и пустили на бѣлой свѣтъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы
1. Лисичка-сестричка: a	7
b	11
c	14
d	15
e	16
f	18
g	20
h	23
2. Лиса и пѣтухъ	24
3. Котъ, пѣтухъ и лиса: a	25
b	29
4. Лиса и тетеревъ	30
5. Лиса и ракъ	31
6. Лиса и журавль	31
7. Лиса-лѣкарка	32
8. Снѣгурушка и лиса	35
9. Лиса-плачея	36
10. Бухтанъ Бухтановичъ	38
11. Козьма Скоробогатой	42
12. Волкъ	49
13. Волкъ-дурень	50
14. Свинья и волкъ	53
15. Медвѣдь	54
16. Коза	55
17. Волкъ и коза	57
18. Колобокъ	59
19. Медвѣдь, лиса, слѣпень и мужикъ	61
20. Однобокой баранъ	64
21. Зимовье звѣрей	66

Digitized by Google

Страницы

22. Медвѣдь и пѣтухъ 69
23. Котъ и лиса 70
24. Медвѣдь, собака и кошка 75
25. Собака и дятелъ: a 78
b 80
26. Баранъ, козелъ, волки и медвѣдь 81
27. Курица и пѣтухъ 85
28. Курочка: a 87
b 88
29. Журавль и цапля 89
30. Орелъ и ворона 90
31. Теремъ мухи: a 91
b 92
32. Ершъ Щетинниковъ: a 94
b 96
c 99
33. Пузырь, соломинка и лапоть 105
34. Рѣпка 106
35. Грибы 107
36. Прибаутки (a—z) 107
37. Докучныя сказки: a. b. c. 116
38. Байка про старину 116
39. Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ 119
40. Вазуза и Волга 121
41. Кобылячья голова 121
42. Морозко: a 123
b 129
43. Старуха-говоруха 131
44. Василиса-прекрасная 132
45. Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка: a 141
b 143
46. Бѣлая уточка 145
47. Чудесные кони, коза и свинка 149
48. Горшеня 155
49. Ѳома и Ерёма 157
Примѣчанія 159

Digitized by Google

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

А. Н АОАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

—

ВЫПУСКЪ V.

—

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1861.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюня 10-го 1861 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ*.

Digitized by Google

Въ составъ пятаго выпуска вошли сказки, лично мною собранныя и доставленныя мнѣ съ разныхъ сторонъ; сверхъ того двѣ заимствованы изъ лубочныхъ изданій по уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими отличаются онѣ отъ подобныхъ-же сказокъ, записанныхъ прямо изъ устъ народа. Шестой выпускъ заключаетъ въ себѣ сказки изъ собранія В. И. Даля.

Необходимыя объясненія и замѣтки будутъ мною сообщены въ одномъ изъ двухъ послѣдующихъ выпусковъ, которыми заключится настоящее изданіе «Народныхъ русскихъ сказокъ».

А. А.

Digitized by Google

Digitized by Google

4.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ.

a. «Чи ѣу ты баранки съ молокомъ?» — Ни, не ѣу! а ты чи ѣу? «Нѣтъ, и я не ѣу; а батька видѣу, якъ панъ ѣу у карчмы, кажиць — дуже смáчны!» [1])

(Записано въ Бѣлоруссіи.)

b. Ишовъ хохолъ з' покосу, тай з' цыганомъ сойшлысь умисти. «А куда ты, человиче, йдешъ?» — А до дому, цыгане. «Ходымъ-же зо мной за товарища.» — Эге! Отъ воны йдуть, та на дорози найшлы печѐны порося. Отъ цыганъ наровыть, якъ бы ёму самому порося зъисти. «А якъ-же, кàже, человиче, ми порося зъидимò?» — А якъ-же! поризимò тай зъидимò. «Ни; человиче! кàже цы́ганъ; або я больше зъимъ, або ты, тай не згадаймо; а нехай ляжемо спать, та кому лучшей сонъ присныцця, тому и порося зъисти.» — Эге! Тилько человикъ и береже цыгана, пока винъ засне́ть. Цыганъ захрапивъ. Человикъ поторкàвъ, поторкàвъ [2]) цыгана — винъ спить. Отъ винъ вынивъ въ нёго [3]) окрайцъ хлиба, та и зъилъ усё порося; а писля лигъ, та и сни соби гарнéнько. Цыганъ схвáтывсь та торкъ, торкъ того человика; винъ про-

[1]) *Варіантъ*: «А чи быу ты у Риги и чи ѣу ты росолъ отъ селедкоу съ перниками (отъ сельдей съ пряниками)? Кажуць, дуже смачны!

[2]) Потолкалъ. [3]) Вынулъ у него.

Digitized by Google

спався. «А якій же тоби, человиче, сонъ снився?»—А шобъ тоби, цыгане! мене збудывъ, а мини такій гарній сонъ снився... Та разсказуй же, цыгане, твій сонъ, а я свій (каже) подумаю; ты мене такъ торкавъ, шо я свій сонъ совсимъ забывъ. «Ну, каже, человиче! мини сонъ хорошій снився! Дывлюсь я — билѣ [1]) насъ кинь [2]) ходе, такій хорошій: нова на нимъ узда, сребрени удила, золотіи струмена, подушка на сидли пухова. Отъ якъ я сивъ на того коня та побигъ, та побигъ — тилько и видно! Бижу по стипу, на стипу стоить стовпъ, билѣ стовпа дробына [3]). Я слизъ з' того коня, привязавъ ёго до стовпа, полизъ по дробыни; лизъ, лизъ вгору, вйсоко-вйсоко! Дывлюсь — ажъ тамъ небеса. Я узлизъ на небеса, ходывъ-ходывъ по небесахъ, тай найшовъ хатку. У тій хати отхыливъ трошки [4]) двери — тамъ свитится. Бачу — сидыть самъ панъ Богъ, вечѐрѣеть, тай каже до мене: иды (каже) до мене, цыгану, вечерѣть. Дакъ я, человиче, з' самымъ паномъ Богомъ вечѐрѣвъ!... Дакъ бачь якій мини сонъ снився!» — Та и мини, каже, снився пидъ сю штуку, тилько трохе не такій: уставъ я, ажъ ходыть кобыла била да така пранцива [5])! Свитка на јіи пидвязана вижками [6]), зъ лозы струмена почиплени, ободь на ній уся зорвана. Дакъ я сивъ соби на ній тай појихавъ. Іихавъ-јихавъ, јихавъ-јихавъ — ажъ опоганило... Тилько дывлюсь: стоить стовпъ, биля стовпа дробына, а до тей дробыни стоить привязанъ кинь — такій хорошій! нова на нимъ узда, сребрени удила, золотіи струмена, подушка на сидли пухова... «Ото-жъ, человиче, я на тому конѐви и јихавъ.» — Эге! Дакъ я, каже, злизъ з' тыи кобылы, пустивъ јие по стипу, та и полизъ по

---

[1]) Возлѣ. [2]) Конь. [3]) Лѣстница. [4]) Отворилъ немного. [5]) Коростливая, покрытая сыпью (см. Опытъ обл. велик. словаря, стр. 176). [6]) Возжами.

Digitized by Google

дробыни у-гору. Узлизъ вйсоко-вйсоко; дывлюсь — ажъ небеса. Отъ я походывъ, походывъ соби по небесахъ, бачь — стоить хатка. Я отхылывъ трошки двери, дывлюсь — ажъ вы сидитѐ з' паномъ Богомъ, та вечерѣете. Отъ ты, цыгане, махнувъ на мене, тай кажешъ: вернысь, человиче, та зъjишъ порося. Я вернувсь, зъjилъ порося, та и лигъ; и спавъ соби гарненько... «Дакъ ты зъjилъ порося?» — Та усё, каже, зъjилъ. Подывись — онъ [1]) дѐ тилько ки(о)сточки осталысь! «А, дурне! се мини тилько сонъ такій снывся.» — А я, каже, не знавъ; ты-жъ на мене махнувъ, шобъ я вернувсь та зъjилъ порося. «Нехай-же тебе побье лыха годына! пуръ тоби, пекъ тоби, дурне! нехай тебе сыра земля приме! Не пійду з' тобой за товарища, разцураюсь.» Та и пишовъ цыганъ до дѝму [2]).

(Записана въ бирюченскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи; сообщилъ Н. И. Второвъ.)

с. По́сли дѣловой поры вздумаласъ одному швецу [3]) иттить попортничать. Вотъ онъ и пошолъ въ Чувашу. Случилосъ ему иттить мимо рѣки; онъ подошолъ къ рѣкѣ, да дака, батъ [4]), у биреговъ я пощупаю: нѣтъ ли рачиныхъ норъ? И давай щупать; норъ-та нашолъ многа, да всё пустыя. Изъ одной толька норы вытащылъ рака; да ужь и ракъ за то! съ осьмётокъ! [5]) Вотъ онъ положилъ рака въ пазуху, да и пошолъ къ чувашскей деревни. Вошолъ въ деревню, да и спрашиватъ съ крайнева двора подъ кажоннымъ окошкомъ: нѣтъ ли у ково шыть чово? Въ одномъ домѝ велѣли ему войтить въ избу. Онъ вошолъ, хвать — анъ въ избѣ-та одна толька чувашка! Слова за́ слова, чувашка и батъ: «я дискать дома топерь одна; мы

[1]) Вонъ. [2]) См. выпускъ II, № 14; вып. VI, № 1,оо. [3]) Портному. [4]) Баетъ — говоритъ. [5]) Изношенный лапоть (см. Опытъ областн. великор. словаря, стр. 144).

Digitized by Google

съ мужемъ толька двоя живёмъ, да онъ въ лѣсъ уѣхалъ, къ ѧми дрова готовить; двѣ ночи начовалъ въ лѣсу, да и нóни не придётъ.» Покалякала чувашка съ швецомъ, да и пошла коровъ доить. А на дворѣ-та была(о) не бóльна позд(н)а, можна была и ищо поспрашивать работки. Вотъ швецъ и думатъ: «какъ бисъ [1]) хозяина шыть у чувашки одёжу? пожалуй, худо слово наживёшь. Вить она хоть и хозяйка, да всё въ дому ни властелинъ; какъ хозяинъ-та придётъ да бранить будитъ за эта? да ищо шутя и деникъ за работу не отдастъ. Зачѣмъ, скажитъ, бисъ хозяина слушалъ бабы? такъ и бери съ неё деньги. А съ бабы чово взять? Правду баютъ: хто съ бабой свяжицца — самъ баба! Да постой-жа, я такъ отъ тея [2]) не пойду, а стучу съ тобой што-нибуть.» Глядитъ швецъ въ избѣ на всѣ стороны; увидалъ: на печѣ стоитъ у бабы квашня съ хлѣбнымъ растворомъ. Онъ взялъ да рака-та изъ пазухи въ квашню и втѝскалъ. Чувашка пришла съ дойницой въ избу. Вотъ швецъ и говоритъ: «ты што, матка, хошъ шыть-та?» Она ему батъ: «бѣлой кафтанъ.» — Нѣтъ, я кафтана теѣ [3]) шыть бисъ хозяина не стану. Посли приду, а покамисть прощай; я ищо хочу поискать работы. «Ну, прощай, молвила чувашка; да смотряй-жа, на послизавтра бисприменна приходи.» Швецъ ушолъ; чиризъ три двора опять ево вскричали въ избу работать.

Вотъ прошла ночь. На другой день поутру чувашка глять въ квашню мѣсить хлѣбы, анъ тамъ ракъ бараблицца [4]). Она-та знать съ роду раковъ не видывала, испужалась, выбигла на улицу и давай жарить [5]) караулъ. Всей деревней чуваши сбѣглисъ къ чувашкину двору. «Што ты, баютъ ей, крычишь?» — У меня чортъ въ квашнѣ! Вотъ ввалили въ избу;

---

[1]) Безъ. [2]) Тебя. [3]) Тебѣ. [4]) Карабкается, съ трудомъ выползаетъ (Опыт областн. великор. словаря, стр. 6). [5]) Кричать.

Digitized by Google

и швецъ взошолъ съ ними-жа. Тотъ подойдётъ х' квашнѣ — посмотритъ, другой поглядитъ, а всѣ боящца взять въ руки. Услыхалъ тревогу староста, идётъ къ чувашки въ избу: «што, батъ, у васъ тутъ сдѣлалосъ?» — Да вотъ не знай хто-та х'баби въ квашню залѣзъ. «Ну-тка я посмотрю.» Посмотрилъ въ квашню, да и говоритъ всѣмъ чувàшемъ: «што-жъ эта въ квашнѣ сидитъ?» Одинъ баитъ: эта чортъ! другой баитъ: эта акаянной! третій баитъ: эта дьяволъ! «Нѣтъ, всѣ вы, робята, хвастати! [1]) говоритъ имъ староста, эта не чортъ и не дьяволъ, а што-нибуть другоя. Кесь [2]) эта портной? Поглядитка: вить у нево и ножинки въ рукахъ, и кончики въ зубахъ!» —Ну такъ молодецъ ты Ѳома Иримѣичъ! закричали въ одинъ голосъ всѣ чуваши. Катца [3]), ищо нихто ни доганицца [4]), какъ ты доганулся. Вить и такъ эта портной! вишъ какъ ножницами-та онъ хлопатъ. «Такъ подити-жа вынисти ево на волю; пускай онъ идётъ, куда ему нады. Да помойти ево, батъ староста; вишъ какъ онъ сердешной измарался!» Взяли чуваши и давай рака мыть въ водѣ надъ цѣлымъ ведромъ. А ракъ вырвалса да бухъ въ ведро-та, пряма на дно, и ну пò дну задомъ ползать. «Робята! сказалъ швецъ, я самъ портной, и портныхъ этихъ знаю: они одёжу шьютъ водянымъ шутовкамъ [5]), и живутъ въ водѣ. Видити, какъ онъ водѣ-та радъ! возмити-ка ево въ воду отнесити. Эта ево здѣшна хозяйка накликала; она всё тужитъ, што у ней бѣлова кафтана нѣтъ.» — Правда твоя, дядюшка! сказали чуваши; спасиба теѣ, што над(о)умилъ ты насъ.» Взяли они рака въ ведрѣ, да и бухъ ево въ прут(д)ъ: шей, ракъ, шутовкамъ одёжу!

(Записано въ нижегородской губерніи, васильскомъ уѣздѣ, дьякономъ Василіемъ Орловымъ.)

---

[1]) Хвастаете — врёте. [2]) Какъ будто (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 82). [3]) Кажется. [4]) Не догадается. [5]) Чертовкамъ.

Digitized by Google

d. Аднъ мужикъ малолъ вмѣсти съ татариномъ на мельницы рош(ж)ъ. Вотъ ани мелютъ, да и разба(я)лисъ кажней абъ сваей вѣри. Аднъ батъ: русска вѣра лутчи, а другой: татарска вѣра лутчи. Русской батъ: «не всѣ вѣры гожи, а катора-нибуть адна хорашà. Кабы татарска вѣра была лутчи, то бы русскихъ малитвъ черти не баялисъ; а то лишь пирихрестисъ да сатвари малитву, всѣхъ чертей пажгётъ, и ни аднъ не прикачницца [1]) х' таму человѣку, каторой малитву сатваритъ.» А татаринъ батъ, што татарскихъ малитвъ черти пущи баяцца. Въ эта время мельникъ былъ въ анбари, и всё слушалъ, што бали [2]) русской съ татариномъ. «Пастой, думатъ самъ сеѣ мельникъ, я съ табой сдѣлаюсъ татарской лоп(б)ъ!» Да какъ увидалъ, што пришла ночь и татаринъ дамалолъ, — пашолъ, сагнулъ изъ ивинки абручикъ, придѣлалъ къ ниму рага, да этатъ абручикъ на голову сеѣ и надѣлъ, а рожу-та закрылъ изъ синей тряпки харей [3]); вмѣста глас(з)ъ прилипилъ къ хари жиребейки [4]) мышинава агня [5]); адёжу всю скинулъ до нага, да сажей весь вымаралси. И пашолъ онъ на ту дарогу, гдѣ нада была татарину дамой ѣхать; а на этай дароги, недалёка атъ мельницы, тикла рѣчка, а чирезъ рѣчку ту мостикъ. Вотъ мельникъ сѣлъ падъ мостикъ, да и дажидацца, какъ паѣдитъ татаринъ. Паѣхалъ татаринъ съ возомъ дамой. Мельникъ услыхалъ, што онъ ѣдитъ, вышолъ да и сталъ сереть мосту, да такъ-та рявкнулъ, што самаму стала страшна! Татаринъ испужалси, и давай по-татарски малитву тварить: алла бигемета! алла бигемета! А мельникъ адно стаитъ да реветъ. Вотъ татаринъ замѣста русскай малитвы давай крычать: усья харесья! усья харесья! Мельникъ

---

[1]) Не прикоснется. [2]) Говорили. [3]) Маскою. [4]) Жеребейки — небольшіе отколки (Словарь Росс. Акад., стр. 424). [5]) Мышиный огонь — свѣтящіяся гнилушки (Дополненіе къ Опыту обл. великор. словаря, стр. 121).

Digitized by Google

бухъ въ воду! Татаринъ нука апять на мельницу; а мельникъ посли ево вымалси да дамой, абрядилси [1]) апять — и не узнашь! Татаринъ выприк(г)ъ лошать, идетъ въ анбаръ, чуть батъ—инда языкъ памёшалси: «ну, русской! правду ты балъ, што ваша вёра лутчи нашей. Ёду я дарогай-та, а шайтанка стаитъ на масту да такъ и реветъ, ровна медвёдка! Весь чорной, а глаза ровна угли. Я давай па-татарски малитву тварить: алла бигемета! алла бигемета! шайтанка все стаитъ. Я нука па-русски: усья харесья! усья харесья! шайтанка и бухъ въ воду!»

(Записано также дьякономъ Орловымъ.)

е. Русской съ мордзвиномъ работали вмёсци на Волги, да вмёсци оттолива и домой пошли. Вотъ они шли пуцёмъ-дорогой, ды оба и пріустали. Мордзвинъ и выдумалъ штуку. «Давай, батъ, русской, попиремённа одзинъ другова несци за коргешками [2]). Поколи я цея [3]) буду несци, ты пёсьню пой; а какъ ты споёшь пёсьню, я на цея сяду—ты меня неси до цёхъ поръ, коли я пёсьню спою.» Русской дзёлами смекнулса. «Пожалуй, батъ, мордзвинушка! я на ита сугласинъ. Давай жерьбій мицьнёмъ, кому ково напирётъ достатца нисци.» Митнули жерьбій. Напирётъ досталосъ весци русскому мордзвина. Мордзвинъ сёлъ русскому за коргешки; сидзитъ да пёсьню поётъ, а русской слушатъ да везётъ. Вотъ мордзвинъ спёлъ пёсьню; русской сёлъ на мордзвина, да и запёлъ бисконешну пёсинку: ци-ли-ли, ци-ли-ли! сидзитъ да поётъ, а мордзвинъ-слушатъ да везётъ. Вёрстъ дзесиць провёсъ рускова, и спрашиватъ: «што, русской, вся ли тва(я) пёсня?» —Нётъ, мордзвинушка, не вся ищо! Мордзвинъ вёс(з)ъ, вёсъ, безъ моцы сталъ; упалъ съ устатку [4]), а у русскова

---

[1]) Одёлся, нарядился [2]) На закортышкахъ, плечахъ. [3]) Тебя.
[4]) Съ усталости (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 241).

Digitized by Google

пѣсьня не вся ищо. «Ну, батъ, русской, хаць вся, хаць не вся тва пѣсьня, а мнѣ утдыхаць пришлосъ. Твои ци-лй-ли меня съ ногъ свалили!» Мордзвинъ остался, а русской ищо вёрстъ дзесяць ушолъ. Вотъ цѐ [1]) мордзвинъ! зацѐилъ на сву шею возницца; ну гдзѣ мордзвину убмануць русскова? ушъ убманитъ ли, нѣтъ-ли — русской мордзвина! [2]).

f. Адзинъ мордзвинъ хадзилъ пò лису, свиней искалъ; хадзилъ онъ цѣлой дзень, не нашолъ своихъ свинушекъ. Да таво дзѣла(о) дашло, што толька плакаць мордзвину. Вотъ онъ и молвилъ таку рѣцъ: «што кабы нашлисъ маи цушиньки, я бы свѣцку поставилъ Кузьмѣ-Дзимъяну.» Ни паспѣлъ онъ вымалвиць такой рѣцы, анъ свиньи и бигутъ. Мордзвинъ абрадывалса: «ахъ вы, цушиньки, маи матушки! я виць цуть-цуть за васъ свѣцку ни паставилъ Кузьмѣ-Дзимъяну!» [3])

g. Ажа адинъ мардвинъ абжанился, да и взялъ жити за сябе дѣвуку тяжолу. Ана черизъ нядѣлю абрадилась. Ажа мардвинъ паѣхалъ на базаръ, да и купилъ пятьдесятъ двѣ калыбели. «На што ты сѐстель [4]) накупилъ калыбелей?» люди ягò спрашивають. — У мяне ди хазяйка черизъ нядѣлю рябенка радила, а въ гадỳ то пятьдесятъ и двѣ нядѣли, такъ мнѣ и нада пятьдесятъ и двѣ калыбели. Онъ дуралей падумалъ, што баба ягò кажну нядѣлю па рябенку радить имỳ будить! [5]) .

---

[1]) Тѐ — тебѣ. [2]) См. выпускъ II, № 14. [3]) Оба разсказа (подъ буквами *e* и *f*) записаны въ нижегородской губерніи и представляютъ образецъ народнаго говора по рѣкѣ Пьянѣ.

Варіантъ: Шелъ мужикъ въ городъ Богу молиться, и думалъ про себя: «батюшка Никола-Милостивой! хоть бы ты привелъ мнѣ грошикъ найти; я-бъ тебѣ, батюшкѣ, свѣчку поставилъ.» Глянулъ — валяется на дорогѣ пятакъ. Мужикъ поднялъ пятакъ, и говоритъ: «нѣтъ, батюшка Никола-Милостивой! пообожди; свѣчку тебѣ поставлю въ иное время; теперь еще дома соли нѣтъ.» (Записано въ тверской губерніи.)

[4]) Столько (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 202). [5]) Записано въ нижегородской губерніи.

Digitized by Google

h. У одново татарина на гумно свинья пришла, да и давай горохъ тюхтить [1]). Вотъ татаринъ глядитъ на свинью: «не замъ, говоритъ, ѣстъ чортэва скотина! абажретца да околѣтъ.» Свинья нажралася, пошла на ключь да испила. Испивши, опять пришла къ гороху ѣсть; поѣла, да у нево-жа въ омётъ — въ солому зарылась да и лёгла. Татаринъ глядитъ: «постой, говоритъ, чортэва скотина! я съ тобою сдѣлаюсъ; я сожгу тебя!» Взялъ огня да въ омётъ и сунулъ. Вотъ омётъ и задралъ [2]). Хвать — русска свинья ушла, а татарскэй деревни ровна ни бывала!

i. Одинъ черемисинъ напился пьяный, взлѣзъ на палати, лёкъ да и плацитъ: «худо моё дѣло! какъ я типерь буду з(ж)ыть-то? какъ пахать-то стану?» Онъ дуралей думалъ што вѣкъ будитъ пьяный! [3])

k. Старуха-мать ругала мальчишку, чтобъ онъ не ходилъ на рѣку купаться: «ну, к..... сынъ! смотри, коли утонишь, такъ и домой не ходи!»

l. Разъ зимою ѣхали по Волгѣ рѣкѣ извощики. Одна лошадь заортачилась и бросилась съ дороги въ сторону; извощикъ тотчасъ погнался за нею, и только хотѣлъ ударить кнутомъ — какъ она попала въ майну [4]) и пошла подъ лёдъ со всѣмъ возомъ. «Ну, моли Бога, что ушла! закричалъ мужикъ, а то я-бы нахлесталъ тебѣ бока-то!»

---

[1]) Много ѣсть, пожирать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 235).

[2]) Т. е. вспихнулъ.

[3]) Разсказъ подъ буквою *h* представляетъ образчикъ заволжскаго нарѣчія а разсказъ подъ буквою *i* — образчикъ ветлужскаго нарѣчія (нижегородской, губерніи). Въ обоихъ нарѣчіяхъ многіе гласные звуки произносятся съ кратимъ, чуть-слышнымъ прибавленіемъ другихъ звуковъ; именно передъ *a* слышится *э*, передъ *е* и *ъ* — *і*, иногда ы, передъ *о* — *у*, передъ *у* — ы, передъ ы — *э*; къ концѣ словъ *ю* измѣняется въ *іу*, *я* — въ *іа*, при чемъ *і* произносится кратко. (Замѣчаніе г. Орлова, записавшаго эти разсказы.)

[4]) Полынью (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 109).

Digitized by Google

m. Поѣхалъ молодой мужикъ на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла съ вёрсту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро пріѣду.» — Да развѣ я о томъ плачу? у меня ноги озябли!

n. Мужикъ обрилъ бороду, и говоритъ: «смотри, жена, какъ я чисто выбрился.» — Да развѣ это брито? это такъ только стрижено! «Врешь, каналья! говори: брито.»—Нѣтъ, стрижено! «Я тебя изобью; говори: брито!»—Нѣтъ, стрижено! Мужъ побилъ жену, и нудитъ: «говори: брито; не то утоплю!» — Что хочешь—дѣлай, а стрижено! Повёлъ ее топить: «говори: брито!»—Нѣтъ, стрижено! Ввёлъ ее въ глубину по самую шею, и толкаетъ въ голову; скажи да скажи: брито! Жена и говорить не можетъ, подняла руку изъ воды и двумя пальцами показываетъ, что стрижено. [1])

o. Замѣтилъ солдатъ, что у хохла въ сѣняхъ висѣло подъ конькомъ пуда два свинаго сала въ мѣшкѣ; прорылъ ночью крышу, сталъ отвязывать мѣшокъ, да какъ-то оскользнулся и упалъ вмѣстѣ съ саломъ въ сѣни. Хозяинъ услыхалъ шумъ и вышелъ съ огнемъ: «чого тоби треба?» — Не надо ли тебѣ сала? спрашиваетъ солдатъ. «Ни, у мене свого богацько!» —Ну, такъ потрудись, навали мнѣ мѣшокъ на спину. Хохолъ навалилъ ему мѣшокъ на спину, и солдатъ ушелъ. [2])

p. Разъ вошелъ хохолъ въ церковь въ шапкѣ и сталъ впереди всѣхъ; другой увидалъ и толкнулъ его: «что ты шапки не скидаёшь?» Тотъ оглянулся: «а шо хиба староста здись?»

q. Въ одной слободѣ напроказилъ что-то дьячокъ. Собралась громада [3]) и послала за нимъ десятскаго. «Панъ дьячокъ! иды въ громаду, сказалъ десятской; щось на тебе громада рыпить [4])!» —Сейчасъ приду, отвѣчалъ дьячокъ; захватилъ съ

---

[1]) См. выпускъ III, № 26, с. [2]) См. выпускъ III, № 29, аа. [3]) Мірская сходка. [4]) Рыпѣть—о людяхъ: ворчать, гнѣваться; о немазаныхъ колесахъ: скрипѣть.

Digitized by Google

собой кувшинъ съ дёгтемъ да квачъ [1]) и пошелъ въ громаду. «Кто тутъ на меня рыпить?» спрашиваетъ дьячокъ. — Та хоть бы и мы! крикнулъ старшина. Дьячокъ мазнулъ его дёгтемъ по губамъ — онъ замолчалъ. «Еще кто?» Всѣ и замолчали.

г. Промежъ рабочихъ людей затесался какъ-то цыганъ. Сѣли завтракать; напередъ подали стопу блиновъ. Одинъ работникъ и спрашиваетъ: «кому эту кучу блиновъ?» — Мнѣ, сказалъ цыганъ. Подали блюдо варениковъ. «А вареники кому?» — Мнѣ, повторилъ цыганъ. Кончили завтракать. «Ну, теперь кому молотить идти?» — Молотить не мнѣ, отвѣчалъ цыганъ; я и такъ на себя два дѣла принялъ, такъ ужь третье для меня натужно!

s. Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смѣяться. « Ну, говоритъ онъ, молите Бога, что ночь была свѣтлая; а то я выкинулъ бы вамъ штуку!» — Какую? скажи, пожалуй. «Я бы спрятался!»

t. Трое прохожихъ пообѣдали на постояломъ дворѣ и отправились въ путь. «А что, ребята! вить мы, кажется, дорого за обѣдъ заплатили?» — Ну, я хоть и дорого заплатилъ, сказалъ одинъ, за то недаромъ! «А что?» — А развѣ вы не примѣтили? только хозяинъ засмотрится, я сейчасъ схвачу изъ солонницы горсть соли, да въ ротъ! да въ ротъ!

u. Какой-то мужикъ купилъ полуштофъ вина, выпилъ заразъ — ничего; купилъ еще косушку — все не пьянъ; выпилъ еще шкаликъ — и опьянѣлъ. И началъ тужить: «зачѣмъ покупалъ я полуштофъ да косушку? лучше бъ прямо купилъ шкаликъ — съ него-бъ меня и такъ разобрало!»

x. Овдовѣлъ мужикъ; пришлось самому хлѣбы ставить. Вотъ онъ замѣсилъ въ дежѣ [2]) тѣсто, и вышелъ куда-то. Въ

---

[1]) Помазокъ (Опытъ обл. словаря, стр. 81). [2]) Квашнѣ.

Digitized by Google

сумеркахъ воротился, хотѣлъ было вздуть огонь, какъ услышалъ, что кто-то пыхтитъ; а это хлѣбы кисли. «Недавно, думаетъ себѣ, ушелъ, а кто-то ужь забрался въ избу!» — и въ-потьмахъ наступилъ на кочергу. Она ударила его въ лобъ, онъ закричалъ: «сдѣлай милость, не дерись! вить я тебѣ ничего не сдѣлалъ» — а самъ ну пятиться вонъ изъ избы. На бѣду нога разулась, и мужикъ при выходѣ прихлопнулъ оборку [1]) дверью и упалъ. «Батюшка, отпусти! не держи меня, право слово — ничего тебѣ не сдѣлаю!»

y. Мужикъ позвалъ сосѣда на обѣдъ, и поставилъ на столъ щи съ говядиною. Гость захватилъ себѣ весь кусокъ говядины и говоритъ: «ну, братъ, что зацѣпилъ—то и Богъ далъ!» А хозяинъ похлебалъ, похлебалъ щей, да потомъ ухватилъ гостя за волосы и давай таскать: «ну, братъ, что зацѣпилъ — то и Богъ далъ!»

z. Богатой купецъ часто зазывалъ къ себѣ всякихъ людей, поилъ, кормилъ, угощалъ; только коли кто скажетъ ему противное — того непремѣнно поколотитъ. Разъ зазвалъ онъ къ себѣ ямщика. Тотъ отпрёгъ лошадей, вошелъ въ хоромы, и послѣ долгаго угощенья сказалъ: «довольно, хозяинъ! мнѣ пора ѣхать.» Купецъ давай его бить, такъ что ямщикъ едва вырвался, и сталъ запрягать лошадей. Купецъ за нимъ. Ямщикъ нарочно началъ дугу вкладывать кольцомъ назадъ. Купецъ закричалъ: «не такъ вкладываешь!» А ямщикъ давай его бить да приговаривать: «не твое дѣло указывать! не твое дѣло указывать!» [2])

(Разсказы, помѣщенные здѣсь подъ буквами *k*—*z*, записаны въ астраханской губернiи, черноярскомъ уѣздѣ, г. Волконидинымъ.)

---

[1]) Веревку отъ лаптя (Опытъ обл. словаря, стр. 134). [2]) См. выпускъ II, № 11.

Digitized by Google

аа. Цыганъ залѣзъ въ чужой садъ, и набузовалъ яблокъ полны карманы. На его бѣду пришелъ хозяинъ. Цыганъ бѣжать, а хозяинъ догонять. Бѣгали-бѣгали, насилу поймалъ. «Эхъ, батинька! какъ-же ты уморилъ меня», говоритъ цыганъ.

2.

ГУСАКЪ.

Жилъ-былъ баринъ; вышелъ однажды на базаръ и купилъ себѣ канарейку за пятьдесятъ рублей. Случилось быть при этомъ мужику; пришелъ мужикъ домой и говоритъ своей бабѣ: «знаешь ли что, жена?» — А что? «Ходилъ я сегодня на базаръ; тамъ былъ и баринъ, и купилъ онъ себѣ малую пташку — пятьдесятъ рублей заплатилъ. Дай-ка я понесу къ нему своего гусака: не купитъ ли?»—Понеси! Вотъ мужикъ взялъ гусака и понёсъ къ барину. Приноситъ: «купи, баринъ, гусака.»—А что стоитъ? спросилъ баринъ. «Сто рублей.»—Ахъ, ты болванъ! «Да коли ты за малую пташку не пожалѣлъ пятидесяти, такъ за эту и сотня— дешево!» Баринъ разсердился, прибилъ мужика и отобралъ у него гуся даромъ. «Ну, ладно, сказалъ мужикъ, попомнишь ты этого гусака!» [1]) Воротился домой, снарядился плотникомъ, взялъ въ руки пилу и топоръ и опять пошелъ; идетъ мимо барскаго двора и кричитъ: «кому тёплы сѣни работать?» Баринъ услыхалъ, зоветъ его къ себѣ: «да съумѣешь ли ты сдѣлать?» — Отчего не сдѣлать;

---

[1]) *Варіантъ*: Однажды мужикъ поѣхалъ съ сѣномъ; попадается ему на встрѣчу баринъ. «Ей мужикъ! вороти, давай мнѣ дорогу.» — Нѣтъ, баринъ! ты вороти; я съ возомъ ѣду, а ты порожнякомъ; да притомъ твои кони корины, а моя кляча и то чуть бредетъ. Баринъ не сталъ его слушать, столкнулъ возъ съ дороги и уѣхалъ. Долго провозился мужикъ съ возомъ, насилу поправился, и сталъ думать: какъ-бы отплатить эту обиду....

Digitized by Google

вотъ тутъ не подалечку растетъ тёплой лѣсъ: коли изъ того лѣсу да выстроить сѣни, то и зимой топить не надо. «Ахъ, братецъ! сказалъ баринъ; покажи мнѣ этотъ лѣсъ поскорѣе.» — Изволь, покажу. Поѣхали они вдвоемъ въ лѣсъ. Въ лѣсу мужикъ срубилъ огромную сосну и сталъ ее пластать на двѣ половины; раскололъ дерево съ одного конца и ну клинъ вбивать, а баринъ смотрѣлъ-смотрѣлъ да спроста и положилъ руку въ щель. Только онъ это сдѣлалъ, какъ мужикъ вытащилъ клинъ назадъ и накрѣпко защемилъ ему руку [1]). Потомъ взялъ ременную плётку и началъ его дуть да приговаривать: «не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Ужь онъ его дулъ-дулъ! въ волю натѣшился и сказалъ: «ну, баринъ! билъ я тебя разъ, прибью и въ другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей на придачу.» Сказалъ и ушелъ, а баринъ такъ и пробылъ до вечера; дома-то поздно хватились его, да пока нашли да изъ тисковъ высвободили — времени и многонько ушло! Вотъ баринъ захворалъ, лежитъ на постели да охаетъ; а мужикъ нарвалъ травъ, цвѣтовъ, обтыкался ими кругомъ, обрядился дохтуромъ и опять идетъ мимо барскаго двора и кричитъ: «кого полѣчить!» Баринъ услыхалъ, зоветъ его: «ты что за человѣкъ?» — Я дохтуръ; всякую болѣзнь снимаю. «Ахъ, братецъ! пожалуста вылѣчи меня.» — Отчего не вылѣчить? прикажи истопить баню. Тотчасъ вытопили баню. «Ну, говоритъ мужикъ барину, пойдемъ лѣчиться; только никого не бери съ собой въ баню, бойся дурнаго глаза!» Пошли они вдвоемъ въ баню; баринъ раздѣлся. «А что, сударь! спрашиваетъ дохтуръ, стерпишь ли, коли въ эдакомъ жару начну тебя мазью пачкать?»

---

[1]) *Вар.* Пріѣхали въ лѣсъ. «Баринъ! говоритъ мужикъ выбирай дерево потолще, чтобъ въ два обоймища было.» Баринъ выбралъ дерево и сталъ его мѣрить; тѣмъ временемъ мужикъ вытащилъ изъ-за пазухи веревку, захватилъ его руки и привязалъ-прикрутилъ къ дереву....

Digitized by Google

—Нѣтъ, не стерпѣть мнѣ! говоритъ баринъ. «Какъ-же быть? не велишь ли связать тебя?»—Пожалуй, свяжи. Мужикъ связалъ его бечевою, взялъ нагайку и давай валять на обѣ корки. Ужь онъ валялъ-валялъ, а самъ приговаривалъ: «не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Послѣ, уходя, сказалъ: «ну, баринъ, билъ я тебя два раза; прибью и въ третій, коли не отдашь гусака да двухъ сотенъ рублей на придачу.» Баринъ еле живъ изъ бани вылѣзъ, не захотѣлъ ожидать третьяго раза, и отослалъ мужику и гусака и двѣсти рублей.

(Записана въ новгородской губерніи.)

3.

СКРЯГА.

Жилъ-былъ богатой купецъ Марка—скупѣй его не было! Разъ какъ-то пошелъ онъ гулять; идучи дорогою, увидалъ нищаго: сидитъ старецъ и проситъ милостыни: «подайте, православные, Христа ради!» Марка-Богатой прошелъ мимо. Слѣдомъ за нимъ шелъ на ту пору бѣдной мужикъ, возжалѣлъ нищаго и подалъ ему копѣечку. Стыдно показалось богатому, остановился онъ и говоритъ мужику: «послушай, землякъ, дай мнѣ въ займы копѣечку; хочется убогому подать, да мелкихъ нѣту!» Мужикъ далъ ему и спрашиваетъ: «а когда за долгомъ приходить?»—Завтра приходи! На другой день бѣдной идетъ къ богатому за своей копѣйкою. Пришелъ на его широкой дворъ: «что Марка-Богатой дома?» — Дома! Тебѣ что надо? спрашиваетъ Марка. «За копѣечкой пришелъ.»—Ахъ, братъ! прійди послѣ; ну право, мелкихъ нѣтъ. Бѣдной поклонился и назадъ: «я, говоритъ, прійду завтра.» На утро приходитъ—опять тоже: «мелкихъ денегъ вовсе нѣтъ! коли хошь, давай съ

Digitized by Google

сотенной сдачи... а не то приходи черезъ двѣ недѣли.» Черезъ двѣ недѣли снова идетъ бѣдной къ богатому, а Марка-Богатой увидалъ его въ окно и говоритъ женѣ: «слушай, жена! я раздѣнусь до гола и лягу подъ святыя [1]); а ты покрой меня полотномъ, сиди и плачь, словно надъ мертвымъ. Когда прійдетъ мужикъ за долгомъ, скажи ему, что я сегодня померъ.» Вотъ ладно, какъ мужъ приказалъ, такъ жена и сдѣлала: сидитъ да горючьми слезами заливается. Приходитъ мужикъ въ горницу, она его и спрашиваетъ: «тебѣ что?» — За должкомъ къ Маркѣ-Богатому, отвѣчаетъ бѣдной. «Ну, мужичокъ, Марка-Богатой приказалъ долго жить; сейчасъ только померъ.» — Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копѣечку послужу ему — хоть грѣшное тѣло обмою. Съ этимъ словомъ ухватилъ чугунъ съ горячей водою и давай Марку-Богатаго кипяткомъ ошпаривать. Марка еле терпитъ, морщится да ногами дрыгаетъ. «Дрыгай, не дрыгай, а копѣйку подай!» говоритъ бѣдной. Обмылъ, снарядилъ, какъ надо. «Ну, хозяйка! покупай гробъ да вели въ церковь выносить; я стану надъ нимъ псалтырь читать.» Положили Марку-Богатаго въ гробъ и вынесли въ церковь; а мужикъ сталъ надъ нимъ псалтырь читать. Наступила темная ночь. Вдругъ открывается окно и лѣзутъ въ церковь воры-разбойники; мужикъ за алтарь спрятался. Воры влѣзли и начали межь собой добычу дѣлить; все подѣлили, остается золотая сабля — всякой къ себѣ тащитъ, никто не уступаетъ. Бѣдной какъ выскочитъ, какъ закричитъ: «что вы спорите? кто мертвецу голову отрубитъ, того и сабля будетъ!» Марка-Богатой вскочилъ самъ не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бѣжать. «Ну, мужичокъ! говоритъ Марка; давай деньги дѣлить.» Раздѣлили поровну; много досталось и тому,

[1]) Т. е. иконы.

Digitized by Google

и другому. «Что-жъ копѣечку?» спрашиваетъ бѣдной.—Эхъ, братъ! самъ видишь — мелкихъ нѣтъ! Такъ таки и нѣ отдалъ Марка-Богатой копѣечки.

(Записана въ новгородской губерніи.)

4.

НЕ ЛЮБО-НЕ СЛУШАИ [1]).

У одного мужика много было гороху насѣяно. Повадились журавли летать, горохъ клевать. «Постой, вздумалъ мужикъ, я вамъ переломаю ноги!» Купилъ ведро вина, вылилъ въ корыто, намѣшалъ туда меду; корыто поставилъ на телегу и поѣхалъ въ поле. Пріѣхалъ къ своей полосѣ, выставилъ корыто съ виномъ да съ медомъ нàземь, а самъ отошелъ подальше и легъ отдохнуть. Вотъ прилетѣли журавли, поклевали гороху, увидали вино и такъ натюкались, что тутъ-же попадали. Мужикъ—не промахъ! сейчасъ прибѣжалъ и давай имъ веревками ноги вязать. Опуталъ веревками, прицѣпилъ за телегу и поѣхалъ домой. Дорòгой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, очувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетѣли и понесли съ собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужикъ взялъ ножъ, обрѣзалъ веревки и упалъ прямо въ болото. Цѣлые сутки въ тинѣ сидѣлъ, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попомъ ѣхать, ребенка крестить. «Нѣтъ, говоритъ, не поѣду за попомъ!»— Отчего такъ? «Журавлей боюсь! опять понесутъ по поднебесью; пожалуй, съ телеги сорвусь, дó смерти ушибусь!» — Не бойсь! мы тебя къ телегѣ канатомъ прикрутимъ. Вотъ хорошо, положили его въ телегу, обвязали канатомъ; лошадь поворотили на дорогу, стегнули разъ, другой

[1]) См. вып. II, стр. 12—15, 131—134, вып. VI, № 2.

Digitized by Google

—она и поплелась рысцою. За деревней-то былъ колодецъ, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула съ дороги въ сторону и прямо къ колодцу; а колодецъ былъ безъ сруба, а упряжъ-то безъ шлеи, а узда безъ повода, а хомутъ большой, просторной; лошадь наклонилась къ водѣ, а хомутъ черезъ голову и съѣхалъ долой. Вотъ лошадь напилась и пошла назадъ, а мужикъ съ телегою остался у колодязя. На ту пору выгнали охотники изъ лѣсу медвѣдя; медвѣдь бросился со всѣхъ ногъ, набѣжалъ на телегу, хотѣлъ перескочить, прыгнулъ — да прямо въ хомутъ и попалъ! Видитъ, что бѣда на носу, и пошелъ валять, что̀ есть силы, съ телегою. «Батюшки, помогите!» кричитъ мужикъ. Отъ того крику медвѣдь еще пуще напугался; пошелъ таскать по кочкамъ, по яругамъ, по болотамъ. Прибѣжалъ на пчельникъ, полѣзъ на дерево и телегу за собой потащилъ — захотѣлось видно медку попробовать. Взлѣзъ на самую верхушку, а телега внизъ тянетъ: бѣдной медвѣдь и самъ не радъ, ни взадъ—ни впередъ! Немного испустя времени, пришелъ хозяинъ, увидалъ медвѣдя: «ага, говоритъ, попался! вишь ты какой бездѣльникъ, Мишка: не просто за медомъ пришелъ, на телегѣ пріѣхалъ!» Схватилъ топоръ и ну рубить дерево подъ самой корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсѣмъ мужика; а медвѣдь выскочилъ изъ хомута да бѣжать: только унеси Богъ ноги! Вотъ каковы журавли!

5.

ЛУТОНЮШКА [1])

Жила-была старуха, у неё былъ сынъ Лутонюшка. Вотъ разъ — дѣло было осенью — сталъ онъ скотинку бить, на зиму

[1]) Смотри вып. II, № 8.

Digitized by Google

въ запасъ солить; а мать смотритъ да ругается: «ишь, сколько головъ загубилъ! куда дѣвать-то будешь?» — И, матушка! весна прійдетъ, все подберетъ! отвѣчалъ Лутоня, да вслѣдъ за тѣмъ сѣлъ въ телегу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. На ту пору шелъ мимо прохожій — такой продувной! — услыхалъ эти рѣчи, смекнулъ, что баба ни то проста, ни то глупа, и прямо къ ней на дворъ: «здра(в)ствуй, старушка!» — Здраствуй, батюшка! «Я — Весна-красна, за говядиной къ тебѣ пришла.» Старуха обрадовалась, привела его къ чану и наклала ему цѣлой мѣшокъ мяса — пудовъ съ восемь будетъ. Немного погодя, пріѣзжаетъ изъ лѣсу сынъ. «Знаешь ли, сынокъ! разсказываетъ ему старуха, вѣдь у меня Весна была.» Лутоня глядитъ ей въ глаза: «какая Весна?» — Какая! Самъ же давеча сказалъ, что за мясомъ прійдетъ; я ей полонъ мѣшокъ наклала. «Ну, матушка! говоритъ Лутоня, прощай; пойду по бѣлу свѣту шататься: коли найду кого глупѣе тебя — ворочусь домой, а то и не жди назадъ!»

Пошелъ онъ по бѣлу свѣту шататься; въ одну деревню зашелъ — тамъ плотники избу строютъ; окоротили одно бревно, привязали къ обоимъ концамъ по веревкѣ, схватились и давай тянуть въ разныя стороны. «Что вы дѣлаете?» —Да вотъ бревно окоротили, такъ растянуть хотимъ. Разсмѣялся Лутоня, показалъ имъ, какъ наставку придѣлать, и пошелъ дальше. Смотритъ: на полѣ люди хлѣбъ убираютъ; только не серпами жнутъ, а всякой колосъ зубами отгрызаютъ. Подивился онъ этому чуду, и жаль стало ему, что народъ терпитъ такую муку. Сходилъ въ кузницу, сковалъ себѣ серпъ и воротился назадъ; тѣмъ временемъ народъ обѣдать ушелъ. «Пусть же знаютъ, какъ хлѣбъ убирать!» подумалъ Лутоня, нажалъ снопъ, связалъ и воткнулъ въ него серпъ; а самъ стоитъ, дожидается: что будетъ? Вотъ люди пообѣдали, пришли на поле, увидали серпъ въ снопу и закричали въ одинъ го-

Digitized by Google

лось: «охъ, батюшки! какой червякъ проявился, что хлѣба-то попортилъ!» Не знаютъ, что и дѣлать, какъ къ тому червяку приступить; принесли ужище [1]), накинули на серпъ мертвую петлю и потащили къ рѣкѣ. «Какъ-же намъ его въ воду спихнуть?» Не долго думали, сейчасъ догадались: привязали мужика къ бревну, дали ему ужище и спустили на̀ воду: «переѣзжай, говорятъ, на ту сторону и потопи червяка.» На бѣду бревно съ мужикомъ перевернулось: очутился онъ головою внизъ, ногами вверхъ. «Эхъ, братъ! кричатъ ему съ берега; что-жъ ты онучи бережешь? Коли и намочишь — дома на печкѣ высушишь.» А мужѝкъ совсѣмъ потонулъ. — Ну, этихъ дураковъ не выучишь, сказалъ Лутоня и пошелъ своей дорогой. Пришелъ въ другую деревню. Глядь — старуха сѣчетъ курицу, сѣчетъ да приговариваетъ: «а к....! цыплятъ цѣлой содомъ вывела, а титекъ не выростила — кормить нечѣмъ.» —Эта, кажись, глупѣй моей матушки! надо домой ворочаться. Пошелъ назадъ и набрелъ на дорогѣ артель работниковъ; сидятъ вмѣстѣ да обѣдаютъ. «Хлѣбъ да соль!» — Садись съ нами. Послѣ обѣда стали они считать, всѣ ли на лицо? но сколько ни считали, все одного не досчитываются. «Пожалуста, доброй мо̀лодецъ, пересчитай насъ; отпустилъ насъ хозяинъ всего-на̀всего десять человѣкъ, а теперь сколько не считаемъ — все одного не хватаетъ.» — Да вы здакъ никогда не досчитаетесь! Кажной изъ васъ, какъ станетъ считать, себя-то въ счетъ и не кладетъ; полно хлопотать по пусту, вы всѣ на лицо!» — Спасибо, добрый человѣкъ! Простился съ ними Лутонюшка и опять въ дорогу; пришелъ домой и говоритъ: «здорово, матушка! воротился съ тобой жить; сколько ни ходилъ по бѣлу свѣту, а умнѣе тебя не нашелъ!»

(Записана въ тамбовской губерніи.)

---

[1]) Веревку.

Digitized by Google

6.

ВОРЪ [1])

а. Жилъ-былъ старикъ со старухою; у нихъ былъ сынъ по имени Иванъ. Кормили они его, пока большой выросъ; а потомъ и говорятъ: «ну, сынокъ! доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты насъ до самой смерти.» Отвѣчалъ имъ Иванъ: «когда кормили мена до возраста лѣтъ, то кормите и до уса.» Выкормили его до уса, и говорятъ: «ну, сынокъ! мы кормили тебя до уса, теперь ты корми насъ до самой смерти.» — Эхъ, батюшка и ты матушка! отвѣчаетъ сынъ, когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды. Нечего дѣлать, кормили-поили его старики до бороды, а послѣ и говорятъ: «ну, сынокъ! мы кормили тебя до бороды, нынче ты насъ корми до самой смерти.» — А коли кормили до бороды, такъ кормите и до старости! Тутъ старикъ не выдержалъ, пошелъ къ барину бить челомъ на сына. Призываетъ господинъ Ивана: «что-жъ ты, дармоѣдъ, отца съ матерью не кормишь?» — Да чѣмъ кормить-то? развѣ воровать прикажите? работать я не учился, а теперь и учиться поздно. «А по мнѣ какъ знаешь! говоритъ ему баринъ; хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью, чтобъ на тебя жалобъ не было!» Тѣмъ временемъ доложили барину, что баня готова, и пошелъ онъ париться; а дѣло-то шло къ вечеру. Вымылся баринъ, воротился назадъ и сталъ спрашивать: «эй, кто тамъ есть? подать босовики [2])!» А Иванъ тутъ какъ тутъ. стащилъ ему сапоги съ ногъ, подалъ босовики; сапоги тотчасъ подъ мышку и унесъ домой. «На, батюшка! говоритъ отцу; снимай свои лапти, обувай господскіе

---

[1]) См. вып. VI, № 6. [2]) Башмаки (туфли), надѣваемые на босую ногу (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 13).

Digitized by Google

сапоги.» На утро хватился баринъ — нѣтъ сапоговъ; послалъ за Иваномъ: «ты унесъ мои сапоги?» — Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а дѣло мое! «Ахъ ты, плутъ, мошенникъ! какъ-же ты смѣлъ воровать?» — Да развѣ ты, баринъ, не самъ сказалъ: хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью? я твоего господскаго приказу не хотѣлъ ослушаться. «Коли такъ, говоритъ баринъ, вотъ тебѣ мой приказъ: укради у меня чорнаго быка изъ-подъ плуга; уворуешь — дамъ тебѣ сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей.» — Слушаю-съ! отвѣчаетъ Иванъ, тотчасъ бросился онъ на деревню, стащилъ гдѣ-то пѣтуха, ощипалъ ему перья, и скорѣй на пашню; подползъ къ крайней бороздѣ, приподнялъ глыбу земли, подложилъ подъ нее пѣтуха, а самъ за кусты спрятался. Стали плугатари вести новую борозду, зацѣпили ту глыбу земли и своротили на сторону: ощипанной пѣтухъ выскочилъ и что силъ было — побѣжалъ по кочкамъ, по рытвинамъ. «Что за чудо изъ земли выкопали!» закричали плугатари и пустились въ догонку за пѣтухомъ. Иванъ увидалъ, что они побѣжали какъ угорѣлые, бросился сейчасъ къ плугу, отрубилъ у одного быка хвостъ да воткнулъ другому въ ротъ, а третьяго отпрёгъ и увелъ домой. Плугатари гонялись-гонялись за пѣтухомъ, такъ и не поймали, воротились назадъ: чорнаго быка нѣтъ, а пестрой безъ хвоста. «Ну, братцы! пока мы за чудомъ бѣгали, быкъ быка съѣлъ; чорнаго-то совсѣмъ сожралъ, а пестрому хвостъ откусилъ!» Пошли къ барину съ повинною головою: «помилуй, отецъ! быкъ быка съѣлъ.» — Ахъ вы, дурачье безмозглое! закричалъ на нихъ баринъ; ну гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ быкъ да быка съѣлъ? Позвать ко мнѣ Ивана! Позвали. «Ты быка укралъ?» — Я, баринъ. «Куда-жъ ты дѣвалъ его?» — Зарѣзалъ; кожу на базаръ снесъ, а мясомъ стану отца да мать кормить. «Молодецъ! говоритъ баринъ; вотъ тебѣ сто рублей. Ну, укради же теперь моего любимаго жеребца, что

Digitized by Google

стоитъ за тремя дверями, за шестью замкàми; уведешь — плачу̀ двѣсти рублей, не уведешь — влеплю двѣсти плетей?» —Изволь, баринъ! украду. Вечеромъ поздно забрался Иванъ въ барской домъ; входитъ въ переднюю — нѣтъ ни души, смотритъ — виситъ на вѣшалкѣ господская одёжа; взялъ барскую шинель да фурашку, надѣлъ на себя, выскочилъ на крыльцо и закричалъ громко кучерамъ и конюхамъ: «эй, ребята! осѣдлать поскорѣй моего любимаго жеребца да подать къ крыльцу.» Кучера и конюхи признали его за барина, побѣжали въ конюшню, отперли шесть замкòвъ, отворили трое дверей, въ мигъ все дѣло исправили и подвели къ крыльцу осѣдланаго жеребца. Воръ сѣлъ на него верхомъ, ударилъ хлыстикомъ — только и видѣли! На другой день спрашиваетъ баринъ: «ну, что мой любимой жеребецъ?» а онъ еще съ вечера выкраденъ. Пришлось посылать за Иваномъ: «ты укралъ жеребца?» —Я, баринъ. «Гдѣ-же онъ?»—Купцамъ продалъ. «Счастливъ твой Богъ, что я самъ украсть велѣлъ! Возьми свои двѣсти рублей. Ну, украдь же теперь керженскаго [1]) наставника.» —А что, баринъ, за труды положишь? «Хочешь триста рублей?» —Изволь, украду! «А если не украдешь ?»—Твоя воля; дѣлай, что самъ знаешь.

Призвалъ баринъ наставника: «берегись, говоритъ, стой на молитвѣ всю ночь, спать не моги! Ванька-воръ на тебя похваляется.» Перепугался старецъ, не до сна ему, сидитъ въ кельи да молитву твердитъ. Въ самую полночь пришелъ Иванъ-воръ съ рогозиннымъ кошелёмъ и стучится въ окно. «Кто ты, человѣче?»—Ангелъ съ небеси, посланъ за тобою унести живаго въ рай; полѣзай въ кошель. Наставникъ съ дуру и влѣзъ въ кошель; воръ завязалъ его, поднялъ нà спину и понесъ на колокольню. Тащилъ-тащилъ; «скоро ли?» спрашиваетъ настав-

[1]) Раскольничій.

Digitized by Google

никъ. «А вотъ увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а подъ конецъ коротка да колотлива.» Втащилъ его на верхъ, и спустилъ внизъ по лѣстницѣ: больно пришлось наставнику, пересчиталъ всѣ ступеньки! «Охъ, говоритъ, правду сказывалъ ангелъ: передняя дорога хоть долга, да гладка, а послѣдняя коротка да колотлива! И на томъ свѣтѣ такой бѣды не знавалъ!» — Терпи, спасенъ будешь! отвѣчалъ Иванъ; поднялъ кошель и повѣсилъ у воротъ на ограду, положилъ подлѣ два березовыхъ прута толщиною въ палецъ и написалъ на воротахъ: «кто мимо пройдетъ, да не ударитъ по кошелю три раза — да будетъ анаѳема проклятъ!» Вотъ всякой кто ни проходитъ мимо — непремѣнно стегнетъ три раза. Идетъ баринъ: «что за кошель виситъ?» Приказалъ снять его и развязать. Развязали, а оттуда лѣзитъ керженской наставникъ. «Ты какъ сюда попалъ? вѣдь говорилъ тебѣ: берегись, такъ нѣтъ! Не жалко мнѣ, что тебя прутьями били, а жалко мнѣ, что изъ-за тебя триста рублей даромъ пропали!»

b. Былъ старикъ со старухою, у нихъ сынъ Климка. Думали-гадали, въ какое мастерство отдать его учиться, и придумали отдать вору на выучку. Долго-ль, коротко-ль, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; жилъ Климка у мастера-вора, да и выучился воровать на славу; не вѣдалъ только, какъ у сороки яйца красть. [1]) «Пойдемъ, гово-

---

[1]) *Варіантъ:* Жили-были два брата родные; одинъ — бѣденъ, другой — богатъ; у бѣднаго — три сына, у богатаго — ни единаго. Вотъ всѣ три племянника собрались и пошли къ дядѣ: «дядя! отчего ты богатѣ насъ?» — Отъ того, говоритъ, что день я работаю, а ночь приворовываю. «Возьми и насъ съ собой приворовывать.» — Пойдемте. Пришли они въ село; стоятъ рыли (рель, качели). «Дядя! это что?» — Это славная штука: какъ поймаютъ насъ, такъ на ней повѣсятъ! «Если такъ, говорятъ два старшіе брата, не хотимъ воровать!» А меньшой: «ну, бабушка надвое сказала: либо насъ повѣсятъ, либо мы повѣсимъ!» — Молодецъ! говоритъ дядя; пойдемъ, я покажу тебѣ, какъ у сороки яйца крадутъ... (Записано въ воронежской губерніи.)

Digitized by Google

ритъ мастеръ Климкѣ, я покажу тебѣ, какъ у сороки яйца крадутъ. Показалъ бы я тебѣ, какъ штаны съ живаго человѣка снять, да самъ не умѣю!» Вотъ полѣзъ мастеръ на дерево; яицъ у сороки украсть не удалось, а Климка штаны съ него стибрилъ. «Нечему мнѣ тебя учить, говоритъ мастеръ Климкѣ; ты самъ меня научишь!» Пришелъ Климка къ отцу, къ матери, и сталъ кормить ихъ своимъ мастерствомъ. Что̀ ни увидитъ — такъ въ избу и тащитъ; повѣсятъ ли бабы сорочки сушить, станутъ ли холсты бѣлить — онъ все къ рукамъ приберетъ. Собрались крестьяне міромъ и пошли жаловаться барину: «появился де воръ Климка, богатыхъ мужиковъ разорилъ, а бѣдныхъ совсѣмъ оголилъ.» — Что-жъ вы, дурачье, его не изловите? «Не такой воръ, батюшка! Такъ востёръ, такъ хитёръ, что кажись изъ-подъ птицы яйца выкрадетъ!» Захотѣлось барину попробовать Климковой удали, велѣлъ позвать его. Пришелъ Климка. «Можешь ли украсть у меня барана?» — Могу!

Вотъ баринъ и наказалъ пастухамъ беречь барановъ отъ Климки-вора. Пастухи погнали стадо въ поле, а Климка-воръ забѣжалъ впередъ, сдѣлалъ петлю да такую хитрую, что̀ повиснуть на ней можно, а удавиться нельзя; взлѣзъ на березу и надѣлъ на шею петлю, будто повѣсился. Какъ увидали его пастухи—и беречься перестали. А Климка соскочилъ съ дерева, забѣжалъ опять впередъ, взлѣзъ на осину и зацѣпилъ веревку на шею. Подошли пастухи, глядь — Климка-воръ и здѣсь виситъ! Одинъ пастухъ говоритъ: «Климка на осинѣ повѣсился!» а другой говоритъ: «врешь! это не онъ; Климка на березѣ повѣсился!» Спорили-спорили и побились объ закладъ; побѣжали смотрѣть, кто повисъ на березѣ? Тѣмъ временемъ Климка соскочилъ съ дерева, барана за рога да въ кабакъ. На утро призываетъ баринъ Климку: «ты укралъ барана?» —Я. «Гдѣ же онъ?»—Продалъ. «А деньги гдѣ?»—Пропилъ.

Digitized by Google

«Украдь же теперь у меня шкатулку [1]) съ деньгами.» — Изволь!

Баринъ взялъ шкатулку, нарочно у окна поставилъ, себѣ ружье досталъ, а лакеямъ далъ сабли: «пускай-ка сунется, мы его пріймемъ по своему!» Ночью Климка-воръ укралъ козла, подналъ окно, просунулъ въ горницу козлиную голову и тычетъ прямо на барина. Баринъ и лакеи думаютъ: самъ чортъ лѣзетъ; пороняли ружье и сабли и попадали со страстей на̀ полъ, а Климка за шкатулку да и былъ таковъ! На утро призываетъ баринъ Климку: «ты унесъ шкатулку?» — Я. «Гдѣ-жъ она?» — Разломалъ. «А деньги гдѣ?» — Промоталъ да пропилъ. «Теперь украдь у меня лошадь.» — Изволь!

Наказалъ баринъ конюхамъ беречь лошадь пуще своего глаза: одному велѣлъ за хвостъ держать, другому за повода, третьяго верхомъ посадилъ, еще двухъ у дверей поставилъ съ дубинами. Климка надѣлъ барское платье и только стемнѣло — пошелъ въ конюшню. «Вы здѣсь, ребята?» закричалъ Климка, и голосъ свой перемѣнилъ — точь въ точь какъ у барина. — Здѣсь, отвѣчаютъ конюхи. «Небось озябли?» — Озябли, баринъ! «Ну вотъ погрѣйтесь, я принесъ вамъ водки; только смотрите, стеречь хорошенько!» — Ради стараться! Напоилъ Климка всѣхъ конюховъ допьяна; верховаго посадилъ на слегу, которой за повода держалъ — тому далъ веревку, которой за хвостъ — тому пукъ соломы, а что̀ у дверей стояли — тѣхъ за волоса скрутилъ другъ съ дружкою; самъ вскочилъ на̀ лошадь, пріударилъ плеткою — и слѣдъ его простылъ. Утромъ приходитъ баринъ въ конюшню: лошадь украдена, а конюхи спятъ съ похмѣлья. Какъ прикрикнетъ, затопаетъ ногами — что тутъ было только! Одинъ конюхъ со слеги упалъ, всѣ кишки отбилъ;

---

[1]) Въ доставленномъ спискѣ слово это, согласно съ мѣстнымъ произношеніемъ, вездѣ писано: щикатулка.

Digitized by Google

другой съ просономъ забормоталъ: «стой, одёръ! тпррру!» а двое за волоса связанные потянулись въ разныя стороны и давай рваться, давай угощать другъ друга тумаками да подзатыльниками. Плюнулъ баринъ и послалъ за Климкою. «Ты укралъ лошадь?» — Я. «Гдѣ-жъ она?» — Продалъ. «А деньги гдѣ?»—Промоталъ да пропилъ. «Ну, чортъ съ тобой!»

(Записана въ орловской губерніи, малоархангельскаго уѣзда.)

с. Жилъ баринъ именитый, у него былъ крестьянинъ Каныга, по прозвищу Лыга: самъ баринъ такъ его прозвалъ за то, что дюже много облыгалъ. Вотъ посылаетъ баринъ: «призовите, говоритъ, ко мнѣ Каныгу-Лыгу.» Лыга пришелъ. «Ну что, Каныга! говоритъ баринъ; сказываютъ, ты дюже фастаешься, что ты хитеръ на разныя эдакія проворныя дѣла. Уведешь ли ты крестьянскихъ лошадей?» — Уведу. «Врешь! Я вотъ пошлю семьдесятъ пять подводъ съ просомъ на мельницу; ежели ты уведешь, такъ дамъ тебѣ, говоритъ, тысячу рублевъ.» — Ладно, баринъ! только дайте задатку. «Изволь!» Вынулъ трехъ-рублевую и отдалъ. Вотъ отправилъ баринъ семьдесятъ пять возовъ съ просомъ на мельницу; мужики поѣхали черезъ боръ. А Лыга-то впередѝ ихъ посцѣлъ, да въ бору поперёгъ дорогина лежняхъ[1]) бы(у)дто повѣсилси. Одинъ мужикъ подхóдe: «о, говоритъ, да это Лыга! что ты тутъ дѣлаешь?» Онъ молчитъ. Вотъ тотъ возметъ—хлопнетъ его кнутомъ, другой возметъ — хлопнетъ, онъ все молчитъ, какъ мертвой какой! Поѣхали дальше, а Лыга-то рысью успѣлъ впередъ взять, да на дорогѣ опять и повѣсилси. Какъ мужики-то подъѣхали, одинъ и говоритъ: «ба! да это никакъ Лыга?» А другой говоритъ: «нѣтъ, не онъ! Лыга тамъ позáди

[1]) Лéжень —деревья, павшія въ лѣсахъ сами собою (Опытъ област. велик. словаря, стр. 102).

Digitized by Google

остался.» — А давай объ закладъ, что онъ. «Давай!» Вотъ ударились объ закладъ; «ну, говорятъ, пойдемъ взадъ — посмотримъ; мы ишша [1]) недалече отъѣхали.» Пошли двое, а за ними и всѣ побѣгли. Лыга, увидавши, что мужиковъ нѣтъ, а подводы тутъ, взялъ-отвязался и погналъ подводы ближнею дорогою къ себѣ на дворъ. Мужики приходятъ: нѣтъ ни возовъ, ни лошадей. Послали своего старосту доложить барину, что такъ и такъ всѣ подводы пропали. «Эхъ, говоритъ баринъ, вѣрно это Лыга, с..... сынъ, проказитъ! ступай къ нему да возьми все назадъ.» Староста пришелъ къ Лыгѣ: «что у тебя подводы съ просомъ?» — У меня. «Баринъ велѣлъ назадъ взять.»—Пускай-ка наперёдъ тысячу рублевъ пришлетъ!

(Записана въ воронежской губерніи, сообщена Н. И. Второвымъ.)

7.

ШУТЪ [2]).

Въ одной деревнѣ жилъ шутъ. Какой-то попъ вздумалъ ѣхать къ нему, говоритъ попадьѣ: «ѣхать было къ шуту, не спутитъ ли какую шутку!» Собрался и поѣхалъ; шутъ по двору похажива(е)тъ, за хозяйствомъ присматрива(е)тъ. «Богъ въ помочь, шутъ!» — Добро жаловать, батюшко! куды тебя Богъ понесъ? «Къ тебѣ, свѣтъ; не спутишь ли шутку мнѣ?» —Изволь, батюшко; только шутку-то я оставилъ у семи шутовъ, такъ снаряди потеплѣй да дай лошади съѣздить за нею. Попъ далъ ему лошадь, тулупъ и шапку. Шутъ сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ попадьѣ и говоритъ: «матушка! попъ купилъ триста пудовъ рыбы; меня вотъ послалъ на своей лошади къ тебѣ за деньгами, триста рублей про-

[1]) Еще. [2]) См. въ этомъ выпускѣ № 8, и выпускъ VI, № 8.

Digitized by Google

ситъ.» Попадья тотчасъ отсчитала ему триста рублей; шутъ взялъ и поѣхалъ назадъ. Пріѣзжа(е)тъ домой, тулупъ и шапку положилъ въ сани, лошадь въ ограду пустилъ, а самъ спрятался. Попъ пождалъ-пождалъ. не могъ дождаться, собрался и воротился къ попадьѣ. Она спрашива(е)тъ: «а гдѣ рыба-то?» — Какая рыба? «Какъ какая! шутъ пріѣзжалъ за деньгами, сказывалъ, будто ты заторговалъ триста пудовъ рыбы; я ему триста рублей дала.» Узналъ попъ, какову шутку сыгралъ надъ нимъ шутъ!

На другой день собрался и опеть къ шуту. Шутъ зналъ, что попъ пріѣдетъ, переодѣлся женшшиной, взялъ пресницу [1]) и сялъ подъ окошко, сидитъ да прядётъ. Вдругъ попъ: «Богъ въ помочь!» — Добро жаловать! «Дома шутъ?» — Нѣту, батюшко! «Гдѣ же онъ?»—Да вѣдь онъ, батюшко, съ тобой вчерась пошутилъ да послѣ тово и дома не бывалъ. «Экой плутъ! видно назавтрее пріѣзжать.» На третій день пріѣхалъ; шута все нѣтъ дома. Попъ и дума(е)тъ: «чево-жо я ѣзжу безъ дѣла. Эта дѣвка знать сестра ево; увезу ее домой, пусть заробли-ва(е)тъ [2]) мои деньги.» Спрашива(е)тъ ее: «ты кто-жо? какъ шуту доводишься?» Она говоритъ: «сестра.» — Шутъ у меня триста рублей денек(г)ъ взялъ, такъ ступай-ко, голубушка, зарабливай ихъ.... «Дакъ што! ѣхать, дакъ ѣхать!» Собралась и поѣхала съ попомъ. Живетъ у нево ужь и долго. У попа были дочери-невѣсты. Вдрук(г)ъ къ нему сватовшики—какой-то богатой купецъ началъ сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, онъ и высваталъ стряпку [3]), шутову сестру. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Справили все, какъ слѣдуетъ. Ночью молодая говоритъ мужу: «высади меня въ окошко по холсту по-

---

[1]) Пряжу (см. Дополн. къ Опыту обл. великор. словаря, стр 109).
[2]) Зарабатываетъ. [3]) Кухарку, работницу.

Digitized by Google

вѣтриться; а какъ тряхну холстомъ, назадъ тяни.» Мужъ спустилъ ее въ садъ; жонушка привязала вмѣсто себя козлуху, тряхнула — молодой поташшилъ. Приташшилъ въ горницу, смотритъ — козлуха. «Охъ, злые люди испортили у меня жену-то!» закричалъ молодой; всѣ сбѣжались, начали возиться съ козлухой; дружки взялись наговаривать, штобы обратить ее въ женшшину, и совсѣмъ доконали-замучили: пропала [1]) козлуха!

Шутъ между тѣмъ пришолъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ попу. Тотъ ево встрѣтилъ: «милости просимъ! милости просимъ!» —угоща(е)тъ. Шутъ сидитъ, ѣс(т)ъ да пьетъ; тѣ-други разговоры, онъ и спрашива(е)тъ: «батюшко, гдѣ-жо моя сестра? не увозилъ ли ты?»— Увёзъ, говоритъ попъ, да и отдалъ въ-замужъ за богатова купца. «А какъ-жо, батюшко, безъ моево спросу отдали ее въ-замужъ? разѣ [2]) есь таки законы? вѣдь я просить пойду!» Попъ биться-биться съ нимъ, чтобы не ходилъ въ просьбу. Шутъ выпросилъ съ нево триста рублей; попъ отдалъ. Шутъ взялъ и говоритъ опеть: «ладно, батюшко! теперь своди-ка меня къ сватушку-то; покажи, каково они живутъ.» Попъ не захотѣлъ спорить; собрались и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ купцу; тутъ ихъ встрѣтили, начали подчивать. Шутъ сидитъ ужь и дивно [3]) времени — сестры не видать! и говоритъ онъ: «сватушко, гдѣ-жо моя то сестра? я давно съ ней не видался.» Тѣ посёмываютъ [4]). Онъ опеть спрашива(е)тъ; они и сказали ему, что злы люди похимостили [5]), испортили ее въ козлуху. «Покажите козлуху!» проситъ шутъ; они говорятъ: «козлуха пропала.»—Нѣтъ, не козлуха пропала, а вы раз(в)ѣ мою сестру убили; какъ сдѣлаться ей козлухой! Пойду просить на васъ. Тѣ ну просить ево: «не

---

[1]) Издохла. [2]) Развѣ. [3]) Много (Опытъ обл великор. словаря, стр. 47). [4]) Переминаются, безпокоятся. [5]) Заворожили, заколдовали (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 174).

Digitized by Google

ходи, пожалуста не ходи просить; чего хочёшь — бери!» —Отдайте триста рублей, не пойду! Деньги отсчитали, шутъ взялъ и ушолъ, сдѣлалъ гдѣ-то гробъ, склалъ въ нево деньги и поѣхалъ.

Вотъ ѣдётъ шутъ, а на встрѣчу ему семь шутовъ; спрашиваютъ: «чево шутъ везёшь?»—Деньги. «А гдѣ взялъ?»—Гдѣ взялъ! Вишь покойника продалъ, и везу теперь полонъ гробъ денек(г)ъ.—Шуты, ничево не говоря, пріѣхали домой, перебили всѣхъ своихъ жонъ, подѣлали гроба, склали на телеги, и везутъ въ городъ; везутъ да кричатъ: «покойниковъ, покойниковъ! кому надо покойниковъ?» Услыхали это козаки, живо подскакали и давай ихъ понужать плетями; драли драли еще съ приговорами: «вотъ вамъ покойники! вотъ вамъ покойники!» и проводили вонъ изъ города. Еле-еле убралйсь шуты; покойниковъ схоронили, сами и ступай къ шуту отмстить за насмѣшку; тотъ ужь зналъ, вперёдъ изготовился. Вотъ они пріѣхали, вошли въ избу, поздоровались, сяли на лавку; а у шута въ избѣ была козлуха [1]): она бѣгала, бѣгала, вдрук(г)ъ и выронила семигривенникъ. Шуты увидѣли это, спрашиваютъ: «какъ это козлуха-то семигривенникъ выронила?»—Она у меня завсегда серебро носитъ! Тѣ и приступили: продай да продай! Шутъ упрямится, не продаётъ: самому де надо. Нѣтъ, шуты безотступно торгуютъ. Онъ запросилъ съ нихъ триста рублей. Шуты дали, и увели козлуху; дома-то поставили ее въ горницѣ, на полъ ковровъ наслали, дожидаются утра, думаютъ: «вотъ када денек(г)ъ-то наноситъ!» а вмѣсто тово она только ковры изгадила.

Шуты опеть поѣхали мстить тому шуту. Тотъ уже зналъ, что они будутъ; говоритъ своей женѣ: «хозейка! смотри, я тебѣ привяжу подъ пазуху пузырь съ кровью; какъ придутъ

[1]) Въ нѣкоторыхъ варіантахъ вмѣсто козы выведена лошадь.

Digitized by Google

шуты бить меня, я втѣпоры стану просить у тебя обѣдать; разъ скажу— ты не слушай, другой скажу—не слушай, и въ третій — тожо не слушай. Я ухвачю(у) ножъ и тяну въ пузырь, кровь побѣжитъ — ты и падй, будто умерла. Тутъ я возьму плётку, стегну тебя разъ — ты пошевелись, въ другой — ты поворотись, а въ третій — (в)скочи да на столъ собирай.» Вотъ пріѣхали шуты: «ну, братъ! ты насъ давно обманываешь, теперича мы тебя убьёмъ.» — Дакъ што! убьете, такъ убьете; дайте хоть въ послѣдній разъ пообѣдать. Эй, хозейка! давай обѣдать. Та ни съ мѣста; онъ вдругорядь приказыва(е)тъ — она ни съ мѣста; въ третій разъ говоритъ — тожо самое. Шутъ схватилъ ножикъ, хлопъ ее въ бокъ — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «што ты надѣлалъ, собака? и насъ упекёшь тутъ-жо!»—Молчите, робята! у меня есть плётка; я ее вылѣчю(у). Сбѣгалъ за плёткой, стегнулъ разъ—хозейка пошевелилась, въ другой—поворотилась, въ третій—скочила и давай на столъ собирать. Шуты говорятъ: «продай плётку!»—Купите. «Много ли возьмёшь?» — Триста рублей. Шуты отсчитали деньги, взяли плётку, ступай съ ней въ городъ; видятъ — везутъ богатова покойника, они крычатъ: стой! Остановились. «Мы оживимъ покойника!» Разъ стегнули плёткой — покойникъ не шевелится, въ другой разъ—тожо, въ третій, четвертой, пятой—покойникъ все не шевелится. Тутъ ихъ, сердешныхъ, забрали и давай самихъ драть; плетями стегаютъ да приговариваютъ: «вотъ вамъ, лѣкарй! вотъ вамъ, лѣкарй!» до полусмерти истегали, отпустили. Они каё-какъ доплелись до двора, поправились и говорятъ сами съ собой: «ну, робята, не докуль шуту надъ нами смѣяться; пойдемте, убьёмъ его! чево на нево смотрѣть-то?»

Тотчасъ собрались и поѣхали; застали шута дома, схватили и поташшили на рѣку топить. Онъ прòсится: «дайте хоть съ

Digitized by Google

женой да съ роднёй проститься, приведите ихъ сюда!» Ну согласились, пошли всѣ за роднёй; а шута завязали въ куль и оставили у пролуби. Только ушли, вдрук(г)ъ ѣдётъ солдатъ на парѣ каурыхъ, а шутъ што-то и скашлялъ. Солдатъ остановился, соскочилъ съ саней, развязалъ куль и спрашива(е)тъ: «а, шутъ! пошто залѣзъ тутъ?»— «Да вотъ высватали за меня убѣгомъ таку-то (называетъ ее по имени), севодни и украли; а отецъ и хватился, давай искать. Намъ некуда дѣваться; вотъ мы спрятались въ кули, насъ завязали да и разташшили по разнымъ мѣстамъ, штобъ не узнали.» Солдатъ былъ вдовой, говоритъ: «пусти, братъ, меня въ куль-отъ.» Шутъ упрямится, не пуска(е)тъ. Солдатъ уговаривать, и уговорилъ ево. Шутъ вышолъ, завязалъ солдата въ куль; сялъ на лошадей и уѣхалъ. Солдатъ сидѣлъ-сидѣлъ въ кулю, и уснулъ. Семь шутовъ воротились одни, безъ родни, схватили куль и бросили въ воду; пошолъ куль ко дну — буры да коуры! Сами побѣжали домой; только прибѣжали, разся(ѣ)лись по мѣстамъ, а шутъ и катитъ мимо оконъ на парѣ лошадей—ухъ! «Стой!» закрычали семеро шутовъ. Онъ остановился. «Какъ ты изъ воды выбился?»—Эхъ, вы дураки! раз(в)ѣ не слышали: какъ пошолъ я ко дну, то сказывалъ: буры да коуры? это я коней ималъ. Тамъ ихъ много, да какіе славные! Это што еще! я дрянь взялъ — спереди, а тамъ дальше вороные — вотъ такъ лошади! Шуты повѣрили: «спускай, братъ, насъ въ воду; пойдемъ и мы коней выбирать.» — Извольте! Всѣхъ извязалъ въ кули и давай спускать по одному; испускалъ всѣхъ въ воду, махнулъ рукой и сказалъ: «ну, выѣзжайте-жо теперь на вороныхъ!»[1])

(Записана въ пермской губерніи г. А. Зыряновымъ.)

---

[1]) *Варіантъ:* Шутъ обманываетъ своихъ братьевъ; наконецъ они рѣшаются утопить его, завязали въ куль, принесли къ рѣкѣ, а сами пошли за топорами, чтобъ было чѣмъ прорубь вырубить. Шутъ лежалъ-лежалъ, и да-

Digitized by Google

8.

ѲОМКА-ШУТЪ.

Жилъ-былъ Ѳомка-шутъ, умѣлъ шутить шутки хитрыя. Разъ идетъ Ѳомка дорогою; повстрѣчался ему попъ: «здравствуй, Ѳомка!» — Здравствуй, батюшка! «Пошути мнѣ!» [1]) —Ахъ, батюшка! радъ бы, да шутки дома забылъ. «Сбѣгай пожалуста!» — Далеко бѣжать-то! «Возьми, свѣтъ, мою лошадь.» — Давай, батюшка! Сѣлъ и поѣхалъ къ попадьѣ: «матушка! подавай семьсотъ рублей; батюшка купилъ семь сёлъ, семь деревень; меня послалъ за деньгами, вотъ свою лошадь далъ.» Попадья дала ему семьсотъ рублей; Ѳомка-шутъ взялъ деньги и поѣхалъ на болото; утопилъ лошадь въ болотѣ, отрѣзалъ у ней хвостъ и воткнулъ въ тину. Приходитъ къ попу: «ну, батюшка! вѣрно ты свою кобылу недѣли двѣ не поилъ?» — А что? «Да то — какъ поѣхалъ я мимо воды, кинулась она со всѣхъ ногъ въ болото да тамъ и завязла!» —Что дѣлать! пойдемъ вытаскивать. Пришли къ болоту — одинъ хвостъ торчитъ. «Лѣзь, батюшка, въ воду!» — Полѣзай лучше ты, Ѳомка! Ѳомка полѣзъ. Вотъ шутъ ухватился за одинъ конецъ хвоста, а попъ за другой; тянутъ въ разныя стороны [2]). Вотъ тянули-тянули, Ѳомка взялъ да и выпустилъ хвостъ изъ рукъ — попъ такъ и ударился оземь. «Нѣтъ, го-

---

вай кричать: «посудите, люди добрые! ни читать, ни писать не умѣю, а меня въ головы сажаютъ.» Ѣдетъ богатой мужикъ на тройкѣ: «я, говоритъ, и читать, и писать умѣю; пусти меня въ куль.» Выпустилъ шута, и залѣзъ въ куль. Пришли братья, сдѣлали прорубь и потащили его въ воду. Мужикъ ну кричать: «я хочу! я хочу!» — Ну, коли хочешь, не о чемъ и спорить! намъ того и надобно. Взяли и сунули его въ прорубь....

[1]) *Вар.* «Хоть ты и мудеръ и хитеръ, а попадья хитрѣе тебя! Попробуйка, пошути надъ ней!» [2]) Въ другомъ варіантѣ попъ раздѣвается и лѣзетъ въ воду, а Ѳомка-шутъ уноситъ тѣмъ временемъ его одёжу.

Digitized by Google

воритъ Ѳомка; видно совсѣмъ пропала лошадь! теперь ужь не вытащишь — хвостъ оборвали!» Попъ потужилъ, потужилъ, и пошелъ домой. Попадья встрѣчаетъ: «что, батька, купилъ семь сёлъ, семь деревень?» — Какихъ, свѣтъ! «Какъ-же, Ѳомка-шутъ отъ тебя пріѣзжалъ, да семьсотъ рублей денегъ взялъ!» — Ахъ, онъ воръ эдакой! Неча сказать: славную сшутилъ шутку! А Ѳомка себѣ на умѣ, поѣхалъ въ городъ протирать глаза чужимъ денежкамъ: у попа де въ сундукѣ онѣ заржавѣли!

У Ѳомки-шута было два брата. Разъ какъ-то затопилъ онъ печку, поставилъ на огонь котёлъ съ водою, и сѣлъ подъ окномъ: глядь — идутъ ѡдаль братья. Ѳомка сейчасъ вытащилъ котёлъ изъ печи, поставилъ на улицу въ снѣгъ и покрылъ сковородой. Братья подошли и услыхали — что-то въ котлѣ шумитъ. Стали спрашивать: «шутъ, что у тебя въ котлѣ-то шумитъ?» — Вода на снѣгу кипитъ! Если въ котёлъ мукѝ положить, такъ можно и кисель сварить; не надо и дровъ! «Подари намъ этотъ котелокъ.» — Не могу, братцы! я только имъ и живу. «Ну, продай! что возьмешь?» — Да менѣ ста рублей не возьму. «На, бери!» Заплатили братья сто рублей, взяли котелокъ и принесли домой; «эй, жена! говоритъ одинъ, давай кисель варить.» — Дровъ нѣту! отвѣчаетъ ему баба. «Да намъ дровъ и не надо; подавай мукѝ.» Баба принесла мукѝ; мужики налили въ котёлъ воды, насыпали туда мукѝ, накрыли сковородой и поставили въ снѣгъ. Прошло съ часъ времени: «ну-ка, бабьё, не готовъ ли нашъ кисель?» Посмотрѣли, а вода совсѣмъ замерзла; стали ножемъ рѣзать — ножъ не беретъ, стали топоромъ рубить — и разбили котёлъ въ дребезги. Осердились братья и пошли Ѳомку бить.

Ѳомка-шутъ зналъ, что братья не спустятъ ему, и загодя придумалъ новую шутку: убилъ барана, напѣдилъ крови и налилъ въ пузырь, а тотъ пузырь привязалъ своей бабѣ подъ

Digitized by Google

мышку. Только братья въ избу, онъ и закричалъ: «Таня, дѣлай яишницу, да проворнѣе!» Таня и съ мѣста не встаетъ. Ѳомка за ножъ, какъ ударитъ ее подъ мышку — кровь такъ и полилась, Таня упала — захрапѣла, словно душа изъ тѣла выходитъ. «Что, али умирать вздумала!» говоритъ Ѳомка, снялъ съ гвоздя плётку и давай стегать да причитывать: «плётка-живилка, оживи мою женушку!» Она тотчасъ вскочила и принялась готовить яишницу. «Ѳомка! говорятъ братья, продай плётку-живилку.» — Купите! Торговаться-торговаться, купили плётку и пошли надъ своими бабами куражиться...[1])

9.

БАТРАКЪ. [2])

Жилъ-былъ мужикъ; у него было три сына. Пошелъ старшій сынъ въ батраки наниматься; пришелъ въ городъ и нанялся къ купцу, а тотъ купецъ куда былъ скупъ и суровъ!

---

[1]) Окончаніе то-же, что въ сказкѣ: «Ерёма-дуракъ» (вып. VI).

[2]) См. вып. VI, №№ 10, 11.

Варіантъ: Понадобился разъ одному попу батракъ, онъ и пошелъ на торгъ. Видитъ—стоитъ мужичокъ, попъ ему и говоритъ: «не знаешь ли, свѣтъ, кого-бъ мнѣ нанять въ батраки себѣ?» — Да ежели хочешь, батюшка, то найми меня. «Изволь, а что возьмешь?» — Недорого: я проживу у тебя годъ да тебѣ же дамъ три щелканца въ лобъ. Попъ тому и радъ: три щелканца не велика важность! Вотъ идутъ они вмѣстѣ; хочется попу посмотрѣть, каковы батраковы щелканцы? Глядь — человѣкъ десять держутъ быка, да никакъ не удержутъ; попъ и говоритъ батраку: «поди, помоги имъ унять быка.» Тотъ сказалъ: «изволь!» Пошелъ къ быку, да какъ дастъ ему одинъ щелканецъ — быкъ тутъ-же и упалъ: до смерти убилъ! Приходитъ попъ домой и говоритъ попадьѣ про свое горе. Попадья-то была баба хитрая и выдумала штуку — убѣжать изъ дому. Штука-то славная, да батракъ-то все слышалъ! Вотъ попъ и собирается: поклалъ въ мѣшокъ свои книги и пошелъ посмотрѣть на свой дворъ; а батракъ тѣмъ временемъ книги всѣ повыбросалъ и засѣлъ въ мѣшокъ. Какъ только стемнѣло, попъ кликнулъ по-

Digitized by Google

Только одну рѣчь и держалъ: какъ запоетъ пѣтухъ, такъ и вставай батракъ, да принайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню, прожилъ онъ съ недѣлю и воротился домой. Пошелъ средній сынъ, прожилъ у купца съ недѣлю, не выдержалъ и взялъ расчетъ. «Батюшка! говоритъ меньшой сынъ, позволь я пойду въ батраки къ купцу.» — Куда тебѣ дураку! зналъ бы сидѣлъ на печи! Полутче тебя ходили, да ни съ чѣмъ ворочались. «Ну, какъ хочешь, а я пойду!» Сказалъ и пошелъ къ купцу: здравствуй, купецъ! «Здравствуй, молодецъ! Что хорошаго скажешь?» — Найми меня въ батраки. «Изволь, только у меня, братъ, какъ пѣтухъ запоетъ — такъ и ступай на работу, на весь день.» — Знамое дѣло, нанялся, что̀ продался! «А что возьмешь?» — Да что съ тебя взять? годъ проживу — тебѣ щелчокъ, да купчихѣ щипокъ; больше ничего не надо. «Ладно, молодецъ!» отвѣчаетъ хозяинъ, а самъ думаетъ: «экая благодать! вотъ когда дешево нанялъ, такъ дешево!» Ввечеру батракъ изловчился, поймалъ пѣтуха, завернулъ ему голову подъ крыло и завалился спать. Ужь полночь давно прошла, дѣло къ утру идетъ — пора бы батрака будить, да пѣтухъ не поетъ! Поднялось солнышко на небо — батракъ и самъ проснулся. «Ну, хозяинъ! давай завтракать, время работа̀ть идти.» Позавтракалъ и проработалъ день до вечера; въ сумерки опять изловилъ пѣтуха, завернулъ

падью, схватилъ мѣшокъ и давай бѣжать. Сы-первыхъ-то поровъ попъ и самъ шибко бѣжалъ, а какъ сталъ пріумариваться, батракъ зачалъ его подгонять, кричитъ себѣ изъ мѣшка: догоню, догоню! Попъ услышитъ — сейчасъ рыси прибавитъ. А коли опять шажкомъ пойдетъ, батракъ подгонитъ. Ну, да сколько не бѣжать, а надо и умориться! Говоритъ попъ попадьѣ: «остановимся, матушка! нѣтъ силы бѣжать больше!» — Остановимся, батька! Попъ остановился да кинулъ мѣшокъ на землю, а изъ мѣшка лѣзетъ батракъ и говоритъ ему: «того уговору не было, чтобъ меня одного покидать!»... (Записано П. И. Якушкинымъ въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ.)

Digitized by Google

ему голову за крыло, и завалился спать до утра. На третью ночь опять тоже. Дался диву купецъ, что̀ за притча такая съ пѣтухомъ: совсѣмъ пересталъ горло драть! «Пойду-ка я, думаетъ, на деревню, поищу иного пѣтуха.» Пошелъ купецъ пѣтуха искать, и батрака съ собою взялъ. Вотъ идутъ они дорогою, а на встрѣчу имъ четверо мужиковъ быка ведутъ, да и быкъ же — большой да злющій! еле-еле на веревкахъ удержатъ! «Куда, братцы?» спрашиваетъ батракъ. — Да быка на бойню ведемъ. «Эхъ, вы! четверо быка ведете, а тутъ и одному дѣлать нечего!» Подошелъ къ быку, далъ ему въ лобъ щелчокъ — и убилъ до смерти; опосля ухватилъ щипкомъ за шкуру—вся шкура долой! Купецъ какъ увидѣлъ: каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсѣмъ забылъ о пѣтухѣ, вернулся домой и сталъ съ купчихой совѣтъ держать, какъ имъ бѣду-горе отбывать? «А вотъ что, говоритъ купчиха, пошлемъ-ка мы батрака поздно вечеромъ въ лѣсъ, скажемъ— что корова со стада не пришла; пускай его лютые звѣри съѣдятъ!» — Ладно! Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на дворъ, постояла у крылечка, входитъ въ избу и говоритъ батраку: «что-жъ ты коровъ въ сарай не загналъ? вѣдь одной-то нѣту!» — Да кажись онѣ всѣ были... «То-то всѣ! Ступай скорѣй въ лѣсъ да поищи хорошенько.» Батракъ одѣлся, взялъ дубинку и побрелъ въ дремучій лѣсъ; сколько ни ходилъ по̀ лѣсу — не видать ни одной коровы; сталъ присматриваться да приглядываться — лежитъ медвѣдь въ берлогѣ, а батракъ думаетъ — то корова. «Эхма! куда затесалась, проклятая! а я тебя всю ночь ищу.» И давай осаживать медвѣдя дубинкою; звѣрь бросился на утёкъ, а батракъ ухватилъ его за шею и приволокъ домой, пустилъ въ сарай и заперъ вмѣстѣ съ коровами. Медвѣдь сейчасъ принялся коровъ душить да ломать; за̀ ночь всѣхъ до одной такъ и порѣшилъ. На утро говоритъ батракъ купцу съ купчихою: «вѣдь корову-то я нашелъ.»

Digitized by Google

— Пойдемъ, жена! посмотримъ, какую корову нашелъ онъ въ лѣсу? Пошли въ сарай, отворили двери, глядь — коровы задушены, а въ углу медвѣдь сидитъ. «Что ты, дуракъ, надѣлалъ? зачѣмъ медвѣдя въ сарай притащилъ? онъ всѣхъ коровъ у насъ порѣшилъ!»—Постой-же, говоритъ батракъ, не миновать ему за то смерти! Кинулся въ сарай, далъ медвѣдю щелчокъ — изъ него и духъ вонъ! «Плохо дѣло, думаетъ купецъ; лютые звѣри ему не почемъ. Развѣ одинъ чортъ съ нимъ сладитъ! Поѣзжай, говоритъ батраку, на чортову мельницу да сослужи мнѣ службу великую: собери съ нечистыхъ деньги; въ долгъ у меня забрали, а отдавать не отдаютъ!» — Изволь, отвѣчаетъ батракъ; для чего не сослужить такой бездѣлицы? Запрегъ лошадь въ телегу и поѣхалъ на чортову мельницу; пріѣхалъ, сѣлъ на плотинѣ и сталъ веревку вить. Вдругъ выпрыгнулъ изъ воды бѣсъ: «батракъ! что ты дѣлаешь?» — Чай, самъ видишь: веревку вью. «На что тебѣ веревка?»—Хочу васъ, чертей, таскать, да на солнышкѣ сушить; а то вы, окаянные, совсѣмъ перемокли! «Что ты, что ты, батракъ! мы тебѣ ничего худаго не сдѣлали.» —А зачѣмъ моему хозяину долговъ не платите? занимать небось умѣли! «Постой немножко, я пойду — спрошу старшова» сказалъ чортъ и нырнулъ въ воду. Батракъ сейчасъ за лопату, вырылъ глубокую яму, прикрылъ ее сверху хворостомъ, по серединѣ свой шлыкъ уставилъ, а въ шлыкѣ-то загодя дыру прорѣзалъ. Чортъ выскочилъ и говоритъ батраку: «старшой спрашиваетъ: какъ-же будешь ты чертей таскать? вѣдь наши омуты бездонные.» — Великая важность! у меня на то есть веревка такая: сколько хочешь мѣряй, все конца не доберешься. «Ну-ка, покажи!» Батракъ связалъ оба конца своей веревки и подалъ чорту, ужь тотъ мѣрилъ-мѣрилъ, мѣрилъ-мѣрилъ, все конца нѣту! «А много-ль долговъ платить?» —Да вотъ насыпь этотъ шлыкъ серебромъ, какъ разъ будетъ.

Digitized by Google

Чортъ нырнулъ въ воду, разсказалъ про все старшому; жаль стало старому съ деньгами разставаться, а дѣлать нечего, пришло раскошеливаться. Насыпалъ батракъ полонъ возъ серебра и привезъ къ купцу. «Вотъ она бѣда-то! и чортъ его не беретъ!» Сталъ купецъ съ купчихой уговариваться бѣжать изъ дому; купчиха напекла пироговъ да хлѣбовъ, наклала два мѣшка и легла отдохнуть, чтобъ къ ночи съ силами собраться да отъ батрака уйти. А батракъ вывалилъ изъ мѣшковъ пироги и хлѣбы, да замѣсто того въ одинъ положилъ жернова, а въ другой самъ залѣзъ: сидитъ-не ворохнется и духъ притаилъ! Ночью разбудилъ купецъ купчиху, взвалили себѣ по мѣшку на плеча и побѣжали со двора. А батракъ изъ мѣшка подаетъ голосъ: «эй, хозяинъ съ хозяйкою! погодите, меня съ собой возьмите.»—Узналъ, проклятой! гонитъ за нами! говоритъ купецъ съ купчихою и побѣжали еще шибче; во какъ уморились! Увидалъ купецъ озеро, остановился, сбросилъ мѣшокъ съ плечъ: «отдохнемъ, говоритъ, хоть немножко!» А батракъ отзывается: «тише бросай, хозяинъ! всѣ бока переломаешь.» — Ахъ, батракъ, да ты здѣсь! «Здѣсь!» [1]) Ну, хорошо; рѣшились заночевать на берегу, и легли всѣ рядышкомъ. «Смотри, жена! говоритъ купецъ; какъ только заснетъ батракъ, мы его бросимъ въ воду.» Батракъ не спитъ, ворочается, съ боку на бокъ переваливается. Купецъ да купчиха ждали-ждали и уснули; батракъ тотчасъ снялъ съ себя тулупъ да шапку, надѣлъ на купчиху, а самъ нарядился въ ея шубейку, и будитъ хозяина: «вставай, бросимъ батрака въ озеро!» Купецъ всталъ;

---

[1]) *Вар.* А батракъ сидитъ въ мѣшкѣ да свищетъ; «побѣжимъ живѣй, батракъ гонитъ!» Бѣжали-бѣжали. Батракъ замолкъ. «Ну, жена! говоритъ купецъ, давай-ка пирожкомъ закусимъ.» Снялъ съ плечъ мѣшокъ, распуталъ веревку; тутъ батракъ высунулъ голову: «здорово, хозяинъ съ хозяйкою! чтожъ это вы изъ дому побѣжали, а со мной не расчитались?» Далъ купчихѣ щипокъ да купцу щелчокъ—помнай, какъ звали!

Digitized by Google

подхватили они вдвоемъ сонную купчиху и кинули въ воду. «Что ты, хозяинъ, сдѣлалъ? закричалъ батракъ; за что утопилъ купчиху?» Дѣлать нечего купцу, воротился домой съ батракомъ; а батракъ прослужилъ у него цѣлый годъ, да далъ ему щелчокъ въ лобъ — только и жилъ купецъ! Батракъ взялъ себѣ его имѣніе и сталъ себѣ жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

10.

ДУРАЧОКЪ [1]).

При матери было три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Умные занимались работою, ловили звѣрей капканами да путами. Разъ привезли они многое множество звѣрей. Дуракъ слѣзъ съ печи и закричалъ: «братцы! вѣдь и я лису поймалъ!» —Гдѣ-жъ она? «А вонъ въ хлѣву.» Они пошли, поглядѣли — сидитъ въ капканѣ мертвая старуха. Братья ругали его-ругали, ну да что? вѣдь съ дурака взятки гладки! Немного погодя, задумалъ старшой братъ жениться. Умные-то всегда дѣломъ заняты, а дуракъ на печи лежитъ; вотъ и послали его на базаръ въ сосѣднюю деревню — искупить все нужное для свадьбы. Дуракъ купилъ соли, говядины и горшковъ пять либо шесть. Идетъ домой, глядь — собака на озерѣ воду локаетъ. «У! родная моя, закричалъ дуракъ, зачѣмъ безъ соли пьешь?» Взялъ да и высыпалъ всю соль въ воду. Идетъ дальше; вороны увидали говядину, такъ и вьются надъ нимъ да кричатъ: карръ! карръ! Дураку показалось, что онѣ величаютъ его Карпомъ, взялъ да говядину и раскидалъ: «кушайте, родимыя!» Идетъ да идетъ; по дорогѣ верстовые столбы стоятъ. «Эхъ, мои братцы безъ шапокъ стоятъ!» сказалъ дуракъ и

[1]) См. выпускъ VI, № 9.

Digitized by Google

понадѣвалъ на нихъ горшки. Воротился къ братьямъ и разсказалъ все, что сдѣлалъ; братья обругали его, какъ надо, и велѣли сидѣть дома: «ты де, дуракъ, никуда не годишься!» Вотъ повезли жениха съ невѣстою къ вѣнцу; остался дуракъ одинъ во всемъ домѣ; заперъ дверь, выпустилъ цѣлую бочку квасу, сѣлъ въ лотокъ, въ руки взялъ веселку, и плаваетъ по избѣ да приговариваетъ: «ѣду-ѣду, до берега не доѣду.» Пріѣхали молодые изъ церкви, стучатся въ дверь: «отвори, дуракъ!» А онъ въ отвѣтъ: «постойте, дайте до берега доѣхать!» Нечего дѣлать, пришлось ломать дверь; разломали—какъ хлынетъ оттуда квасъ, такъ молодыхъ съ ногъ и сбилъ!...

(Записана въ астраханской губерніи, черноярскомъ уѣздѣ.)

11

СКАЗКА ПРО ѲОМУ БЕРЕННИКОВА [1]).

Жила-была старуха, у неё былъ кривой сынъ Ѳома Берендниковъ. Вотъ поѣхалъ Ѳома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сѣлъ на завалинку... мухи около навоза такъ и жужжатъ. Схватилъ онъ хворостину, да какъ хлыснетъ по кучѣ; сталъ считать: сколько побилъ? насчиталъ пятьсотъ, да еще много безъ счету осталось. Рѣшилъ Ѳома, что имъ и смѣты нѣтъ! Приходитъ къ своему коню, на немъ сидитъ двѣнадцать оводовъ; онъ всѣхъ и побилъ. Воротился Ѳома Берендниковъ къ матери и проситъ у ней благословенья великаго: «побилъ дескать мелкой силы — счету нѣтъ, да двѣнадцать могучихъ богатырей; пусти меня матушка на подвиги великіе, а землю пахать — не мое дѣло богатырское, то дѣло мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великіе, на

[1] См. выпускъ II, № 6, и выпъ. VI, № 13.

Digitized by Google

поприща богатырскія. Беретъ онъ за плечи тупой серпъ, за поясъ лычной кошель, а въ тотъ кошель кладетъ тупой косарь. Вотъ ѣдетъ Ѳома путемъ-дорогою, стороною незнакомою, и наѣхалъ на столбъ; пишетъ онъ на томъ столбѣ — не было у него въ карманѣ ни злата, ни сѣребра, а случился въ карманѣ мѣлъ — вотъ и пишетъ онъ мѣломъ: «проѣхалъ здѣсь богатырь Ѳома Беренниковъ, который сразу побиваетъ двѣнадцать могучихъ богатырей, да опричь того силу несмѣтную.» Написалъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ той-же дорогою Илья-Муромецъ, подъѣзжаетъ къ столбу, видитъ — надпись, и говоритъ: «видна попрыска богатырская: не тратитъ ни злата, ни сѣребра, одинъ мѣлъ!» Написалъ онъ сѣребромъ: «въ слѣдъ за Ѳомою Беренниковымъ проѣхалъ богатырь Илья-Муромецъ.» Наѣзжаетъ онъ Ѳому Беренникова и говоритъ (устрашился, знать, тоё надписи мѣляныя): «могучій богатырь Ѳома Беренниковъ! гдѣ ѣхать: спереди или сзади?» — Ступай сзади! отвѣчаетъ Ѳома.

Вотъ ѣдетъ той-же дорогою Алёша Поповичъ-младъ; наѣзжаетъ онъ на тотъ столбъ, издалеча видитъ на томъ столбѣ надпись — какъ жаръ горитъ! Прочиталъ надписи Ѳома Беренникова да Ильи-Муромца, вынимаетъ изъ кармана чисто золото и пишетъ: «за Ильею-Муромцемъ проѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ.» Наѣзжаетъ онъ Илью-Муромца: «ты скажи, скажи, Илья-Муромецъ! впереди ѣхать, или сзади мнѣ?»—Не меня вспроси, а мово [1]) брата старшаго Ѳому Беренникова. Подъѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «удалой боецъ Ѳома Беренниковъ! гдѣ укажешь ѣхать Алёшѣ Поповичу?»—Ступай сзади!

Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою, стороною незнакомою; пріѣзжаютъ они въ зелены сады. Илья-Муромецъ и Алёша

[1]) Моего.

Digitized by Google

Поповичъ раскидываютъ бѣлы шатры, а Ѳома Беренниковъ свои портки. А тѣ сады были самого царя, царя прусскаго, и воевалъ того царя король китайской съ шестью могучими богатырями. Посылаетъ царь прусской грамотку къ Ѳомѣ Беренникову, а въ той грамоткѣ значится. «воюетъ меня, царя прусскаго, король китайской; не будетъ ли ваша помощь?» Ѳомка грамотѣ небольно разумѣлъ, посмотрѣлъ на грамотку, покачалъ головою и говоритъ: хорошо! Вотъ подступаетъ король китайской близко къ городу; приходятъ Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову и говорятъ таково слово: «подъѣзжаютъ подъ царя, къ самому городу; надо его защитить. Самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» —Ступай ты, Ильюшка-Муромецъ! Побилъ Илья-Муромецъ всѣхъ. А послѣ того приводитъ король китайской еще шесть богатырей и рать-силу несмѣтную. Илья-Муромецъ съ Алёшей Поповичемъ приходятъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «ты скажи, скажи, Ѳома Беренниковъ! самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» — Ступай ты, братъ, Алёшка Поповичъ-младъ! Поѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ и побилъ всю рать-силу несмѣтную и тѣхъ шесть могучихъ богатырей. Говоритъ китайской король: «есть у меня еще одинъ богатырь, берёгъ его на племя; пущу и его теперь!» Вотъ приводитъ онъ рать-силу несмѣтную и съ нею богатыря могучаго, завѣтнаго, и говоритъ король своему богатырю: «не силой бьетъ насъ русской богатырь, а хитростью; что станетъ дѣлать русской богатырь, то и ты дѣлай!» Пріѣзжаютъ Илья-Муромецъ да Илья Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» —Самъ пойду; приведи моего коня. Кони богатырскіе по чисту полю ходятъ, травку щиплютъ, а Ѳомкинъ стоитъ да овесъ уплетаетъ. Подошелъ Илья-Муромецъ къ Ѳомкину коню, а тотъ разъѣлся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью-Муромца, схватилъ онъ коня Ѳомкина за хвостъ да и кинулъ его

Digitized by Google

черезъ плетень. Молвилъ ему Алёша Поповичъ младъ: «не увидѣлъ бы насъ Ѳома Беренниковъ? задастъ онъ намъ жару!» — Знать вся сила не въ коню, а въ самомъ молодцу! говоритъ Илья-Муромецъ и подводитъ тоё клячу къ Ѳомкѣ Беренникову. Ѳомка садится на лошадь, а самъ думаетъ: «пусть убьютъ! сраму не будетъ.» Ѣдетъ онъ, пригнулся къ коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайской, помня королевской наказъ, и самъ къ коню пригнулся да зажмурился. Ѳомка слѣзъ съ коня, сѣлъ на камень и давай точить серпъ; китайской богатырь и себѣ тожъ: слѣзаетъ съ могуча коня и точитъ свой мечь. Видитъ онъ, что Ѳомка Беренниковъ на одинъ глазъ кривъ, и думаетъ про себя: «онъ одинъ глазъ прищурилъ; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!» Не успѣлъ онъ зажмурить, какъ Ѳомка Беренниковъ отсѣкъ ему голову. Беретъ онъ его коня богатырскаго, хочетъ на него сѣсть, да не влѣзетъ. Привязалъ Ѳомка сильномогучаго коня къ столѣтнему дубу, взобрался на дерево да и вспрыгнулъ на коня верхомъ. Почуялъ конь сѣдока, какъ рванется — и вырвалъ дубъ съ корнемъ вонъ; летитъ во всю мочь богатырскую и волочитъ за собою громадной дубъ. Ѳома Беренниковъ кричитъ: «помогите, помогите!» А китайцы-дураки русскаго языка не знаютъ, побѣжали съ испугу врозь; богатырской конь ихъ ногами топчетъ да столѣтнимъ дубомъ бьетъ: всѣхъ перебилъ до единаго! Вотъ и пишетъ китайской король къ Ѳомкѣ Беренникову грамотку: никогда не буду съ тобой воевать. А Ѳомкѣ то и надобно! И дивуются Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ тому Ѳомкѣ Беренникову.

Вотъ ѣдетъ Ѳома къ царю прусскому. «Чѣмъ тебя жаловать? спрашиваетъ царь; бери казны золотой, сколько надобно, или полцарства моего бѣлаго, или царевну прекрасную.» —Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньшихъ моихъ братьевъ Илью-Муромца да Алёшу Поповича-млада.

Digitized by Google

И женился Ѳома Беренниковъ на прекрасной царевнѣ. Видно не однимъ богатырямъ бываетъ удача! кто накричитъ о себѣ больше, тому и лучше.

(Записана П. И. Якушкинымъ въ калужской губерніи, лихвинскомъ уѣздѣ.)

12.

МѢНА [1])

Бувъ соби дидъ да баба; у нихъ не було николи дѣтей. Пишла баба по̀ воду; колы дывитця — горошина катитця по дорози; баба взяла-вкынула у видро, прышла до дому, выливае воду да-й каже своему диду: «я нашла на дорози горошину.» Дидъ каже: «дай мини, старà! я еји посажу.» Дидъ узявъ да-й посадывъ подъ поломъ. Вона росте не по днямъ, а по часамъ, и не по часамъ, а по минутамъ; отъ выросла вона до неба, и вродылись на ей стрючки такъ рясно, що нихто и не згадае. Отъ дидъ стереже тыхъ стрючкивъ, да такъ, що по цилымъ ночамъ не спить да стереже. Въ середу въ вечери дидъ заснувъ; колы встае вранци — нема стрючкивъ. Винъ каже: «пиду до Бога, на що винъ мои стрючки забравъ?» Да-й пришовъ до Бога и каже: «на що ты мои стрючки забравъ?» Богъ ему каже: «колы я твои стрючки забравъ, такъ на̀ тоби за твои стрючки золоты постольци, серебраны волока.» [2]) Дидъ узявъ, подяковавъ да-й пишовъ; иде — колы пастухъ пасе ко́ни. Отъ воны поздраствовались; пастухъ его питае: «дѣ, диду, бувъ?» Винъ каже: «у Бога.» — Що тоби Богъ давъ? «Золоты постольци, серебраны волока.» — Дай мини ихъ, я тоби дамъ самого лучшего ко̀ня. Винъ узявъ коня, по-

[1]) См. выпускъ II, № 10 и вып. VI, № 14. [2]) Постолы — обувь, лапти; волóка — завязка у обуви (Малорос. словарь Чужбинскаго, стр. 32).

Digitized by Google

дяковавъ да-й пишовъ; иде да иде — колы чередникъ [1]) пасе скотъ. Отъ воны поздраствовались. Чередникъ его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» — У Бога, каже. «Що тоби Богъ давъ?» —Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?»—Проминявъ за коня. «Проминяй мини коня за вола.» Винъ узявъ вола, подяковавъ да-й пишовъ; иде да иде — колы пастухъ пасе овечки. Отъ воны поздраствовались. «Дѣ ты, диду, бувъ?» питае пастухъ. — У Бога. «Що тоби Богъ давъ?» —Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?»—Проминявъ за коня. «Дѣ-жъ той кинь?» — Проминявъ за вола. «Проминяй мини вола за самого лучшего барана.» Винъ проминявъ, узявъ барана и пишовъ; иде да иде — колы свинарь пасе свини. Отъ поздраствовались. Той свинарь его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» — У Бога. «Що тоби Богъ давъ?» — Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?» —Проминявъ за коня. «Дѣ-жъ той кинь?»—Проминявъ за вола. «Дѣ-жъ той вилъ?»—Проминявъ за барана. «Проминяй мини барана за самого лучшего кабана.» Винъ проминявъ, подяковавъ да-й пишовъ; иде да иде... Прійшовъ у городъ, дывитця — колы на базари человикъ продае шыла. Отъ воны поздраствовались. Той человикъ его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» Винъ каже: «у Бога.»—Що тоби Богъ давъ? «Золоты постольци, серебраны волока.» — Дѣ-жъ воны? «Проминявъ за коня.» — Дѣ-жъ той кинь? «Проминявъ за вола.»— Дѣ-жъ той вилъ? «Проминявъ за барана.» — Дѣ-жъ той баранъ? «Проминявъ за кабана.» — Проминяй мини кабана за шыло. Винъ узявъ шыло, подяковавъ да-й пишовъ; иде да иде — колы коробейникъ на устричу. Отъ воны поздраствовались. Той его питае: «дѣ ты, диду, бувъ?» — У Бога. «Що тоби Богъ давъ?» — Золоты постольци, серебраны волока. «Дѣ-жъ воны?»

[1]) Пастухъ (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 256).

Digitized by Google

—Проминявъ за коня. «Дѣ-жъ той кинь?»—Проминявъ за вола. «Дѣ-жъ той вилъ?» — Проминявъ за барана. «Дѣ-жъ той баранъ?» — Проминявъ за кабана. «Дѣ-жъ той кабанъ?» —Проминявъ за шыло. «Проминяй мини шыло за иголку.» Дидъ проминявъ и пишовъ до дому; ставъ пирылазить черезъ тынъ, да-й загубывъ иголку. Баба выбижала изъ хаты: «я безъ тебе трохи не пропала! дѣ ты, мій дидусю, бувъ?» — У Бога. «Що тоби, старенькій, Богъ давъ?»—Давъ мини золоты постольци, серебраны волока. «А дѣ-жъ воны?» — Проминявъ за коня. «А дѣ-жъ, дидусю, конькъ?» — Проминявъ за волыка. «А дѣ-жъ, дыдусю, волыкъ?» — Проминявъ за барана. «А дѣ-жъ, дидусю, баранъ?» — Проминявъ за кабана. «А дѣ-жъ, дидусю, кабанъ?» — Проминявъ за шыло. «А дѣ-жъ, дидусю, шыло?» — Проминявъ за иголку; тоби, старенька, хотивъ гостынця принысты, да ставъ лизты черезъ тынъ да-й загубывъ. «Я рада, що ты самъ пришовъ!» Обнялись, поцѣловались и пишлывъ хату.

(Сообщена М. А. Максимовичемъ.)

13.

ПРАВДА И КРИВДА [1])

а. Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой; такъ всѣ и звали ихъ: одного Кривдою, а другаго Правдою.

«Послушай, Правда! сказалъ разъ Кривда; вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше?...»

—Нѣтъ!

«Давай спорить?»

— Давай.

---

[1]) См. вып. I, № 10 и вып. VI, № 15.

Digitized by Google

«Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то всѣ корабли твои, а если кривдою, то мои!»

— Хорошо!...

Плыли они много-ль, мало-ль, сколь не далече путь свой продолжали — встрѣтился имъ купецъ.

— Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше: кривдою или правдою?

«Жилъ я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше.»

Плывутъ они дальше много-ль, мало-ль, и встрѣчается имъ мужичокъ.

— Послушай, добрый человѣкъ, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить: кривдою или правдою?

«Извѣстное дѣло—кривдою; а правдою куска хлѣба не наживешь!»

На третьей встрѣчѣ имъ сказали тоже самое. Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку, да и лёгъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то говоритъ:

«А ну-тка, похвалитесь: кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?»

— Я поссорилъ Кривду съ Правдою!

— Я сдѣлалъ, что двоюродный братъ женится на сестрѣ!

— Я разорилъ мельницу, и до тѣхъ поръ буду ее разорять, пока ни забьютъ крестъ накрестъ палей. [1])

— Я сомустилъ человѣка убить!

— А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; они сосутъ ей груди всякую ночь. А вылѣчитъ ее тотъ,

---

[1]) Пали — сваи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 152).

Digitized by Google

кто сорветъ жаръ-цвѣтъ! (Это такой цвѣтъ, которой когда цвѣтетъ — море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня; черти его боятся!)

Какъ ушли они, Правда вышелъ, и помѣшалъ женить-ся двоюродному брату на сестрѣ, запрудилъ мельницу, не далъ убить человѣка, досталъ жаръ-цвѣтъ и вылѣчилъ царевну. Царевна хотѣла вытти за него замужъ, да онъ не согласился. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залѣгъ ночью подъ печку въ той-же избушкѣ... Слетѣлись духи, да и начали совѣтъ держать: какъ-бы узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго изъ нихъ лядащаго [2]); какъ стали его бить да щипать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду.

«Я Кривда!» говоритъ купецъ чертямъ, да все таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

b. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить кривдой, али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспоритъ. Говоритъ Кривда: «пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!» — Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. «Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить кривдою, али правдою?» Писарь спросилъ: «о чемъ вы бьетеся?» — О ста рубляхъ. «Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.» Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все

[1]) Худаго, дурнаго.

Digitized by Google

стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. «Пойдемъ къ судьѣ, какъ онъ рѣшитъ? говоритъ Кривда; коли по твоему— я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по моему—ты мнѣ должна оба глаза отдать.»—Хорошо, пойдемъ. Пришли онѣ къ судьѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ тоже самое: «въ наше время лучше жить кривдою.» — Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла — куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда въ свой черёдъ похваляется: «я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!» — Что глаза! говоритъ набольшой; стоитъ потереть тутошней травкою — глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потёрла одинъ, потёрла другой— и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличь: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потёрла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

с. Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два крестьянина: Иванъ да Наумъ. Назвались они товарищами и пошли вмѣстѣ на заработки. Шли-шли, очутились въ богатомъ селѣ и нанялись у разныхъ хозяевъ; поработали одну недѣлю и свидѣлись въ воскресной день. «Ты, братъ, сколько заработалъ?» спросилъ Иванъ. — Мнѣ пять рублевъ Господь далъ. «Господь далъ! много онъ дастъ, коли самъ не заработаешь?» — Нѣтъ, братъ, безъ божіей помощи самъ ничего не сдѣлаешь, ни гроша не

Digitized by Google

получишь! Тутъ они крѣпко заспорили и положили на томъ: «пойдемъ оба по дорогѣ, и спросимъ у перваго встрѣчника: чья правда? Кто проиграетъ, тотъ долженъ отдать всѣ свои заработанныя деньги.» Вотъ и пошли; сдѣлали шаговъ съ двадцать—попадается имъ на встрѣчу нечистой духъ въ человѣческомъ образѣ. Стали его спрашивать, а онъ въ отвѣтъ: «что самъ заработаешь, то и ладно! на Бога нечего надѣяться, онъ ни копѣйки не дастъ!» Отдалъ Наумъ всѣ свои деньги Ивану и воротился къ хозяину съ пустыми руками. Прошла еще недѣля; въ воскресной день работники опять свидѣлись и подняли тотъ-же споръ. Наумъ говоритъ: «хоть на прошлой недѣлѣ ты и забралъ мои деньги, а мнѣ Господь еще больше далъ!» — Ну, отвѣчаетъ Иванъ, если по твоему тебѣ Богъ далъ, а не самъ ты заработалъ, то давай опять пойдемъ до первой встрѣчи и спросимъ: чья правда? Кто виноватъ останется, у того отобрать всѣ деньги и отрѣзать правую руку. Наумъ согласился. Пошли они по дорогѣ; повстрѣчался имъ тотъ-же нечистой и отвѣчалъ — что и прежде. Иванъ обобралъ у товарища деньги, отрубилъ ему правую руку и оставилъ одного. Долго думалъ Наумъ, что теперь безъ руки дѣлать? кто кормить-поить станетъ? ну, да Богъ милостивъ! Пошелъ къ рѣкѣ и лёгъ на берегу подъ лодку: «переночую пока здѣсь, а утромъ увижу, что дѣлать; утро вечера мудренѣе.» Въ самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистыхъ, и начали промежъ себя разговаривать: кто какія козни устроилъ. Одинъ говоритъ: «я между двухъ мужиковъ споръ рѣшилъ въ противную сторону, и у правдиваго руку отрѣзали.» Другой на то сказалъ: «это пустое! только три раза по росѣ покататься —рука снова выростетъ!»—А я, началъ хвастаться третій, у такого-то барина единственную дочь изсушилъ: чуть жива ходитъ! «Эка! отвѣчалъ четвертой, если кто пожалѣетъ барина, то непремѣнно вылѣчитъ дочку. Средство простое:

Digitized by Google

взять такой-то травы, сварить, да въ томъ отварѣ искупать ее —она и будетъ здорова!»—Въ одномъ пруду, сталъ говорить пятой, мужикъ поставилъ водяную мельницу, и ужь много лѣтъ хлопочетъ, а все безъ пользы: только что запрудитъ плотину, а я прокопаю и выпущу воду. «Дуракъ же твой мужикъ! сказалъ шестой чортъ; онъ бы загатилъ получше плотину, а когда-бъ стала вода прорываться—бросилъ-бы туда снопъ соломы: тутъ бы ты и погибъ!» Наумъ все это слышалъ, и на другой день выростилъ свою правую руку, потомъ исправилъ у мужика плотину и вылѣчилъ дочь у барина. Щедро его наградили и мужикъ, и баринъ, и зажилъ онъ припѣваючи. Разъ повстрѣчалъ онъ своего прежняго товарища; тотъ удивился, зачалъ распрашивать: какъ де ты разбогатѣлъ и откуда руку взялъ? Наумъ ему все разсказалъ, ничего не утаилъ. Иванъ выслушалъ, и думаетъ: «постой-же, и я такъ сдѣлаю, еще пуще его разбогатѣю!» Пошелъ къ рѣкѣ и лёгъ на берегу подъ лодку. Въ полночь собрались нечистые. «А что, братцы! говоритъ одинъ изъ нихъ; должно быть кто-нибудь насъ подслушиваетъ. Вить у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровѣла и плотина въ ходъ пошла!» Бросились всѣ подъ лодку смотрѣть; нашли Ивана и разорвали на мелкіе кусочки. Отлились волку коровьи слезы!

(Записана въ черноярскомъ уѣздѣ, астраханской губерніи, волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.)

14.

ЗЛАЯ ЖЕНА[1]).

У Антипки была разпрезлющая жена, да дѣтей куча. Антипка — слово, баба — за рычагъ, да въ бокъ норовитъ. За-

[1]) См. вып. I, № 9 и вып. VI, № 16.

Digitized by Google

хочетъ Антипка проучить жену, возьметъ кнутъ, а баба разорется-раскричится, до того разозлится, что выхватитъ изъ люльки ребенка за ногу и давай имъ отмахиваться; глаза выташцитъ, пѣна у рта, чортъ-чортомъ! Не стало Антипкѣ житья. Что старѣетъ жена, то хуже. Сталъ онъ задумывать, какъ-бы жену сбыть? и придумалъ. Воротился однажды изъ лѣсу такой развесёлой, и гутаритъ женѣ ласково: «послушай-ка, моя женушка! заживемъ мы съ тобой по боярскому, разряжу тебя павою,—вѣдь я нашелъ казны гибель страшную, несмѣтную.» — Гдѣ, пострѣлъ? покажи-ка мнѣ. Не во снѣ ли тебѣ, чучелу, пригрезилось? «Нѣтъ, моя ластушка! нѣтъ, моя любушка! хоть очми не досмотрѣлъ, да ушми дослышалъ, какъ злато-сѣребро перезвякивало.» — Да гдѣ? «Тамъ въ лѣсу, въ провалѣ, что надъ самымъ крутояромъ, подлѣ дуба-то тройчатаго.» — Ну, пойдемъ! говоритъ баба ласковѣе; да смотри: коли сбрехалъ, задамъ вытаску! Какъ-же ты слышалъ? разскажи-ка мнѣ. «Вотъ видишь, захотѣлось мнѣ швырнуть камень въ еванто ямище; швырнулъ, а цѣлковики да, кажись, лобанчики [1]) такъ и зазвякали. Я въ другой разъ, анъ еще дюжѣй! Я и въ третій — право слово, звякаютъ!» Пришли къ ямищу: черно, глубоко! «Ну, жена! вотъ булыга [2]) — брось сама, коли мнѣ вѣры не даешь.» Баба взяла камень, да наклонясь бросила, а Антипъ тѣмъ часомъ потрафилъ ей въ шею: баба кувыркъ, полетѣла въ ямище и не пикнула! [3]) Только при-

---

[1]) Червонцы. [2]) Булыжникъ.

[3]) *Варіантъ*: Сокрушила баба мужика; не знаетъ, что съ ней дѣлать! какъ поступать? Случилось зимою, на самое таки Крещенье — былъ морозъ градусовъ въ тридцать, подаетъ ему баба корзину и говоритъ: «слушай, негодай, что ты все на печкѣ сидишь? а того не знаешь, что скоро жрать нечего. Что сама достану, то и есть! Ступай сейчасъ въ лѣсъ, да набери грибовъ!» Вотъ какова была ехидная! Бѣдной мужикъ всталъ, одѣлся, взялъ корзину и ушелъ съ глазъ долой. Идетъ да думаетъ: «куда теперь за грибами идти? на дворѣ морозъ трещитъ, а у ней чтобъ грибы росли! Вить навязалась же эда-

Digitized by Google

шелъ Антипъ ко двору, дѣтишки—все дѣвчура мелкая—съ визгомъ его встрѣтили: «батя, каши! батя, хлѣба! батя, молока!» А тутъ самъ корову дой, самъ на рѣчку бѣги —пелёнки стирай, лошадей убирай, да ночь не спи—малолѣтокъ качай. «Ай, ай! вскричалъ Антипъ, почесываясь въ затылкѣ; съ бабой была бѣда, а безъ бабы десять бѣдъ, и работать некогда!» Обнищалъ Антипъ и вадумалъ думу новую: «дай пойду — жену вытащу!» Началъ собирать обрывки да веревки, отъ лаптей оборки, связалъ всѣ вмѣстѣ, наставилъ и надвилъ на концѣ клепецъ [1]) въ аршинъ присадилъ; пошелъ къ амишу, опустилъ веревку съ клепцомъ, да потряхиваетъ. И вотъ мудрёное дѣло — на веревкѣ что-то почежелѣло, а не съ бабу вѣсомъ; сталъ на-верхъ тащить, тащилъ-тащилъ, глядь — на концѣ чертёнокъ сидитъ, вершковъ шести, весь въ шерстѝ. Антипъ закричалъ: «прочь! знаю, ты малъ да шибко удалъ! Отцѣпись, проклятой, да ступай туда, гдѣ прежде былъ; на бѣлой свѣтъ я тебя не пущу; слышъ, какъ разъ перекрещу.» Взмолился

кая злая жена на шею! Пойду лучше къ куму.» Пришелъ къ куму, занялъ у него мѣдныхъ грошей да пятаковъ пригоршни двѣ и пустился въ лѣсъ—прямо къ провалищу, гдѣ чортъ проживалъ; давай сыпать деньгами: здѣсь грошъ, тамъ другой, а гдѣ и пятакъ. Воротился домой: «жена моя, государыня! на наше съ тобой счастье Богъ, вмѣсто грибовъ, послалъ кладъ большой: нашелъ я въ лѣсу, какъ разъ у провалища, много всякихъ денегъ; вотъ немножко съ собой захватилъ.» — Что-жъ ты, подлецъ, не всѣ забралъ? «Жена моя, государыня! озябъ крѣпко; погрѣюсь маленько, и опять пойду.» Баба напустилась ругать его: «озябъ !... небось, нѐ взялъ бы чортъ тебя — остался бы живъ! Пожалуй, теперь кто другой пойдетъ, да все и сграбастаетъ! Веди меня, негодяй, на то самое мѣсто; я и сама соберу.» Накинула шубенку и побѣжала въ лѣсъ; мужикъ едва за ней поспѣваетъ. Какъ увидала расбросанныя деньги—отъ радости себя позабыла, суетится около провалища да все въ подолъ собираетъ. Вотъ мужикъ сталъ позади бабы, приноровился потихоньку да какъ хватитъ ее колѣнкомъ подъ сидѣнье. Загулѣ баба, провалилася, на стараго чорта навалилася, ухватила его за бороду, и ну со злости таскать во всѣ стороны: только клочья летятъ!

[1]) Желѣзное орудіе, которымъ ловятъ зимою зайцевъ и лисицъ (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 83).

Digitized by Google

бѣсёнокъ: «Антипушка! я доброй чортъ, я тебѣ богатство дамъ: стану по чужимъ домамъ вселяться, а ты меня словомъ гони, да деньги греби. Только, слышъ, до двухъ разъ! выберу тебѣ богачей на заказъ. Какъ злая баба въ яминце упала, намъ просто житья не стало!... Вытащи, Антипушка! я свое обѣщанье сдержу, на корень твой дворъ посажу; будутъ у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за дѣтьми ходить, будешь съ господами хлѣбъ-соль водить.» Соблазнился Антипъ, вытащилъ бѣса наружу — на канатѣ вдругъ полегче стало, бѣсёнка словно вѣтромъ унесло.

Не прошло и недѣли, какъ слышитъ Антипъ, что у богача-подрядчика въ большихъ каменныхъ палатахъ поднялась громотня, стукотня, по ночамъ хохотъ, бѣготня; жильцамъ житья не стало! Идетъ Антипъ къ подрядчику, поклонился и говоритъ: «у васъ, батюшка, въ домѣ нечисто, поселился презлой бѣсёнокъ; ты ничѣмъ его не выживешь, развѣ мнѣ приказать изволишь.» — Гони, гони, Антипушка! говоритъ подрядчикъ; вѣ какъ поклонюсь. «Добро! отвѣчаетъ Антипъ, изъ поклона вить шубы не тачаютъ, а я мужикъ бѣдной, семьянистой; у меня семь дочерей — старшѣй лишь осьмой годокъ пошелъ, а баба-то сбѣжала, такъ за всѣмъ самъ присмотри! Дай мнѣ на каждую дочь по тысячѣ, я твой домъ обойду, свисну да слово скажу — и не будетъ чертей.» Подрядчикъ не сталъ спорить, досталъ мошну, отсчиталъ семь тысячъ и повелъ Антипа по своимъ упокоямъ. Антипъ что войдетъ въ упокой, свиснетъ и закричитъ: вонъ! Въ отвѣтъ ему изъ-за печки пищитъ: уйду! Обошелъ весь домъ — и вездѣ сдѣлалось и тихо и смирно; поздравилъ хозяина съ благодатью въ дому; ну, хозяинъ подноситъ ему и вина заморскаго, и травнику, и наливки, а на столъ закусокъ наставилъ: яйца въ крутую да щуку обливную, разныя колбасы и всякіе припасы. Подгулялъ Антипъ, на цѣлую недѣлю наѣлся — ажъ подпояску долой! Простился съ

Digitized by Google

подрядчикомъ и поплёлся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные. и всякаго добра много. Молва объ Антипѣ далеко бѣжитъ, что Антипъ—мастакъ ворожить, и хоть не бабка онъ, а большой чертогонъ! Вотъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, шлётъ изъ города откупщикъ гонца за Антипомъ. «Помоги, Антипушка! у насъ несчастье», сказываетъ гонецъ.—Что, ай домъ горитъ? «Нѣтъ, хоть не горитъ, а пуще того: нечистая сила откупомъ вертитъ; въ дому и шумъ и гамъ, паутина да грязь по чанамъ. Откупщикъ за плату не постоитъ, только возьмись, братъ, отъ бѣса полѣчить.» —Хорошо! промолвилъ Антипъ, заложилъ въ бѣговые дрожки рысака и поѣхалъ къ откупщику на дворъ. Откупщикъ беретъ его за руку, съ честью въ домъ ведетъ, впередъ ему ходъ отдаетъ, что слово — почтеннымъ величаетъ, на мягки диваны сажаетъ. «Родимой, помоги!» А Антипъ бородку гладитъ, на десять тысячъ ладитъ; деньги въ карманъ кладетъ, и свиснувъ по палатамъ идетъ: прогналъ бѣса, вездѣ и тихо и смирно! «Спасибо, сказалъ откупщикъ; за твою послугу прикажу тебѣ бочку вина отвезти въ домъ.» Поѣхалъ Антипъ отъ него мимо гостинныхъ рядовъ; на черепенники и калачи ужь и не глядитъ; «подавай сластей!» говоритъ. Пріѣзжаетъ домой, глядь—на порогѣ прикащикъ стоитъ: «эй, Антипъ! собирайся скорѣй на боярской дворъ.» — Зачѣмъ? «Да вишь чортъ поселился, бѣдами качаетъ, боярыня слезно рыдаетъ, дѣти рёвмя ревутъ...»—Родимой Иванычъ! помилуй, я въ третій разъ не смогу чорта прогнать. «Поди-ка изволь съ бариномъ толковать! Коли, говоритъ, къ ночи не выгонитъ бѣса вонъ, такъ я его!...»—Нечего дѣлать, отвѣчаетъ Антипъ, сейчасъ прибѣгу; дай только лошадь отпрягу. Антипъ былъ мужикъ изъ десятка непростаго, навострился людей надувать, захотѣлъ обмануть и духа злаго. Отпрёгъ рысака. долой новую одёжу, сыскалъ старую и ту въ клочки изорвалъ, волосы овиномъ

Digitized by Google

встрепалъ, переодѣлся въ старьё, сапоги на осметки [1]) смѣнилъ, да изцарапалъ въ кровь лицо, и побѣжалъ въ село на боярской дворъ. «Ты зачѣмъ? говоритъ бѣсёнокъ, развѣ забылъ уговоръ?»—Знаю! отвѣчаетъ Антипъ; я гнать тебя не хочу, самъ у боярина защиты ищу; вить моя баба изъ ямы выдралась, слѣдомъ за мною бѣжитъ, хочетъ со свѣту изжить! «Какъ? закричалъ бѣсёнокъ; изъ ямы выдралась! за тобою бѣжитъ! нѣтъ, лучше я къ братьямъ въ ямище уйду; теперь, чай, безъ бабы пирушки въ аду!»[2]) Убѣжалъ бѣсёнокъ въ ямище — и стихло въ боярскихъ хоромахъ. Тутъ бояринъ Антипку на милость принялъ, отъ барщины ему совсѣмъ отказалъ. Воротился Антипка домой, глядь — на дворѣ бочка съ виномъ стоитъ; не обманулъ откупщикъ! Созвалъ онъ сосѣдей и давай угощаться; на другой день надо опохмѣлиться, опохмѣлился да не въ мѣру — опять пьянъ напился... Съ той самой поры началъ онъ и по днямъ, и по ночамъ къ бочкѣ прикладываться: все ему жена грезится! заснётъ — а она на грудь колѣномъ станетъ, да за горло давитъ; проснется — а она въ углу стоитъ да кулакомъ грозитъ. Страшно и жутко! по неволѣ за чарку возьмешься. Умеръ Антипъ отъ запою; отнесли его на погостъ [3]), дѣвчонокъ на барщину взяли, а добро и казну по рукамъ растащили.

(Записана въ тульской губерніи г. Мясоѣдовымъ.)

---

[1]) Изношенные лапти (Опытъ обл. словаря, стр. 144).

[2]) Въ другомъ спискѣ мужикъ приходитъ въ боярскіе хоромы, а слѣдомъ за нимъ прибѣгаетъ собака и ну царапаться въ двери. «Кто тамъ за тобою пришелъ?» спрашиваетъ бѣсёнокъ. — Развѣ не слышишь? жена въ двери скребется, сейчасъ за тебя, братъ, возьмется!

[3]) Кладбище.

Digitized by Google

15.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА [1]).

Женился мужикъ вдовой съ дочкою на вдовѣ — тоже съ дочкою, и было у нихъ двѣ сводныя дочери. Мачиха была ненавистная; отдыху не даетъ старику: «вези свою дочь въ лѣсъ, въ землянку! она тамъ больше напрядетъ.» Что дѣлать! послушалъ мужикъ бабу, свёзъ дочку въ землянку и далъ ей огнивко, кремешикъ, трýду да мѣшочекъ крупъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ огоньку; огонёкъ не переводи, кашку вари, а сама сиди да пряди, да избушку-то припри.» Пришла ночь. Дѣвка затопила печурку, заварила кашу; откуда ни возьмись мышка— и говоритъ: «дѣвица, дѣвица! дай мнѣ ложечку кашки.» —Охъ, моя мышинька! разбай [2]) мою скуку; я тебѣ дамъ не одну ложку каши, а и досыта накормлю. Наѣлась мышка и ушла. Ночью вломился медвѣдь: «ну-ка дѣушка! говоритъ, туши огни, давай въ жмурку играть.» Мышка взбѣжала на плечо дѣвицы и шепчетъ на ушко: «не бойся, дѣвица! скажи: давай! а сама туши огонь да подъ печь полѣзай, а я стану бѣгать и въ колокольчикъ звенѣть.» Такъ и сталось. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаетъ; сталъ ревѣть да полѣньями бросать; бросалъ-бросалъ, да не попалъ, усталъ и молвилъ: «мастерица ты, дѣушка, въ жмурку играть! за то пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра. На утро жена говоритъ: «поѣзжай, старикъ, провѣдай-ка дочь—что напряла она въ ночь?» Уѣхалъ старикъ, а баба сидитъ да ждётъ: какъ-то онъ дочернія косточки привезётъ! Вотъ собачка: «тяфъ-тяфъ-тяфъ! съ старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ добра везетъ.»

---

[1]) См. выпускъ IV, № 41 и 42. [2]) Разговори.

Digitized by Google

—Врешь, шафурка! это въ кузовѣ кости гремятъ да пограмыхиваютъ. Вотъ вороты заскрипѣли, кони на дворъ вбѣжали, а дочка съ отцомъ сидятъ на возу: полонъ возъ добра! У бабы отъ жадности ажъ глаза горятъ. «Экая важность! кричитъ; повези-ка мою дочь въ лѣсъ нà ночь; моя дочь два стада коней пригонитъ, два воза добра притащитъ.» Повёзъ мужикъ и бабину дочь въ землянку, и также снарядилъ ее и ѣжою [1]), и огнемъ. Объ-вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и проситъ кашки у Наташки. А Наташка кричитъ: «ишь, гада какая!» и швырнула въ нее ложкой. Мышка убѣжала; а Наташка уписываетъ одна кашу, съѣла, огни позадула и въ углу прикурнула [2]). Пришла полночь—вломился медвѣдь и говоритъ: «эй, гдѣ ты, дѣушка? давай-ка въ жмурку поиграемъ.» Дѣвица молчитъ, только со страху зубами стучитъ. «А ты вотъ гдѣ! нà колокольчикъ, бѣгай, а я буду ловить.» Взяла колокольчикъ, рука дрожитъ, колокольчикъ безперѣчь звенитъ, а мышка озывается: «злой дѣвицѣ живой не быть!» На утро шлётъ баба старика въ лѣсъ: «ступай! моя дочь два воза привезетъ, два табуна пригонитъ.» Мужикъ уѣхалъ, а баба за воротами ждётъ. Вотъ собачка: «тяфъ-тяфъ-тяфъ! хозяйкина дочь ѣдетъ—въ кузовѣ костьми гремитъ, а старикъ на пустомъ возу сидитъ.»—Врешь ты, шавчонка! моя дочь стадà гонитъ и возы́ везетъ. Глядь — старикъ у воротъ, женѣ кузовъ подаетъ; баба кузовокъ открыла, глянула на косточки и завыла, да такъ разозлилась, что̀ съ горя и злости на другой-же день умерла; а старикъ съ дочкою хорошо свой вѣкъ доживалъ и знатнаго зятя къ себѣ въ домъ прималъ.

(Записана въ тульской губерніи г. Мясоѣдовымъ.)

---

[1]) Ѣдою. [2]) Прилегла, соснула.

Digitized by Google

16.

МОРОКА [1]).

а. Жилъ-былъ старикъ да старуха. Пришелъ бурлакъ и просится ночевать. Старикъ пустилъ: «пожалуй, ночуй, только съ такимъ уговоромъ, чтобы всю ночь сказки сказывалъ.» —Изволь, буду сказывать. Ну, вотъ хорошо; полѣзъ старикъ съ бурлакомъ на полати, а старуха сидитъ на печи — лёнъ прядетъ. Бурлакъ и думаетъ про себя: «дай-ко, развѣ подшутить надъ нимъ!» и оборотилъ себя волкомъ, а старика медвѣдемъ. «Побѣжимъ, говоритъ, отсюда» и побѣжали въ чистое поле [2]). Увидалъ волкъ старикову кобылу и говоритъ: «давай, съѣдимъ кобылу!»—Нѣтъ, вѣдь это моя кобыла! «Ну, да вѣдь голодъ не тётка!» Съѣли они кобылу и опять побѣжали; увидали старуху, старикову-то жену, — волкъ опять и говоритъ: «давай съѣдимъ старуху!»—Ой, да вѣдь это моя старуха, отвѣчаетъ медвѣдь. «Какая твоя!» Съѣли и старуху. Такъ-то

---

[1]) См. выпускъ VI, № 21.

[2]) *Варіантъ:* Пришелъ къ старику солдатъ: «пусти ночевать!» — Иди, служба! только чуръ всю ночь разсказывать; вѣдь ты человѣкъ бывалой, много видѣлъ, много знаешь! «А что тебѣ сказывать: быль, али нѣбыль?» —Сказывай бывальщину. Солдатъ разсказалъ про свое житье-бытье, гдѣ бывалъ и что видѣлъ; говорить-то больше нечего, а хозяинъ все не спитъ. Постой, думаетъ, отведу ему глаза! «Хозяинъ, а хозяинъ! знаешь ли—кто съ тобою на полатяхъ лежитъ?» — Кто! вѣстимо — солдатъ. «Нѣтъ, братъ, не узналъ; пощупай-ка рукою.» Старикъ ухватилъ его рукою — какъ есть медвѣдь лежитъ! и крѣпко онъ испугался. «Да ты меня не бойся; посмотри на себя: вѣдь и ты, братъ, такой-же медвѣдь, какъ я!» Старикъ ощупалъ себя—кругомъ обросъ шерстью! Вотъ и лежатъ они медвѣдями. «Слушай, хозяинъ! говоритъ солдатъ; намъ теперь лежать на полатяхъ не приходится: чего добраго, какъ увидитъ насъ народъ да признаетъ за настоящихъ звѣрей—тогда не миновать смерти! Лучше до поры-до времени убраться съ Богомъ. Пойдемъ въ лѣсъ!» И побѣжали они въ дремучій лѣсъ....

Digitized by Google

медвѣдь съ волкомъ лѣто цѣлое пробѣгали; настаетъ зима. «Давай, говоритъ волкъ, засядемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я напередъ сяду. Коли найдутъ насъ охотники, дакъ меня перваго застрѣлятъ; а ты смотри, какъ меня убьютъ, начнутъ кожу сдирать,—ты выбѣги, да черезъ кожу-то перемѣтнись, и обернешься опять человѣкомъ.» Вотъ лежатъ они въ берлогѣ; набрели на нихъ охотники, сейчасъ застрѣлили волка и начали снимать съ него кожу. Въ то самое время медвѣдь какъ выскочитъ, да кувыркъ черезъ волчью шкуру—и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головою. «Ой, ой! заревѣлъ онъ, всю спину отбилъ!» Старуха кричитъ: «что ты, чорна немочь! почто палъ? кажись, пьянъ не былъ.» —Да вотъ почто, и началъ разсказывать: ты вѣдь ничего не знаешь, а мы съ бурлакомъ звѣрьёмъ были: онъ — волкомъ, я—медвѣдемъ; цѣлое лѣто да зиму пробѣгали, и кобылу нашу съѣли, и тебя, старую, съѣли! Старуха принялась хохотать, просто удержу нѣту: «ай да бурлакъ! славно подшутилъ!» [1])

b. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ матросъ; служилъ царю вѣрно, велъ себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился онъ разъ съ корабля походить по городу, надѣлъ свой парусинникъ и пошелъ въ трактиръ; сѣлъ за столъ и потребовалъ себѣ и вина и закусокъ: ѣстъ, пьетъ, прохлаждается! ужь рублей на десять забралъ, а все не унимается: то того, то другаго спрашиваетъ. «Послушай, служба! говоритъ ему половой; забираешь ты много, а есть ли у тебя чѣмъ расчитаться?»—Эхъ, братецъ! о деньгахъ что-ли сумнѣваешься? да у меня денегъ куры не клюютъ. Тотчасъ вынулъ изъ кармана золотой, бро-

---

[1]) *Варіантъ:* «Охъ, Господи!» застоналъ старикъ. —Что съ тобой? али черти съ полатей сбросили! говоритъ солдатъ. «А ты, служивой, развѣ на полатяхъ лежишь?» — А гдѣ-жъ? Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что меня охотники убили!

Digitized by Google

силъ на столъ и говоритъ: «на, получай!» Половой взялъ золотой, высчиталъ все, какъ слѣдуетъ, и приноситъ сдачу; а матросъ ему: «что тамъ за сдача, братецъ! возьми себѣ на водку.» На другой день опять отпросился матросъ, зашелъ въ тотъ-же трактиръ, и прогулялъ еще золотой; на третій день тоже, и сталъ онъ ходить туда почитай кажной день и все платитъ золотыми, а сдачи не беретъ, даритъ половому на водку. Сталъ замѣчать за нимъ самъ трактирщикъ, и пришло ему въ сумнѣніе: «что бы это значило? матросишка — такъ себѣ, а поди какъ соритъ деньгами! Полную шкатулку золота натаскалъ!... Жалованье мнѣ ихнее извѣстно, небось — не раскутишься! Вѣрно, онъ гдѣ ни-на-есть казну обобралъ; надо начальству про то донести; не ровенъ часъ — еще въ такую бѣду попадешь, что послѣ и не раздѣлаешься, а пожалуй и въ Сибирь угодишь.» Вотъ и доложилъ трактирщикъ офицеру, а тотъ довелъ до самого генерала. Генералъ потребовалъ къ себѣ матроса: «признавайся, говоритъ, по совѣсти — отколь золото бралъ?» — Да этого золота во всякой помойной ямѣ много! «Что ты врешь?»—Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! не я вру, а трактирщикъ; пусть покажетъ онъ то золото, что отъ меня получилъ. — Сейчасъ принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшекъ. «Какъ-же, братецъ! ты платилъ золотомъ, а очутились костяшки? Покажи, какъ ты сдѣлалъ это?» [1]) — Ахъ, ваше превосходительство! вить намъ смерть приходитъ... Глядятъ, а въ окна и въ двери такъ

[1]) Въ другомъ спискѣ вмѣсто матроса выведенъ солдатъ. Трактирщикъ доноситъ на него фельдфебелю, фельдфебель ротному командиру, ротной полковнику, полковникъ генералу, и дошло дѣло до самого государя. Призвалъ онъ солдата, сталъ допрашивать; передъ царемъ не солжешь—признался ему солдатъ, что умѣетъ морочить, туманъ въ глаза напускать. «А ну, служивой! говоритъ царь, сыграй-ка ты съ нами свою игрушку.» Солдатъ глянулъ въ окно и закричалъ: «Не до игрушки, ваше величество! того и смотри, что совсѣмъ потонемъ...»

Digitized by Google

вода и хлынула; все выше да выше, ужь подъ горло подступаетъ. «Господи! что-же теперь дѣлать? куда дѣваться?» спрашиваетъ съ испугу генералъ. А матросъ въ отвѣтъ: «коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, такъ полѣзайте за мною въ трубу.» Вотъ и полѣзли, взобрались на крышу, стоятъ и смотрятъ во всѣ стороны: цѣлой городъ затопило! такое наводненіе, что въ низкихъ мѣстахъ совсѣмъ домовъ не видать; а вода прибываетъ да прибываетъ. «Ну, братецъ! говоритъ генералъ, вѣрно и намъ съ тобой не уцѣлѣть!» — Не знаю; что будетъ —то будетъ! «Смерть моя приходитъ!» думаетъ генералъ, стоитъ самъ не свой да Богу молится. Вдругъ откуда нѣ взялся—плыветъ мимо яликъ, задѣпился за крышу и остановился на томъ мѣстѣ. «Ваше превосходительство, говоритъ матросъ, садитесь скорѣе въ яликъ, да поплывемъ; можетъ и уцѣлѣемъ, авось вода сбудетъ.» Сѣли оба въ яликъ, и понесло ихъ вѣтромъ по водѣ; день плывутъ, и другой плывутъ, а на третій стала вода сбывать и такъ скоро — куда только она дѣлась? Кругомъ сухо стало; вышли они изъ яликa, спросили у добрыхъ людей: какъ слыветъ та сторона и далеко-ль занесло ихъ? А занесло-то ихъ за тридевять земель, въ тридесятое царство; народъ все чужой, незнаемой. Какъ тутъ быть, какъ попасть въ свою землю? денегъ при себѣ ни гроша не имѣютъ, подняться не на что. Матросъ говоритъ: «надо наняться въ работники да зашибить деньжонокъ; безъ того и думать нечего—домой не воротишься.» — Хорошо тебѣ, братецъ! ты давно къ работѣ привыченъ; а мнѣ каково? самъ знаешь, что я генералъ, работать не умѣю. «Ничего, я такую работу найду, что и умѣнья не надо.» Побрели въ деревню и стали въ пастухи наниматься; общество согласилось и порядило ихъ на цѣлое лѣто: матросъ пошелъ за старшаго пастуха, а генералъ за подпаска. Такъ таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; послѣ того собрали съ му-

Digitized by Google

жиковъ деньги и стали дѣлиться [1]). Матросъ раздѣлилъ деньги поровну: сколько себѣ, столько и генералу. Вотъ генералъ видитъ, что матросъ ровняетъ его съ собою, сталъ на это обижаться и говоритъ: «что-жъ ты меня съ собой ровняешь? вѣдь я—генералъ, а ты—все-таки простой матросъ!» —Какъ-бы не такъ! мнѣ бы раздѣлить на трое: двѣ части себѣ взять, а съ васъ и одной довольно: вѣдь я настоящимъ пастухомъ былъ, а вы—подпаскомъ. Генералъ осерчалъ и принялся всячески ругать матроса; а матросъ крѣпился-крѣпился, размахнулъ рукой, какъ толкнетъ его въ бокъ: «очнитесь, ваше превосходительство!» Генералъ очнулся: смотритъ—все по старому; какъ былъ въ своей комнатѣ, такъ и не выходилъ изъ ней! Не захотѣлъ онъ больше судить матроса, отпустилъ его отъ себя; такъ трактирщикъ не при чемъ и остался.

17.

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА. [2])

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ былъ сынъ Иванушка и была дочь Алёнушка. Разъ Алёнушка и просится: «ма-

---

[1]) *Варіантъ:* Все лѣто царь да солдатъ пасли деревенскую скотину, а настала осень—мужики заплатили имъ, что слѣдовало, деньгами, да по уговору исправили имъ новые сапоги и полушубки. Снарядились они и пошли домой; мѣсяца три до своей земли тащились; приходятъ въ стольной городъ и идутъ рынкомъ. Солдатъ купилъ пару телячьихъ лопатокъ; одну далъ царю, другую самъ несетъ. Вдругъ прибѣжала стража: «стойте, что у васъ въ рукахъ?» Поглядѣли, а въ рукахъ-то, вмѣсто телячьихъ лопатокъ, очутились человѣчьи ноги. Вотъ бѣда! хотятъ кандалы надѣвать да въ тюрму тащить. Царь испугался; пожалѣлъ его солдатъ, какъ крикнетъ во все солдатское горло — и въ ту-жъ минуту очнулся царь. Видитъ онъ, что по-прежнему стоитъ во дворцовой палатѣ у окошка, что при немъ тѣже самые люди, и всего-то прошло съ полчаса времени; а ему почудилось, будто цѣлое лѣто скотину пасъ. «Ну, молодецъ — ты, солдатъ!» сказалъ царь и велѣлъ отпустить его въ чистую (т. е. отставку), а трактирщику заплатилъ за него деньги изъ своей государской казны. [2]) См. вып. VI, № 25.

Digitized by Google

тушка, матушка! я пойду въ лѣсъ за ягодами, ужь всѣ подружки пошли.»—Ступай, да возьми съ собой брата. «Зачѣмъ? онъ такой лѣнивой, все ровно ничего не соберетъ!»—Ничего, возьми! а кто изъ васъ больше ягодъ соберетъ, тому подарю красные чоботы. [1]) Вотъ пошли братъ съ сестрой за ягодами; пришли въ лѣсъ. Иванушка все рветъ да рветъ, да въ кувшинчикъ кладетъ, а Алёнушка все ѣстъ да ѣстъ, все ѣстъ да ѣстъ; только двѣ ягодки и положила въ коробку. Глядитъ: у ней пусто, а Иванушка ужь полный кувшинъ набралъ. Завистно стало Алёнушкѣ: «давай, говоритъ, братецъ! я поищу у тебя въ головкѣ.» Онъ лёгъ къ ней на колѣни и заснулъ; Алёнушка тотчасъ вынула острой ножъ и зарѣзала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшинъ съ ягодами себѣ взяла. Приходитъ домой и отдаетъ ягоды матери. «Гдѣ же твой братецъ Иванушка?» спрашиваетъ попадья.—Должно быть въ лѣсу отсталъ да заблудился; я его звала-звала, искала-искала—нѣтъ нигдѣ! Отецъ съ матерью долго-долго ждали Иванушку, такъ и не дождались. А на могилѣ Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадомъ, увидали и говорятъ: «какая славная тростинка выросла!» Одинъ овчаръ срѣзалъ ее и сдѣлалъ себѣ жилейку. [2]) «Дай-ка, говоритъ, попробую!» Поднёсъ къ губамъ, жилейка и заиграла:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты моґо серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница [3])
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ахъ, какая чудесная дудка! говоритъ овчаръ; какъ чисто выговариваетъ; ну, эта жилейка дорогаго стоитъ!»—А дай-ка

[1]) Сапоги. [2]) Дудку, свирѣль.

[3]) Зрада—измѣна (см. Малорос. словарь Чужбинскаго, стр. 173). Иногда вмѣсто овчаровъ говорится о купцахъ, которые ѣхали мимо съ обозомъ и сдѣлали дудку; дудка играетъ: «По малу, малу, москалику, грай!» и проч.

Digitized by Google

я попробую! говоритъ другой; взялъ жилейку, приложилъ къ губамъ—и у него тоже самое заиграла; попыталъ третій—и у третьяго тоже! Пришли овчары въ деревню, остановились возлѣ поповой хаты: «батюшка! пусти насъ переночевать.» —У меня тѣсно, отвѣчаетъ попъ. «Пусти, мы тебѣ диковинку покажемъ.» Попъ пустилъ ихъ и спрашиваетъ: «не видали-ль гдѣ мальчика, зовутъ Иванушкою? пошелъ за ягодами, да и слѣдъ пропалъ.» — Нѣтъ, не видали; а вотъ мы срѣзали по дорогѣ тростинку, и какая чудесная жилейка изъ нея вышла! сама играетъ! Вынулъ овчаръ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты могò серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница
За красны ягодки, за чорвонни чоботки!

«А ну-ка, дай я поиграю», говоритъ попъ; взялъ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, батеньку, грай!
Не врази ты могò серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ахъ, ужь это не мой ли Иванушка сгубленъ?» сказалъ попъ и позвалъ жену: «ну-ка, поиграй ты.» Попадья взяла жилейку и заиграла:

По малу, малу, матусенько, грай!
Не врази ты могò серденька вкрай!
Мини сестрица—зрадница
За красны ягодки, за чорвонни чоботки!

«А гдѣ дочка?» спрашиваетъ попъ; а Алёнушка ужь спряталась, въ темномъ углу притаилась. Нашли ее. «Ну-ка заиграй!» говоритъ отецъ.—Я не умѣю. «Ничего, играй!» Она было отнѣкиваться, да отецъ пригрозилъ и заставилъ взять жилейку. Только что Алёнушка приложила ее къ губамъ, а жилейка сама выговариваетъ:

Digitized by Google

По малу, малу, сестрице, грай!
Не врази ты мого серденька вкрай!
Ты-жъ мини зрадила
За красны ягодки, за чорвонни чоботки!

Тутъ Алёнушка во всемъ призналась; отецъ разгнѣвался и прогналъ ее изъ дому.

(Записана издателемъ въ бобровскомъ уѣздѣ воронежской губернiи.)

18.

СИВКА-БУРКА, ВѢЩАЯ КАУРКА [1]).

Жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое умныхъ, третiй дуракъ. Старикъ со старухой померли. Передъ смертью отецъ говорилъ: «дѣти мои любезные! ходите три ночи на мою могилу сидѣть.» Они кинули между собой жеребей; досталось дураку идти. Дуракъ пошелъ на могилу сидѣть; въ полночь выходитъ отецъ его и спрашиваетъ: «кто сидитъ?» —Я, батюшка,—дуракъ. «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой братъ проситъ дурака: «поди, дуракъ, посиди за меня ночку; что хочешь—возьми.»—Да, поди! таиъ мертвецы прыгаютъ... «Поди; красные сапоги тебѣ куплю.» Дуракъ не могъ отговориться, пошелъ другую ночку сидѣть. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его отецъ и спрашиваетъ: «кто сидитъ?»—Я, батюшка,—дуракъ. «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На третью ночь надо среднему брату идти, то онъ проситъ дурака: «сдѣлай милость, поди-посиди за меня; что хочешь—возьми!» —Да, поди! первая ночь страшна была, а другая еще страшнѣе: мертвецы кричатъ, дерутся, а меня лихорадка трясетъ! «Поди;

[1]) См. вып. II, № 25 и 28; вып. VI, № 26.

Digitized by Google

красную шапку тебѣ куплю.» Нечего дѣлать, пошелъ дуракъ и на третью ночь. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его батюшка и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» —Я—дуракъ. «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою! вотъ тебѣ отъ меня великое благословеніе.» И даетъ ему три конскихъ волоса. Дуракъ вышелъ въ заповѣдные луга, прижогъ-припалилъ три волоса и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился и сдѣлался такой молодецъ — не выдумать, не взгадать, ни перомъ написать [1]). Поутру царь кличь кличетъ: «кто въ третьемъ этажѣ мою дочь Милолику-царевну—съ разлёту на конѣ—поцѣлуетъ, за того отдамъ ее замужъ.» Старшіе братья сбираются смотрѣть; зовутъ съ собой дурака: «пойдемъ, дуракъ, съ нами!»—Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ да набью галокъ—и то собакамъ корму!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ три конскіе волоса и закричалъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся; въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, сдѣлался такой молодецъ, что не вздумать, не взга-

[1]) Въ другомъ спискѣ отецъ даетъ дураку въ первую ночь сивку-бурку, во вторую—свинку-золотую щетинку, а въ третью коня златогриваго; съ помощію сивки-бурки дуракъ женится на царевнѣ, а потомъ ему легко уже было исполнить царскія задачи, т. е. достать свинку-золотую щетинку и златогриваго коня.

Digitized by Google

дать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ и понесся; его конь бѣжитъ, земля дрожитъ, горы, долы хвостомъ застилаетъ, пни, колоды промежъ ногъ пускаетъ. Черезъ одинъ этажъ перескакалъ, черезъ два—нѣтъ, и уѣхалъ назадъ. Братья приходятъ домой, дуракъ на полатяхъ лежитъ; говорятъ ему: «ахъ, дуракъ! что ты не пошелъ съ нами? Какой тамъ молодецъ пріѣзжалъ—не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать! «Не я ли дуракъ?»—Да гдѣ тебѣ такого коня достать! утри прежде подъ носомъ-та! На другое утро старшіе братья сбираются къ царю смотрѣть, зовутъ съ собой дурака: «пойдемъ, дуракъ, съ нами; вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, нынче еще лучше пріѣдетъ!» —Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ, набью галокъ и принесу—и то собакамъ кормъ! Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, сдѣлался такой молодецъ —не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ два этажа перескакалъ, черезъ третій—нѣтъ; воротился назадъ, пустилъ своего коня въ зеленые, заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, лѣгъ на печи. Братья приходятъ: «ахъ, дуракъ, что ты не пошелъ съ нами? вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, а нынче еще лучше; и гдѣ эта красота родилась?»—Да не я ли дуракъ былъ? — «Эхъ, дуракъ дурацкое и говоритъ! гдѣ тебѣ эдакой красоты достать, гдѣ тебѣ эдакого коня взять? Знай на печи лежи....»—Ну, не я; такъ авось завтра узнаете. На третье утро сбираются умные братья къ царю смотрѣть: «пойдемъ, дуракъ, съ нами; нынче онъ ее поцѣ-

Digitized by Google

луетъ.»—Нѣтъ, не хочу; я въ поле пойду, кузовъ возьму; набью галокъ, домой принесу—и то собакамъ кормъ! Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы и закричалъ громкимъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся; въ правое ушко влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ—не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ всѣ три этажа перескакалъ, царскую дочь въ уста поцѣловалъ, а она его золотымъ перстнемъ ударила въ лобъ. Воротился дуракъ назадъ, пустилъ своего добраго коня въ заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, завязалъ голову платкомъ, лёгъ на полати. Братья приходятъ: «ахъ, дуракъ! тѣ два раза молодцы пріѣзжали, а нынче еще лучше; и гдѣ эдакая красота родилась?»—Да не я ли дуракъ былъ? «Ну, дуракъ дурацкое и орётъ! гдѣ тебѣ эдакой красоты достать?» Дуракъ развязалъ платокъ, всю избу освѣтилъ. Спрашиваютъ его братья: «гдѣ ты эдакой красоты доставалъ?»—Гдѣ бы ни было, да досталъ! а вы все не вѣрили; вотъ вамъ и дуракъ! На другой день царь дѣлаетъ пиръ на весь православный міръ, приказалъ сзывать во дворецъ и бояръ и князей и простыхъ людей, и богатыхъ и нищихъ, и старыхъ и малыхъ; царевна де станетъ выбирать своего нарѣченнаго жениха. Умные братья сбираются къ царю на обѣдъ; дуракъ завязалъ голову тряпицею и говоритъ имъ: «теперь хоть не зовите меня, я и самъ пойду.» Пришелъ дуракъ въ царскіе чертоги и забился за печку. Вотъ царевна обноситъ всѣхъ виномъ, жениха выбираетъ, а царь за ней слѣдомъ ходитъ. Всѣхъ обнесла, глянула за печку и увидала дурака: у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да соп-

Digitized by Google

ли текутъ. Вывела его Милолика-царевна, утерла платкомъ, поцѣловала, и говоритъ: «государь батюшка! вотъ мой суженой.» Видитъ царь, что женихъ нашелся; хоть дуракъ, а дѣлать нечего—царское слово законъ! и сейчасъ-же приказалъ обвѣнчать ихъ. У царя извѣстное дѣло—ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дуракъ сталъ третій. Одинъ разъ призываетъ онъ своихъ умныхъ зятьевъ и говоритъ таково слово: «зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую я вамъ велю: есть въ степи уточка-золотыя пёрушки; нельзя ли ее достать мнѣ?» Велѣлъ осѣдлать имъ добрыхъ коней и ѣхать за уточкою. Дуракъ услыхалъ и сталъ просить: «а мнѣ, батюшка, дай хоть водовозницу.» Далъ ему царь шолудивую лошадёнку; онъ сѣлъ на нее верхомъ, къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ хвостъ въ зубы, погоняетъ ладонями по бедрамъ: «но, но, собачье мясо!» Выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ съ нее шкуру и закричалъ: «эй! слетайтесь, галки, карги [1]) и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ.» Налетѣли галки, карги и сороки и съѣли все мясо; а дуракъ зоветъ сивку-бурку: «стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; дуракъ влѣзъ въ лѣвое ушко—напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. Добылъ утку-золотыя пёрушки, раскинулъ шатёръ, самъ въ шатрѣ сидитъ, а возлѣ уточка ходитъ. Наѣхали на него умные зятья, спрашиваютъ: «кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ—будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ—будь намъ дядюшка!» Отвѣчаетъ дуракъ: «въ вашу пору—братецъ вамъ.» — А что, братецъ, продаешь

[1]) Ворóны (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 80).

Digitized by Google

уточку-золотыя пёрушки? «Нѣтъ, она не продажная, а завѣтная.»—А сколько завѣту? «Съ правой руки по мезинцу.» Отрѣзали по мезинцу съ правой руки и отдали дураку; онъ въ карманъ положилъ. Пріѣхали зятья домой, полегли спать; царь съ царицею ходятъ да слушаютъ, что зятья говорятъ. Одинъ говоритъ женѣ: «тише, руку мнѣ развередила!» Другой говоритъ: «охъ больно! рука болитъ.» Поутру царь призываетъ къ себѣ умныхъ зятьевъ: «зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами; достаньте мнѣ ее.» [1]) Приказалъ осѣдлать имъ добрыхъ коней; а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Дуракъ выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вамъ царь корму прислалъ.» Слетѣлись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дуракъ вызвалъ сивку-бурку, вѣщую каурку, добылъ свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами, и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, свинка около ходитъ. Наѣхали умные зятья: «кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ—будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ—будь намъ дядюшка.»—Въ вашу пору—братецъ вамъ. «Это твоя свинка-золотая щетинка?»—Моя. «Продай намъ ее; что возьмешь?»—Не продажная, а завѣтная. «Сколько завѣту?»—Съ ноги по пальцу. Отрѣзали съ ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами. На утро призываетъ царь своихъ умныхъ зятьевъ, приказываетъ имъ: «зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи кобыла золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами; нельзя ли достать ее?»

---

[1]) Въ другихъ варіантахъ царь приказываетъ, вмѣсто свинки, добыть корову или козу-золотые рога.

Digitized by Google

—Можно, батюшка! Приказалъ царь осѣдлать имъ добрыхъ коней, а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Сѣлъ онъ къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ въ зубы хвостъ, ладонями погоняетъ; умные зятья надъ нимъ смѣются. Выѣхалъ дуракъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ.» Слетѣлись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тутъ закричалъ дуракъ громкимъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. «Надо, говоритъ, добыть кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами.» Отвѣчаетъ ему сивка-бурка, вѣщая каурка: «прежнія задачи были ребячьи, а это дѣло трудное! возьми съ собой три прута мѣдныхъ, три прута желѣзныхъ и три оловянныхъ; станетъ за мною кобылица по горамъ, по доламъ гоняться, пріустанетъ и упадетъ наземь; въ то время не плошай, садись на нее и бей промежъ ушей всѣми девятью прутьями, пока на мелкія части изломаются; развѣ тогда покоришь ты кобылицу златогривую.» Сказано-сдѣлано; добылъ дуракъ кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, кобылица къ столбу привязана. Наѣхали умные зятья, спрашиваютъ: «кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка.» — Въ вашу пору молодецъ — братецъ вамъ. «Что, братецъ, твоя кобыла къ столбу привязана?» — Моя. «Продай намъ.» — Не продажная, а завѣтная. «А сколько завѣту?» — Изъ спины по ремню. Вотъ умные зятья жались-жались и согласились; дуракъ вырѣзалъ у нихъ

Digitized by Google

по ремню изъ спины и положилъ въ карманъ, а имъ отдалъ кобылицу съ двѣнадцатью жеребятами. На другой день сбираетъ царь пиръ пировать; всѣ сошлись. Дуракъ вынулъ изъ кармана отрѣзанные пальцы и ремни, и говоритъ: «вотъ это—уточка-золотыя пёрушки, вотъ это—свинка-золотая щетинка, а вотъ это—кобылица золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами!»—Что ты бредишь, дуракъ? спрашиваетъ его царь, а онъ въ отвѣтъ: «государь батюшка, прикажи-ка умнымъ зятьямъ перчатки съ рукъ снять.» Сняли они перчатки: на правыхъ рукахъ мезинцовъ нѣтъ. «Это я съ нихъ по пальцу взялъ за уточку-золотыя пёрушки», говоритъ дуракъ; приложилъ отрѣзанные пальцы на старыя мѣста—они вдругъ приросли и зажили. «Сними, батюшка, съ умныхъ зятьевъ сапоги.» Сняли съ нихъ сапоги—и на ногахъ не хватаетъ по пальцу. «Это я съ нихъ взялъ за свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами.» Приложилъ къ ногамъ отрѣзанные пальцы — въ мигъ приросли и зажили. «Батюшка, сними съ нихъ сорочки.» Сняли сорочки, у обоихъ зятьевъ изъ спины по ремню вырѣзано. «Это я съ нихъ взялъ за кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами.» Приложилъ тѣ ремни на старыя мѣста — они приросли къ спинамъ и зажили. «Теперь, говоритъ дуракъ, прикажи, батюшка, коляску заложить.» Заложили коляску, сѣли и поѣхали въ чистое поле. Дуракъ прижогъ, припалилъ три конскіе волоса и крикнулъ громкимъ голосомъ: «сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, прибѣжалъ и сталъ какъ вкопаный. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ—напился, наѣлся, въ правое влѣзъ—въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать! Съ того времени жилъ онъ съ своей женою по-царски, ѣздилъ

Digitized by Google

въ коляскѣ, пиры задавалъ; на тѣхъ пирахъ и я бывалъ, медъ-вино пивалъ; сколько ни пилъ — только усы обмочилъ!

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

19.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: богатой и убогой. Нанялся убогой къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатой двѣ мѣры ржи; приноситъ убогой домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-на-всего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть её да хлѣбовъ напечь — поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, будемъ и мы съ хлѣбомъ!» — Не пойду, сказалъ убогой; все одно: проси, не проси — не дастъ онъ быковъ! «Ступай! теперь братъ въ большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошелъ убогой къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, забороновалъ, управился — и домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, доброй человѣкъ!» —Здорово, старикъ! «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?»—Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. «А быки чьи?» — Быки братнины. «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай, что знаешь: или сынъ у него помрётъ, или быки издохнутъ!» Подумалъ-подумалъ убогой: жалко ему и быковъ, и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!» — Будь по твоему! сказалъ старецъ и пошелъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогой братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ-же издохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому:

Digitized by Google

«прости, говоритъ; безъ вины виноватъ! Ужь такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали!»—«Какъ пропали? Нѣтъ, любезной! со мной такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами.» И повёзъ его къ праведному судіѣ[1]).

Ѣдутъ они къ праведному судіѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извощика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите, добрые люди! выручьте изъ бѣды!» сталъ просить

---

[1]) *Варіантъ:* Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ—какъ чортъ богатъ, другой—до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не было ни единаго дѣтища, а у бѣднаго — девять сыновъ. Однажды повстрѣчалъ братъ брата, и говоритъ богатой убогому: «послушай, тебѣ самому ѣсть нечего, не токмо дѣтей прокормить; а я, по милости божіей, ни въ чемъ не знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю тебя за то и хлѣбомъ, и деньгами!»—Постой, у жены спрошу; что скажетъ, такъ тому и быть! Спросился у жены; она и слушать не хочетъ: «чортъ съ нимъ и съ его добромъ! я сына своего ни за какія деньги не продамъ.» Говоритъ убогой богатому, что жена не согласна, не даетъ сына. «Ну хоть помолись, братъ, вмѣстѣ съ своею хозяйкою Богу, чтобъ даровалъ мнѣ дѣтище; коли родится у меня сынъ, али дочь — возьму тебя кумомъ и щедрой рукой надѣлю и хлѣбомъ, и деньгами!» Пришелъ убогой къ хозяйкѣ, сказываетъ ей про то; она въ отвѣтъ: «ну что-жъ, родитъ ему жена, али нѣтъ, а Богу молиться — не грѣхъ!» Зачали они молить Бога, цѣлую ночь поклоны клали, и услышалъ ихъ Господь: взволновалась у богатаго жена и родила ему сына. Только богатой забылъ про свое обѣщаніе, взялъ въ кумовья къ себѣ именитаго купца, назвалъ гостей, и пошелъ у нихъ пиръ горой! «Ну что, много надавалъ тебѣ братъ денегъ и хлѣба? стала говорить убогому жена его; пойди, хоть лошади попроси въ лѣсъ по дрова съѣздить.» Пошелъ убогой; увидалъ его богатой и закричалъ грубымъ голосомъ: «ты еще зачѣмъ?» — Будь милостивъ, дай лошади въ лѣсъ по дрова съѣздить. «Ишь выбралъ время! развѣ не видишь, что у меня гости?» Поломался, поломался, и далъ ему стараго мерина. Поѣхалъ убогой въ лѣсъ; пока рубилъ онъ дрова — прибѣжалъ волкъ и съѣлъ мерина. Какъ узналъ про то богатой, напустился на брата пуще ворога: «собирайся, говоритъ, поѣдемъ въ судъ судиться.» — Твоя воля: что хочешь, то дѣлаешь!

Digitized by Google

извощикъ. «Дай сто рублевъ!» говоритъ богатой. — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ? «Ну, самъ и вытаскивай!» — Постой, говоритъ убогой; я тебѣ задаромъ помогу. Соскочилъ съ саней, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить: понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извощикъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ! сказалъ богатой извощику; что съ нимъ долго разговаривать? садись со мной да поѣдемъ къ праведному судіѣ.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатой съ извощикомъ пошли въ избу, а убогой стоитъ на морозѣ; смотритъ — копаетъ мужикъ глубокой колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня. Эхъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя въ колодезь, только себя не доконалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судіѣ.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогой загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына.» [1]) — Нѣтъ, сказалъ богатой, пусть лучше быки пропадаютъ.

Дальнѣйшія рѣшенія праведнаго судіи совершенно сходны съ текстомъ лубочной сказки.

---

[1]) *Варіантъ*: Говоритъ праведный судія: «пусть убогой купитъ тебѣ новую лошадь; а ты, богатой, отдай ему сына; вѣдь онъ тебѣ сына вымолилъ, а ты его добра не попомнилъ.»

Digitized by Google

20.

НИКИТА-КОЖЕМЯКА.

Около Кіева проявился змѣй, бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возметъ дѣвку да и съѣстъ ее. Пришелъ черёдъ идти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетитъ змѣй на свои промыслы, а царевну завалитъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась съ нею изъ дому. Напишетъ бывало царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею; а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: узнай, кто сильнѣе змѣя? Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: сыщите въ городѣ Кіевѣ Никиту-Кожемяку, да пошлите его меня изъ неволи выручать. Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту-Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ, держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ со страху, руки у него затряслись—и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько не упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтныхъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку; авось на ихъ слезы сжалобится! Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супро-

Digitized by Google

тивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита-Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою, и весь таки обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ зміиной, а змѣй заперся и не выходитъ къ нему. «Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу», сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго-ли, коротко-ли бился съ змѣемъ Никита-Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ по-ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой».—Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо межу проложить. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрёгъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. «Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили!»—Землю раздѣлили, проговорилъ Никита, давай море дѣлить; а то ты скажешь, что твою воду берутъ. Взъѣхалъ змѣй на середину моря, Никита-Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто-не знаетъ, отъ чего эта борозда, — называетъ ее *валомъ*. Никита-Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, нѣ взялъ за работу ничего, пошелъ опять кожи мять.

(Записана въ Козловѣ, тамбовской губерніи П. И. Якушкинымъ.)

21.

МАЛЬЧИКЪ-СЪ-ПАЛЬЧИКЪ.

Жилъ себѣ старикъ со старухою. Разъ старуха рубила капусту на пироги, задѣла нечаянно по рукѣ и отрубила мизин-

Digitized by Google

ный палецъ; отрубила и бросила за печку. Вдругъ послышалось старухѣ — кто-то говоритъ за печкой человѣческимъ голосомъ: «матушка! сними меня отсюдова.» Изумилась она, сотворила честнóй крестъ, и спрашиваетъ: «ты кто таковъ?» — Я твой сынокъ, народился изъ твоего мизинчика. Сняла его старуха, смотритъ — мальчикъ крохотной-крохотной, еле отъ земли видно! и назвала его Мальчикъ-съ-пальчикъ. «А гдѣ мой батюшка?» спрашиваетъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. — Поѣхалъ на пашню. «Я къ нему пойду, помогать стану.» — Ступай, дитятко! [1]).

Пришелъ онъ на пашню: «Богъ въ помочь, батюшка!» Осмотрѣлся старикъ кругомъ; «что за чудо! говоритъ; гласъ человѣческой слышу, а никого не вижу. Кто таковъ говоритъ со мною?» — Я — твой сынокъ. «Да у меня и дѣтей съ роду

---

[1]) *Variants 1:* Въ одной деревнѣ жили-были мужикъ да баба, дѣтей у нихъ не было. Стали они Богу молиться, да просить себѣ дѣтища. Услышалъ Богъ молитву. Говоритъ однажды мужикъ бабѣ: «старуха! нѣтъ ли у насъ какого полѣна; я нащиплю лучины.» Баба въ отвѣтъ: «возьми, старикъ, въ печкѣ.» Мужикъ взялъ топоръ, досталъ полѣно и давай лучину щипать; щипалъ-щипалъ и отрубилъ себѣ пальчикъ; изъ того пальчика сдѣлался мальчикъ, да такой рѣзвой, разумной; только народился, а ужь съ отцемъ, съ матерью разговариваетъ. Возрадовались мужикъ съ бабою, возблагодарили Господа и назвали своего мальчика Микулка Четвертной. На другой день поѣхалъ мужикъ землю пахать, а баба принялась блины печь. Напекла блиновъ, намазала и говоритъ Микулкѣ: «на, сынокъ! снеси отцу пообѣдать.»

Variants 2: Жили-были старикъ со старухою. Стала старуха капусту рубить, отсѣкла себѣ пальчикъ, бросила на печку, а сама приговариваетъ: «пальчикъ, пальчикъ! вырости мальчикъ.» Истопила печь, напекла блинковъ, воздохнула и промолвила: «еслибъ былъ у меня сынокъ, онъ бы снесъ къ отцу блинковъ позавтракать!» Только вымолвила — соскочилъ съ печи мальчикъ-съ-пальчикъ: «давай, матушка! я снесу.» — Ахъ, сынокъ! ты еще малёшенекъ, гдѣ тебѣ блины тащить! «Ничего, матушка! я малъ да удалъ; гдѣ бокомъ, гдѣ скокомъ — донесу до батюшки!» Пришелъ на отцовскую полосу: «ѣшь, батюшка, блины; а я пахать стану.» — Гдѣ тебѣ пахать? ты еще за соху не ухватишься! «Ничего! я малъ, да удалъ!» Усѣлся поверхъ сошника, взялъ возжи, и ну пахать землю.

Digitized by Google

не бывало!» — Я только что̀ народился на бѣлый свѣтъ: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себѣ мизинный палецъ съ руки, бросила за печку — вотъ я и сталъ Мальчикъ-съ-пальчикъ! Пришелъ тебѣ помогать — землю пахать. Садись, батюшка, закуси чѣмъ Богъ послалъ, да отдохни маленько. Обрадовался старикъ, сѣлъ обѣдать; а Мальчикъ-съ-пальчикъ залѣзъ лошади въ ухо и сталъ пахать землю; а напередъ отцу наказалъ: «коли кто будетъ торговать меня, продавай смѣло; небось — не пропаду, назадъ домой прійду.» Вотъ ѣдетъ мимо баринъ, смотритъ и дивуется: конь идетъ, соха орётъ (пашетъ), а человѣка нѣтъ! «Этого, говоритъ, еще видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» — Что ты развѣ ослѣпъ! отозвался ему старикъ; то у меня сынъ пашетъ. «Продай его мнѣ!» — Нѣтъ, не продамъ; намъ только и радости со старухой, только и утѣхи, что̀ онъ! «Продай, дѣдушка!» пристаетъ баринъ. «Ну, давай тысячу рублевъ — твой будетъ!» — Что такъ дорого? «Самъ видишь: мальчикъ малъ да удалъ, на ногу скоръ, на посылки лёгокъ!» Баринъ заплатилъ тысячу, взялъ мальчика, посадилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. А Мальчикъ-съ-пальчикъ напаскудѣлъ ему въ карманъ, прогрызъ дыру и ушелъ.

Шелъ-шелъ, и пристигла его темная ночь; спрятался онъ подъ былинку, подлѣ самой дороги, лежитъ себѣ, спать собирается[1]). Идутъ мимо три вора. «Здравствуйте, добрые мо́лодцы!» говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. «Здорово!» — Куда идете? «Къ попу.» — Зачѣмъ? «Быковъ воровать.» — Возьмите и меня съ собой! «Куда ты годишься? намъ надо такого молодца, чтобъ разъ далъ — и духъ вонъ!» — Пригожусь и я:

---

[1]) *Варіантъ*: Шелъ-шелъ онъ; вдругъ поднялась буря и полилъ сильный дождь. Микулка Четвертной сталъ подъ старой грибъ, и стоитъ словно подъ крышкою.

Digitized by Google

въ подворотню пролѣзу да вамъ ворота отопру. «И то дѣло! пойдемъ съ нами». Вотъ пришли въ четверомъ къ богатому попу; Мальчикъ-съ-пальчикъ пролѣзъ въ подворотню, отворилъ ворота, и говоритъ: «вы, братцы! здѣсь на дворѣ постойте, а я заберусь въ сарай, да выберу быка получше и выведу къ вамъ.» — Ладно! Забрался онъ въ сарай, и кричитъ оттуда во всю глотку: «какого быка тащить — бураго, али чернаго?» —Не шуми, говорятъ ему воры; тащи, какой подъ руку попадется [1]). Мальчикъ-съ-пальчикъ вывелъ имъ быка что ни есть самаго лучшаго; воры пригнали быка въ лѣсъ, зарѣзали, сняли шкуру, и стали дѣлить мясо. «Ну, братцы! говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ, я возьму себѣ требуху; съ меня и того будетъ.» Взялъ требуху и тутъ-же залѣзъ въ нее спать—ночь коротать; а воры подѣлили мясо и пошли по домамъ.

Набѣжалъ голодной волкъ и проглотилъ требуху вмѣстѣ съ мальчикомъ: сидитъ онъ въ волчьемъ брюхѣ живой, и горя ему мало! Плохо пришлось сѣрому! Увидитъ онъ стадо, овцы пасутся, пастухъ спитъ, и только что подкрадется овцу унести — какъ Мальчикъ съ-пальчикъ и закричитъ во все горло: «пастухъ, пастухъ, овечій духъ! ты спишь, а волкъ овцу тащитъ!» Пастухъ проснется, бросится на волка съ дубиною да притравитъ его собаками, а собаки ну его рвать — только

---

[1]) Въ другомъ спискѣ сказка оканчивается такъ: «Да какого, спрашиваетъ опять, бураго, али чернаго?» Воры испугались — пожалуй, отъ такого шума хозяева проснутся! — и впустили въ лѣсъ. А Мальчикъ-съ-пальчикъ увелъ быка и погналъ его домой; нагоняютъ его воры: «давай дѣлиться!» Зарѣзали быка, мальчику бросили требуху да кишки, а мясо себѣ взяли, поклали на возъ, и поѣхали своей дорогой. Пока собирались они въ путь-дорогу, Мальчикъ-съ-пальчикъ улучилъ минуту, вскочилъ потихоньку въ телегу, залѣзъ въ щель промежъ досокъ, и давай свистать. Воры услыхали свистъ и говорятъ одинъ другому: «эхъ, братцы! за нами погоня послана. Ужь близко! уйдемъ, пока не догнали!» Бросили телегу и побѣжали въ лѣсъ. А Мальчикъ-съ-пальчикъ со всѣмъ возомъ пріѣхалъ домой.

Digitized by Google

клочья летятъ! еле-еле уйдетъ сердешной! Совсѣмъ отощалъ волкъ, пришлось пропадать съ голоду. «Вылѣзи!» проситъ волкъ. — Довези меня домой къ отцу, къ матери, такъ вылѣзу, говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Побѣжалъ волкъ въ деревню, вскочилъ прямо къ старику въ избу; Мальчикъ-съ-пальчикъ тотчасъ вылѣзъ изъ волчьяго брюха задомъ, схватилъ волка за хвостъ и кричитъ: «бейте волка, бейте сѣраго!» Старикъ схватилъ дубинку, старуха другую, и давай бить волка; тутъ его и порѣшили, сняли кожу да сынку тулупъ сдѣлали. И стали они жить-поживать, вѣкъ доживать.

22.

ХИТРАЯ НАУКА. [1])

Жили себѣ дѣдъ да баба, былъ у нихъ сынъ. Старикъ-то былъ бѣдный; хотѣлось ему отдать сына въ науку, чтобъ съ-молоду былъ родителямъ своимъ на утѣху, подъ старость на перемѣну [2]), а по смерти на поминъ души; да что станешь дѣлать, коли достатку нѣтъ! Водилъ онъ его, водилъ по городамъ — авось возьмётъ кто въ ученье; нѣтъ, никто не взялся учить безъ денегъ. Воротился старикъ домой, поплакалъ-поплакалъ съ бабою, потужилъ-погоревалъ о своей бѣдности, и опять повелъ сына въ городъ. Только пришли они въ городъ, попадается имъ на встрѣчу человѣкъ, и спрашиваетъ дѣда: «что, старичокъ, пригорюнился?» — Какъ мнѣ не пригорюниться! сказалъ дѣдъ; вотъ водилъ-водилъ сына, никто не берётъ безъ денегъ въ науку, а денегъ нѣтути! «Ну, такъ отдай его мнѣ, говоритъ встрѣчной; я его въ три года выучу всѣмъ хитростямъ. А черезъ три года, въ этотъ самой день,

---

[1]) См. выпускъ VI, № 45. [2]) *Вар.* на помогу.

Digitized by Google

въ этотъ самой часъ, приходи за сыномъ; да смотри: коли не просрочишь — придешь во время да узнаешь своего сына — возьмёшь его назадъ; а коли нѣтъ, такъ оставаться ему у меня.» Дѣдъ такъ обрадовался, и не спросилъ: кто такой встрѣчной, гдѣ живетъ и чему учить станетъ малаго? отдалъ ему сына и пошелъ домой. Пришелъ домой въ радости, разсказалъ обо всёмъ бабѣ; а встрѣчной-та былъ колдунъ.

Вотъ прошли три года, а старикъ совсѣмъ позабылъ, въ какой день отдалъ сына въ науку, и не знаетъ, какъ ему быть. А сынъ за день до срока прилетѣлъ къ нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошелъ въ избу добрымъ молодцемъ [1]); поклонился отцу и говоритъ: завтра де сровняется какъ разъ три года, надо за нимъ приходить; и разсказалъ, куда за нимъ приходить и какъ его узнавать. «У хозяина моего не я одинъ въ наукѣ; есть, говоритъ, еще одиннадцать работниковъ, навсегда при немъ остались — отъ того, что родители не смогли ихъ признать; и только ты меня не признаешь, такъ и я останусь при немъ двѣнадцатымъ. Завтра, какъ придёшь ты за мною, хозяинъ всѣхъ насъ двѣнадцать выпуститъ бѣлыми голубями — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ и голова въ голову ровны. Вотъ ты и смотри: всѣ высоко станутъ летать, а я нѣтъ-нѣтъ, да возьму повыше всѣхъ. Хозяинъ спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажъ на того голубя, что повыше всѣхъ [2]). Послѣ выведетъ онъ къ тебѣ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; какъ станешь проходить мимо тѣхъ жеребцовъ, хорошенько примѣчай: я нѣтъ-нѣтъ, да правой ногою и топну [3]).

---

[1]) *Варіантъ:* Слышитъ дѣдъ — жужжитъ пчела, прямо къ нему прилетѣла, ударилась о земь и оборотилась добрымъ молодцемъ. «Здравствуй, батюшка!» Поклонился сынъ отцу...

[2]) *Вар.* Всѣ будутъ смирно стоять, а я нѣтъ-нѣтъ, да стану носикомъ пёрушки обчищать...

[3]) *Вар.* я нѣтъ-нѣтъ, и моргну (поведу) правымъ ухомъ.

Digitized by Google

Хозяинъ опять спроситъ: узналъ своего сына? ты смѣло показывай на меня. Послѣ того выведетъ къ тебѣ двѣнадцать добрыхъ мо́ло́дцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, и одёжей ровны. Какъ станешь прохо́дить мимо тѣхъ мо́лодцевъ, примѣчай-ка: на правую щеку ко мнѣ нѣтъ-нѣтъ, да и сядетъ малая мушка[1]). Хозяинъ опять таки спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажъ на меня.»

Разсказалъ все это, распростился съ отцемъ и пошелъ изъ дому, хлопнулся о завалинку, сдѣлался птичкою и улетѣлъ къ хозяину. Поутру дѣдъ всталъ, собрался и пошелъ за сыномъ. Приходитъ къ колдуну. «Ну, старикъ! говоритъ колдунъ, выучилъ твоего сына всѣмъ хитростямъ. Только если не признаешь его, оставаться ему при мнѣ на вѣки вѣчные.» Послѣ того выпустилъ онъ двѣнадцать бѣлыхъ голубей — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову ровны, и говоритъ: «узнавай, старикъ, своего сына!» — Какъ узнавать-то, ишь всѣ ровны! Смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ поднялся одинъ голубь повыше всѣхъ, указалъ на того голубя: «кажись, это мой!» — Узналъ, узналъ, дѣдушка! сказываетъ колдунъ. Въ другой разъ выпустилъ онъ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ какъ одинъ, и гривы на одну сторону. Сталъ дѣдъ ходить вокругъ жеребцовъ да приглядываться, а хозяинъ спрашиваетъ: «ну что, дѣдушка! узналъ своего сына?» — Нѣтъ еще, погоди маленько; да какъ увидалъ, что одинъ жеребецъ топнулъ правою ногою, сейчасъ показалъ на него: «кажись, это мой!» — Узналъ, узналъ, дѣдушка! Въ третій разъ вышли двѣнадцать добрыхъ мо́лодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, словно одна мать родила. Дѣдъ разъ прошелъ мимо мо́лодцевъ — ничего не замѣтилъ, въ другой

[1]) *Вар.* Выведетъ къ тебѣ двѣнадцать волковъ (или: медвѣдей); всѣ будутъ смирно стоять, а я назадъ оглянусь (а я стану лапу сосать).

Digitized by Google

прошелъ — тожъ ничего, а какъ проходилъ въ третій разъ— увидалъ у одного молодца на правой щекѣ муху, и говоритъ: «кажись, это мой!» — Узналъ, узналъ, дѣдушка! Вотъ, дѣлать нечего, отдалъ колдунъ старику сына, и пошли они себѣ домой.

Шли-шли, и видятъ: ѣдетъ по дорогѣ какой-то баринъ. «Батюшка, говоритъ сынъ, я сейчасъ сдѣлаюсь собачкою; баринъ станетъ покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я къ тебѣ назадъ не ворочусь!» Сказалъ такъ-то, да въ ту-жъ минуту ударился о земь и оборотился собачкою. Баринъ увидалъ, что старикъ ведетъ собачку, зачалъ ее торговать: не такъ ему собачка показалася, какъ ошейникъ хорошъ. Баринъ даетъ за нее сто рублевъ, а дѣдъ проситъ триста; торговались-торговались, и купилъ баринъ собачку за двѣсти рублевъ. Только сталъ было дѣдъ снимать ошейникъ, куда! баринъ и слышать про то не хочетъ, упирается. «Я ошейника не продавалъ, говоритъ дѣдъ; я продалъ одну собачку.» А баринъ: «нѣтъ, врёшь! кто купилъ собачку, тотъ купилъ и ошейникъ.» Дѣдъ подумалъ-подумалъ (вить и вправь безъ ошейника нельзя купить собаку!) и отдалъ ее съ ошейникомъ. Баринъ взялъ и посадилъ собачку къ себѣ, а дѣдъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Вотъ баринъ ѣдетъ себѣ да ѣдетъ, вдругъ — откуда не возьмись — бѣжитъ на встрѣчу заяцъ. «Что, думаетъ баринъ, али выпустить собачку за зайцемъ, да посмотрѣть ея прыти?» Только выпустилъ, смотритъ: заяцъ бѣжитъ въ одну сторону, собака въ другую — и убѣжала въ лѣсъ. Ждалъ-ждалъ ее баринъ, не дождался и поѣхалъ не при чемъ. А собачка оборотилась добрымъ молодцемъ. Дѣдъ идетъ дорогою, идетъ широкою, и думаетъ: какъ домой глаза-то показать, какъ старухѣ сказать, куда сына дѣвалъ? А сынъ ужь нагналъ его: «эхъ, батюшка! говоритъ, зачѣмъ съ ошейникомъ продавалъ?

Digitized by Google

Ну, не повстрѣчай мы зайца, я-бъ не воротился, такъ-бы и пропалъ ни-за-што!»

Воротились они домой и живутъ себѣ по-маленьку. Много-ли, мало-ли прошло времени, въ одно воскресенье говоритъ сынъ отцу: «батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базаръ и продай; только клѣтки не продавай, не то домой не ворочусь.» Ударился о̀ земь, сдѣлался птичкою; старикъ посадилъ ее въ клѣтку и понёсъ продавать. Обступили старика люди, на перебой начали торговать птичку: такъ она всѣмъ показалася! Пришелъ и колдунъ, тотчасъ призналъ дѣда и догадался, что у него за птица въ клѣткѣ сидитъ. Тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а онъ дороже всѣхъ: продалъ ему старикъ птичку, а клѣтки не отдаетъ; колдунъ туда-сюда, бился съ нимъ, бился, ничего не беретъ! Взялъ одну птичку, завернулъ въ платокъ и понёсъ домой. «Ну, дочка, говоритъ дома, я купилъ нашего шельмеца!»—Гдѣ-же онъ? Колдунъ распахнулъ платокъ, а птички давно нѣтъ; улетѣла сердешная!

Насталъ опять воскресный день. Говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обернусь нынче лошадью; смотри-же лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.» Хлопнулся о сырую землю и сдѣлался лошадью; повелъ ее дѣдъ на базаръ продавать. Обступили старика торговые люди, все барышники: тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а колдунъ дороже всѣхъ. Дѣдъ продалъ ему сына, а уздечки не отдаетъ. «Да какъ-же я поведу лошадь-то? спрашиваетъ колдунъ; дай хоть до двора довести, а тамъ пожалуй — бери свою узду: мнѣ она не въ корысть!» Тутъ всѣ барышники на дѣда накинулись: такъ де не водится! продалъ лошадь — продалъ и узду. Что съ ними подѣлаешь? отдалъ дѣдъ уздечку. Колдунъ привелъ коня на свой дворъ, поставилъ въ конюшню, накрѣпко привязалъ къ кольцу и высоко притянулъ ему голо-

Digitized by Google

ву: стоитъ конь на однихъ заднихъ ногахъ, передніе до земи не хватаютъ. «Ну, дочка сказываетъ опять колдунъ, вотъ когда купилъ, такъ купилъ нашего шельмеца.»—Где-же онъ? «На конюшнѣ стоитъ.» Дочь побѣжала смотрѣть; жалко ей стало добра молодца, захотѣла подлиннѣй отпустить поводъ, стала распутывать да развязывать, а конь тѣмъ временемъ вырвался и пошелъ вёрсты отсчитывать. Бросилась дочь къ отцу: «батюшка, говоритъ, прости! грѣхъ меня попуталъ, конь убѣжалъ!»[1]). Колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню: вотъ близко, вотъ нагонитъ! Конь прибѣжалъ къ рѣкѣ, ударился о земь, оборотился ершомъ и бултыхъ въ воду, а волкъ за нимъ щукою. Ершъ бѣжалъ-бѣжалъ водою, добрался къ плотамъ, гдѣ красныя дѣвицы бѣльё моютъ, перекинулся золотымъ кольцомъ и подкатился купеческой дочери подъ ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спратала. А колдунъ сдѣлался по-прежнему человѣкомъ: «отдай, пристаетъ къ ней, мое золотое кольцо.» —Бери! говоритъ дѣвица и бросила кольцо наземь. Какъ ударилось оно, въ ту-жъ минуту разсыпалось мелкими зернами. Колдунъ обернулся пѣтухомъ и бросился клевать; пока клевалъ — одно серно обернулось ястребомъ, и плохо пришлось пѣтуху: задралъ его ястребъ! Тѣмъ сказкѣ конецъ, а мнѣ водочки корецъ.

(Записана въ бобровскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи.)

---

[1]) *Варіантъ:* Идетъ дѣдъ путемъ-дорогою, а самъ пригорюнился. На встрѣчу ему старушка! «что такъ кручиненъ, дѣдушка?»—Ахъ родимая, какъ не кручиниться? роднаго сына навѣкъ продалъ. «Хочешь добру научу?» —Научи, бабушка! «Ступай на зеленые луга, прилетитъ туда сорока—ты всю бѣду ей и разскажи!» Побрёлъ дѣдъ на луга, увидалъ сороку-бѣлобоку, скачетъ на одной ножкѣ: «чикъ-чикъ, старичокъ! отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?»—Эхъ, не вѣдаешь ты моего горя! вѣдь я сына продалъ! «Чикъ-чикъ, дѣдушка! все знаю-все вѣдаю... (а то не сорока была, то была дочь колдуна!) Не плачь не тужи! мнѣ тебя жалко, я твоему горю помогу.» Взвилась и полетѣла въ конюшню, отвязала коня и отпустила на волю. Колдунъ увидалъ....

Digitized by Google

23.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ. [1])

а. Жилъ былъ царь съ царицею. Любилъ онъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на охоту и увидѣлъ: сидитъ на дубу молодой орелъ; только хотѣлъ его застрѣлить, орелъ и проситъ: «не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.» Царь подумалъ-подумалъ, и говоритъ: «зачѣмъ ты мнѣ нуженъ!»—и хочетъ опять стрѣлять. Говоритъ ему орелъ въ другой разъ: «не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.» Царь думалъ-думалъ, и опять-таки не придумалъ, на что бы такое пригодился ему орелъ, и хочетъ ужь совсѣмъ застрѣлить его. Орелъ и въ третій разъ провѣщалъ: «не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ да прокорми три года; въ нѣкое время я пригожусь тебѣ!» Царь смиловался, взялъ орла къ себѣ и кормилъ его годъ и два: орелъ такъ много поѣдалъ, что̀ всю скотину пріѣлъ; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говоритъ ему орелъ: «пусти-ка меня на волю!» Царь выпустилъ его на волю; попробовалъ орелъ свои крылья, нѣтъ—не сможетъ еще летать! и проситъ: «ну, царь-государь! кормилъ ты меня два года; ужь какъ хочешь, а прокорми еще годъ; хоть займи, да прокорми: въ накладѣ не будешь!» Царь то и сдѣлалъ: вездѣ занималъ скотинку и цѣлый годъ кормилъ орла, а послѣ выпустилъ его на волю вольную. Орелъ поднялся высоко-высоко, леталъ-леталъ, спустился на землю и говоритъ: «ну, царь-государь! садись теперь на меня; полетимъ вмѣстѣ.» Царь сѣлъ на птицу. Вотъ и полетѣли они;

[1]) См. выпускъ VI, № 48. и 49.

Digitized by Google

ни много, ни мало прошло времени, прилетѣли на край моря синяго. Тутъ орелъ скинулъ съ себя царя, и упалъ онъ въ море—по колѣни намокъ; только орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ его на крыло, и спрашиваетъ: «что, царь-государь, небось испуж(г)ался?» — Испужался, говоритъ царь; думалъ, что совсѣмъ потону! Опять летѣли, летѣли, прилетѣли къ другому морю. Орелъ скинулъ съ себя царя какъ разъ посерёдъ моря—ажно царь по поясъ намокъ. Подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ: «что, царь-государь, небось испужался?»—Испужался, говоритъ онъ, да все думалось: авось, Богъ дастъ, ты меня вытащишь. Опять таки летѣли, летѣли, и прилетѣли къ третьему морю. Скинулъ орелъ царя въ великую глубь—ажно намокъ онъ по самую шею. И въ третій разъ подхватилъ его орелъ на крыло, и спрашиваетъ: «что, царь-государь, небось испужался.»—Испужался, говоритъ царь, да все думалось: авось ты меня вытащишь. «Ну, царь-государь, теперь ты извѣдалъ, каковъ смертной страхъ! Это тебѣ за старое, за прошлое: помнишь ли, какъ сидѣлъ я на дубу, а ты хотѣлъ меня застрѣлить; три раза примался стрѣлять, а я все просилъ тебя да на мысли держалъ: авось не загубишь, авось смилуешься—къ себѣ возьмешь!»

Послѣ полетѣли они за тридевять земель; долго-долго летѣли. Сказываетъ орелъ: «посмотри-ка, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?» Посмотрѣлъ царь: «надъ нами, говоритъ, небо, подъ нами земля.»—Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по лѣвую? «По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ.»—Полетимъ туда, сказалъ орелъ; тамъ живетъ моя меньшая сестра. Опустились прямо на дворъ; сестра выступила на встрѣчу, примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовой столъ, а на царя и смотрѣть не хочетъ; оставила его на дворѣ, спустила борзыхъ со-

Digitized by Google

бакъ и давай травить. Крѣпко осерчалъ орелъ, выскочилъ изъ за стола, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ дальше. Вотъ летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ царю: «погляди, что позади насъ?» Обернулся царь, посмотрѣлъ: «позади насъ домъ красной.» А орелъ ему: «то горитъ домъ меньшой моей сестры—зачѣмъ тебя не примала, да борзыми собаками травила!» Летѣли-летѣли, орелъ опять спрашиваетъ: «посмотри, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?»—Надъ нами небо, подъ нами земля. «Посмотри-ка, что будетъ по правую сторону и что по лѣвую?»—По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ. «Тамъ живетъ моя середняя сестра; полетимъ къ ней въ гости.» Опустились на широкой дворъ; середняя сестра примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовой столъ, а царь на дворѣ остался: выпустила она борзыхъ собакъ и притравила его. Орелъ осерчалъ, выскочилъ изъ за стола, подхватилъ царя и улетѣлъ съ нимъ еще дальше. Летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ: «царь-государь! посмотри, что позади насъ?» Царь обернулся: стоитъ позади красной домъ. «То горитъ домъ моей середней сестры! сказалъ орелъ; теперь полетимъ туда, гдѣ живутъ моя мать и старшая сестра.» Вотъ прилетѣли туда; мать и старшая сестра куда какъ имъ обрадовались, и примали царя съ честью, съ ласкою. «Ну, царь-государь! сказалъ орелъ, отдохни у насъ, а послѣ дамъ тебѣ корабль, расплачусь съ тобой за все, что поѣлъ у тебя, и ступай съ Богомъ домой.» Далъ онъ царю корабль и два сундучка: одинъ—красной, другой—зеленой, и сказываетъ: «смотри же, не отпирай сундучковъ, пока домой не пріѣдешь; красной сундучокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленой сундучокъ на переднемъ дворѣ.»

Взялъ царь сундучки, распростился съ орломъ и поѣхалъ по синему морю; доѣхалъ до какого-то острова, тамъ его корабль остановился. Вышелъ онъ на берегъ, вспомянулъ про

Digitized by Google

сундучки, сталъ придумывать, что бы такое въ нихъ было и зачѣмъ орелъ не велѣлъ открывать ихъ, думалъ-думалъ, не утерпѣлъ—больно [1]) узнать ему захотѣлось—взялъ онъ красной сундучокъ, поставилъ на-земь и открылъ, а оттудова столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь! едва на островѣ помѣстились. Какъ увидалъ это царь, взгоревался, зачалъ плакать и приговаривать: «что же мнѣ теперь дѣлать? какъ опять соберу все стадо въ такой маленькой сундучокъ?» И видитъ онъ—вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?»—Какъ-же мнѣ не плакать! отвѣчаетъ царь; какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькой сундучокъ? «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ все стадо, только съ уговоромъ: отдай мнѣ—чего дома не знаешь.» Задумался царь: «чего бы это я дома не зналъ? кажись, все знаю.» Подумалъ и согласился: «собери, говоритъ, отдамъ тебѣ—чего дома не знаю.» Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь сѣлъ на корабль и поплылъ восвояси. Какъ пріѣхалъ домой, тутъ только увѣдалъ, что родился у него сынъ-царевичъ, сталъ онъ его цѣловать, миловать, а самъ такъ слезами и разливается. «Царь-государь! спрашиваетъ царица; скажи, о чемъ горьки слезы ронишь?« —Съ радости, говоритъ; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышелъ онъ послѣ на задній дворъ, открылъ красной сундучокъ—и полѣзли оттуда быки да коровы, овцы да бараны; много-много набралось всякаго скота, всѣ сараи и варки [2]) стали полны. Вышелъ на передній дворъ, открылъ зеленой сундучокъ—и появился передъ нимъ большой да славной садъ: какихъ-какихъ деревьевъ тутъ ни было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдавать сына. Прошло много

[1]) Очень, сильно. [2]) Загороженныя мѣста, куда загоняютъ скотъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 21).

Digitized by Google

лѣтъ. Разъ какъ-то захотѣлось царю погулять, подошелъ онъ къ рѣкѣ; на ту пору показался изъ воды прежній человѣкъ и говоритъ: «скоро же ты, царь-государь, забывчивъ сталъ! вспомни, вѣдь ты долженъ мнѣ!» Воротился царь домой съ тоскою-кручиною и разсказалъ царицѣ и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали всѣ вмѣстѣ, и рѣшили, что дѣлать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье, и оставили одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней: авось куда Богъ приведетъ. Шелъ-шелъ, и очутился въ дремучемъ лѣсу; стоитъ въ лѣсу избушка, въ избушкѣ живетъ баба-яга. «Дай зайду», подумалъ царевичъ и вошелъ въ избушку. «Здравствуй, царевичъ! молвила баба-яга; дѣло пытаешь, или отъ дѣла лытаешь?»—Эхъ, бабушка! напой, накорми, да потомъ распроси. Она его напоила, накормила, [1]) и царевичъ разсказалъ про все безъ утайки, куда и зачѣмъ идетъ. Говоритъ ему яга-баба: «иди, дитятко, на̀ море; прилетятъ туда двѣнадцать колпицъ, обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться; ты подкрадься потихохоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку. Какъ поладишь съ нею, ступай къ морскому царю, и попадутся тебѣ на встрѣчу Объѣдало да Опивало, попадется еще Морозъ-Трескунъ—всѣхъ возьми съ собою; они тебѣ къ добру пригодятся.» Простился царевичъ съ ягою, пошелъ на сказанное мѣсто на̀ море, и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать колпицъ, ударились о сырую землю, обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустомъ—не

---

[1]) *Варіантъ:* Идетъ царевичъ по бережку. На встрѣчу ему старая баба. «Куда путь держишь, царевичъ?»—Отвяжись, старая! и безъ тебя тошно. Пошла баба своей дорогой, а царевичъ поразмудмалъ: «вѣдь старые люди разсудливы! Эй, говоритъ, воротись, бабушка! всю правду тебѣ скажу.» Воротилась старуха...

Digitized by Google

ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой; оставалась одна старшая Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца: «отдай, говоритъ, мою сорочку; придешь къ батюшкѣ Водяному Царю— въ то времячко я тебѣ сама пригожусь.» Царевичъ отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась колпицею и улетѣла вслѣдъ за подружками. Пустился царевичъ дальше; повстрѣчались ему на пути три богатыря: Объѣдало, Опивало да Морозъ-Трескунъ; взялъ ихъ съ собою, и пришелъ къ Водяному Царю.

Увидалъ его Водяной Царь, и говоритъ: «здорово, дружокъ! что такъ долго ко мнѣ не бывалъ? я усталъ, тебя дожидаючи. Принайся-ка теперь за работу; вотъ тебѣ первая задача: построй за одну ночь большой хрустальной мостъ, чтобъ къ утру готовъ былъ! Не построишь — голова долой!» Идетъ царевичъ отъ Водянаго, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко въ своемъ терему и спрашиваетъ: «о чемъ, царевичъ, слезы ронишь?» — Ахъ, Василиса Премудрая! какъ-же мнѣ не плакать? приказалъ твой батюшка за единую ночь построить хрустальной мостъ, а я топора не умѣю въ руки взять. «Ничего! ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе.» Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники-работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи таскаетъ; скоро поставили хрустальной мостъ, вывели на немъ узоры хитрые, и разошлись по домамъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича: «вставай, царевичъ! мостъ готовъ, сейчасъ батюшка смотрѣть пріѣдетъ.» Всталъ царевичъ, взялъ метлу; стоитъ себѣ на мосту—гдѣ подмететъ, гдѣ почиститъ. Похвалилъ его Водяной Царь: «спасибо! говоритъ, сослужилъ мнѣ единую службу; сослужи и другую; вотъ тебѣ задача: насади къ завтраму

Digitized by Google

зеленой садъ — большой да вѣтвистой, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли.» Идетъ царевичъ отъ Водянаго, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко, и спрашиваетъ: «о чемъ плачешь, царевичъ?» — Какъ-же мнѣ не плакать? велѣлъ твой батюшка за единую ночь садъ насадить. «Ничего! ложись спать; утро вечера мудренѣе.» Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались садовники огородники и насадили зеленой садъ, въ саду птицы пѣвчія распѣваютъ, на деревьяхъ цвѣты расцвѣтаютъ, груши-яблоки спѣлыя висятъ. Поутру рано будитъ Висилиса Премудрая царевича: «вставай, царевичъ! садъ готовъ, батюшка смотрѣть идетъ.» Царевичъ сейчасъ за метлу да въ садъ: гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ вѣточку поправитъ. Похвалилъ его Водяной Царь: «спасибо, царевичъ! сослужилъ ты мнѣ службу вѣрой-правдою; выбирай себѣ за то невѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ лице въ лице, волосъ въ волосъ, платье въ платье; угадаешь до трехъ разъ одну и туже—будетъ она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить.» Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говоритъ царевичу: «въ первой разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой станетъ муха летать.» Такъ-то и угадалъ царевичъ Висилису Премудрую до трехъ разъ. Повѣнчали ихъ, и стали пиръ пировать.

Водяной Царь наготовилъ много всякаго кушанья — сотнѣ человѣкъ не съѣсть! и велитъ зятю, чтобъ все было поѣдено; коли что останется—худо будетъ. «Батюшка! проситъ царевичъ, есть у насъ старичокъ, дозволь и ему закусить съ нами.»—Пускай прійдетъ! Сейчасъ явился Объѣдало; все пріѣлъ—еще мало стало. Водяной Царь наставилъ всякаго питья сорокъ бочекъ, и велитъ зятю, чтобъ дочиста было выпито.

Digitized by Google

«Батюшка! проситъ опять царевичъ, есть у насъ другой старичокъ, дозволь и ему выпить про твое здоровье.»—Пускай прійдетъ! Явился Опивало, заразъ опросталъ всѣ сорокъ бочекъ—еще опохмѣлиться проситъ. Видитъ Водяной Царь, что ничто не беретъ, приказалъ истопить для молодыхъ баню чугунную жарко-нàжарко; истопили баню чугунную, двадцать сажòнъ дровъ сожгли, дò-красна печь и стѣны раскалили — за пять вёрстъ подойти нельзя. «Батюшка! говоритъ царевичъ, дозволь наперёдъ нашему старичку попариться, баню опробывать.» — Пускай попариться! Пришелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголъ дунулъ, въ другой дунулъ— ужь сосульки висятъ. Вслѣдъ за нимъ и молодые въ баню сходили, помылись-попарились и домой воротились.

«Уйдемъ отъ батюшки Водянаго Царя, говоритъ царевичу Василиса Премудрая; онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!»—Уйдемъ, говоритъ царевичъ. Сейчасъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Ѣхали-ѣхали; много прошло времени. «Слѣзь-ка, царевичъ, съ коня да припади ухомъ къ сырой землѣ, сказала Василиса Премудрая; не слыхать ли за нами погони?» Царевичъ припалъ ухомъ къ сырой землѣ: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама съ добраго коня, прилегла къ сырой землѣ, и говоритъ: «ахъ, царевичъ! слышу сильную за нами погоню.» Оборотила она коней — колодземъ, себя — ковшикомъ, а царевича — старымъ старичкомъ [1]). Наѣхала погоня: «эй, старикъ! не видалъ ли добра мòлодца съ красной дѣвицей?» — Видѣлъ, родимые! только давно; они еще въ-тѣ-поры проѣхали, какъ я молодъ былъ [2]). Погоня воротилась къ Водяному Царю: «нѣтъ, говоритъ, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что̀ стари-

---

[1]) *Варіантъ:* коней — дремучимъ лѣсомъ, себя—колодземъ, а царевича — старцемъ. [2]) *Варіантъ:* какъ я молодъ былъ, этотъ лѣсъ сажалъ.

Digitized by Google

ка возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ.» — Что-жъ вы ихъ нѣ брали? закричалъ Водяной Царь, и тутъ-же предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисой Премудрою послалъ другую смѣну. А тѣмъ временемъ они далеко-далеко уѣхали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича—старымъ попомъ, а сама сдѣлалась ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня: «эй, старичокъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?» — Видѣлъ, родимые! только давнымъ-давно; они еще въ-тѣ-поры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ. И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю: «нѣтъ, ваше царское величество, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что̀ старца-попа да церковь ветхую.» — Что-жъ вы ихъ нѣ брали? закричалъ пуще прежняго Водяной Царь; предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисою Премудрою самъ поскакалъ. На этотъ разъ Василиса Премудрая оборотила коней—рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнемъ, себя — сѣрой утицею. Водяной Царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ—до того, что лопнулъ! тутъ и духъ испустилъ [1]).

Царевичъ съ Василисою Премудрою поѣхали дальше; стали они подъѣзжать домой, къ отцу, къ матери царевича, Василиса Премудрая и говоритъ: «ступай, царевичъ, вперёдъ! доложись отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду; только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй сестрицы [2]); не то меня позабудешь.» Пріѣхалъ царевичъ домой,

---

[1]) *Варіантъ:* Василиса Премудрая оборотила царевича—соколомъ, а себя—ракитовымъ кустомъ. Водяной Царь бросился къ ракитову кусту, хотѣлъ всѣ сучья обломать; отколь ни возьмись соколъ, налетѣлъ на него и выклюнулъ ему оба глаза. Попался Водяной Царь въ свое царство ощупью; а царевичъ съ Василисою Премудрою...

[2]) *Варіантъ:* не цѣлуй невѣстки(или: цѣлуй всѣхъ въ лѣвую щеку; а коли въ правую поцѣлуешь—меня позабудешь).

Digitized by Google

сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестрицу, и только поцѣловалъ — какъ въ ту-жъ минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертой нарядилась нищенкой, пошла въ стольной городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался жениться на богатой королевнѣ, и велѣно было кликнуть кличь по всему царству, чтобъ сколько ни есть народу православнаго—всѣ бы шли поздравлять жениха съ невѣстою и несли въ даръ по пирогу пшеничному. Вотъ и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сѣять да пирогъ готовить. «Для кого, бабушка, пирогъ готовишь?» спрашиваетъ ее Василиса Премудрая.—Какъ для кого? развѣ ты не знаешь: нашъ царь сына женитъ на богатой королевнѣ; надо во дворецъ идти, молодымъ на столъ подавать. «Дай, и я испеку да во дворецъ снесу; можетъ, меня царь чѣмъ пожалуетъ.»—Пеки съ Богомъ! Василиса Премудрая взяла муки, замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ голубкою и сдѣлала пирогъ. Къ самому обѣду пошла старуха съ Василисою Премудрою во дворецъ; а тамъ пиръ идетъ на весь міръ. Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его пополамъ, какъ вылетѣли оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ: «голубушка, дай и мнѣ творожку!» — Не дамъ, отвѣчаетъ голубка, а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую. Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

(Записана въ воронежской губерніи.)

b. Жили мышь съ воробьемъ ровно тридцать лѣтъ такъ дружно: кто что ни найдетъ — все пополамъ. Разъ воробей

Digitized by Google

нашелъ маковое зернушко. «Что тутъ дѣлить? подумалъ онъ; разъ куснуть — нѣтъ ничего!» Взялъ да и съѣлъ одинъ зернушко. [1]) Спознала про то мышь, и не захотѣла больше жить съ воробьемъ: «давай, говоритъ ему, давай драться не на животъ, а на смерть; ты собирай всѣхъ птицъ, а я соберу всѣхъ звѣрей.» Такъ и сдѣлалось: собрались и звѣри, и птицы, бились долго-долго. Въ этомъ бою подбили одного орла; тотъ полетѣлъ на дубокъ и сѣлъ на вѣтку. На ту пору мужикъ въ лѣсу охотился; охота была неудачная. «Дай, подумалъ мужикъ, хоть орла убью.» Не успѣлъ онъ взяться за ружье, какъ орелъ провѣщалъ человѣческимъ голосомъ: «не бей меня, добрый человѣкъ! я тебѣ ничего худаго не сдѣлалъ.» Мужикъ пошелъ отъ него прочь; ходилъ-ходилъ, не нашелъ никакой птицы; подходитъ въ другой разъ къ дубу и хочетъ орла убить. Ужь совсѣмъ было приловчился, орелъ опять упросилъ его. Мужикъ пошелъ отъ него прочь; ходилъ-ходилъ, не нашелъ ничего; поровнялся опять съ орломъ, приложился и выстрѣлилъ — ружье у него осѣклось. Проговорилъ орелъ: «не бей ты меня, добрый человѣкъ! не-въ-кую [2]) пору гожусь я тебѣ. Возьми лучше къ себѣ, выхоли да вылѣчи.» Мужикъ послушался, взялъ орла въ избу къ себѣ, сталъ его кормить мясомъ: то овцу зарѣжетъ, то теленка. Въ дому мужикъ жилъ не одинъ; семья была большая — стали на него ворчать, что онъ весь на орла проживается. Мужикъ терпѣлъ долго; наконецъ говоритъ орлу: «полетай, куда знаешь; больше держать тебя не смогу.» — Пусти меня силъ попробовать, отвѣчаетъ орелъ. Взлетѣлъ орелъ высоко, опустился на землю, и говоритъ

---

[1]) *Вар.* Нашелъ воробей зернушко; стали дѣлить. «Кусай, мышь, половину себѣ, половину мнѣ.» Мышь откусила, себѣ больше, воробью меньше; подрались и пошли съ жалобой по начальству: воробей къ ворону, мышь къ медвѣдю, и началась война между звѣрями и птицами. [2]) Т. е. въ нѣкую.

Digitized by Google

мужику: «продержи меня еще три дня.» Мужикъ согласился. Прошло три дня; молвилъ орелъ мужику: «пора намъ съ тобою расчитаться; садись на меня.» Мужикъ сѣлъ на орла; орелъ взвился и полетѣлъ на синё море. Отлетѣлъ отъ берега, и спрашиваетъ у мужика: «погляди да скажи, что̀ за нами и что передъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» — За нами, отвѣчаетъ мужикъ, — земля, передъ нами—море, надъ нами—небо, подъ нами,—вода. Орелъ встрепенулся [1]), мужикъ свалился; только орелъ не допустилъ его упасть въ воду, на лету поймалъ. Взлетѣлъ орелъ на средину синя моря, опять сталъ спрашивать: «что за нами и что передъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» — И за нами—море, и передъ нами —море, надъ нами—небо, подъ нами—вода. Орелъ встрепенулся, мужикъ свалился и упалъ въ море; орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ и посадилъ на себя. Подлетаютъ они къ другому берегу; сталъ опять орелъ спрашивать: «что за нами и что передъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» Отвѣчаетъ мужикъ: «за нами — море, передъ нами — земля, надъ нами — небо, подъ нами вода.» Орелъ встрепенулся, упалъ мужикъ въ море, сталъ совсѣмъ тонуть, чуть-чуть не захлебнулся.... Орелъ вытащилъ его, посадилъ на себя и говоритъ: «хорошо тебѣ тонуть было? таково-то и мнѣ было сидѣть на деревѣ, какъ ты въ меня изъ ружья цѣлился. Теперь за зло мы расчиталися; давай добромъ считаться.»

Взлетѣли они на берегъ; летѣли близко ли, далеко ли — видятъ: посерёдъ поля мѣдный столбъ. «Прочти на столбѣ надпись», приказываетъ орелъ мужику. Мужикъ прочелъ; «за этимъ столбомъ, говоритъ, стойтъ», мѣдный городъ на двадцать пять верстъ.» — «Ступай въ мѣдный городъ; тутъ живетъ моя сестрица. Проси у нея мѣдный ларчикъ съ мѣдными

[1]) *Вар.* отряхнулся.

Digitized by Google

ключиками; что-бъ она тебѣ ни давала, ничего другаго не бери —ни злата, ни сѣребра, ни камѣнья самоцвѣтнаго.» Приходитъ мужикъ въ городъ, и прямо къ царицѣ: «здравствуй! тебѣ братъ поклонъ шлетъ.» — А какъ ты знаешь моего брата? «Да я кормилъ его больнаго цѣлые три года.» — Спасибо тебѣ, мужичокъ! Вотъ тебѣ злато и сѣребро и камѣнье самоцвѣтное —бери, сколько душѣ угодно! Мужикъ ничего не беретъ, только проситъ мѣднаго ларчика съ мѣдными ключиками. Она ему отказала: «нѣтъ, голубчикъ! это для меня стоитъ дорого.» —А дорого, такъ мнѣ ничего не надобно. Поклонился, ушелъ за городъ и разсказалъ все орлу. «Ничего, промолвилъ орелъ; садись на меня.» Мужикъ сѣлъ, орелъ полетѣлъ. Стоитъ посерёдъ поля столбъ, весь серебреный. Заставилъ орелъ мужика надпись читать. Тотъ прочелъ; «за этимъ столбомъ, говоритъ, стоитъ городъ серебреный на пятьдесятъ верстъ.» —Ступай въ серебреный городъ; тамъ живетъ моя другая сестрица; проси у нея серебреный ларчикъ съ серебреными, ключиками. Мужикъ приходитъ въ городъ, прямо къ царицѣ, орловой сестрицѣ; разсказалъ ей, какъ у него братецъ орелъ проживалъ, какъ онъ его холилъ и кормилъ, и сталъ просить серебреный ларчикъ съ серебреными ключиками. «Правда, сказала царица мужику, ты сберёгъ моего братца; бери, сколько хочешь, злата и сѣребра и камѣнья самоцвѣтнаго, а ларчика не отдамъ.» Мужикъ вышелъ за городъ и разсказалъ все орлу. «Ничего, сказалъ орелъ; садись на меня.» Мужикъ сѣлъ, орелъ полетѣлъ. Стоитъ посерёдъ поля столбъ, весь золотой. Заставилъ орелъ мужика читать на столбѣ надпись. «За этимъ столбомъ, прочелъ мужикъ, стоитъ золотой городъ на сто верстъ.» — Ступай туда; въ этомъ городѣ живетъ моя любимая сестрица, проговорилъ орелъ; проси у нея золотой ларчикъ съ золотыми ключиками. Мужикъ пришелъ прямо къ царицѣ, орловой сестрицѣ; разсказалъ ей, какъ

Digitized by Google

жилъ у него орелъ, какъ онъ за больнымъ орломъ ухаживалъ и чѣмъ его кормилъ-поилъ, и сталъ просить золотой ларчикъ съ золотыми ключиками. Та слова ему не сказала — сейчасъ отдала ларчикъ: «хоть дорогъ мнѣ ларчикъ, а братъ дороже!» Мужикъ взялъ подарокъ и вышелъ къ орлу за̀ городъ. «Ступай теперь домой, сказалъ ему орелъ, да смотри—не отпирай ларчика до самаго дому.» Сказалъ и улетѣлъ.

Мужикъ долго крѣпился, да не выдержалъ до своего времени: не дошедчи до двора, открылъ золотой ларчикъ, и только успѣлъ открыть—какъ сталъ передъ нимъ золотой городъ. Мужикъ смотритъ — не насмотрится; чудно ему показалось, какъ это изъ ларчика да цѣлый городъ выскочилъ! Межъ тѣмъ царь той земли, на которой раскинулся золотой городъ, прислалъ сказать мужику, чтобы онъ или отдалъ ему городъ или то, что есть у него дома и чего онъ не вѣдаетъ. Не захотѣлось мужику отдавать города; онъ подумалъ: «то, чего я не знаю, не жалко и отдать будетъ!» и согласился на послѣднее. Только вымолвилъ отвѣтъ свой, глядь — города нѣтъ; стоитъ онъ въ чистомъ полѣ одинъ-одинёхонекъ, а возлѣ него золотой ларчикъ съ золотыми ключиками. Взялъ мужикъ ларчикъ и поплёлся домой. Приходитъ съ свою избу, а жена несетъ ему младенца, что̀ безъ него родила. Тутъ только спохватился мужикъ и спозналъ, чего просилъ у него царь земли невѣрной. Дѣлать было нечего; раскинулъ онъ золотой городъ, и сталъ до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лѣтъ; царь земли невѣрной прислалъ сказать, что пора де расчитаться. Поплакалъ мужикъ, благословилъ сына, да и послалъ къ царю.

Идетъ молодецъ путемъ-дорогою, подходитъ ко Дунаю-рѣкѣ, и прилёгъ тутъ на бережку отдохнуть. Видитъ онъ, что пришли двѣнадцать дѣвушекъ—одна другой лучше, раздѣлись, обернулись сѣрыми утицами и полетѣли купаться. Молодецъ под-

Digitized by Google

крался и взялъ платье одной дѣвушки. Накупавшись, утицы вылетѣли на берегъ. Всѣ одѣлись; одной не достало платья. Одѣтыя улетѣли, а та стала плакать и просить молодца: «отдай мое платье; не-въ-кую пору сама гожусь я тебѣ.» Молодецъ подумалъ-подумалъ, и отдалъ ей платье. Приходитъ онъ къ царю невѣрному. «Слушай, доброй молодецъ! говоритъ царь земли невѣрной; узнай ты мою меньшую дочь; узнаешь—пущу тебя на всѣ на четыре стороны, не узнаешь—пѣняй на себя!» Только вышелъ молодецъ изъ дворца, меньшая царевна на встрѣчу ему: «отдалъ ты мнѣ платье, доброй молодецъ! пригожусь и я тебѣ. Завтра отецъ мой будетъ показывать тебѣ всѣхъ насъ сестеръ, и велитъ меня угадывать. Мы всѣ похожи одна на другую; такъ ты смотри: у меня на лѣвомъ ухѣ будетъ мошка ползать.» На утро зоветъ къ себѣ молодца царь невѣрный, показываетъ ему двѣнадцать своихъ дочерей: «угадай, говоритъ, которая меньшая дочь?» Молодецъ посмотрѣлъ: у которой на лѣвомъ ухѣ мошка, на ту и показалъ. Завопилъ, закричалъ царь: «слушай, молодецъ! тутъ подлогъ есть, да я тебѣ не игрушка. Выстрой къ завтраму мнѣ бѣлокаменныя палаты; мои, вишь, стары, такъ я хочу въ новыя перейдти [1]). Выстроишь — отдамъ за тебя меньшую дочь, не выстроишь — живаго съѣмъ!» Запечалился молодецъ, идучи отъ невѣрнаго царя, да царевна ему на встрѣчу: «не кручинься, говоритъ; молись Богу, да спать ложись; къ завтраму все готово будетъ.» Лѣгъ молодецъ, заснулъ. Поутру глядь въ окошко—стоитъ новый дворецъ, мастера ходятъ кругомъ, да кой-гдѣ гвоздики поколачиваютъ. Царь земли невѣрной отдалъ свою меньшую дочь за молодца; не хотѣлось ему отступиться отъ своего слова царскаго. Да и замысла покинуть—тоже не хочется: заду-

---

[1]) *Вар.* Выстрой за одну ночь большой дворецъ, кругомъ чтобъ озера были да деревья росли и чтобъ изъ каждаго листочка вода бѣжала!

Digitized by Google

малъ онъ съѣсть живьёмъ молодца и съ дочерью. Пошла молодая посмотрѣть, что дѣлаетъ ея батюшка съ матушкой; подходитъ къ двери, и слышитъ, что они совѣтъ совѣтуютъ, какъ дочь съ зятемъ съѣсть.

Побѣжала царевна къ мужу, оборотила его въ голубя, сама перекинулась въ голубку, и полетѣли на свою сторонку. Провѣдалъ про то царь невѣрный, послалъ ихъ догонять. Догонщики мчали-скакали, никого не нагнали, увидѣли только голубя съ голубкою, да и вернулись назадъ. «Никого не догнали, сказали они царю своему; только и видѣли голубя съ голубкою.» Царь догадался, что это они были; разсердился на догонщиковъ, перевѣшалъ ихъ, и послалъ другихъ. Погнались эти, мчали-скакали, прискакали къ рѣкѣ, а у той рѣки стоитъ дерево; видятъ, что нѣтъ никого, и вернулись къ царю. Разсказали ему про рѣчку, про дерево. «Это они и были!» закричалъ царь земли невѣрной, велѣлъ перевѣшать и этихъ догонщиковъ. Погнался самъ. Ѣхалъ-ѣхалъ и наѣхалъ на божью церковь. Онъ въ церковь, а тамъ старичокъ ходитъ, да свѣчи передъ иконами зажигаетъ. Спросилъ царь у него, не видалъ ли онъ бѣглецовъ? Старичокъ сказалъ, что они ужь давно ушли въ золотой городъ, что̀ стоитъ на сто верстъ. Вдарился царь невѣрный отъ злости о̀-земь, да дѣлать-то было нечего —поворачивай оглобли домой. Только что онъ уѣхалъ, церковь оборотилась царевною, а старичокъ добрымъ молодцемъ, поцѣловались да и пошли къ батюшкѣ съ матушкой въ золотой городъ, что̀ раскинулся на сто верстъ. Пришли, и стали тамъ жить да поживать, да добра наживать.

(Записана въ рязанской губерніи.)

с. Однажды мышь уговоръ сдѣлала съ воробьемъ, чтобы вмѣстѣ въ одной норѣ жить, въ одну нору кормъ носить—про зиму въ запасъ. Вотъ и сталъ воробей пуще прежняго воро-

Digitized by Google

вать; благо теперь есть куды прятать! и много натаскалъ онъ въ мышиную нору ячменю, конопляного и всякаго зерна. Да и мышь не зѣваетъ: что ни найдетъ, туда же несетъ. Знатной запасъ снарядили на глухое зимнее времячко; всего вдоволь! «Заживу теперь припѣваючи», думаетъ воробей, а онъ сердечной порядкомъ таки поусталъ на воровствѣ. Пришла зима, а мышь воробья въ нору не пущаетъ, знай его гонитъ, да еще въ насмѣшку всѣ перья на немъ выщипала. Трудно стало воробью зиму маячить: и голодно, и холодно! «Постой же, мышь каторжная! говоритъ воробей; я на тебя управу найду, пойду на тебя своему царю жаловаться.» Пошелъ жаловаться: «царь-государь! не вели казнить, вели миловать. Былъ у насъ съ мышью уговоръ, чтобы вмѣстѣ въ одной норѣ жить, въ одну нору кормъ носить—про зиму запасать; а какъ пришла зима—не пущаетъ она, каторжная, меня къ себѣ, да еще въ насмѣшку все перье мое повыдергала. Заступись за меня, царь-государь, чтобъ не помереть мнѣ съ дѣтишками напрасною смертію.»—Ладно, вымолвилъ птичій царь; я все это дѣло разберу. И полетѣлъ къ царю звѣриному, разсказалъ ему, какъ мышь надъ воробьемъ наругалася: «прикажи, говоритъ, моему воробью безчестье то сполна заплатить.»—Позвать ко мнѣ мышь, сказалъ звѣриной царь. Мышь явилась, прикинулась такой смиренницей, такія лясы подпустила, что воробей сталъ кругомъ виноватъ: «никогда де уговору у насъ не было, а хотѣлъ воробей насилкомъ въ моей норѣ проживать; а какъ не стала его пущать — такъ онъ въ драку полѣзъ! просто изъ силъ выбилась; думала, что смерть моя пришла! еле отступился окаянный!»—Ну, любезный государь! говоритъ звѣриный царь птичьему; мышь моя ни въ чемъ не виновна; воробей твой самъ ее обидѣлъ, и никакого безчестья ему платить не приходится. «Коли такъ, сказалъ птичій царь звѣриному, станемъ сражаться; вели своему войску выходить въ чистое

Digitized by Google

поле—тамъ будетъ у насъ расчетъ съ вашимъ звѣринымъ родомъ; а свою птицу я въ обиду не дамъ.» — Хорошо, будемъ сражаться. На другой день чуть свѣтъ собралось на поляну войско звѣриное, собралось и войско птичее. Начался страшный бой, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Куда силёнъ звѣриный народъ! кого когтемъ цапнетъ, гладишь—и духъ вонъ; да птицы-то не больно поддаются, бьютъ все сверху; иной бы звѣрь и ударилъ, и сиялъ птицу, такъ она сейчасъ на лётъ пойдетъ: смотри на нее да и только! Въ томъ бою ранили орла. Пыталъ было сердечный подняться ввысь, да силы не хватило; только и смогъ, что взлетѣлъ на сосну и усѣлся на верхушкѣ. Окончилась битва, звѣри разбрелись по своимъ берлогамъ и норамъ, птицы разлетѣлись по гнѣздамъ; а онъ, горемычный, сидитъ на деревѣ, пригорюнившись: рана болитъ, а помочи неоткуда ждать.

Въ то самое время идетъ мимо охотникъ. День деньской ходилъ онъ по лѣсу, ничего не выходилъ: «эхма! думаетъ про себя: видно сегодня съ пустыми руками домой ворочаться.» Глядь—орелъ сидитъ на деревѣ. Сталъ охотникъ подъ него подходить, ружьецо на него наводить. «Не стрѣляй меня, младъ охотничекъ! провѣщалъ ему орелъ человѣческимъ голосомъ; лучше живьёмъ возьми—въ нѣкое время я тебѣ самъ пригожусь.» Взлѣзъ охотникъ на дерево, снялъ орла съ сосновой макушки, посадилъ къ себѣ на руку и принесъ его домой. «Ну, младъ охотничекъ! говоритъ ему орелъ; день деньской ты ходилъ, ничего не убилъ; бери теперь острый ножъ и ступай на поляну: былъ у насъ тамъ страшный бой со всякимъ звѣрьёмъ, и много мы того звѣрья побили; будетъ и тебѣ поживишка немалая!» Пошелъ охотникъ на поляну; а тамъ лежитъ звѣрья побитаго видимо-невидимо, куницамъ да лисицамъ счету нѣтъ! Отточилъ ножъ на брускѣ, поснималъ звѣриныя шкуры, свёзъ въ городъ и продалъ недешево; на тѣ деньги

Digitized by Google

накупилъ въ запасъ хлѣба и насыпалъ три закрома большущіе—на три года хватитъ! Проходитъ одинъ годъ—опустѣлъ одинъ закромъ; у орла силы все не прибываетъ. Взялъ охотникъ ножъ, отточилъ на брусѣ: «пойду, говоритъ, зарѣжу орла; здоровъ—онъ не здоровѣетъ, даромъ только хлѣбъ ѣстъ!»—Не рѣжь меня, добрый человѣкъ! проситъ птица-орелъ; потерпи хоть еще годокъ; будетъ время—добромъ тебѣ заплачу. «Ну, Господь съ тобой! не возьму грѣха на душу; кормилъ годъ, прокормлю и другой.» Вотъ еще года какъ не бывало, опустѣлъ и другой закромъ: у орла все силы не прибываетъ. Говоритъ охотникъ: «пожалѣлъ я прошлое лѣто орла, а нынче вижу ему конецъ пришелъ: здоровъ—онъ не здоровѣетъ, только даромъ хлѣбъ поѣдаетъ! Пойду—его зарѣжу.» Взялъ ножъ, отточилъ на брусѣ, и пошелъ къ орлу: «ну, орелъ! прощайся со свѣтомъ божіимъ. Лѣчилъ я тебя, лѣчилъ, а толку нѣтъ ничего; только запасено хлѣбъ на тебя извелъ!»—Не рѣжь меня, добрый человѣкъ! потерпи еще годокъ; будетъ время—добромъ тебѣ заплачу. «Господь съ тобой! не возьму грѣха на душу; кормилъ тебя два года, третій куда не шелъ!» На третій годъ сталъ орелъ выправляться, стала прибывать у него сила великая, богатырская: хлещетъ крыльями—въ избѣ окна дрожатъ. Вотъ и третій годъ на исходѣ, во всѣхъ закромахъ пусто; остался охотникъ безъ хлѣба. «Спасибо тебѣ, младъ охотничекъ! говоритъ ему орелъ, что умѣлъ ты меня выхолить.» Посадилъ на себя того охотника и полетѣлъ съ нимъ по поднебесью къ морю-окіану, да какъ забралъ въ самую высоту—встрепенулся и сбросилъ его внизъ. Сажень на двадцать только не далъ ему долетѣть до синя моря, подхватилъ и посадилъ къ себѣ на спину. «Хорошо ли тебѣ было?» спрашиваетъ орелъ охотника.—Ужь чего хуже этого, отвѣчаетъ онъ; я думалъ: смерть моя пришла! «Таково-то и мнѣ легко было, какъ приходилъ ты съ ножемъ ко мнѣ

Digitized by Google

въ первый годъ.» Поднялся орелъ повыше прежняго, встрепенулся и сбросилъ охотника, и не допускаючи его до синя моря сажень на десять, подхватилъ опять къ себѣ на спину. Сидитъ охотникъ ни живъ, ни мертвъ. «Каково показалось тебѣ?» спрашиваетъ орелъ.—Чего хуже этого! ужь лучше бы ты одинъ конецъ положилъ мнѣ, да не томилъ моей душеньки. «Таково-то и мнѣ было сладко, какъ приходилъ ты съ ножемъ ко мнѣ на другой годъ. Умѣлъ же ты меня помиловать; не останусь и я въ долгу. Полетимъ, говоритъ, къ моей старшей сестрицѣ; станетъ она тебѣ давать много злата и сéребра и кáменья самоцвѣтнаго — ничего не бери, проси сундучокъ.»

Долго-ли, коротко-ли, прилетаютъ они въ тридевятое царство, въ тридесятое государство. Выбѣгала на встрѣчу имъ старшая сестрица, стала брата цѣловать, миловать, крѣпко къ сердцу прижимать: «свѣтъ ты мой милый, братецъ любезный! гдѣ былъ - побывалъ, въ какихъ земляхъ странствовалъ? Ужь мы по тебѣ давно сокрушались, слезами горючими обливались.» — А и вѣчные вѣки бы вамъ по мнѣ сокрушаться да слезами горючими обливаться, коли-бъ не сыскался мнѣ благодѣтель—вотъ этотъ охотникъ; онъ меня три года лѣчилъ и кормилъ, чрезъ него свѣтъ божій вижу.» Взяла орлова сестрица охотника зá руку, повела его въ подвалы глубокіе; въ тѣхъ подвалахъ лежитъ казна великая: злата и сéребра — полныя кучи, кáменья самоцвѣтнаго цѣлой уголъ наваленъ. «Бери, говоритъ, сколько хочется.» Отвѣчаетъ ей охотникъ: «не надо мнѣ ни злата, ни сéребра, ни кáменья самоцвѣтнаго; коли милость твоя будетъ, отдай мнѣ сундучокъ.» Какъ услышала таковы слова старшая сестрица — тотчасъ изъ лица перемѣняется, на иной ладъ рѣчь поворачиваетъ: «какъ-бы не такъ! говоритъ; знаемъ мы этихъ братьевъ, только и норовятъ, какъ-бы выманить что получше да къ своимъ рукамъ

Digitized by Google

прибрать!» Не сталъ долго толковать съ нею орелъ, подхватилъ охотника и полетѣлъ къ середней сестрицѣ; ну, и здѣсь случилось тоже самое. Полетѣлъ наконецъ къ младшей сестрицѣ; выбѣжала она на встрѣчу, стала брата цѣловать, миловать крѣпко къ сердцу прижимать: «свѣтъ мы мой милый, братецъ любезный! гдѣ былъ-побывалъ, въ какихъ земляхъ странствовалъ? А ужь мы тебя и жива не чаяли, много слезъ по тебѣ пролили.» — И вправду, лежать бы мнѣ во сырой землѣ, выплакать бы тебѣ свои ясныя очи, коли бы да не сыскался благодѣтель—вотъ этотъ охотникъ; онъ меня три года лѣчилъ и кормилъ, чрезъ него только и свѣтъ божій вижу! Сейчасъ повела орлова сестрица охотника въ подвалы глубокіе; въ тѣхъ подвалахъ — казна великая: отъ камéнья самоцвѣтнаго ажъ глазамъ больно, про злато-сéребро и говорить нечего! «Бери, говоритъ ему, сколько душа твоя хочетъ.» — Не надо мнѣ, отвѣчаетъ охотникъ, ни злата, ни сèребра, ни камéнья самоцвѣтнаго; коли будетъ твоя милость, отдай сундучокъ. «Отчего не дать! я для братца любимаго ничего не пожалѣю.» Сказала и отдала ему сундучокъ.

«Иди теперь съ Богомъ въ свое государство, сказалъ охотнику орелъ; да одно помни: не отворяй сундучка до тѣхъ мѣстъ, пока домой не воротишься.» Тутъ распростились они любовно; орелъ взмахнулъ крыльями и поднялся стрѣлою въ небо, а добрый молодецъ поплёлся своею дорогою. Долго ли, коротко-ли шелъ онъ — только взяло его раздумье: что если въ сундучкѣ-то пусто? было изъ чего хлопотать, таскаясь по бѣлу свѣту! «Дай посмотрю!» Отворилъ сундучокъ... Батюшки свѣты! какъ полѣзло оттуда воинство: такъ и валитъ, такъ и валитъ! Собралася рать несмѣтная: и пѣшая, и конная. «Какъ-же теперь быть? думаетъ охотникъ; какъ убрать въ сундучокъ всю эту силу военную? да этого и чортъ не сдѣлаетъ!» Глядь — стоитъ передъ нимъ оказанный. «Хочешь, говоритъ,

Digitized by Google

я помогу твоей бѣдѣ; только не поскупись, отдай мнѣ — чего дома не знаешь.»—Изволь, отвѣчаетъ охотникъ; готовъ тебѣ отдать — чего дома не знаю, только съ уговоромъ: коли въ три дня не съумѣешь найдти, такъ оно навсегда при мнѣ останется. «Ладно», сказалъ окаянной.

Воротился охотникъ домой, а у него сынъ народился; жаль стало ему отдавать чорту дѣтище родимое, залился слезами и разсказалъ женѣ про свое горе. Всѣмъ вѣдомо, что баба хитрѣе чорта. Говоритъ жена охотнику: «что̀ будетъ — то будетъ, а слезами дѣлу не поможешь. Давай-ка, убьемъ нашу цѣпную собаку и зашьемъ сына въ собачью шкуру, да и цѣпь на него надѣнемъ: пусть сидитъ на привязи, словно взаправду пёсъ.» Такъ и сдѣлали, зашили мальчика въ собачью шкуру, привязали на́ цѣпь, а сами стали усердно творить молитвы Богу. Ночью поднялся на дворѣ страшной шумъ — и явился лукавой; ужь онъ метался-метался; кажись, всякой уголокъ раза три оглядѣлъ, ошарилъ — а мальчика нѣтъ какъ нѣтъ! Вотъ запѣлъ пѣтухъ, надо домой убираться; бросился лукавой къ своему старшо̀му: «нигдѣ, говоритъ, не нашелъ мальчика.» — А зачѣмъ же ты не досмотрѣлъ цѣпную собаку? сказалъ старшо́й, да схватилъ его за хвостъ, трясъ-трясъ и со злости бросилъ въ самой жаръ. На другую ночь охотникъ зашилъ сына въ баранью шкуру, на третью ночь въ козлиную; а самъ съ женою пуще прежняго Богу молится. Какъ ни бился лукавой, такъ-таки и не смогъ найдти мальчика. Послѣ того выбралъ охотникъ знатное мѣсто, выпустилъ изъ сундуч а все свое воинство, велѣлъ лѣсъ рубить да городъ строить. Мигомъ закипѣла работа, и откуда что́ взялось, словно изъ земли вышло — раскинулся большой и славной городъ; въ томъ городѣ сталъ онъ царствовать, и царствовалъ долго и счастливо.

Digitized by Google

24.

ПОКАТИГОРОШЕКЪ [1]).

Бувъ соби человикъ да жинка, а у нихъ було два сына и дочка́. Отъ батько посылаеть сыновъ орать [2]); воны кажуть: «а хто намъ обидать прынесе?» Батько каже: «дивка.» А дивка каже: «я дороги не знаю.» Отъ браты кажуть: «якъ зыйдешъ на гору, такъ буде тры дороги; на которой дорози стружки будуть лыжать, то ты по тій и йды.» Змій бачыть, що два браты ѣдуть и все по дорози стружки стружуть; винъ узявъ стружки позбиравъ, да кидà по тій дорози, що до ёго норы. Маты наварыла обидать и дала дочки несты. Вона вышла на гору и пошла по тій дорози, по которой стружки лыжать; дошла до норы, а змій узявъ еји да въ нору и кинувъ. Браты ждалы-ждалы обиду да-й выпряглы волы; волы пустылы пасты, а сами пишлы до дому да-й питають матери: «дѣ-жъ вашъ, мамо, обидъ?» Маты каже: «я-жъ давно вамъ з' дивкою послала.» Отъ воны до самого вичера еји ждалы; уранци всталы—еји нима! Браты кажуть: «мабуть еји той проклятущій змій узявъ!» Воны удяглысь да-й пишлы сестры шукать. Идуть да идуть — колы чередникъ череду [3]) пасе. Воны поздоровалысь; чередникъ питае: «куда вы йдыте?» Воны кажуть: «до змія—сестры отыймати.» — Якъ хочете вы отнять отъ змія сестру, то изъйжте у мене самого бильшего вола. Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы пастухъ пасе овечки. Воны из' нымъ поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?» — До змія — сестры отыймать. «Колы хочете еји отнять. то изъйжте у мене самого биль-

[1]) См. вып. III, № 2. [2]) Пахать. [3]) Череда—стадо крупнаго скота; чередникъ — пастухъ (Опытъ вел. обл. словаря, стр. 256).

Digitized by Google

шего барана.» Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть —колы свинарь пасе свини. Воны поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?»—До змія—сестры отыймать. «Колы хочете еји отнять, то изъјижте у мене самого бильшего кабана.» Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть— ажъ змій стоить коло свого дому. Змій каже: «здраствуйте! чого васъ сюды Богъ занисъ?» — До тебе за сестрою. «Колы хочете свою сестру узять, такъ изъјижте двѣнадцять воливъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ.» Воны по малесенькому кусочку изъјилы, да-й бильше не захотилы. Винъ ихъ узявъ да пидъ камынь пидвернувъ.

Маты плакала, що нима ни сынивъ, ни дочки; узяла видра да-й пишла по̀ воду до колодязя, набрала воды да иде — колы горошина катытця по дорози да-й вскòчила у видро, а вона и не бачила. Прышла до дòму, выливае воду—колы дывитця: горошина у видри; вона узяла да-й изъјила, и отъ тей горошины уродився сынъ. Далы ёму имя Покатыгорошко; винъ росте не по часамъ, а по минутамъ. Посидалы вичеряти, Покатыгорошко питае: «чи у васъ, мамо, булы јищо диты?» — Було у мене двое сынивъ и одна дочка́. «А дѣ-жъ воны?» — Змій украв дочку, такъ сыны пишлы еји шукать; да нима ни сынивъ, ни дочки. Винъ повичерявъ, обувся и одягся: «пиду-жъ и я теперь за ными.» Просить коваля: «изробы мини велыку булаву.» Коваль изробывъ ёму булаву; Покатыгорошко узявъ булаву, заплатывъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пасе чередникъ череду. Винъ из' нымъ поздоровалысь; чередникъ ёго питае: «куды ты идешъ?»—Иду до змія — сестры отыймать. «Изъјижъ у мене самого бильшего вола, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде— колы пастухъ пасе овечки. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; пастухъ ёго питае: «куды ты идешъ?» Винъ каже: «до змія—сестры отыймать.»—Изъјижъ у мене самого биль-

Digitized by Google

шего барана, такъ отыймешъ!» Винъ изъjивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде—колы свинарь пасе свини. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; свинарь его питае: «куды ты идешъ?»—До змія—сестры отыймать. «Изъjижъ у мене самого бильшего кабана, такъ отыймешъ!» Винъ изъjивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде—ажъ стоiть домъ змія, и сестра бере коло колодязя воду. «Здрастуй, сестра!» каже Покатыгорошко. Вона ёму: «якій ты мини братъ?» Винъ каже: «побачишъ, якій я тоби братъ!» Отъ выходыть змій: «а, здрастуй!» каже. — Здрастуй! Змій его питае: «чого ты пришовъ?» — За сестрою да за братьями. «Изъjижъ двѣнадцять воливъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ.» Винъ узявъ вси поjивъ. Змій каже: «молодецъ!.. ну, теперь чи будемъ битыця, чи миритьця?» — Будемъ битьця! я съ тобою не хочу миритьця. «Дмы токъ», каже змій.—Дмы ты, каже Покатыгорошко; бо ты въ своемъ добри хозяинъ, а не я. Отъ змій якъ дунувъ—такъ у его ставъ чегунный; а Покатыгорошко якъ дунувъ — такъ у ёго ставъ мидный. Отъ Покатыгорошко якъ давъ змія булавою, такъ змій ставъ по колѣна въ земли; ударивъ другій разъ — и убивъ змія. Тоди узявъ змія посикъ-порубавъ, на попилъ перевиявъ; братьевъ съ-пидъ камыня изверьнувъ, забравъ ихъ и сестру да-й пишовъ до дому. Батько и маты булы рады!

(Доставлена М. А. Максимовичемъ.)

25.

ЗМѢЙ И ЦЫГАНЪ.

Въ старые годы стояла одна деревушка; повадился въ ту деревушку змѣй летать, людей пожирать. Всѣхъ поѣлъ; остался всего-на-всего одинъ мужикъ. Втѣпоры приходитъ туда цыганъ;

Digitized by Google

дѣло было позднимъ вечеромъ. Куда ни заглянетъ—вездѣ пусто! Зашелъ наконецъ въ послѣднюю избушку; тамъ сидитъ да плачется остальной мужикъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — Ты зачѣмъ, цыганъ? вѣрно жизнь тебѣ надоѣла! «А что?» — Да вѣдь сюда повадился змѣй летать, людей пожирать; всѣхъ поѣлъ, меня одного до утра оставилъ, а завтра прилетитъ—и меня сожрётъ, да и тебѣ не сдобровать. Разомъ двухъ съѣстъ! «А можетъ подавится! Дай-ка я съ тобой переночую, да посмотрю завтра: какой-такой змѣй къ вамъ летаетъ?» Переночевали. Утромъ поднялась вдругъ сильная буря, затряслась изба—прилетаетъ змѣй: «ага! говоритъ, прибыль есть! оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ. Будетъ чѣмъ позавтракать...» — Будто и вправду съѣшь? спрашиваетъ цыганъ. «Да таки съѣмъ!»—Брешишь, чортова образина! подавишься! «Что жъ ты развѣ сильнѣе меня?» — Еще бы! чай самъ знаешь, что у меня сила больше твоей. «А ну, давай попробуемъ: кто кого сильнѣе?» — Давай! Змѣй досталъ изъ жернововъ камень: «смотри, цыганъ! я этотъ камень одной рукой раздавлю.»—Ладно, посмотрю! Змѣй взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкой песокъ обратился: искры такъ и посыпались! «Экое диво! говоритъ цыганъ, а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» А на столѣ лежалъ узелокъ творогу; цыганъ схватилъ его и ну давить — сыворотка и потекла наземь [1]). «Что видѣлъ? у кого силы больше?»—Правда, рука у тебя сильнѣе моей; а вотъ попробуемъ: кто изъ насъ крѣпче свиснетъ? «Ну, свисти!» Змѣй какъ свиснулъ—со всѣхъ деревьевъ листъ осыпался. «Хорошо, братъ, свистишь; а все не лучше моего, сказалъ цыганъ. Завяжи-ка напередъ свои

---

[1]) Иногда, вмѣсто творогу, сказочники заставляютъ цыгана давить жирной пирогъ.

Digitized by Google

бѣльмы, а то какъ я свисну — они у тебя изо лба повыскочутъ!» Змѣй повѣрилъ и завязалъ платкомъ свои глаза: «а ну свисти!» Цыганъ взялъ дубину да какъ свиснетъ змѣя по башкѣ — тотъ во все горло закричалъ: «полно, полно, цыганъ! не свисти больше; и съ одного разу немного глаза не вылѣзли.»—Какъ знаешь, а я пожалуй готовъ и еще разокъ-другой свиснуть. «Нѣтъ, не надо! не хочу больше спорить. Давай лучше съ тобой побратаемся: ты будь старшій братъ, а я меньшой.»—Пожалуй!

«Ну, братъ, говоритъ змѣй, ступай — тамъ на степи пасется стадо воловъ; выбери самаго жирнаго, возьми за хвостъ и тащи на обѣдъ.» Нечего дѣлать—пошелъ цыганъ въ степь; видитъ — пасется большой гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ дружкѣ за хвосты связывать. Змѣй ждалъ ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «что такъ долго?» — А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой, чтобъ на цѣлой мѣсяцъ хватило! «Экой ты! нѣшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать? Будетъ и одного.» Тутъ змѣй ухватилъ самаго жирнаго вола за хвостъ, сдернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ домой. «Какъ-же, братъ! я столько штукъ навязалъ — неужли-жъ такъ бросить?» — Ну, брось! Пришли въ избу, наклали два котла говядины, а воды нѣту. «На тебѣ воловью шкуру, говоритъ цыгану змѣй; ступай, набери полную воды и неси сюда; станемъ обѣдъ варить.» Цыганъ взялъ шкуру, потащилъ къ колодезю — еле-еле порожнюю тащитъ, не то что съ водою. Пришелъ и давай окапывать кругомъ колодезь. Змѣй опять ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «что ты, братъ, дѣлаешь?» — Хочу колодезь кругомъ окопать да весь въ избу притащить, чтобъ не нужно было ходить по воду. «Экой ты! много затѣваешь! Чтобъ окопать, надо много времени.» Опустилъ змѣй въ колодезь шкуру, набралъ полную воды,

Digitized by Google

вытащилъ и понёсъ домой. «А ты, братъ, говоритъ цыгану, ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки въ избу: пора огонь разводить!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, началъ лыки драть да веревки вить; свилъ длинную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ, побѣжалъ самъ: «что такъ мѣшкаешь?» — Да вотъ хочу зарàзъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкою да и тащить всѣ съ кореньями, чтобъ нàдолго дровъ хватило! «Экой ты! все по своему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самой толстой дубъ и поволокъ въ избу. Цыганъ притворился, что крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй наварилъ говядины, зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ: «не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго вола, выпилъ воловью шкуру воды, и сталъ цыгана допрашивать: «скажи, братъ, за что сердишься?»—А за то: что я ни сдѣлаю — все не такъ, все не по твоему! «Ну, не сердись, помиримся!»—Коли хочешь со мной помириться, поѣдемъ ко мнѣ въ гости. «Изволь; готовь, братъ!» Тотчасъ досталъ змѣй повозку, запрёгъ тройку что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганской таборъ. Стали подъѣзжать; увидали цыганята своего батька, бѣгутъ къ нему на встрѣчу голые да во все горло кричатъ: «батько пріѣхалъ! змѣя привёзъ!» Змѣй испугался, спрашиваетъ цыгана: «кто это?»—А то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя пріймутся! Змѣй изъ повозки да бѣжать; а цыганъ продалъ тройку лошадей вмѣстѣ съ повозкой, и зажилъ себѣ припѣваючи.

26.

НЕУМОЙКА.

Отслужилъ солдатъ свою службу, отпустили его *въ чистую* [1]). Вотъ онъ вышелъ на дорогу, шелъ-шелъ, присталъ и

[1]) Т. е. отставку.

Digitized by Google

сѣлъ у озера; сидитъ да думу думаетъ: «что-же мнѣ теперь дѣлать?... Къ чорту что-ли въ работники наняться!» Только вымолвилъ эти рѣчи, а чертёнокъ тутъ какъ тутъ — стоитъ передъ нимъ, кланяется: «здорово, служба!»—Тебѣ что надо? «Да не самъ ли ты захотѣлъ къ намъ въ работники наняться? Что-жъ, служивой, наймись! жалованье большое дадимъ.» —А какова работа? «Работа легкая: только пятнадцать лѣтъ не бриться, не стричься, соплей не сморкать, носъ не утирать и одёжи не перемѣнять!» [1]) — Ладно, говоритъ солдатъ; я возьмусь за эту работу, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы все мнѣ было готово, чего душа пожелаетъ! «Ужь это какъ водится! будь спокоенъ, за нами помѣшки не будетъ.» — Ну, такъ по рукамъ! Сейчасъ же перенеси меня въ большой столичной городъ да кучу денегъ притащи; ты вѣдь самъ знаешь, что этого добра у солдатъ безъ малаго ничего! Чертёнокъ бросился въ озеро, притащилъ кучу денегъ и мигомъ перенёсъ солдата въ большой городъ; перенёсъ — и былъ таковъ! «Вотъ на дурака напалъ! говоритъ солдатъ; еще не служилъ, не работалъ, а деньги взялъ.» Нанялъ себѣ квартиру, не стрижется, не брѣется, носа не утираетъ, одёжи не перемѣняетъ, живетъ богатѣетъ; до того разбогатѣлъ, что некуда стало денегъ дѣвать. Что дѣлать съ серебромъ да съ золотомъ? «Дай-ка, вздумалъ онъ, начну помогать бѣднымъ; пусть за мою душу молятся.» Началъ солдатъ раздавать деньги бѣднымъ, и на-право даетъ, и на-лѣво даетъ — а денегъ у него не только не убываетъ, а еще прибавляется. Пошла объ немъ слава по всему царству, по всѣмъ людямъ. Вотъ такъ-то жилъ солдатъ лѣтъ четырнадцать; на пятнадцатомъ году не хватило у царя казны; велѣлъ онъ позвать къ себѣ этого солдата.

[1]) *Варіантъ:* Три года не умывайся, не стригись и ногтей не обрѣзывай; отслужишь эту службу —тогда поѣдемъ къ королю, есть у него три дочери: двѣ мои, а третья твоя будетъ!

Digitized by Google

Приходитъ къ нему солдатъ небритой, немытой, нечесаной, сопли не вытерты, одёжа не перемѣнена. «Здравія желаю, ваше величество!»—Послушай, служивой! ты, говорятъ, всѣмъ людямъ добро дѣлаешь; дай мнѣ хоть въ займы денегъ. У меня на жалованье войскамъ не хватаетъ. Если дашь, сейчасъ тебя генераломъ пожалую. «Нѣтъ, ваше величество! я генераломъ быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну изъ своихъ дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно.» Тутъ король призадумался: и дочерей жалко, и безъ денегъ обойтись нельзя. «Ну, говоритъ, хорошо; прикажи списать съ себя патретъ [1]), я его дочерямъ покажу—которая за тебя пойдетъ?» Солдатъ повернулся, велѣлъ списать съ себя патретъ—точь въ точь, какъ онъ есть, и послалъ его къ царю. У того царя было три дочери; призвалъ ихъ отецъ, показываетъ солдатской патретъ старшей: «пойдешь ли за него замужъ? онъ меня изъ великой нужды выведетъ.» Царевна видитъ, что нарисовано страшилище, волоса всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты! «Не хочу! говоритъ; я лучше за чорта пойду!» А чортъ откуда взялся—стоитъ позади съ перомъ да съ бумагой; услыхалъ это и записалъ ея душу. Спрашиваетъ отецъ середнюю дочь: «пойдешь за солдата замужъ?»—Какъ-же! я лучше въ дѣвкахъ просижу, лучше съ чортомъ повяжуся, чѣмъ за него идти! Чортъ записалъ и другую душу. Спрашиваетъ отецъ у меньшой дочери; она ему отвѣчаетъ: «видно судьба моя такова! иду за него замужъ, а тамъ что Богъ дастъ!» Царь обрадовался, послалъ сказать солдату, чтобъ къ вѣнцу готовился, и отправилъ къ нему двѣнадцать подводъ за золотомъ. Солдатъ потребовалъ къ себѣ чертёнка: «вотъ двѣнадцать подводъ—чтобы сейчасъ всѣ были золотомъ насыпаны!» Чертёнокъ побѣжалъ въ озе-

[1]) Портретъ.

Digitized by Google

ро, и пошла у нечистыхъ работа: кто мѣшокъ тащитъ, кто два; живой рукой насыпали возà и отправили къ царю во дворецъ. Царь поправился и началъ звать къ себѣ солдата почитай кажный день, сажалъ съ собою за единой столъ, вмѣстѣ съ нимъ и пилъ и ѣлъ. Вотъ пока готовились они къ свадьбѣ, прошло какъ разъ пятнадцать лѣтъ: кончился срокъ солдатской службы. Зоветъ онъ чертёнка и говоритъ: «ну, служба моя покончилась; сдѣлай теперь меня молодцомъ.» Чертёнокъ изрубилъ его на мелкія части, бросилъ въ котелъ, и давай варить; сварилъ, вынулъ и собралъ все во-едино, какъ слѣдуетъ: косточка въ косточку, суставчикъ въ суставчикъ, жилка въ жилку; потомъ взбрызнулъ мертвой и живой водою—и солдатъ всталъ такимъ молодцомъ, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Обвѣнчался онъ съ младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво пилъ, было у нихъ вино—выпивалъ его по самое дно!

Прибѣжалъ чертёнокъ въ озеро; потребовалъ его дѣдушка къ отчету: «что какъ солдатъ?»—Отслужилъ свой срокъ вѣрно и честно: ни разу не брился, не стригся, соплей не утиралъ, одёжи не перемѣнялъ. Разсердился на него дѣдушка: «въ пятнадцать лѣтъ, говоритъ, не могъ соблазнить ты солдата! что дàромъ денегъ потрачено! какой же ты чортъ послѣ этого?» и приказалъ бросить его въ смолу кипучую. «Постой, дѣдушка! отвѣчаетъ внучекъ; за солдатскую душу у меня двѣ записаны.» — Какъ такъ? «Да вотъ какъ: задумалъ солдатъ на царевнѣ жениться, такъ старшая да середняя сказали отцу, что лучше за чорта пойдутъ замужъ, чѣмъ за солдата! Стало быть онѣ — наши!» Дѣдушка оправилъ чертёнка и велѣлъ его отпустить: знаетъ де свое дѣло!

Digitized by Google

27.

ИВАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ [1]).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь на царствѣ, король на королевствѣ, и были у него дѣти: сынъ Иванъ-царевичъ и дочь Елена Прекрасная. Появился въ его царствѣ медвѣдь-желѣзная шерсть [2]), и началъ его подданныхъ ѣсть. Ѣстъ медвѣдь людей, а царь сидитъ, да думаетъ, какъ-бы ему спасти дѣтей своихъ. Велѣлъ онъ построить высокой столбъ, посадилъ на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную, и провизіи имъ поклалъ туда на пять лѣтъ. Переѣлъ медвѣдь всѣхъ людей, прибѣжалъ въ царской дворецъ и сталъ съ досады грызть вѣникъ.

«Не грызи меня, медвѣдь-желѣзная шерсть! говоритъ ему вѣникъ; а лучше ступай въ поле, тамъ увидишь ты столбъ, а на томъ столбу сидятъ Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная!..» Прибѣжалъ медвѣдь къ столбу и началъ его раскачивать. Испугался Иванъ-царевичъ и бросилъ ему пищи, а медвѣдь наѣлся, да и лёгъ спать!

Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки... На дорогѣ стоитъ конь. «Конь, конь! спаси насъ», говорятъ они. Только что сѣли на коня, медвѣдь ихъ и догналъ. Коня онъ разорвалъ на части, а ихъ взялъ въ пасть и принесъ къ столбу. Дали они ему пищи, онъ на-

---

[1]) См. вып. VI, №№ 51, 52, 53, и въ этомъ выпускѣ № 28.

[2]) *Варіантъ:* Жилъ царь съ царицею, у нихъ были дѣти: Иванъ-царевичъ да Елена Прекрасная. Поѣхалъ царь на охоту, они и просятъ его: «привези намъ волка.» Сколько не искалъ царь волка, нигдѣ не нашелъ; воротился домой и велѣлъ сдѣлать для своихъ дѣтей желѣзнаго волка. Прошло ни много, ни мало времени—ожилъ этотъ желѣзной волкъ и сталъ людей поѣдать...

Digitized by Google

ѣлся и опять заснулъ.—Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки... По дорогѣ идутъ гуси. «Гуси, гуси! спасите насъ.» Сѣли они на гусей и полетѣли, а медвѣдь проснулся, опалилъ гусей полыньемъ, и принесъ ихъ къ столбу. Дали они ему снова пищи: онъ наѣлся и опять заснулъ. — Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки... На дорогѣ стоитъ бычокъ-третьячокъ [1]). «Бычокъ, бычокъ! спаси насъ: за нами гонится медвѣдь-желѣзная шерсть.» — Садитесь на меня, а ты, Иванъ-царевичъ! сядь задомъ наперёдъ, и какъ увидишь медвѣдя, скажи мнѣ. Только что догонитъ ихъ медвѣдь, бычокъ-третьячокъ др....— да и залѣпитъ ему глаза. Три раза медвѣдь догонялъ, три раза бычокъ залѣплялъ ему глаза. Стали они переправляться черезъ рѣку, медвѣдь за ними—да и утонулъ.

Захотѣли они ѣсть, вотъ бычокъ имъ и говоритъ: «зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте; изъ нихъ выйдетъ мужичокъ-кулачокъ — самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ всё сдѣлаетъ.» Время идетъ да идетъ, съѣли они бычка и захотѣли опять ѣсть; вдарили легонько по косточкамъ, и вышелъ мужичокъ-кулачокъ. Вотъ пошли они въ лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоялъ домъ, а домъ тотъ былъ разбойничій. Кулачокъ убилъ и разбойниковъ и атамана, и заперъ ихъ въ одной комнатѣ; а Еленѣ не велѣлъ туда ходить. Только она не вытерпѣла, посмотрѣла и влюбилась въ голову атамана.

Попросила она Ивана-царевича достать ей живой и мертвой воды. Какъ только онъ досталъ воды живой и мертвой, царевна оживила атамана и сговорилась вмѣстѣ съ нимъ извести Ивана-царевича. Наперво согласились они послать его за волчьимъ

[1]) Т. е. по третьему году.

Digitized by Google

молокомъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ, находятъ волчицу: «давай молока!» она проситъ ихъ взять и волчонка, потому что онъ б....., п....., даромъ хлѣбъ ѣстъ. Взявши молоко и волчонка, пошли къ Еленѣ Прекрасной; молоко отдали Еленѣ, а волчонка взяли себѣ. Этимъ не смогли его известь; послали за медвѣжьимъ молокомъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ доставать медвѣжьяго молока; находятъ медвѣдицу: «давай молока!» она проситъ взять и медвѣжонка, потому что онъ.... даромъ хлѣбъ ѣстъ. Опять взявши молоко и медвѣжонка, пошли къ Еленѣ Прекрасной; отдали ей молоко, а медвѣжонка взяли себѣ. И этимъ не смогли известь Ивана-царевича ; послали его за львинымъ молокомъ. Иванъ-царевичъ пошелъ съ мужичкомъ-кулачкомъ; находятъ львицу, взяли молока; она проситъ ихъ взять и львёнка, потому что онъ.... даромъ хлѣбъ ѣстъ. Воротились къ Еленѣ Прекрасной, отдали молоко, львёнка взяли себѣ. Потомъ атаманъ и Елена Прекрасная видятъ, что и этимъ нельзя известь Ивана-царевича; послали его достать яицъ жаръ-птицы. Отправился Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ доставать яйцы. Нашли они жаръ-птицу, хотѣли было взять яйцы, она разсердилась и проглотила мужичка-кулачка; а Иванъ-царевичъ пошелъ безъ яицъ домой. Приходитъ къ Еленѣ Прекрасной, разсказалъ ей, что не могъ достать яицъ и что жаръ-птица проглотила мужичка-кулачка. Елена Прекрасная съ атаманомъ обрадовались и говорятъ, что теперь Иванъ-царевичъ безъ кулачка ничего не сдѣлаетъ; велѣли его убить. Иванъ-царевичъ услыхалъ это и попросился у сестры помыться передъ смертію въ банѣ. Елена Прекрасная велѣла натопить баню. Иванъ-царевичъ пошелъ въ баню, а Елена Прекрасная послала къ нему сказать, чтобы онъ скорѣе мылся. Иванъ-царевичъ ее не послушалъ, все таки мылся не спѣша. Вдругъ прибѣжали къ нему: волчонокъ,

Digitized by Google

медвѣжонокъ и львёнокъ; говорятъ ему, что мужичокъ-кулачокъ спасся отъ жаръ-птицы и сейчасъ прійдетъ къ нему. Иванъ-царевичъ приказалъ имъ лечь подъ порогъ въ банѣ; а самъ все-таки мылся. Елена Прекрасная посылаетъ опять ему сказать, чтобы онъ скорѣе мылся, а если онъ нескоро выйдетъ, то она сама прійдетъ. Иванъ-царевичъ все не слушалъ, не выходилъ изъ бани. Елена Прекрасная ждала-ждала, не могла дождаться и пошла съ атаманомъ посмотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ? Приходитъ и видитъ, что онъ моется и не слушаетъ приказанія; разсердилась, дала ему плюху. Откуда не возьмись мужичокъ-кулачокъ — велѣлъ волчонку, медвѣжонку и львёнку разорвать атамана на мелкіе кусочки, а Елену взялъ-привязалъ голую къ дереву, чтобъ ея тѣло съѣли комары да мухи; а самъ отправился съ Иваномъ-царевичемъ путемъ-дорогою. Завидѣли большія палаты; говоритъ мужичокъ-кулачокъ: «не хочешь ли, Иванъ-царевичъ, жениться? вотъ въ этомъ домѣ живетъ богатырь-дѣвка; она ищетъ такого молодца, чтобъ ее одолѣлъ.» Вотъ и пошли къ тому дому. Не дошедчи немного, сѣлъ Иванъ-царевичъ на лошадь, а мужичокъ-кулачокъ сзади его, и начали вызывать богатырь-дѣвку драться. Дрались-дрались; богатырь-дѣвка ударила Ивана-царевича въ грудь — Иванъ-царевичъ чуть-чуть не упалъ, да его кулачокъ удержалъ. Потомъ Иванъ-царевичъ ударилъ богатырь-дѣвку копьемъ — и она тотчасъ свалилась съ коня. Какъ сшибъ Иванъ-царевичъ богатырь-дѣвку; она и говоритъ ему: «ну, Иванъ-царевичъ, ты теперь можешь меня взять замужъ.» Скоро сказка сказывается, а нескоро дѣло дѣлается. Иванъ-царевичъ женился на богатырь-дѣвкѣ. «Ну, Иванъ-царевичъ! говоритъ мужичокъ-кулачокъ, если на первую ночь сдѣлается тебѣ дурно, то выходи комнѣ; я въ бѣдѣ помогу.» Вотъ лёгъ Иванъ-царевичъ спать съ богатырь-дѣвкою. Вдругъ богатырь-дѣвка положила ему на грудь руку,

Digitized by Google

Ивану-царевичу сдѣлалось дурно; началъ онъ проситься выйдти. Вышедчи, кликнулъ мужичка-кулачка; разсказалъ ему, что богатырь-дѣвка его душитъ. Мужичокъ-кулачокъ пошелъ къ богатырь-дѣвкѣ, началъ ее бить да приговаривать: «почитай мужа, почитай мужа!» Съ этого времени стали они жить да поживать, да добра наживать. Послѣ начала богатырь-дѣвка просить Ивана-царевича, чтобъ отвязалъ Елену Прекрасную и взялъ бы ее къ себѣ жить. Онъ сейчасъ послалъ отвязать и привесть ее къ себѣ. Долго жила у него Елена Прекрасная. Одинъ разъ говоритъ она Ивану-царевичу: «братецъ! дай я тебѣ поищу.» Начала искать ему и пустила въ голову мертвой зубъ [1]); Иванъ-царевичъ началъ умирать. Львёнокъ видитъ, что Иванъ-царевичъ умираетъ, выдернулъ у него мертвой зубъ; царевичъ сталъ оживать, а львёнокъ умирать. Медвѣжонокъ вырвалъ зубъ; львёнокъ началъ оживать, а медвѣжонокъ умирать. Лисица видитъ, что онъ помираетъ, выдернула у него мертвой зубъ, и какъ она была хитрѣй всѣхъ, то выдернувши—бросила зубъ на сковороду, отчего зубъ и разсыпался въ куски. За это Иванъ-царевичъ велѣлъ Елену Прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Записана въ орловской губернiи, карачевскомъ уѣздѣ. Изъ собранiя П. В. Кирѣевскаго.)

28.

ЦАРЬ-МЕДВѢДЬ.

Жилъ себѣ царь съ царицею, дѣтей у нихъ не было. Царь поѣхалъ разъ на охоту краснаго звѣря да перелетныхъ птицъ

[1]) *Вар.* змѣиной зубъ.

Digitized by Google

стрѣлять. Сдѣлалось жарко, захотѣлось ему водицы испить; увидалъ въ сторонѣ колодецъ, подошелъ, нагнулся и только хотѣлъ испить — царь-медвѣдь [1]) и ухватилъ его за бороду. «Пусти», просится царь. — Дай мнѣ то, чего въ домѣ не знаешь; тогда и пущу. «Чего-жъ бы я въ домѣ не зналъ? думаетъ царь; кажись, все знаю... Я лучше, говоритъ, дамъ тебѣ стадо коровъ.» — Нѣтъ, не хочу и двухъ стадъ. «Ну, возьми табунъ лошадей.» — Не надо и двухъ табуновъ; а дай то, чего въ домѣ не знаешь. Царь согласился, высвободилъ свою бороду и поѣхалъ домой. Входитъ во дворецъ, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вотъ чего не зналъ онъ въ домѣ. Всплеснулъ царь руками и горько заплакалъ. «Чего ты такъ убиваешься?» спрашиваетъ царица. — Какъ мнѣ не плакать; я отдалъ своихъ дѣтокъ родныхъ царю-медвѣдю. «Какимъ случаемъ?» — Такъ и такъ, сказываетъ царь. «Да мы не отдадимъ ихъ!» — О, никакъ нельзя! онъ въ конецъ разоритъ все царство, а ихъ все-таки возьметъ. Вотъ они думали-думали, какъ быть? да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали ее, разукрасили, словно палаты, навезли туда всякихъ запасовъ, чтобъ было что и пить, и ѣсть; послѣ посадили въ ту яму своихъ дѣтей, а поверхъ сдѣлали потолокъ, закидали землею и заровняли гладко-нагладко. Въ скоромъ времени царь съ царицею померли, а дѣтки ихъ ростутъ да ростутъ. Пришелъ наконецъ за ними царь-медвѣдь, смотритъ туда-сюда: нѣтъ никого! опустѣлъ дворецъ. Ходилъ онъ, ходилъ, весь домъ выходилъ, и думаетъ: «кто-же мнѣ про царскихъ дѣтей скажетъ, куда они дѣвались?» Глядь—долото въ стѣну воткнуто. «Долото, долото! спрашиваетъ царь-медвѣдь; скажи мнѣ, гдѣ царскіе дѣти?» — Вынеси меня на дворъ и брось наземь; гдѣ я воткнусь, тамъ и рой. Царь-медвѣдь взялъ

[1]) Слово это на мѣстномъ нарѣчіи выговаривается: ведмѣть.

Digitized by Google

долото, вышелъ на дворъ и бросилъ его наземь; долото закружилось, завертѣлось и прямо въ то мѣсто воткнулось, гдѣ были спрятаны Иванъ-царевичъ и Марья-царевна. Медвѣдь разрылъ землю лапами, разломалъ потолокъ, и говоритъ: «а Иванъ-царевичъ, а Марья-царевна, вы вотъ гдѣ!... вздумали отъ меня прятаться! Отецъ-то вашъ съ матерью меня обманули, такъ я васъ за это съѣмъ.» — Ахъ, царь-медвѣдь, не ѣшь насъ; у нашего батюшки осталось много куръ и гусей и всякаго добра; есть чѣмъ полакомиться. «Ну, такъ и быть! садитесь на меня, я васъ къ себѣ въ услугу возьму.» Они сѣли, и царь-медвѣдь принесъ ихъ подъ такія крутыя да высокія горы, что̀ подъ самое небо уходятъ; всюду здѣсь пусто, никто не живетъ. «Мы ѣсть-пить хотимъ», говорятъ Иванъ-царевичъ и Марья-царевна. — Я побѣгу, добуду вамъ и пить и ѣсть, отвѣчаетъ медвѣдь, а вы пока тутъ побудьте да отдохните. Побѣжалъ медвѣдь за ѣдой, а царевичъ съ царевною стоятъ и слезно плачутъ. Откуда нѣ взялся ясный соколъ [1]), замахалъ крыльями и вымолвилъ таково слово: «ахъ, Иванъ-царевичъ и Марья-царевна, какими судьбами вы здѣсь очутились?» Они разсказали. «Зачѣмъ же взялъ васъ медвѣдь?» — На всякія послуги. «Хотите, я васъ унесу? Садитесь ко мнѣ на крылушки.» Они сѣли; ясный соколъ поднялся выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, и полетѣлъ было въ далекія страны. На ту пору царь-медвѣдь прибѣжалъ, усмотрѣлъ сокола въ поднебесьи, ударился головой о сырую землю и обжогъ ему пламенемъ крылья. Опалились у сокола крылья, опустилъ онъ царевича и царевну наземь. «А! говоритъ медвѣдь, вы хотѣли отъ меня уйдти; съѣмъ же васъ за то и съ косточками!» — Не ѣшь, царь-медвѣдь; мы будемъ тебѣ вѣрно служить. Медвѣдь простилъ ихъ и повезъ въ свое царство: горы все выше да

[1]) *Вар.* воронъ.

Digitized by Google

круче. Прошло ни много, ни мало времени — «ахъ! говоритъ Иванъ-царевичъ, я ѣсть хочу.» — И я! говоритъ Марья-царевна. Царь-медвѣдь побѣжалъ за ѣдой, а имъ строго наказалъ никуда не сходить съ мѣста. Сидятъ они на травкѣ- на муравкѣ да слезы ронятъ. Откуда нѣ взялся орелъ, спустился изъза облакъ и спрашиваетъ: «ахъ, Иванъ-царевичъ и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здѣсь?» Они разсказали. «Хотите, я васъ унесу?» — Куда тебѣ! ясный соколъ брался унести, да не смогъ, и ты не сможешь! «Соколъ — птица малая; я взлечу новыше его; садитесь на мои крылушки.» Царевичъ съ царевною сѣли; орелъ взмахнулъ крыльями и взвился еще выше. Медвѣдь прибѣжалъ, усмотрѣлъ орла въ поднебесьи, ударился головой о сыру землю и опалилъ ему крылья. Спустилъ орелъ Иванъ-царевича и Марью-царевну наземь. «А, вы опять вздумали уходить! сказалъ медвѣдь; вотъ я-же васъ съѣмъ!» — Не ѣшь пожалуста; насъ орелъ взманилъ! мы будемъ служить тебѣ вѣрой и правдою. Царь-медвѣдь простилъ ихъ въ послѣдній разъ, накормилъ-напоилъ и повезъ дальше... Прошло ни много, ни мало времени — «ахъ, говоритъ Иванъ-царевичъ, я ѣсть хочу.» — И я! говоритъ Марья-царевна. Царь-медвѣдь оставилъ ихъ, а самъ за ѣдой побѣжалъ. Сидятъ они на травкѣ-на муравкѣ да плачутъ. Откуда нѣ взялся бычокъ-др....нокъ, замоталъ головой и спрашиваетъ: «Иванъ-царевичъ, Марья-царевна! вы какими судьбами здѣсь очутились?» Они разсказали. —Хотите, я васъ унесу? «Куда тебѣ! насъ уносили птица-соколъ да птица-орелъ, и то не смогли; ты и подавну не сможешь!» — а сами такъ и разливаются, едва во слезахъ слово вымолвятъ. «Птицы не унесли, а я унесу! садитесь ко мнѣ на спину.» Они сѣли, бычокъ др....нокъ побѣжалъ не больно прытко. Медвѣдь усмотрѣлъ, что царевичъ съ царевною уходить стали, и бросился за ними въ погоню. «Ахъ, бычокъ-др.....нокъ! кричатъ царскіе дѣти, медвѣдь гонится.» — Далеко

Digitized by Google

ли? «Нѣтъ близко!» Только было медвѣдь подскочилъ да хотѣлъ сцапать, бычокъ понатужился.... и залѣпилъ ему оба глаза. Побѣжалъ медвѣдь на синё море глаза промывать, а бычокъ-др....нокъ все вперёдъ да вперёдъ! Царь-медвѣдь умылся да опять въ погоню. «Ахъ, бычокъ-др....нокъ! медвѣдь гонится.» — Далеко ли? «Охъ, близко!» Медвѣдь подскочилъ, а бычокъ опять понатужился....и залѣпилъ ему оба глаза. Пока медвѣдь бѣгалъ глаза промывать, бычокъ все вперёдъ да вперёдъ! И въ третій разъ залѣпилъ онъ глаза медвѣдю; а послѣ того даетъ Ивану-царевичу гребешокъ да утиральникъ и говоритъ: «коли станетъ нагонять царь-медвѣдь близко, въ первой разъ брось гребешокъ, а въ другой — махни утиральникомъ.» Бычокъ-др....нокъ бѣжитъ все дальше и дальше. Оглянулся Иванъ-царевичъ, а за ними царь-медвѣдь гонится: вотъ-вотъ схватитъ! Взялъ онъ гребешокъ и бросилъ позадь себя — вдругъ выросъ, поднялся такой густой, дремучій лѣсъ, что ни птицѣ не пролетѣть, ни звѣрю не пролѣзть, ни пѣшему не пройти, ни конному не проѣхать. Ужь медвѣдь грызъ-грызъ, насилу прогрызъ себѣ узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучій лѣсъ и бросился догонять; а царскіе дѣти далёко-далёко! Сталъ медвѣдь нагонять ихъ, Иванъ-царевичъ оглянулся и махнулъ позадь себя утиральникомъ — вдругъ сдѣлалось огненное озеро: такое широкое-широкое! волна изъ края въ край бьетъ. Царь-медвѣдь постоялъ-постоялъ на берегу и поворотилъ домой; а бычокъ-др....нокъ съ Иваномъ-царевичемъ да съ Марьей-царевной прибѣжалъ на полянку. На той на полянкѣ стоялъ большой, славной домъ [1]). «Вотъ вамъ домъ! ска-

---

[1]) *Варіантъ:* Царь-медвѣдь побѣжалъ за ѣдою; а Иванъ-царевичъ да Марья-царевна стоятъ да плачутъ. Откуда не взялся доброй конь: «садитесь, говоритъ, на меня; я васъ завезу за синее море.» Только сѣли, доброй конь и понесъ ихъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго. Медвѣдь увидалъ да въ погоню. «Ахъ, доброй конь! за нами медвѣдь гонится.» — Ничего,

Digitized by Google

залъ бычокъ; живите-не тужите. А на дворѣ приготовьте сейчасъ костёръ, зарѣжьте меня да на томъ кострѣ и сожгите.» —Ахъ! говорятъ царскіе дѣти; зачѣмъ тебя рѣзать? лучше живи съ нами; мы за тобой будемъ ухаживать, станемъ тебя кормить свѣжею травою, поить ключевой водою. «Нѣтъ. сожгите меня, а пепелъ посѣйте на трехъ грядкахъ: на одной грядкѣ выскочитъ конь, на другой собачка, а на третьей выростетъ яблонька; на томъ коню ѣзди ты, Иванъ-царевичъ, а съ тою собачкой ходи на охоту.» [1]) Такъ все и сдѣлалось.

Вотъ какъ-то вздумалъ Иванъ-царевичъ поѣхать на охоту; попрощался съ сестрицею, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ лѣсъ; убилъ гуся, убилъ утку, да поймалъ живаго волчонка и привезъ домой. Видитъ царевичъ, что охота идетъ ему въ руку, и опять поѣхалъ, настрѣлялъ всякой птицы и поймалъ живаго медвѣжонка. Въ третій разъ собрался Иванъ-царевичъ на охоту, а собачку позабылъ съ собой взять. Тѣмъ временемъ Марья-царевна пошла бѣлье мыть. Идетъ она, а на другой сторонѣ огненнаго озера прилетѣлъ къ берегу шестиглавой змѣй, перекинулся красавцемъ, увидалъ царевну и такъ слад-

---

Иванъ-царевичъ! вынь у меня изъ лѣваго уха щепочку и брось позади себя. Иванъ-царевичъ вынулъ щепочку и бросилъ — тотчасъ сдѣлался густой, темной лѣсъ — ни пройдти, ни проѣхати! Пока царь-медвѣдь продрался сквозь чащу, они далеко уѣхали. Побѣжалъ медвѣдь въ погоню; вотъ ужь близко! «Ахъ, доброй конь! за нами медвѣдь гонится.» — Ничего, Иванъ-царевичъ! возьми у меня изъ праваго уха скляночку и брызни позади себя. Иванъ-царевичъ то и сдѣлалъ — тотчасъ разлилось синё море глубокое. Медвѣдь прибѣжалъ къ синю морю, поглядѣлъ-посмотрѣлъ и побѣжалъ въ темные лѣса. Доброй конь сталъ прощаться съ Иваномъ-царевичемъ и Марьей-царевною; жалко имъ было съ нимъ разставаться, да дѣлать нечего. Распрощались, и пошелъ царевичъ съ царевною въ одну сторону, а конь въ другую. Иванъ-царевичъ нашелъ пустую избушку и поселился въ ней съ сестрицею...

[1]) *Варіантъ:* «Живите въ этомъ домѣ, сказалъ бычокъ, а меня зарѣжьте: мясо скушайте, а кости въ одно мѣсто сложите да поливайте тою водой, въ которой будете чашки да ложки мыть; изъ тѣхъ костей двѣ собачки народятся.»

Digitized by Google

ко говоритъ: «здравствуй, красная дѣвица!»—Здравствуй, доброй молодецъ! «Я слышалъ отъ старыхъ людей, что въ прежнее время этого озера не бывало; если-бъ черезъ него да былъ перекинутъ высокой мостъ — я бы перешелъ на ту сторону и женился на тебѣ.»— Постой! мостъ сейчасъ будетъ, отвѣчала ему Марья-царевна и бросила утиральникъ: въ ту-жъ минуту утиральникъ дугою раскинулся и повисъ черезъ озеро высокимъ, красивымъ мостомъ. Змѣй перешелъ по мосту, перекинулся въ прежній видъ, собачку Ивана-царевича заперъ на замокъ, а ключъ въ озеро забросилъ; послѣ того схватилъ и унесъ царевну. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ съ охоты — сестры нѣтъ, собачка въ заперти воетъ; увидалъ мостъ черезъ озеро и говоритъ: «вѣрно змѣй унесъ мою сестрицу!» Пошелъ разыскивать. Шелъ-шелъ, въ чистомъ полѣ стоитъ хатка на курьихъ лапкахъ, на собачьихъ пяткахъ. «Хатка, хатка! повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Хатка повернулась; Иванъ-царевичъ вошелъ, а въ хаткѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ вросъ. «Фу-фу! говоритъ она, доселева русскаго духа не слыхать было, а нынче русской духъ въ очью проявляется, въ носъ бросается! Почто пришелъ, Иванъ-царевичъ?» — Да если-бъ ты моему горю пособила! «А какое твое горе?» Царевичъ разсказалъ ей. — Ну, ступай же домой; у тебя на дворѣ есть яблонька, сломи съ неё три зеленыхъ прутика, сплети вмѣстѣ и тамъ, гдѣ собачка заперта, ударь ими по замку: замокъ тотчасъ разлетится на мелкія части. Тогда смѣло на змѣя иди, не устоитъ супротивъ тебя. Иванъ-царевичъ воротился домой, освободилъ собачку—выбѣжала она злая-злая! взялъ еще съ собой волчонка да медвѣжонка, и отправился на змѣя. Звѣри бросились на него и разорвали въ клочки. А Иванъ-царевичъ взялъ Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

(Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

Digitized by Google

29.

ДОЧЬ ПАСТУХА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; наскучило ему ходить холостому, и задумалъ жениться; долго приглядывался, долго присматривался, и никакъ не могъ найдти себѣ невѣсты по сердцу. Въ одно время поѣхалъ онъ на охоту и увидалъ на̀ полѣ: пасетъ скотину крестьянская дочь — такая красавица, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, а другой такой во всемъ свѣтѣ не сыскать. Подъѣхалъ царь къ ней и говоритъ ласково: «здравствуй, красная дѣвица!»—Здравствуй, государь! «Котораго отца ты дочь?»—Мой отецъ—пастухъ, недалече живетъ. Царь распросилъ про все подробно: какъ зовутъ ея отца и какъ слыветъ ихъ деревня, распрощался и поѣхалъ прочь. Немного погодя, день или два, пріѣзжаетъ царь къ пастуху въ домъ: «здравствуй, доброй человѣкъ! я хочу на твоей дочери жениться.»—Твоя воля, государь! «А ты, красная дѣвица, пойдешь за меня?» — Пойду! говоритъ. «Только я беру тебя съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ни однимъ словомъ мнѣ не поперечила; а коли скажешь супр отивъ хоть единое словечко—то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Она согласилась. Царь приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а самъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ государствамъ пословъ, чтобъ съѣзжались къ нему короли и королевичи на пиръ-на веселье. Собрались гости; царь вывелъ къ нимъ свою невѣсту въ простомъ деревенскомъ платьѣ: «что, любезные гости, нравится ли вамъ моя невѣста?»—Ваше величество! сказали гости; коли тебѣ нравится, а намъ и подавно. Тогда велѣлъ ей нарядиться въ царскіе уборы, и поѣхали къ вѣнцу. Извѣстное дѣло: у царя ни пиво варить, ни вино курить — всего вдоволь! Перевѣнчались и

Digitized by Google

подняли пиръ на весь міръ: пили-ѣли, гуляли и потѣшались. Отпировали, и зачалъ царь жить съ своей молодой царицею въ любви и согласіи. Черезъ годъ времени родила царица сына, и говоритъ ей царь грозное слово: «твоего сына убить надо, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что всѣмъ моимъ царствомъ завладѣетъ послѣ меня мужицкой сынъ!» — Твоя воля! не могу тебѣ поперечить, отвѣчаетъ бѣдная царица. Царь взялъ ребенка, унесъ отъ матери и тайно велѣлъ отвезти его къ своей сестрѣ: пусть у ней ростетъ до поры, до времени. Прошелъ еще годъ — царица родила ему дочь; царь опять говоритъ ей грозное слово: «надобно изгубить твою дочь, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что она не царевна, а мужицкая дочь!»—Твоя воля! дѣлай что̀ знаешь, не могу тебѣ поперечить. Царь взялъ дѣвочку, унесъ отъ бѣдной матери и отослалъ къ своей сестрѣ. Много лѣтъ прошло, много воды утекло; царевичъ съ царевною выросли: онъ хорошъ, она еще лучше — другой такой красавицы нигдѣ не найдти! Царь собралъ своихъ думныхъ людей, призвалъ жену и сталъ говорить: «не хочу съ тобой больше жить; ты—мужичка, а я — царь! Снимай царскіе уборы, надѣвай крестьянское платье и ступай къ своему отцу.» Ни слова не сказала царица, сняла съ себя богатые уборы, надѣла старое крестьянское платье, воротилась къ отцу и по-прежнему начала въ полѣ скотину гонять. А царь задумалъ на иной жениться; отдалъ приказъ, чтобы все было къ свадьбѣ готово, и призвавъ свою прежнюю жену, говоритъ ей: «хорошенько прибери у меня въ комнатахъ; я сегодня невѣсту привезу.» Она убрала комнаты, стоитъ—дожидается. Вотъ привезъ царь невѣсту, за нимъ слѣдомъ наѣхало гостей видимо-невидимо; сѣли за столъ, стали ѣсть-пить, веселиться. «Что хороша ли моя невѣста?» спрашиваетъ царь у прежней жены. — Отвѣчаетъ она: если тебѣ хороша, такъ мнѣ и подавно! «Ну, сказалъ ей царь, надѣвай

Digitized by Google

опять царскіе уборы и садись со мной рядомъ; была ты и будешь моей женою. А эта невѣста — дочь твоя, а это — сынъ твой!» Съ этихъ поръ началъ царь жить съ своею царицею безъ всякой хитрости, пересталъ ее испытывать и до конца своей жизни вѣрилъ ей во всякомъ словѣ.

30.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ [1]).

а. *У* одномъ селѣ была дѣвка—лежàка, лѣнтяйка, не любила работàть, абы какъ погуторить да побалакать! И здумала она собрать къ себѣ дѣвокъ на попрядухи. А въ деревняхъ вѣстимо ужь лежàки собираютъ на попрядухи, а лакомогузки ходятъ. Вотъ она собрала нà ночь попрядухъ; онѣ ей прядутъ, а она ихъ кормитъ, подчуетъ. То-сё, и разговорились: кто изъ нихъ смѣлѣе? Лежàка говоритъ: «я ничего не боюсь!» — Ну, ежели не боишься, говорятъ попрядухи, дакъ поди мимо погосту [2]) къ церкви, сними съ дверей образъ да принеси. «Хорошо, принесу; только кажная напряди мнѣ по початку.» [3]) А это чувство-то *въ* ней есть, чтобъ ей ничего самой не дѣлать, а чтобъ другіе за нее дѣлали. Вотъ она пошла, сняла образъ и принесла. Ну, тѣ *видютъ*—точно образъ отъ церкви. Надо теперь несть образъ назадъ, а время ужь *хъ* полночи. Кому несть? Лежàка говоритъ: «вы, дѣвки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!» Пошла, поставила образъ на мѣста. Только идетъ назадъ мимо погосту, и видитъ: мертвецъ въ бѣломъ саванѣ сидитъ на могилѣ. Ночь-то мѣсяшная, все видно. Она подходитъ къ мертвецу, сташшила съ него саванъ; мертвецъ ничего не говорúтъ, молчитъ — знать время не при-

[1]) Смотри вып. VI, № 65. [2]) Кладбища. [3]) Мѣра прядева.

Digitized by Google

шло ишша [1]) ему говорить-то. Вотъ она взяла саванъ, приходить домой [2]). «Ну, говорить, образъ отнесла, поставила на мѣста, да вотъ ишша съ мертвеца саванъ сташшила!» Дѣвки которыя спужались, которыя не вѣрють, смѣются. Тольки поужинали, легли спать, вдругъ мертвецъ стучится въ окна и говорить: «отдай мой саванъ! отдай мой саванъ!» Дѣвки перепугались—не живы, не мертвы; а лежака беретъ саванъ, идеть къ окну, отворила: «на, говорить, возьми!» — Нѣтъ, отвѣчаеть мертвецъ, неси туда, гдѣ взяла! Тольки вдругъ пѣтухи запѣли — и мертвецъ счезъ. На другую ночь ужь попрядухи всѣ по домамъ разошлись; въ тотъ-же самой часъ опять мертвецъ приходить, стучится въ окно: «отдай мой саванъ!» Вотъ отецъ и мать лежаки отворяють окно, отдають ему саванъ. «Нѣтъ, говорить, пушшай она отнесеть туда, гдѣ взяла!» Ну, какъ идти съ мертвецомъ на погостъ? страшно! Тольки пѣтухи пропѣли — счезъ мертвецъ. На другой день

---

[1]) Еще.

[2]) *Варіантъ 1:* Хозяйка хвастаетъ: «я ничего не боюсь! хоть сейчасъ пойду къ церкви.»—Ну, пойди! Вотъ идетъ она къ церкви и видитъ: стоятъ покойники. Дѣвка сотворила вслухъ молитву, покойники разступились и дали ей дорогу. Подошла она къ церкви, взялась за веревку и ударила въ колоколъ; стала назадъ идти, сорвала съ одного покойника саванъ и прибѣжала въ избу.

Варіантъ 2: На деревенскихъ посидѣлкахъ полюбилъ одинъ парень красную дѣвку, полюбила и она его крѣпко; а была она сирота бѣдная, такъ жила въ чужомъ домѣ въ работницахъ. Разъ у ея хозяина засидѣлись долго гости; послѣ гостей надо закуски, посуду убрать, вотъ и опозднилась красная дѣвица. На дворѣ полночь, а на посидѣлки хочется. «Чего бояться? побѣгу, хоть минутку на милаго погляжу!» Побѣжала, а дорога-то шла мимо кладбища. Глядь — на дорогѣ покойникъ стоитъ, весь въ бѣломъ. Дѣвка думаетъ, что то ея парень— испугать хочетъ, подбѣжала къ нему, обхватила и говоритъ: «ахъ, милой мой! я тебя не боюсь!» Мертвецъ исчезъ, а въ рукахъ дѣвицы осталась бѣлая рубаха. Отнесла ее домой и спрятала въ укромное мѣсто. Ночью стучится мертвецъ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ хозяинъ. — Отдай мою рубаху! «Какую рубаху?»—Твоя работница знаетъ; спроси ее...

Digitized by Google

отецъ и мать послали за священникомъ; разсказали ему такъ и такъ и просютъ пособить ихъ горю: «нельзя ли, говорятъ, обѣдню отслужить!» Священникъ подумалъ: «ну, пожалуй! велите ей завтра къ обѣдни выходить.» Назавтра пошла ложака къ обѣдни; началась служба, народу много нашло! Только какъ стали херувимскую пѣть, вдругъ откуда поднялся страшной вихрь, ажно всѣ ницъ попадали! ухватилъ ее да о̀ земь. Дѣвки не стало, только одна коса отъ неё осталась [1]).

(Записана въ воронежской губерніи. Доставлена Н. И. Второвымъ.)

b. Ѣхалъ ночью мужикъ съ горшками; ѣхалъ-ѣхалъ, лошадь у него устала и остановилась какъ разъ противъ кладбища. Мужикъ выпрягъ лошадь, пустилъ на траву, а самъ прилёгъ на одной могилѣ; только что-то не спится ему. Лежалъ лежалъ, вдругъ начала подъ нимъ могила растворяться; онъ почуялъ это и вскочилъ на ноги. Вотъ могила растворилась, и оттуда вышелъ мертвецъ съ гробовою крышкою, въ бѣломъ саванѣ; вышелъ и побѣжалъ къ церкви, положилъ въ дверяхъ крышку, а самъ въ село. Мужикъ былъ человѣкъ смѣлой; взялъ гробовую крышку и сталъ возлѣ своей телеги, дожидается — что будетъ? Немного погодя пришелъ мертвецъ, хвать — а крышки-то нѣту, сталъ по слѣду добираться, добрался до мужика и говоритъ: «отдай мою крышку, не то въ

---

[1]) *Варіантъ 1:* Отецъ съ матерью благословили свою дочь: отнести саванъ на кладбище. Вотъ идетъ она на кладбище — стоятъ покойники, одинъ совсѣмъ голой; стала надѣвать на него саванъ—тутъ ее покойники схватили и разорвали на мелкія части!

Варіантъ 2: Пошла бѣдная дѣвка на кладбище и пропала. На утро стали осматривать могилы—одна какъ будто недавно взрыта; разрыли, а въ ней лежитъ мертвецъ съ тою дѣвицей, крѣпко-накрѣпко обхватилъ ее руками— костлявые пальцы такъ и впились въ бѣлое тѣло! Лежитъ она мертвая, русая коса въ горло втиснута. Взяли ихъ, розняли: дѣвицу похоронили съ честію, а тому мертвецу осиновой колъ вбили.

Digitized by Google

клечья разорву!»—А топоръ-то на что? отвѣчаетъ мужикъ; я самъ тебя искрошу на мелкія части! «Отдай, доброй человѣкъ!» проситъ его мертвецъ.—Тогда отдамъ, когда скажешь: гдѣ былъ и что дѣлалъ? [1]) «А былъ я въ селѣ; уморилъ тамъ двухъ молодыхъ парней.»—Ну, скажи теперь: какъ ихъ оживить можно? Мертвецъ по неволѣ сказываетъ: «отрѣжь отъ моего савана лѣвую полу и возьми съ собой; какъ придешь въ тотъ домъ, гдѣ парни уморены, насыпь въ горшечекъ горячихъ угольёвъ и положи туда клочокъ отъ савана, да дверь затвори; отъ того дыму они сейчасъ оживутъ.» Мужикъ отрѣзалъ лѣвую полу отъ савана и отдалъ гробовую крышку. Мертвецъ подошелъ къ могилѣ — могила растворилась; сталъ въ нее опускаться—вдругъ пѣтухи закричали, и онъ не успѣлъ закрыться, какъ надо; одинъ конецъ крышки снаружи остался. Мужикъ все это видѣлъ, все примѣтилъ. Стало разсвѣтать; онъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ въ село. Слышитъ въ одномъ домѣ плачь, крики; входитъ туда — лежатъ два парня мертвые. «Не плачьте! я смогу ихъ оживить.» — Оживи, родимой; половину нашего добра тебѣ отдадимъ, говорятъ родичи. Мужикъ сдѣлалъ все такъ, какъ научилъ его мертвецъ, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчасъ схватили, скрутили веревками: «нѣтъ, дока! мы тебя начальству представимъ; коли оживить съумѣлъ, стало быть ты и уморилъ-то!»—Что вы, православные! Бога побойтесь! завопилъ мужикъ и разсказалъ все, что съ нимъ ночью было. Вотъ

---

[1]) *Варіантъ:* Мертвецъ уходитъ изъ могилы; мужикъ занимаетъ его мѣсто. «Выходи изъ моей могилы!» кричитъ мертвецъ, воротясь назадъ. — Не выйду, пока не скажешь: куда уходилъ? «Вотъ подъ такимъ-то камнемъ спрятаны мои деньги; ходилъ посмотрѣть: все ли цѣло?» — А какъ добыть твои деньги? «Ну, это трудно! только мизинный палецъ съ моей руки можетъ поднять камень. Тутъ запѣли пѣтухи, мертвецъ грохнулся наземь; мужикъ вылѣзъ изъ могилы, отрѣзалъ у него мизинецъ, поднялъ камень и завладѣлъ всѣмъ богатствомъ.

Digitized by Google

дали знать по селу, собрался народъ и повалилъ на кладбище, отыскали могилу, изъ которой мертвецъ выходилъ, разрыли и вбили ему прямо въ сердце осиновой колъ, чтобъ больше не вставалъ да людей не морилъ; а мужика знатно наградили и съ честью домой отпустили.

(Записана въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, сельскимъ приходскимъ учителемъ Алексѣемъ Добровольскимъ.)

c. Случилось одному ремесленнику позднимъ вечеромъ ворочаться домой изъ чужой деревни, съ веселой пріятельской пирушки. На встрѣчу ему старинный пріятель—лѣтъ съ десятокъ тому, какъ померъ. «Здоровъ!»—Здравствуй! говоритъ гуляка, и позабылъ, что знакомой его давнымъ-давно приказалъ долго жить. «Зайдемъ ко мнѣ; хватимъ еще по чаркѣ, по другой!»—Пойдемъ; на радостяхъ, что свидѣлись, можно выпить! Пришли въ избу, пьютъ-гуляютъ. «Ну, прощай! пора домой идти?»—Постой, куда теперь идти? переночуй со мной. «Нѣтъ, братъ! и не проси — нельзя; завтра дѣло есть, такъ надо пораньше быть дома.»—Ну, прощай! да что тебѣ пѣшкомъ идти? лучше садись на мою лошадь живо довезетъ. «Спасибо, давай!» Сѣлъ верхомъ и понесся — что твой вихрь летитъ! Вдругъ пѣтухъ запѣлъ!... Страшно: кругомъ могилы, а подъ ѣздокомъ надгробный камень!

d. Отпустили одного солдата въ побывку на родину; вотъ онъ шелъ-шелъ, долго ли, коротко ли, и сталъ къ своему селу приближаться. Недалеко отъ села жилъ мельникъ на мельницѣ; въ былое время солдатъ водилъ съ нимъ большое знакомство; отчего не зайдти къ пріятелю? Зашелъ; мельникъ встрѣтилъ его ласково, сейчасъ винца принесъ, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дѣло было къ вечеру, а какъ погостилъ солдатъ у мельника—такъ и вовсе смерклось. Собирается солдатъ идти на село; а хозяинъ го-

Digitized by Google

воритъ: «служивой! ночуй у меня; теперь ужь поздно, да пожалуй и бѣды не уйдешь!» — Что такъ? «Богъ наказалъ! померъ у насъ страшной колдунъ; по ночамъ встаетъ изъ могилы, бродитъ по селу и то творитъ, что на самыхъ смѣлыхъ страхъ нагналъ! Какъ-бы онъ и тебя не потревожилъ!» — Ничего! солдатъ — казенной человѣкъ, а казенное ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ; пойду, больно хочется съ родными поскорѣй увидаться. Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видитъ — на одной могилѣ огонёкъ свѣтитъ; «что такое? дай посмотрю.» Подходитъ, а возлѣ огня колдунъ сидитъ да сапоги тачаетъ. «Здорово, братъ!» крикнулъ ему служивой. Колдунъ взглянулъ и спрашиваетъ: «ты сюда зачѣмъ?» — Да захотѣлось посмотрѣть, что ты дѣлаешь. Колдунъ бросилъ свою работу и зоветъ солдата на свадьбу: «пойдемъ, братъ, погуляемъ — въ селѣ нонче свадьба!» — Пойдемъ! Пришли на свадьбу; начали ихъ поить, угощать всячески. Колдунъ пилъ-пилъ, гулялъ-гулялъ, и осердился; прогналъ изъ избы всѣхъ гостей и семейныхъ, усыпилъ повѣнчанныхъ, вынулъ два пузырька и шильце, ранилъ шильцемъ руки жениха и невѣсты и набралъ ихъ крови. Сдѣлалъ это и говоритъ солдату: «теперь пойдемъ отсюда.» Вотъ и пошли. На дорогѣ солдатъ спрашиваетъ: «скажи, для чего набралъ ты въ пузырьки крови?» — Для того, чтобъ женихъ съ невѣстою померли; завтра никто ихъ не добудится! Только одинъ я знаю, какъ ихъ оживить. «А какъ?» — Надо разрѣзать у жениха и невѣсты пяты и въ тѣ раны влить опять кровь — кажному свою: въ правомъ карманѣ спрятана у меня кровь женихова, а въ лѣвомъ невѣстина. Солдатъ выслушалъ, слова не проронилъ; а колдунъ все хвалится: «я, говоритъ, что захочу, то и сдѣлаю!» — Будто съ тобой и сладить нельзя? «Какъ нельзя? вотъ если бъ кто набралъ костёръ осиновыхъ дровъ во сто возовъ, да сжегъ меня на этомъ кострѣ, такъ можетъ — и сладилъ

Digitized by Google

бы со мною! Только жечь меня надо умѣючи: въ то время полѣзутъ изъ моей утробы змѣи, черви и разные гады, полетятъ галки, сороки и вороны; ихъ надо ловить да въ костёръ бросать: если хоть одинъ червякъ уйдетъ, тогда ничто не поможетъ! Въ томъ червякѣ я ускользну!» Солдатъ выслушалъ и запомнилъ. Говорили-говорили и дошли наконецъ до могилы. «Ну, братъ! сказалъ колдунъ, теперь я тебя разорву; а то ты все разскажешь.» — Что ты! образумься. Какъ меня рвать? я Богу и государю служу. Колдунъ заскрипѣлъ зубами, завылъ и бросился на солдата, а тотъ выхватилъ саблю и сталъ на отмашъ бить. Дрались-дрались, солдатъ почти изъ силъ выбился; эхъ, думаетъ, ни за грошъ пропалъ! Вдругъ запѣли пѣтухи — колдунъ упалъ бездыханенъ. Солдатъ вынулъ изъ его кармановъ пузырьки съ кровью и пошелъ къ своимъ родичамъ.

Приходитъ, поздоровался; родные спрашиваютъ: «не видалъ ли ты, служивой, какой тревоги?» — Нѣтъ, не видалъ. «То-то! а у насъ на селѣ горе: колдунъ ходить повадился.» Поговорили и легли спать; на утро проснулся солдатъ и началъ спрашивать: «говорятъ, у васъ свадьба гдѣ-то справляется?» Родные въ отвѣтъ: «была свадьба у одного богатаго мужика, только и женихъ и невѣста нынѣшней ночью померли, а отчего? — неизвѣстно.» — А гдѣ живетъ этотъ мужикъ? Указали ему домъ; онъ, не говоря ни слова, пошелъ туда; приходитъ и застаетъ все семейство въ слезахъ. «О чемъ горюете?» — Такъ и такъ, служивой! «Я могу оживить вашихъ молодыхъ; что дадите?» — Да хоть половину имѣнья бери! Солдатъ сдѣлалъ такъ, какъ научилъ его колдунъ, и оживилъ молодыхъ; вмѣсто плача началась радость, веселье; солдата и угостили и наградили. Онъ налѣво кругомъ и маршъ къ старостѣ; наказалъ ему собрать крестьянъ и приготовить сто возовъ осиновыхъ дровъ. Вотъ привезли дрова на кладбище, свалили въ кучу,

Digitized by Google

вытащили колдуна изъ могилы, положили на костёръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ — всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костёръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ, ни одному червяку нѣ дали ускользнуть. Такъ колдунъ и сгорѣлъ! Солдатъ тотчасъ собралъ его пепелъ и развѣялъ по вѣтру. Съ того времени стала на селѣ тишина; крестьяне отблагодарили солдата всѣмъ міромъ; онъ побылъ на родинѣ, нагулялся досыта и воротился на царскую службу съ денежками. Отслужилъ свой срокъ, вышелъ въ отставку и сталъ жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

(Записана въ тамбовской губерніи, моршанскомъ уѣздѣ, сельскимъ учителемъ Алексѣемъ Добровольскимъ.)

е. Жилъ-былъ солдатъ; вышелъ въ отставку и пошелъ домой. Приходитъ въ свою деревню — вся пуста, не видать нигдѣ народу. Что такое значитъ? Зашелъ въ свою прежнюю избу, снялъ ранецъ, раздѣлся; сталъ на лавку садиться, глянулъ, а на столѣ стоитъ штофъ вина и всякихъ закусокъ въ волю наготовлено. «Ну, думаетъ, хоть голоденъ не буду; есть что закусить и выпить.» Вдругъ лѣзетъ въ избу его старой дѣдъ, которой лѣтъ съ десять какъ померъ; былъ онъ сильной колдунъ, весь народъ изъ деревни повыгналъ, а такого хитреца, чтобы съ нимъ сладилъ, еще не бывало! Увидалъ онъ гостя и закричалъ: «ба! здравствуй, внучекъ!»—Здорово, дѣдушка! «Давно я тебя не видалъ!» — И то давно! Сѣлъ колдунъ и давай закуски уписывать да виномъ запивать; все одинъ пріѣлъ. «Гдѣ-жъ мои братья?» спрашиваетъ солдатъ. — Въ иной деревнѣ живутъ; я отсюдова всѣхъ выгналъ. Только и ходятъ сюда что днемъ; придутъ, поставятъ мнѣ ужинъ да

Digitized by Google

штофъ вина, и назадъ! Позакусилъ колдунъ, повыпилъ, и говоритъ: «поѣдемъ-ка въ сосѣднее село; тамъ нынче свадьба у богатаго мужика. Какъ пріѣдемъ, я въ избу пойду, а ты стой на улицѣ и что стану тебѣ въ окно подавать — все принимай да въ повозку клади.»—Ладно, дѣдушка! Вышли на дворъ, у крыльца стоитъ тройка вороныхъ — такъ и рвутъ, копытами зѣмлю роютъ! Сѣли въ повозку и мигомъ въ село прискакали. Колдунъ вошелъ въ избу, а солдатъ остался на улицѣ, смотритъ: что будетъ? Дѣдъ взялъ со стола скатерть и все, что на столѣ было накладено-наставлено, завернулъ въ узелъ и подаетъ въ окно; солдатъ принялъ и положилъ въ повозку. Потомъ подошелъ колдунъ къ жениху, засучилъ свой рукавъ и засунулъ ему руку въ ротъ по самое плечо — женихъ тотчасъ померъ; сдѣлалъ тоже и съ невѣстою — и та померла. Тутъ всѣ заголосили, заплакали; отчего бѣда приключилась? никто не вѣдаетъ; колдунъ и вошелъ и ушелъ никому невидимъ. Сѣлъ онъ съ солдатомъ въ повозку и поскакалъ назадъ. Кони быстро несутъ! «Что, дѣдушка! спрашиваетъ солдатъ, долго ты будешь по бѣлу свѣту ходить?» — Долго, внучекъ! пока самъ захочу. «Неужто на тебя и силы нѣтъ?»— Сила-то есть, да никто про нее не вѣдаетъ. «Скажи мнѣ, дѣдушка!» —Нѣтъ, внучекъ! много знать хочешь. «Пожалуста, скажи!» —Ну, такъ и быть: вотъ въ эдакомъ-то мѣстѣ стоитъ сухая груша; коли соберутся семеро да выдернутъ ее съ корнемъ — подъ ней провалъ окажется; послѣ надо вырыть мой гробъ, да бросить въ тотъ провалъ и посадить опять грушу: ну, внучекъ, тогда полно мнѣ ходить! «А нельзя ли вылѣчить нонѣшнихъ молодыхъ, чтобъ они ожили?»— Эхъ, внучекъ! много будешь знать, скоро состарѣешься. «Однако скажи!»— Ну, такъ и быть! У богатаго мужика отелилась сегодня корова и принесла краснаго бычка; коли того бычка зарѣзать да вынуть сердце, да изъ того сердца взять крови, да тою кровью помазать

Digitized by Google

молодыхъ — они въ ту-жъ минуту оживутъ и будутъ здравы и невредимы [1]). Кони подлетѣли къ крыльцу и стали какъ вкопанные; колдунъ взялъ узелъ и понесъ въ избу. Развязалъ и началъ жрать все, что попало: сперва ѣлъ кушанья, а тамъ принялся глотать ложки, ножи, бутыли и самую скатерть. Живо все обработалъ, и кричитъ во всю глотку: «ѣсть хочу! голоденъ!... ну, внучекъ, теперь за тебя пріймусь!» — Что ты, дѣдушка! какая солдатъ ѣда! только однѣ кости. «Ничего, годишься!» — Дай хоть въ послѣдній разъ на бѣлой свѣтъ взглянуть! «Ну взгляни, только поскорѣе!» Вышелъ солдатъ на дворъ, нашелъ осиновое полѣно, взялъ и стоитъ; а дѣдъ кричитъ: «что-жъ ты копаешься? Иди, мнѣ некогда ждать.» —Нѣтъ, дѣдушка! я въ избу не пойду; если хочешь, ѣшь меня на дворѣ—нечего избы марать! Колдунъ разсердился, бѣжитъ къ нему на дворъ; только хотѣлъ было схватить, а солдатъ не далъ маху — какъ урѣжетъ его на отмашъ осиновымъ полѣномъ! Колдунъ и съ ногъ долой! «Ну, внучекъ! ударь еще разъ.» — Будетъ съ тебя и этого! [2]) Тутъ запѣлъ пѣтухъ — старикъ окостенѣлъ и замолчалъ; а солдатъ схватилъ ранецъ и пошелъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ его братья жили. На дру-

---

[1]) *Варіантъ 1:* Надо у чорной коровы надоить молока въ чистую тарелку да отыскать такой старой гвоздь, которой ужь ржавчина переѣла; послѣ раздѣть молодыхъ—будетъ у нихъ на груди по три синихъ пятна; тогда взять тотъ старой гвоздь, обмочить въ молоко и капать на синія пятна: сейчасъ оживутъ.

Варіантъ 2: Ну такъ и быть! сказалъ колдунъ; молодые спятъ смертнымъ сномъ. У самыхъ дверей воткнулъ я въ стѣну гороховое зерно; если его вынуть да приложить къ головѣ жениха или невѣсты — они тотчасъ проснутся.

[2]) *Варіантъ:* Пріѣхалъ колдунъ со свадьбы и говоритъ солдату: «ну, внучекъ, теперь я тебя съѣмъ!» — Эхъ, дѣдушка! сегодня ты и такъ много ѣлъ; оставь меня на завтра — все равно отъ тебя не уйду. «Ладно!» отвѣчаетъ колдунъ; вышелъ изъ избы, сталъ у дверей и слушаетъ, что будетъ внучекъ говорить. А солдатъ то примѣтилъ и говоритъ самъ себѣ: «вѣдь когда-нибудь умирать надо! такъ ужь лучше пускай меня дѣдушка съѣстъ, чѣмъ могильные черви.» Колдунъ повѣрилъ и ушелъ...

Digitized by Google

гой день онъ созвалъ весь міръ, выбралъ шесть человѣкъ, самъ седьмой пошелъ; взяли колдуна и бросили въ провалъ — тамъ, гдѣ сухая груша стояла. Послѣ того солдатъ вылѣчилъ молодыхъ, взялъ за то большую награду и зажилъ себѣ богато и счастливо.

31.

ДОБРОЕ СЛОВО.

а. Жилъ-былъ купецъ богатой; умеръ, оставался у него сынъ Иванъ Безсчастной: пропилъ онъ, промоталъ все богатство, и пошелъ искать работы. Ходитъ онъ по торгу, собой-то видной; на ту пору красная дѣвушка, дочь купецкая, сидѣла подъ окошечкомъ, вышивала коверъ разными шелками. Увидала она купецкаго сына... Полюбился ей купецкой сынъ: «пусти меня, говоритъ матери, за него замужъ.» Старуха и слышать было не хотѣла, да потолковала со старикомъ: «можетъ быть женинымъ счастьемъ и онъ будетъ счастливъ, а дочь наша въ сорочкѣ родилась!» Взяли ее да и отдали — перевѣнчали. Жена купила бумаги, вышила коверъ и послала мужа продавать: «отдавай коверъ за сто рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи.» Встрѣтился ему старичокъ, сталъ коверъ торговать; сторговалъ за сто рублей, вынимаетъ деньги, и говоритъ: «что хочешь — деньги или доброе слово?» Купецкой сынъ подумалъ-подумалъ: жена недаромъ наказывала... «Сказывай, говоритъ, доброе слово; на коверъ!» — Прежде смерти ничего не бойся! сказалъ старикъ, самъ взялъ коверъ и ушелъ. Приходитъ купецкой сынъ домой, разсказалъ все хозяйкѣ; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новой коверъ и опять посылаетъ мужа продавать: «отдавай коверъ за пятьсотъ рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи.» Выходитъ ку-

Digitized by Google

пецкой сынъ на торгъ; попадается ему тотъ-же старичокъ, сторговалъ коверъ за пятьсотъ рублей, сталъ деньги вынимать, и говоритъ купецкому сыну: «а хочешь — я тебѣ доброе слово скажу?» — На́ коверъ; говори доброе слово. «Пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи!» сказалъ старикъ, взялъ коверъ и ушелъ. Воротился купецкой сынъ домой, разсказалъ все хозяйкѣ — та ни слова.

Вотъ дядья купецкаго сына собрались за̀ море ѣхать, торгъ-торговать; купецкой сынъ собралъ кое какъ одинъ корабль, простился на постели съ женой, да и поѣхалъ съ ними. Ѣдутъ они по̀ морю; вдругъ выходитъ изъ моря морской *горбыль*(?); «давай намъ, говоритъ горбыль купцамъ, русскаго человѣка на судьбину — дѣло разобрать; я его назадъ опять ворочу.» Дядья думали-думали, и пришли къ племяннику съ поклономъ, чтобъ онъ ишелъ въ море. Тотъ вспомнилъ слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошелъ съ горбылемъ въ море. Тамъ Судьбина разбираетъ, что дороже: золото, серебро или мѣдь? «Разберешь ты это дѣло, говоритъ Судьбина купецкому сыну, награжу тебя.» — Изволь, отвѣчаетъ онъ; мѣдь дороже всего: безъ мѣди при расчетѣ обойтись нельзя; въ ней и копѣйка, и денежка, и полушка, изъ нея и рубль набрать можно; а изъ серебра и золота не откусишь. «Правда твоя! говоритъ Судьбина, ступай на свой корабль.» Выводитъ горбыль его на корабль, а тотъ корабль биткомъ набитъ каменьемъ самоцвѣтнымъ. Дядья ужь далеко уѣхали, да купецкой сынъ догналъ ихъ и заспорилъ съ ними, чей товаръ лучше? Тѣ ему говорятъ: «у тебя, племянничекъ, одинъ кораблишка, а у насъ сто кораблей.» Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотѣлъ просто безъ суда повѣсить купецкаго сына: не порочь дескать дядьевъ! да послѣ велѣлъ товары на посмотръ принесть. Дядья принесли ткани золотыя, шелковыя... Царь такъ и засмотрѣл-

Digitized by Google

ся. «Показывай свои!» говоритъ онъ купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю.» Царь приказалъ закрыть окна; тотъ вынулъ изъ кармана камушекъ — такъ все и освѣтило! «Твой лучше товаръ, купецкой сынъ! возьми себѣ за то дядины корабли.» Онъ забралъ себѣ дядины корабли, торговалъ ровно двадцать лѣтъ, наторговалъ много всякаго добра, и съ большимъ, несмѣтнымъ богатствомъ ворочается домой. Входитъ въ свой домъ и видитъ: хозяйка его лежитъ на постели съ двумя молодцами. Закипѣло у него ретивое, вынулъ саблю вострую: «зарублю, думаетъ, друзей жениныхъ!» И вспомнилъ доброе слово старика: пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи! разбудилъ свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцовъ: «дѣтки! говоритъ, вашъ батюшка пріѣхалъ.» Тутъ и узналъ купецкой сынъ, что жена безъ него родила ему двойчатъ.

(Записана въ рязанской губерніи, раненбургскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

b. Жилъ-былъ купецъ, да померъ; оставался у него сынъ Иванъ Несчастной — въ большой бѣдности проживалъ. Пришелся онъ по мысли одной дѣвицѣ, дочкѣ богатаго купца; собралась идти за него замужъ. Отецъ началъ ее останавливать: «что ты за такого за бѣднаго замужъ идешь? я тебя лучше за богатаго отдамъ.» Она говоритъ: «я не хочу за богатаго; отдайте меня хоть за бѣднаго, да желаннаго.» Отдали ее за бѣднаго да желаннаго. Говоритъ она какъ-то Ивану Несчастному: «поди въ городъ, купи мнѣ одинъ золотникъ шелку.» Онъ пошелъ и купилъ; принесъ своей женѣ шелку. Она вывязала коверъ такой славной, что̀ не вздумать, не взгадать, только въ сказкѣ сказать! и говоритъ мужу: «поди, продай коверъ.» Иванъ Несчастной понесъ въ лавку и сталъ продавать старичку; а старичокъ наказываетъ: «вышей ты мнѣ еще такой коверъ; я тебѣ зарàзъ деньги отдамъ.» Иванъ Не-

Digitized by Google

счастной пошелъ домой; спрашиваетъ у него жена: «что же продалъ коверъ?» Онъ говоритъ, что я его купцу отдалъ, а деньги послѣ отдастъ; велѣлъ еще такой-же вышить коверъ. — Ну, хорошо! поди, купи два золотника шелку. Онъ купилъ; жена его вышила другой коверъ вдвое лучше того, и посылаетъ своего Ивана Несчастнаго продавать. Онъ понесъ коверъ къ прежнему купцу. Говоритъ ему купецъ: «вышей ты мнѣ третій коверъ; я тогда за всѣ разомъ деньги отдамъ.» Купеческой сынъ пошелъ домой; жена его спрашиваетъ: «что-же ты продалъ коверъ?» Онъ говоритъ, что купецъ велѣлъ еще третій вышить. Жена посылаетъ Ивана Несчастнаго купить три золотника шелку; онъ отправился въ городъ и купилъ три золотника шелку, а она вышила третій коверъ еще лучше. Посылаетъ Ивана Несчастнаго продавать; онъ понесъ коверъ опять къ тому-же купцу. Купецъ взялъ и третій коверъ, и говоритъ: «что тебѣ деньгами заплатить, или возьмешь съ меня три добрыя слова?» Иванъ Несчастной подумалъ про себя: «вотъ у моего отца много денегъ было, а всѣ прахомъ пошли! дай-ка лучше три слова возьму.» И сказалъ ему старикъ: «при радости не радуйся; при страсти не страшись; подними да не опусти!» Иванъ Несчастной взялъ эти три слова и пошелъ домой. «Сколько за ковры получилъ?» спрашиваетъ жена. — Три добрыя слова взялъ: при радости не радуйся; при страсти не страшись; подними да не опусти!

Пошелъ Иванъ Несчастной на корабли наниматься, и нанялся въ прикащики на тридцать кораблей. Поплыли по синему морю; плыли-плыли, вдругъ ни съ того, ни съ сего остановились всѣ эти корабли и не йдутъ съ мѣста. Хозяинъ сталъ посылать въ воду водолазовъ: «кто полѣзетъ да дѣло исправитъ, тому (говоритъ) три корабля подарю.» [1]) Иванъ Не-

[1]) *Вар.* Бросили жребій: кому въ воду лѣзть? Жребій выпалъ на самаго хозяина, а онъ сдѣлалъ кличъ къ своимъ корабельщикамъ и прикащикамъ: кто полѣзетъ за него въ море, того наградитъ деньгами.

Digitized by Google

счастной вспомнилъ, что ему старикъ сказалъ: при страсти не страшись! и согласился лѣзть въ воду. Опустили его на цѣпи; видитъ онъ: стоитъ подъ водою домъ, въ томъ домѣ сидятъ старикъ и дѣвица [1]), передъ ними лежитъ осиновая плаха, въ плахѣ топоръ торчитъ; крѣпко спорятъ они межъ собою: дѣвица говоритъ, что олово дороже; старикъ, что сталь дороже. Стали они спрашивать у Ивана Несчастнаго: что дороже—олово или сталь? Отвѣчаетъ онъ: «сталь дороже.» Тотчасъ старикъ ухватилъ топоръ и отрубилъ дѣвицѣ голову, а Ивану Несчастному далъ три бриллiантовыхъ камушка. Вышелъ Иванъ Несчастной изъ подъ воды; сейчасъ корабли поплыли; хозяинъ отдалъ ему три корабля. Поспорилъ Иванъ Несчастной съ хозяиномъ: у кого больше товару? Хозяинъ говоритъ: «у меня на двадцати семи корабляхъ больше!» а Иванъ Несчастной говоритъ: «у меня на трехъ больше!» Спорили-спорили и рѣшили: у кого товару больше, тому отдать всѣ корабли; стали смотрѣть, и нашли у Ивана Несчастнаго три камушка бриллiантовые — цѣны камушкамъ нѣтъ! Забралъ Иванъ Несчастной всѣ тридцать кораблей и поплылъ въ чужія земли; присталъ къ большому городу, выкинулъ флагъ, и распродалъ свой товаръ на много тысячъ. Воротился въ свою родину и сталъ на якоряхъ; тутъ всѣ горожане удивились: какъ-такъ былъ Иванъ Несчастной не при чемъ, жилъ бѣдно, а теперь сколько кораблей пригналъ! Приходитъ Иванъ Несчастной въ свой домъ и видитъ: жена его съ добрымъ молодцемъ цѣлуется; поднялъ саблю и хотѣлъ зарубить ихъ, да вспомнилъ доброе слово: подними да не опусти! сталъ свою жену распрашивать, и узналъ, что тотъ молодецъ его сынъ: когда Иванъ Несчастной поѣхалъ на корабляхъ, втѣпоры жена безъ него родила. Обрадовался онъ, поздоровался, и начали себѣ жить да богатѣть.

(Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губернiи.)

[1]) *Вар.* Морской Царь и его дочь.

Digitized by Google

32.

ТРИ КОПѢЕЧКИ.

Жилъ-былъ купецъ именитый (богатый); въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человѣкъ и наймывается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчету; тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копѣечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ въ воду. «Если, говоритъ, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копѣйка не утонетъ!» Копѣечка утонула. Онъ опять пошелъ къ тому-же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ, сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копѣечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копѣечка утонула. Пошелъ въ третій разъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ еще больше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копѣечку, идетъ съ нею къ рѣкѣ, и бросаетъ ее въ воду; глядь — всѣ три копѣечки поверхъ воды! Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ — къ обѣднѣ ѣдетъ; онъ даетъ тому купцу копѣечку и проситъ свѣчу образамъ поставить. Купецъ взошелъ въ церковь, даетъ изъ кармана своего денегъ на свѣчи, и какъ-то обронилъ ту копѣечку на полъ. Вдругъ отъ той копѣечки огонь возгорѣлъ; люди въ церкви изумились, спрашиваютъ: кто копѣечку обронилъ? Купецъ говоритъ: «я обронилъ, а мнѣ ее далъ на свѣчу какой-то работникъ.» Люди взяли по свѣчѣ и зажгли отъ той копѣечки. А работникъ тѣмъ временемъ продолжаетъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадается ему другой купецъ — на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ кармана копѣечку, отдаетъ купцу и говоритъ: «купи мнѣ на эту копѣечку на ярмаркѣ товару.» Купецъ взялъ,

Digitized by Google

накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще искупить? и вспомнилъ про копѣечку. Вспомнилъ и не знаетъ, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчикъ, продаетъ кота и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копѣечку; купецъ не нашелъ другаго товару и купилъ кота. Поплылъ онъ на корабляхъ въ иное государство торгъ торговать; а на то государство напалъ великой гнусъ [1]). Стали корабли въ пристани; котикъ то и дѣло изъ корабля выбѣгаетъ, гнусъ поѣдаетъ. Узналъ про то царь, спрашиваетъ кунца: «дорогъ-ли этотъ звѣрь?» Купецъ говоритъ: «не мой это звѣрь; мнѣ велѣлъ его купить одинъ молодецъ» — и нарочно молвилъ, что стоитъ трехъ кораблей. Царь отдалъ три корабля купцу, а котика себѣ взялъ. Воротился купецъ назадъ, а работникъ вышелъ на рынокъ, нашелъ его, и говоритъ: «купилъ ли ты мнѣ на копѣечку товару?» Купецъ отвѣчаетъ: «нельзя потаить — купилъ три корабля!» Работникъ взялъ три корабля и поплылъ по морю. Долго ли, коротко ли — приплылъ къ острову; на томъ островѣ стоитъ дубъ; онъ взлѣзъ на него ночевать и слышитъ: внизу подъ дубомъ хвастается Ерахта [2]) своимъ товарищамъ, что вотъ завтра среди бѣла дня украдетъ онъ у царя дочь. Товарищи ему говорятъ: «если ты не утащишь, то мы тебя всего желѣзными прутьями изхлещемъ!» Послѣ того разговора они ушли; работникъ слѣзъ съ дуба и идетъ къ царю; пришелъ въ палаты, вынулъ изъ кармана послѣднюю копѣечку и зажегъ ее. Ерахта прибѣжалъ къ царю, и никакъ не сможетъ украсть его дочери; воротился ни съ чѣмъ къ братьямъ, а они давай его хлестать желѣзными прутьями; хлестали-хлестали и бросили въ невѣдомое мѣсто! А работникъ женился на царевнѣ и сталъ себѣ жить-поживать, добра наживать.

(Записана въ архангельской губерніи.)

---

[1]) Мыши, крысы (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 38). [2]) Чортъ.

Digitized by Google

33.

ДИВО-ДИВНОЕ, ЧУДО-ЧУДНОЕ.

Жилъ-былъ богатой купецъ съ купчихою; торговалъ дорогими и знатными товарами и кажной годъ ѣздилъ съ ними по чужимъ государствамъ. Въ нѣкое время снарядилъ онъ корабль, сталъ собираться въ дорогу, и спрашиваетъ жену: «скажи, радость моя, что тебѣ изъ иныхъ земель въ гостинецъ привезти?» Отвѣчаетъ купчиха: «я у тебя всѣмъ довольна; всего у меня много! а коли угодить да потѣшить хочешь, купи мнѣ диво-дивное, чудо-чудное.» — Хорошо; коли найду —куплю. Поплылъ купецъ за тридевять земель въ тридесятое царство, пристадъ къ великому, богатому городу, распродалъ всѣ свои товары, а новые закупилъ, корабль нагрузилъ; идетъ по городу и думаетъ: гдѣ бы найдти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему на встрѣчу незнакомой старичокъ, спрашиваетъ его: «что такъ призадумался, раскручинился, доброй молодецъ?» — Какъ мнѣ не кручиниться! отвѣчаетъ купецъ; ищу я купить своей женѣ диво-дивное, чудо-чудное, да не вѣдаю — гдѣ. «Эхъ, ты давно бы мнѣ сказалъ! Пойдемъ со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное — такъ и быть, продамъ.» Пошли вмѣстѣ; старичокъ привелъ купца въ свой домъ и говоритъ: «видишь ли — вонъ на дворѣ у меня гусь ходитъ?» — Вижу. «Такъ смотри-же, что̀ съ нимъ будетъ... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. Старичокъ взялъ сковороду и опять приказываетъ: «эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лёгъ на сковороду; старичокъ поставилъ ее въ печь, изжарилъ гуся, вынулъ и поставилъ на столъ. «Ну, купецъ, доброй молодецъ! садись, закусимъ; только костей подъ столъ не кидай, всѣ въ одну кучу собирай.» Вотъ они

Digitized by Google

за столъ сѣли, да вдвоемъ цѣлаго гуся и съѣли. Старичокъ взялъ оглоданныя кости, завернулъ въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ.» Гусь всталъ, встрепенулся и пошелъ на дворъ, словно и въ печи не бывалъ! «Подлинно, хозяинъ, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» сказалъ купецъ, сталъ торговать у него гуся и сторговалъ за дорогія деньги. Взялъ съ собой гуся на корабль и поплылъ въ свою землю. Пріѣхалъ домой, поздоровался съ женой, отдаетъ ей гуся и сказываетъ, что съ той птицею хоть всякой день некупленое жаркое ѣшь! Зажарь ее—она опять оживетъ! На другой день купецъ пошелъ въ лавки, а къ купчихѣ полюбовникъ прибѣжалъ. Такому гостю, другу сердечному, она куды какъ рада! Вздумала угостить его жаренымъ гусемъ, высунулась въ окно и закричала: «гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушаетъ, не йдетъ на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородникомъ — и въ ту-жъ минуту однимъ концомъ сковородникъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ, и такъ плотно прильнулъ, что никакъ оторваться нельзя! «Ахъ, миленькой дружокъ! закричала купчиха, оторви меня отъ сковородника; видно, этотъ проклятой гусь завороженъ!» Полюбовникъ обхватилъ купчиху обѣими руками, хотѣлъ было отъ сковородника оторвать, да и самъ прильнулъ... Гусь выбѣжалъ на дворъ, на улицу, и потащилъ ихъ къ лавкамъ. Увидали прикащики, бросились разнимать; только кто до нихъ ни дотронется — такъ и прилипнетъ! Сбѣжался народъ на то диво смотрѣть, вышелъ и купецъ изъ лавки, видитъ: дѣло то не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся, говоритъ, во всемъ; не то на вѣкъ такъ — сольнувшись — останешься!» Нечего дѣлать, повинилась купчиха; купецъ взялъ тогда—рознялъ ихъ, полюбовнику шею накостылялъ, а жену домой отвелъ да изрядно

Digitized by Google

поучилъ, приговаривая: «вотъ тебѣ диво-дивное! вотъ тебѣ чудо чудное!»

(Записана въ архангельской губерніи.)

34.

ГОРЕ.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачь переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мала меньше — плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова своей женѣ: «дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ.» — Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу! Что дѣлать? принялся бѣдной за работу: и дворъ чиститъ, и лошадей холитъ, и воду возитъ, и дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: «вотъ тебѣ за труды!» — И за то спасибо! сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра—мои имянины.»—Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ прійдутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.»—Хорошо, братецъ! прійду. Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: «слушай, жена! назавтрее насъ съ тобой въ гости звали.» — Какъ въ гости? кто звалъ? «Братъ; онъ завтра имянинникъ.» — Ну,

Digitized by Google

что-жъ! пойдемъ. На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужь много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ—ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдной тожъ—поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; «давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!»—Эхъ, ты дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? «Ну, все-таки у брата на имянинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили...»—Ну пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» —Что съ тобой? я вовсе и не думала. «Такъ кто-же?»— Не знаю! сказала баба; а ну запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я пособляю.» — Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. «Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ!»—Охъ ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ.

Digitized by Google

«Да на что намъ деньги? Возьми сани да телегу—съ насъ и довольно!» Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телегу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться; мужикъ пропилъ и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телегою.» Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «дай, проситъ, на времячко пару воловъ съ телегою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю.» — На что тебѣ? «Въ лѣсъ за дровами съѣздить.» —Ну ,возьми; только невеликъ возъ накладывай. «И что ты, кормилецъ!» Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телегу и поѣхалъ въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телеги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телегу.» Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телегу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужь больше ничего не осталось, и говоритъ: «посмотри-ко. Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!»

Digitized by Google

—Да вонъ въ углу свѣтятся! «Нѣтъ, не вижу.»—Полѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!» Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ-бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли—поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на имянины. «Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ; у самого ѣсть нечего, а ты еще имянины справляешь!»—Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣзжай — увидишь. «Ладно, пріѣду!» На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на имянины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новые, высокіе: не у всякаго купца такіе есть! Мужикъ угостилъ ихъ, уподчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: «скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что̀ душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подъѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклоняется посмотрѣть, что̀ тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть — а ужь Горе

Digitized by Google

выскочило и усѣлось ему на шею: «а! кричитъ, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану.» — Послушай, Горе! сказалъ купецъ; вовсе не я засадилъ тебя подъ камень... «А кто-же, какъ не ты?» — Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. «Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!» Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужь съ утра за свое принимается, кажной день зоветъ купца опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! «Эдакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ; кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?» Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: «что ты, Горе, все на боку лежишь?» — А что-жъ мнѣ больше дѣлать? «Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулючки играть.» А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сейчасъ его нашло; послѣ того черёдъ Горю прятаться: «ну, говоритъ, меня нескоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!» — Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ; ты въ это колесо не влѣзешь, а то — въ щель! «Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!» Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другаго конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по прежнему.

(Записана въ новгородской губерніи.)

Digitized by Google

35.

БЕЗНОГОЙ И СЛѢПОЙ БОГАТЫРИ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, а смотрѣть-глядѣть за царевичемъ приставленъ былъ Катома-дядька, дубовая шапка. Царь съ царицею достигли древнихъ лѣтъ, заболѣли, и не чаютъ ужь выздоровѣть; призываютъ Ивана-царевича и наказываютъ: «когда мы помрёмъ, ты во всемъ слушайся и почитай Катому-дядьку, дубовую шапку; станешь слушаться—счастливъ будешь, а захочешь быть ослушникомъ — пропадешь, какъ муха.» На другой день царь съ царицею померли; Иванъ-царевичъ похоронилъ родителей и сталъ жить по ихъ наказу: что ни дѣлаетъ, обо всемъ съ дядькой совѣтъ держитъ. Долго ли, коротко ли — дошелъ царевичъ до совершенныхъ лѣтъ и надумалъ жениться; приходитъ къ дядькѣ и говоритъ ему: «Катома-дядька, дубовая шапка! скучно мнѣ одному, хочу ожениться.»—Что-же, царевичъ! зачѣмъ дѣло стало? Лѣта твои таковы, что пора и о невѣстѣ думать; поди въ большую палату — тамъ всѣхъ царевенъ, всѣхъ королевенъ портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся. Иванъ-царевичъ пошелъ въ большую палату, началъ пересматривать портреты, и пришлась ему по мысли королевна Анна Прекрасная—такая красавица, какой во всемъ свѣтѣ другой нѣтъ! На ея портретѣ подписано: коли кто задастъ ей загадку, а королевна не отгадаетъ, за того пойдетъ она замужъ; а чью загадку отгадаетъ, съ того голова долой. Иванъ-царевичъ прочиталъ эту подпись, раскручинился и идетъ къ своему дядькѣ: «былъ я, говоритъ, въ большой палатѣ, высмотрѣлъ себѣ невѣсту Анну Прекрас-

Digitized by Google

ную; только не вѣдаю, можно ли ее высватать?» — Да, царевичъ! трудно ее достать; коли одинъ поѣдешь—ни за что не высватаешь; а возьмешь меня съ собой да будешь дѣлать, какъ я скажу,—можетъ, дѣло и уладится. Иванъ-царевичъ проситъ Катому-дядьку, дубовую шапку, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даетъ ему вѣрное слово слушаться его и въ горѣ, и въ радости [1]).

---

[1]) *Варіантъ:* Выбралъ себѣ Иванъ-царевичъ невѣсту, сильномогучую королевну, и послалъ курьера сватать ее. Курьеръ поскакалъ, доложилъ королевнѣ; она спрашиваетъ: «а каковъ твой царевичъ въ ратномъ дѣлѣ?» —Нашъ царевичъ въ ратномъ дѣлѣ силёнъ и непобѣдимъ. «Если онъ силёнъ, то пускай дастъ о себѣ знать желѣзною булавой!» сказала королевна и подаетъ курьеру трехъ-пудовую булаву: «если броситъ эту булаву изъ своего царства въ мой теремъ и собьетъ съ него верхушку, то можетъ ко мнѣ женихомъ ѣхать; а если не въ мочь ему добросить, то пусть лучше и не пріѣзжаетъ!» Воротился курьеръ и отдалъ Ивану-царевичу трехъ-пудовую булаву; закручинился царевичъ: какъ ее за тридевять земель, въ тридесятое царство забросить? Говоритъ ему дядька: «не кручинься, царевичъ! прикажи-ка эту булаву кузнецамъ передѣлать, чтобъ была въ шесть пудовъ вѣсомъ.» Кузнецы ее передѣлали, привезли на царской дворъ. Царевичъ взялся было за булаву—куда! и повернуть не можетъ; дядька разсмѣялся, схватилъ булаву одной рукой, размахнулся три раза и бросилъ въ тридесятое царство: съ гуломъ полетѣла она черезъ горы и долы и такъ тяжело упала на теремъ королевны, что весь дворецъ пошатнулся, всѣ крыши, всѣ чердаки рухнули; только стѣны остались. Поѣхалъ Иванъ-царевичъ къ своей нарѣченной невѣстѣ и взялъ съ собой дядьку; долго они ѣхали, а королевна выслала къ жениху на встрѣчу своего богатырскаго коня; на томъ конѣ никто усидѣть не можетъ: поднимается онъ выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, и летитъ по поднебесью, а когда по землѣ бѣжитъ— изъ-подъ копытъ цѣлыя горы выметываетъ! Подъѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ королевству своей нарѣченной невѣсты; стоятъ двѣнадцать человѣкъ, держатъ коня на желѣзныхъ цѣпяхъ, а онъ громко ржетъ, глубоко копытомъ землю бьетъ, на волю рвется. Иванъ-царевичъ не знаетъ, какъ и приступиться къ богатырскому коню; да есть у него дядька на выручку. «Кажись, конь-то плохъ! надо мнѣ опробовать», сказалъ дядька, схватилъ его за повода и сѣлъ верхомъ. Конь рванулся было въ поднебесье—да не тотъ сѣдокъ! какъ прижалъ дядька коня своими богатырскими пятками, такъ онъ тутъ-же свалился наземь, захрипѣлъ и издохъ. «Что это за клячу къ намъ вывели? али королевна вздумала шутку сшутить? Нѣтъ, ужь мы лучше на своихъ коняхъ поѣдемъ!»

Digitized by Google

Вотъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную королевну. Ѣдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «ѣдемъ мы, дядя, столько времени, приближаемся къ землямъ Анны Прекрасной королевны, а не знаемъ: какую загадку загадывать.»—Еще успѣемъ выдумать! Ѣдутъ дальше; Катома-дядька, дубовая шапка, глянулъ на дорогу—на дорогѣ лежитъ кошелекъ съ деньгами; сейчасъ его поднялъ, высыпалъ оттуда всѣ деньги въ свой кошелекъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ и загадка, Иванъ-царевичъ! Какъ пріѣдешь къ королевнѣ, загадай ей такими словами: ѣхали де мы путемъ-дорогою, увидали: на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ свое добро положили! Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаетъ — только взглянетъ въ свою волшебную книгу; а какъ узнаетъ, то и велитъ отрубить тебѣ голову.» Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ-царевичъ съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала прекрасная королевна; въ ту пору-времячко была она на балх(к)онѣ, увидала пріѣзжихъ и послала узнать: откуда они и зачѣмъ прибыли? Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «пріѣхалъ я изъ такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну.» Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичъ во дворецъ шелъ да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ; у меня, молвила, такой завѣтъ положенъ: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ идти замужъ, а чью отгадаю — того злой смерти предать! «Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, говоритъ Иванъ-царевичъ: ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали—на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ добро положили.» Анна Прекрасная королевна беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать да отгадки розыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась. Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ вы-

Digitized by Google

ходить замужъ за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а дѣлать нечего—стала готовиться къ свадьбѣ. Думаетъ сама съ собой королевна: какъ-бы время протянуть да жениха отбыть? и вздумала — утрудить его великими службами. Призываетъ она Ивана-царевича и говоритъ ему: «милой мой Иванъ-царевичъ, мужъ нарѣченной! надо намъ къ свадьбѣ изготовиться; сослужи-ка мнѣ службу невеликую: въ моемъ королевствѣ, на такомъ-то мѣстѣ, стоитъ большой чугунной столбъ; перетащи его въ дворцовую кухню и сруби въ мелкія полѣнья — повару на дрова.» — Помилуй, королевна! нѣшто я пріѣхалъ сюда дрова рубить? мое ли это дѣло! на то у меня слуга есть: Катома-дядька, дубовая шапка. Сейчасъ призываетъ царевичъ дядьку, и приказываетъ ему притащить въ кухню чугунной столбъ и срубить его въ мелкія полѣнья повару на дрова. Катома-дядька пошелъ на сказанное мѣсто, схватилъ столбъ въ охапку, принесъ въ дворцовую кухню и разбилъ на мелкія части; четыре чугунныхъ полѣна взялъ себѣ въ карманъ: «для пѣреду годится!» На другой день говоритъ королевна Ивану-царевичу: «милой мой царевичъ, нарѣченной мужъ! завтра намъ къ вѣнцу ѣхать: я поѣду въ коляскѣ, а ты верхомъ на богатырскомъ жеребцѣ; надобно тебѣ загодя объѣздить того коня.»—Стану я самъ объѣзжать коня! на то у меня слуга есть. Призываетъ Иванъ-царевичъ Катому-дядьку, дубовую шапку: «ступай, говоритъ, на конюшню, вели конюхамъ вывести богатырскаго жеребца, сядь на него и объѣзди; завтра я на немъ къ вѣнцу поѣду.» Катома-дядька смекнулъ хитрости королевны, не сталъ долго разговаривать, пошелъ на конюшню и велѣлъ конюхамъ вывести богатырскаго жеребца. Собралось двѣнадцать конюховъ; отперли двѣнадцать замковъ, отворили двѣнадцать дверей и вывели волшебнаго коня на двѣнадцати желѣзныхъ цѣпяхъ. Катома-дядька, дубовая шапка, подошелъ къ нему; только успѣлъ сѣсть — волшебной

Digitized by Google

конь отъ земли отдѣляется, выше лѣсу подымается, что̀ повыше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго. Катома крѣпко сидитъ, одной рукой за гриву держится, а другой вынимаетъ изъ кармана чугунное полѣно и начинаетъ этимъ полѣномъ промежду̀ ушей коня осаживать. Избилъ одно полѣно, взялся за другое; два избилъ, взялся за третее; три избилъ, пошло въ ходъ четвертое. И такъ донялъ онъ богатырскаго жеребца, что не выдержалъ конь, возговорилъ человѣческимъ голосомъ: «батюшка Катома! отпусти хоть живаго на бѣлой свѣтъ. Что хочешь, то и приказывай: все будетъ по твоему!» — Слушай, собачье мясо! отвѣчаетъ ему Катома-дядька, дубовая шапка; завтра поѣдетъ на тебѣ къ вѣнцу Иванъ-царевичъ. Смотри же: какъ выведутъ тебя конюхи на широкой дворъ, да подойдетъ къ тебѣ царевичъ и наложитъ свою руку—ты стой смирно, ухомъ не пошевели; а какъ сядетъ онъ верхомъ — ты по самыя щотки въ землю подайся да иди подъ нимъ тяжелымъ шагомъ, словно у тебя на спинѣ непомѣрная тягота накладена. Богатырской конь выслушалъ приказъ и опустился еле живъ на землю. Катома ухватилъ его за хвостъ и бросилъ возлѣ конюшни: «эй, кучера и конюхи! уберите въ стойло это собачье мясо.» Дождались другаго дня; подошло время къ вѣнцу ѣхать: королевнѣ коляску подали, а Ивану-царевичу богатырскаго жеребца подвели. Со всѣхъ сторонъ народъ сбѣжался — видимо-невидимо! Вышли изъ палатъ бѣлокаменныхъ женихъ съ невѣстою; королевна сѣла въ коляску и дожидается: что-то будетъ съ Иваномъ-царевичемъ? волшебной конь разнесетъ его кудри по вѣтру, размычетъ его кости по чисту полю. Подходитъ Иванъ-царевичъ къ жеребцу, накладываетъ руку на спину, ногу въ стремено—жеребецъ стоитъ словно вкопаной, ухомъ не шевельнетъ! Сѣлъ царевичъ верхомъ — волшебной конь по щотки въ землю ушелъ; сняли съ него двѣнадцать цѣпей — сталъ конь

Digitized by Google

выступать ровнымъ, тяжелымъ шагомъ, а съ самого потъ градомъ такъ и катится. «Экой богатырь! экая сила непомѣрная!» говоритъ народъ, глядя на царевича. Перевѣнчали жениха съ невѣстою; стали они выходить изъ церкви, взяли другъ дружку за руки. Вздумалось королевнѣ еще разъ попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку такъ сильно, что онъ не смогъ выдержать: кровь въ лицо кинулась, глаза подъ лобъ ушли. «Такъ ты эдакой-то богатырь! думаетъ королевна; славно же твой дядька меня опуталъ... только даромъ вамъ это не пройдетъ!»

Живетъ Анна Прекрасная королевна съ Иваномъ-царевичемъ, какъ подобаетъ женѣ съ богоданнымъ мужемъ, всячески его словами улещаетъ, а сама одно мыслитъ, какимъ-бы то способомъ извести Катому-дядьку, дубовую шапку; съ царевичемъ безъ дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всякихъ наговоровъ, Иванъ-царевичъ не поддавался на ея рѣчи, все сожалѣлъ своего дядьку. Черезъ годъ времени говоритъ онъ своей женѣ: «любезная моя супружница, прекрасная королевна! желается мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ тобой въ свое государство.» — Пожалуй, поѣдемъ; мнѣ самой давно хочется увидать твое государство. Вотъ собрались и поѣхали; дядьку Катому за кучера посадили. Ѣхали-ѣхали; Иванъ-царевичъ заснулъ дорогою. Вдругъ Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить: «послушай, царевичъ, ты все спишь—ничего не слышишь! А твой дядька совсѣмъ меня не слушаетъ, нарочно правитъ лошадей на кочки да рытвины — словно извести насъ собирается; стала я ему добромъ говорить, а онъ надо мной насмѣхается. Жить не хочу, коли его не накажешь!» Иванъ-царевичъ крѣпко съ просонокъ разсердился на своего дядьку, и отдалъ его на всю волю королевнину: «дѣлай съ нимъ, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить ему ноги. Катома дался ей на поруганіе:

Digitized by Google

«пусть, думаетъ, пострадаю; да и царевичъ узнаетъ, каково горе мыкать!» Отрубили Катомѣ-дядькѣ обѣ ноги. Глянула королевна кругомъ и увидала: стоитъ въ сторонѣ высокой пень; позвала слугъ и приказала посадить его на этотъ пень, а Ивана-царевича привязала на веревкѣ къ колескѣ, повернула назадъ и поѣхала въ свое королевство. Катома-дядька, дубовая шапка, на пнѣ сидитъ, горькими слезами плачетъ: «прощай, говоритъ, Иванъ-царевичъ! вспомнишь и меня.» А Иванъ-царевичъ въ припрыжку за колескою бѣжитъ; самъ знаетъ, что маху далъ, да воротить нельзя. Пріѣхала королевна Анна Прекрасная въ свое государство и заставила Ивана-царевича коровъ пасти. Каждой день поутру ходитъ онъ со стадомъ въ чистое поле, а вечеромъ назадъ на королевской дворъ гонитъ; въ то время королевна на балконѣ сидитъ и повѣряетъ, всѣ ли счетомъ коровы? Пересчитаетъ и велитъ ихъ царевичу въ сарай загонять, да послѣднюю корову подъ хвостъ цѣловать: эта корова такъ ужь и знаетъ — дойдетъ до воротъ, остановится и хвостъ подыметъ...

Катома-дядька сидитъ на пнѣ день, и другой, и третій, ни пивши, ни ѣвши; слѣзть никакъ не можетъ, приходится помирать голодною смертію. Невдалекѣ отъ этого мѣста былъ густой лѣсъ; въ томъ лѣсу проживалъ слѣпой сильномогучій богатырь; только тѣмъ и кормился, что̀ какъ услышитъ по духу, что мимо его какой звѣрь пробѣжалъ: заяцъ, лиса ли, медвѣдь ли — сейчасъ за нимъ въ погоню; поймаетъ — и обѣдъ готовъ! Былъ богатырь на ногу скоръ, и ни одному звѣрю прыскучему не удавалось убѣжать отъ него. Вотъ и случилось такъ: проскользнула мимо лиса; богатырь услыхалъ да вслѣдъ за нею; она добѣжала до того высокаго пня и дала колѣно въ сторону, а слѣпой богатырь поторопился да съ разбѣгу какъ ударится лбомъ о пень — такъ съ корнемъ его и выворотилъ. Катома свалился на землю и спрашиваетъ: «ты кто таковъ?» — Я — слѣ-

Digitized by Google

пой богатырь, живу въ лѣсу тридцать лѣтъ, только тѣмъ и кормлюся — коли какого звѣря поймаю да на кострѣ зажарю; а то бъ давно померъ голодною смертію! «Неужли-жъ ты отъ роду слѣпой?» — Нѣтъ, ни отъ роду; а мнѣ выколола глаза Анна Прекрасная королевна. «Ну, братъ! говоритъ Катома-дядька, дубовая шапка, и я черезъ нее безъ ногъ остался: обѣ отрубила проклятая!» Разговорились богатыри промежъ собой и согласились вмѣстѣ жить, вмѣстѣ хлѣбъ добывать. Слѣпой говоритъ безногому: «садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебѣ своими ногами, а ты мнѣ своими глазами.» Взялъ онъ безногаго и понесъ на себѣ, а Катома сидитъ, по сторонамъ поглядываетъ да знай покрикиваетъ: направо! налѣво! прямо!.. Жили они эдакъ нѣкоторое время въ лѣсу и ловили себѣ на обѣдъ и зайцевъ, и лисицъ, и медвѣдей. Говоритъ разъ безногой: «неужли-жъ намъ весь вѣкъ безъ людей прожить? Слышалъ я, что въ такомъ-то городѣ живетъ богатой купецъ съ дочкою, и та купеческая дочь куда-какъ милостива къ убогимъ и увѣчнымъ! сама всѣмъ милостину подаетъ. Увеземъ-ка, братъ, ее! пусть у насъ за хозяйку живетъ.» Слѣпой взялъ тележку, посадилъ въ нее безногаго и повезъ въ городъ, прямо къ богатому купцу на дворъ; увидала ихъ изъ окна купеческая дочь, тотчасъ вскочила и пошла обдѣлять ихъ милостиною. Подошла къ безногому: «прими, убоженькой, Христа ради!» Сталъ онъ принимать подаяніе, ухватилъ ее за руки да въ тележку, закричалъ на слѣпаго — тотъ побѣжалъ такъ скоро, что̀ на лошадяхъ не поймать! Купецъ послалъ погоню — нѣтъ, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь въ свою лѣсную избушку и говорятъ ей: «будь намъ замѣсто родной сестры, живи у насъ, хозяйничай; а то намъ, увѣчнымъ, некому обѣда сварить, рубашекъ помыть. Богъ тебя за это не оставитъ!» Осталась съ ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то

Digitized by Google

и дѣло — на охотѣ, а названная сестра завсегда дома: всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, обѣдъ готовитъ, бѣлье моетъ. Вотъ и повадилась къ нимъ въ избушку ходить баба-яга, костяная нога, и сосать у красной дѣвицы, купеческой дочери, бѣлыя груди. Только богатыри на охоту уйдутъ, а баба-яга тутъ какъ тутъ! Долго ли, коротко ли — спàла съ лица красная дѣвица, похудѣла-захирѣла; слѣпой ничего не видитъ, а Катома дядька, дубовая шапка, замѣчаетъ, что дѣло неладно; сказалъ про то слѣпому, и пристали они вдвоемъ къ своей названной сестрицѣ, начали допрашивать, а баба-яга ей нàкрѣпко запретила признаваться. Долго боялась она повѣрить имъ свое горе, долго крѣпилась, да наконецъ братья ее уговорили, и она все дочиста разсказала: «всякой разъ, какъ уйдете вы на охоту, тотчасъ является въ избушку древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, сѣдые! и заставляетъ меня въ головѣ ей искать, а сама сосётъ мои груди бѣлыя.» — А! говоритъ слѣпой, это — баба-яга; погоди же, надо съ ней по-своему раздѣлаться! Завтра мы не пойдемъ на охоту, а постараемся залучить ее да поймать... Утромъ на другой день богатыри не идутъ на охоту. «Ну, дядя безногой! говоритъ слѣпой, полѣзай ты подъ лавку, смирненько сиди, а я пойду на дворъ — подъ окномъ стану. А ты, сестрица, какъ прійдетъ баба-яга, садись вотъ здѣсь, у этого окна; въ головѣ-то у ней ищи, да потихоньку пряди волосъ отдѣляй, да за оконницу на дворъ пропускай: я ее за сѣдыя-то космы и сграбастаю!» Сказано — сдѣлано. Ухватилъ слѣпой бабу-ягу за сѣдыя космы и кричитъ: «эй, дядя Катома! вылѣзай-ка изъ-подъ лавки да придержи ехидную бабу, пока я въ избу войду.» Баба-яга услыхала бѣду, хочетъ вскочить, голову приподнять — куда тебѣ! нѣтъ совсѣмъ ходу! рвалась-рвалась — ничего не пособляетъ! А тутъ вылѣзъ изъ-подъ лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо съ овчинку ей показа-

Digitized by Google

лось! Вскочилъ въ избушку слѣпой, говоритъ безногому: «надо намъ теперь развести большой костеръ, сжечь ее проклятую на огнѣ, а пепелъ по вѣтру пустить!» Возмолилась баба-яга: «батюшки, голубчики! простите... что̀ угодно, все вамъ сдѣлаю!» — Хорошо, старая вѣдьма! сказали богатыри, покажи-ка намъ колодезь съ цѣлющей и живущей водою. «Только не бейте, сейчасъ покажу!» Вотъ Катома-дядька, дубовая шапка сѣлъ на слѣпаго; слѣпой взялъ бабу-ягу за̀ косы; баба-яга повела ихъ въ лѣсную трущобу, привела къ колодезю и говоритъ: «это и есть цѣлющая и живущая вода!» — Смотри, дядя Катома! вымолвилъ слѣпой, не давай маху; коли она теперь обманетъ — ввѣкъ не поправимся! Катома-дядька, дубовая шапка, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодезь: не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ ужь вся огнемъ вспыхнула! «Э! да ты еще на обманъ пошла!» Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотятъ кинуть ее проклятую въ огненный колодезь. Пуще прежняго возмолилась баба-яга, даетъ клятву великую, что теперь не станетъ хитрить: «правослово доведу до хорошей воды!» Согласились богатыри попытать еще разъ, и привела ихъ баба-яга къ другому колодезю. Дядька Катома отломилъ отъ дерева сухой сучо̀къ и бросилъ въ колодезь: не успѣлъ тотъ сучо̀къ до воды долетѣть, какъ ужь ростки пустилъ, зазеленѣлъ и расцвѣлъ. «Ну, это вода хорошая!» сказалъ Катома. Слѣпой помочилъ ею свои глаза — и въ мигъ прозрѣлъ; опустилъ безногаго въ воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорятъ межъ собой: «вотъ когда мы поправимся! все свое воротимъ! только напередъ надо съ бабой-ягой порѣшить: коли намъ ее теперь простить, такъ самимъ добра не видать — она всю жизнь будетъ зло мыслить!» Воротились они къ огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: такъ она и сгинула!

Digitized by Google

Послѣ того Катома-дядька, дубовая шапка, женился на купеческой дочери, и всѣ трое отправились они въ королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить къ столичному городу, смотрятъ: Иванъ-царевичъ гонитъ стадо коровъ. «Стой, пастухъ! говоритъ Катома-дядька, куда ты этихъ коровъ гонишь?» Отвѣчаетъ ему царевичъ: «на королевской дворъ гоню; королевна всякой разъ сама повѣряетъ, всѣ ли коровы?» — Ну-ка, пастухъ! на тебѣ мою одёжу, надѣвай на себя, а я твою надѣну и коровъ погоню. «Нѣтъ, братъ! этого нельзя сдѣлать; коли королевна увѣдаетъ — бѣда мнѣ будетъ!» — Не бойся, ничего не будетъ! Въ томъ тебѣ порука Катома-дядька, дубовая шапка! Иванъ-царевичъ вздохнулъ и говоритъ: «эхъ, доброй человѣкъ! если бы живъ былъ Катома-дядька, я бы не пасъ въ полѣ этихъ коровъ.» Тутъ Катома-дядька, дубовая шапка, сознался ему, кто онъ таковъ есть; Иванъ-царевичъ обнялъ его крѣпко и залился слезами: «не чаялъ и видѣть тебя!» Помѣнялись они своими одёжами; погналъ дядька коровъ на королевской дворъ. Анна Прекрасная вышла на балконъ, повѣрила, всѣ-ли коровы счетомъ? и приказала загонять ихъ въ сарай. Вотъ всѣ коровы въ сарай вошли, только послѣдняя у воротъ остановилась и хвостъ оттопырила. Катома подскочилъ: «ты чего, собачье мясо, дожидаешься?» схватилъ ее за хвостъ, дёрнулъ, такъ и стащилъ шкуру! Королевна увидала и кричитъ громкимъ голосомъ: «что это мерзавецъ пастухъ дѣлаетъ? взять его и привесть ко мнѣ!» Тутъ слуги подхватили Катому и потащили во дворецъ; онъ идетъ — не отговаривается, на себя надѣется. Привели его къ королевнѣ; она взглянула и спрашиваетъ: «ты кто таковъ? откуда явился?» — А я тотъ самой, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовутъ меня Катома-дядька, дубовая шапка! «Ну, думаетъ королевна, когда онъ ноги свои воротилъ, то съ нимъ мудрить больше нечего!» и стала у него и у цареви-

Digitized by Google

ча просить прощенія; покаялась во своихъ грѣхахъ и дала клятву вѣчно Ивана-царевича любить и во всемъ слушаться. Иванъ-царевичъ ее простилъ, и началъ жить съ нею въ тишинѣ и согласіи; при нихъ остался слѣпой богатырь, а Катома-дядька уѣхалъ съ своею женою къ богатому купцу и поселился въ его домѣ.

36.

РОГА.

Жилъ-былъ батракъ; далъ ему Богъ большую силу. Узналъ онъ, что къ царской дочери змѣй летаетъ, и похвастался: «никто, говоритъ, не изведетъ лютаго змѣя, а я изведу!» Услыхали его похвальбу люди государевы, пристали къ нему: «иди, батракъ! вылѣчи царевну.» Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; пошелъ батракъ къ царю и сказываетъ ему: «я де могу царевну вылѣчить; что будетъ за хлопоты?» Обрадовался царь и говоритъ ему: «царевну за тебя отдамъ.» Вотъ батракъ велѣлъ принести себѣ семь воловьихъ кожъ да надѣлать желѣзныхъ орѣховъ, желѣзные когти и желѣзной молотокъ; взялъ онъ надѣлъ семь шкуръ воловьихъ да когти желѣзные, въ карманъ насыпалъ орѣховъ и простыхъ и желѣзныхъ, а въ руки большой молотокъ взялъ, и пошелъ къ царевнѣ въ горницу. Вотъ летитъ къ царевнѣ змѣй; какъ увидалъ батрака, такъ и защелкалъ зубами: «ты зачѣмъ сюда пришелъ?» —За тѣмъ-же, за чѣмъ и ты! сказалъ батракъ, а самъ сидитъ да орѣшки пощелкиваетъ. Змѣй видитъ, что силою ничего не возьмешь, давай къ нему подлѣзать; попросилъ у него орѣшковъ, а тотъ и далъ ему желѣзныхъ. Змѣй грызъ-грызъ и плюнулъ: «не хороши, братъ, твои орѣшки! давай-ка лучше въ

Digitized by Google

карты играть.»—Давай, пожалуй; да какъ-же будемъ играть? И поладили они на томъ: кто проиграетъ, тому зубочистку дать. Стали играть; проигралъ змѣй. Батракъ вынулъ молотокъ, да какъ дастъ ему зубочистку, тотъ ажно насилу опомнился. «Давай, говоритъ змѣй, играть на кожу: кто проиграетъ, съ того кожу долой.» Проигралъ батракъ; змѣй снялъ съ него одну воловью кожу. «Давай еще!» Проигралъ змѣй; какъ вцѣпился ему батракъ желѣзными когтями въ кожу — такъ всю и снялъ! Змѣй тутъ-же издохъ.

Узналъ про то царь, да на радости и женилъ батрака на царевнѣ. Вотъ царевнѣ и скучно жить съ такимъ мужикомъ; велѣла его отвести въ лѣсъ, да тамъ и убить. Слуги подхватили его, отвели въ лѣсъ; да пожалѣли, не убили. Ходитъ батракъ по лѣсу, плачетъ. На встрѣчу ему идутъ три человѣка, сами спорятъ. Только поровнялись съ нимъ, такъ и кинулись къ нему съ мольбою: «скажи, доброй человѣкъ! вотъ мы нашли сапоги-самоходы, коверъ-самолётъ да скатерть-самобранку; какъ намъ подѣлить?»—А вотъ какъ: кто прежде всѣхъ влѣзетъ на дубъ — тому все и отдать! Тѣ съ-дуру и согласились, бросились на дерево; только что на дубъ влѣзли, батракъ надѣлъ сапоги-самоходы, сѣлъ на коверъ-самолётъ, взялъ съ собой скатерть-самобранку, да и говоритъ: «будь я подлѣ царскаго города!» Тамъ и очутился. Разбилъ шатеръ, велѣлъ скатерти-самобранкѣ приготовить обѣдъ, и позвалъ къ себѣ въ гости царя съ царевною; они его и не признали. Приходятъ къ нему царь съ царевною; онъ зачалъ ихъ подчивать, подчивалъ-подчивалъ, и сталъ показывать царевнѣ коверъ-самолётъ, а самъ потихоньку взялъ скатерть-самобранку да толкнулъ царевну на коверъ и велѣлъ ему нести себя въ темной лѣсъ. Въ лѣсу сказалъ батракъ царевнѣ, кто онъ таковъ; она начала его ласкать да умасливать—ну, и умаслила! Какъ только онъ заснулъ, царевна схватила скатерть-самобранку, сѣла на

Digitized by Google

коверъ-самолётъ, да и была такова! Проснулся батракъ, видитъ, что нѣтъ ни царевны, ни ковра-самолёта, ни скатерти-самобранки; остались одни сапоги-самоходы [1]). Бродилъ-бродилъ по лѣсу; захотѣлось ему ѣсть, видитъ онъ, что стоятъ двѣ яблони, взялъ сорвалъ съ одной яблоко и сталъ ѣсть. Съѣлъ яблоко — выросъ на головѣ рогъ, съѣлъ другое — выросъ другой рогъ! Онъ попробовалъ съ другой яблони: съѣлъ яблоко — въ ту-жъ минуту пропали рога, самъ молодцомъ да красавцемъ сталъ! Набралъ въ карманъ и тѣхъ и другихъ яблокъ и пошелъ въ царской городъ. Ходитъ батракъ мимо дворца; увидалъ дѣвку-чернавку, царевнину прислужницу, дурную-предурную: «не хочешь ли, голубушка, яблочка?» Та взяла у него яблочко, съѣла и сдѣлалась такая красавица, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Приходитъ дѣвка-чернавка къ царевнѣ, та такъ и ахнула! «Купи, говоритъ, непремѣнно купи мнѣ такихъ яблокъ.» Чернавка пошла и купила; съѣла царевна, а у ней рога выросли. На другой день приходитъ батракъ къ царевнѣ и сказываетъ, что онъ можетъ сдѣлать ее опять красавицею. Та зачала его просить. Онъ велѣлъ ей идти въ баню; тамъ раздѣлъ ее до-нага да такъ желѣзными прутьями отподчивалъ, что̀ надолго не забудетъ! Послѣ сказалъ, что онъ ея законный мужъ; царевна спокаялась, возвратила ему и коверъ-самолётъ, и скатерть-самобранку; а батракъ далъ ей хорошихъ яблокъ. И стали они жить да поживать, да добра наживать [2]).

(Записана П. И. Якушкинымъ въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ.)

[1]) *Вар.* Хотѣлъ было утопиться съ горя, зажмурилъ глаза и побѣжалъ въ рѣку, бѣжалъ-бѣжалъ— черезъ всю рѣку перебѣжалъ, а потонуть—не потонулъ: сапоги-самоходы поверхъ воды его перенесли.

[2]) *Вар. 1:* Съѣлъ съ одного дерева яблоко — сталъ волкомъ, съѣлъ съ другаго дерева—сталъ медвѣдемъ, съѣлъ съ третьяго — оборотился добрымъ молодцемъ.

Вар. 2: Съѣлъ яблоко — и вдругъ выросли у него хвостъ и два горба: одинъ сзади, другой спереди...

Digitized by Google

37.

ЦАРЕВИЧЪ И ЕГО СЛУГА.

Былъ мужикъ, у него было три сына: два умныхъ, третій дуракъ. Вотъ хорошо, зачалъ мужикъ горохъ сѣять, и повадился къ нему на горохъ незнамо кто. Видитъ отецъ, что все побито, повалено, потоптано, и сталъ говорить своимъ дѣтямъ: «дѣти мои любезные! надобно караулить, кто-такой горохъ у насъ топчетъ?» Сейчасъ большой братъ пошелъ караулить. Приходитъ полуночное время, ударилъ его сонъ — горохъ потоптанъ, а онъ ничего не видалъ. Опосля досталось караулить середнему брату — и середній ничего не видалъ. «Сёмъка я пойду, говоритъ дуракъ; ужь я не прогляжу!» — Хорошо ты поешь! каково станется? отвѣчаютъ ему братья. И такй пошелъ дуракъ караулить, *узялъ* съ собой возъ лыкъ да *ѳ*унтъ табаку. Какъ сталъ его сонъ ударять, онъ сталъ табаку больше нюхать. Пріѣзжаетъ на горохъ Никаноръ-богатырь, пускаетъ сваво коня, а самъ лёгъ богатырскимъ сномъ спать — лёгъ и заснулъ. Сейчасъ это дуракъ узялъ и зачалъ его соннаго лыками путлять. Упутлялъ его лыками и пришелъ къ отцу: «ну, говоритъ, поймалъ я вора!» Отецъ приходитъ, смотритъ: «какъ-же ты, дуракъ, могъ эдакую силу повалить?» Вотъ донесли царю, что пойманъ эдакой богатырь [1]). Царь сейчасъ посылаитъ: «кѣмъ онъ пойманъ?»

[1]) *Варіантъ 1:* Жилъ-былъ царь на царствѣ, государь на государствѣ; у того царя былъ любимой садъ, а въ томъ саду росла яблоня съ золотыми и серебреными яблоками. Началъ воръ ходить, золотыя, серебреныя яблоки обрывать. Царь поставилъ кругомъ большой караулъ — все нѣтъ толку! воръ свое дѣло знаетъ, яблочки по прежнему сымаетъ. Вотъ и вызвался старой садовникъ: «я, говоритъ, могу вора изловить!» Царь тому очень радъ: «пожалуста излови! царской рукой награжу!» Садовникъ потребовалъ три ведра вина крѣпкаго да три кадочки меду сладкаго; взялъ корыто, разсытилъ вино

Digitized by Google

Докладаютъ ему, что пойманъ такимъ-то дуракомъ. Тутъ сейчасъ царь приказываетъ: «приведите мнѣ дурака!» Привели; царь спрашиваетъ: «какъ-же это, дуракъ, какъ-бы его сюда перевезть?» Онъ ему говоритъ: «а вотъ какъ надобно

медомъ и поставилъ подъ яблоню, а самъ спать пошелъ. Вдругъ пошелъ гулъ по саду: земля дрожитъ, листъ на деревѣ шумитъ, волна на рѣкѣ подымается — летитъ чудище; прилетѣлъ, нарвалъ золотыхъ и серебреныхъ яблокъ и увидалъ корыто, спустился наземь, ушился виномъ и тутъ-же мертвецкимъ сномъ заснулъ. Садовникъ какъ разъ во время пробудился, прибѣжалъ и двѣнадцать кузнецовъ съ собой привелъ; взяли кузнецы цѣпи желѣзныя, оковали чудище и сволокли его соннаго въ крѣпкую темницу. Царь обрадовался, наградилъ садовника и приказалъ войска готовить, народъ сзывать, висѣлицу ставить: захотѣлъ казнить это чудище... (Царевичъ выпускаетъ его на волю.) Въ назначенный часъ пошли за чудищемъ, отперли темницу — а тамъ его и духу не слыхать, только разорваныя цѣпи валяются. Осерчалъ царь на свою царицу: «какъ де ты усмотрѣть не могла? у тебя ключи были!» Ухватилъ ее за бѣлую руку и возвѣлъ на висѣлицу: «честной, православной народъ! свободила она чудище отъ лютой казни; пусть сама ее пріиметъ!» (Царевичъ признается...)

Варіантъ 2: У крестьянина было три сына; посѣяли на новинѣ бѣлоярую пшеницу, вмѣсто зеленей все поле засвѣтилося самоцвѣтными каменьями. Пошелъ мужикъ къ царю: «ваше величество! позволь слово говорить, не вели за слово казнить.»—Говори смѣло. Разсказалъ мужикъ про каменья самоцвѣтныя: «намъ ли велишь тѣмъ полемъ владать, али въ казну велишь отобрать?»—Вамъ Богъ далъ, вы и владайте! Повадился на крестьянское поле воръ ходить. Пошелъ старшой братъ караулить. Въ самую полночь пріѣзжаетъ Вихорь Вихрѣвичъ о двѣнадцати головахъ, подъ нимъ борзой конь, копытомъ въ землю бьетъ, да самоцвѣтное каменьё пожираетъ. Большой братъ выскочилъ: «что ты, Вихорь Вихрѣвичъ, насъ обидишь (обижаешь)? Намъ Богъ далъ, государь пожаловалъ!» — Ахъ ты, бѣлогубой щенокъ! говоритъ Вихорь, еще вздумалъ со мною считаться! Слѣзъ съ коня, вытащилъ острой ножъ и вырѣзалъ у него ремень изъ спины. На утро спрашиваетъ отецъ: «что, сынокъ! не видалъ ли вора?»—Нѣтъ, не видалъ! Развѣ воръ—дуракъ, что тогда пойдетъ, когда стерегутъ! На другую ночь пошелъ средній братъ; у него Вихорь два ремня вырѣзалъ. На третью ночь досталось младшему караулить; онъ поймалъ вора, скрутилъ его веревками и привязалъ къ дубу...

Варіантъ 3: Вмѣсто чудища и Вихря сказка выводитъ Кощея-сѣдаго старичка, который самъ съ ноготъ, борода съ локоть; понравилось ему го-

Digitized by Google

править: надобно двѣнадцать лошадей да шестьдесятъ человѣкъ народу да чугунныя дроги—тогда можно положить Никанора-богатыря на дроги и привезть сюда.» Привезли богатыря къ царю. «Какъ-же, дуракъ! спрашиваетъ царь, куды-же его посадить и чѣмъ закрѣпить, чтобъ не ушелъ?» Дуракъ говоритъ: «на двадцать аршинъ вели земли выкопать, той землей завали чугунныя стѣны да накати накатники; крѣпко будетъ!» Завалили чугунныя стѣны, накатили накатники, посадили туда Никанора-богатыря, и поставили надъ нимъ полкъ солдатъ караульныхъ. Дуракъ зацѣпилъ крюкомъ, перервалъ лыки и развязалъ богатыря. Царь дурака наградилъ, домой отпустилъ.

Разъ какъ-то гуляли царскіе дѣти по̀ саду и пущали золотыя стрѣлы, и попала стрѣла меньшаго брата Ивана-царевича въ окошечко Никанора-богатыря. «Ахъ, Никаноръ-богатырь! отдай мою стрѣлку.»—Помоги мнѣ, говоритъ Никаноръ-богатырь, прикажи хоть одну накатинку скатить — такъ отдамъ твою стрѣлку; пожалуй, еще три своихъ подарю! Иванъ-царевичъ понатужился и самъ снялъ одну накатину; Никаноръ-богатырь отдалъ ему золотую стрѣлку, и говоритъ: «ну, Иванъ-царевичъ! будешь ты лакеемъ, пастухомъ и поваромъ, и опять будешь Иваномъ-царевичемъ.» Сейчасъ разломалъ Никаноръ-богатырь свою темницу, вылѣзъ оттуда и весь полкъ побилъ. Царь пришелъ, увидалъ и ужаснулся: «кѣмъ богатырь выпущенъ?» Тутъ валялись избитые, израненые: у того солдата рука оторвана, у того нога изломана; говорятъ они царю:

нять свой табунъ лошадей на крестьянское поле да пшеницу травить; почти всю сгубилъ. Два старшихъ брата караулили вора, да ничего не узнали; пошелъ меньшой, вырылъ яму и залѣзъ туда на̀ ночь: «воръ хитеръ! думаетъ; сонъ напущаетъ! ну, да въ ямѣ не увидитъ и сна не напуститъ!» Цѣлую ночь доброй молодецъ не спалъ, укараулилъ таки Кощея, поймалъ его за бороду да къ царю отвёзъ.

Digitized by Google

«такъ и такъ, Иванъ-царевичъ выпустилъ.» Осердился царь, послалъ собирать съ разныхъ земель королей и принцевъ. Собрались короли и принцы; угостилъ ихъ царь и сталъ съ ними думать-гадать: «что мнѣ, говоритъ, съ сыномъ съ Иваномъ-царевичемъ дѣлать?...» Присовѣтали ему: дать царевичу одного слугу и пускай идетъ, куда самъ знаетъ!

Пошелъ Иванъ-царевичъ отъ своего отца; шелъ ни много, ни мало, и захотѣлось ему пить. Приходитъ къ колодезю, глянулъ — далече вода, не достанешь, напиться нечѣмъ. Говоритъ онъ слугѣ своему: «ахъ, Ванька, какъ-же быть?»— Ну, Иванъ-царевичъ! говоритъ Ванька, держи меня за ноги, я напьюся, а тамъ и тебя напою; а то не достанешь — далече вода. Сейчасъ это Ванька началъ пить, напился, а тамъ сталъ царевича держать. Иванъ-царевичъ напился: «ну, Ванька, вытаскивай меня!» Онъ ему отвѣчаетъ: «нѣтъ-же! будь ты — Ванька, а я буду Иванъ-царевичъ.» — Что ты, дуракъ, пустое болтаешь! «Самъ болтаешь! Коли не хочешь, утоплю у(въ) колодезѣ!»—Нѣтъ-же! лучше не топи; будь ты—Иванъ-царевичъ, а я буду Ванька. На томъ и поладили; приходятъ въ большой градъ столичной, прямо въ палаты царскія: названной царевичъ идетъ впереди, кресты кладетъ не по писанному, поклоны ведетъ не по ученому, а настоящій царевичъ позади выступаетъ, кресты кладетъ по писанному, поклоны ведетъ по ученому. Царь принимаетъ ихъ съ охотою: «живите у меня», говоритъ. Сейчасъ Ванька-названникъ [1]) началъ наговаривать: «ахъ, какой лакей у меня! какъ хорошо скотину стережетъ! Если лошадей погонитъ, то у всякой лошади сдѣлаются хвостъ—золотой, грива—золотая, по бокамъ—часты звѣзды; а коровъ погонитъ, у всякой коровы сдѣлаются рога—золотые, хвостъ—золотой, по бокамъ—часты звѣзды.» Далъ ему царь лошадей стеречь. Погналъ Иванъ-царевичъ табунъ

[1]) Самозванецъ.

Digitized by Google

въ чистое поле; всѣ лошади отъ него разбѣжалися. Онъ сѣлъ и заплакалъ горько: «эхъ, Никаноръ-богатырь, что ты сдѣлалъ надо мной! Какъ мнѣ теперь быть?» Откуда нѣ взялся — является передъ нимъ Никаноръ-богатырь: «что, говоритъ, тебѣ надобно, Иванъ-царевичъ?» Тотъ разсказалъ ему про свое горе. «Ничего! поѣдемъ-ка съ тобой, соберемъ всѣхъ лошадей да погонимъ къ моей меньшой сестрѣ. Меньшая сестра все подѣлаетъ, что тебѣ царь приказалъ.» Пригнали табунъ къ меньшой сестрѣ; она и впрямь все подѣлала, накормила-напоила гостей и домой проводила. Гонитъ Иванъ-царевичъ лошадей къ царскому дворцу: у всякой лошади грива—золота, хвостъ—золотой, по бокамъ—звѣзды. Названникъ-Ванька подъ окномъ сидитъ: «ахъ, каналья! сдѣлалъ-таки-сдѣлалъ! хитёръ, говоритъ, мудёръ!» Ну, теперича приказываетъ ему царь коровъ гнать: «чтобъ было тоже сдѣлано, а если не сдѣлаешь — я тебя на воротахъ разстрѣляю!» Иванъ-царевичъ горько заплакалъ и погналъ коровъ; цѣлой день стерёгъ: «ахъ, другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь является; погнали къ его середней сестрѣ: она всѣмъ коровамъ подѣлала рожки—золотые, хвосты—золотые, по бокамъ—звѣзды; накормила гостей, напоила и домой проводила. Гонитъ Иванъ-царевичъ коровъ, а Ванька-названникъ подъ окномъ сидитъ: «ахъ! говоритъ, хотѣлъ погубить, да нѣтъ: и это сдѣлалъ!» Царь увидалъ: «вотъ такъ пастухъ! вишь какихъ лошадей да коровъ поставилъ — любо-дорого посмотрѣть!» Говоритъ ему Ванька: «онъ мнѣ и кушанье хорошо готовитъ!» Царь сейчасъ отправилъ его въ поварскую; пошелъ Иванъ-царевичъ къ поварамъ подъ начало, а самъ горько плачетъ: «Господи! я ничего не умѣю; это все на меня напраслину наговариваютъ.»

Вотъ задумалъ царь отдать свою дочерю за названника; а тутъ и пишетъ къ нему трехглавой змѣй: «если ты не отдашь

Digitized by Google

своей дочери за меня, то я всю твою силу порублю и тебе(я) самого въ полонъ возьму.» [1]) Говоритъ царь своему нарѣченному зятю: «что-же мнѣ дѣлать?» Ванька отвѣчаетъ: «батенька! выставимъ силу; можетъ быть, и наша возьметъ!» Выставили силу, стали воевать. А Иванъ-царевичъ просится у поваровъ: «пустите меня, дядиньки, посмотрѣть страженіе; я съ-роду не видалъ.» Тѣ говорятъ: «ступай, посмотри!» Сейчасъ приходитъ онъ на чистое поле и говоритъ: «другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь передъ нимъ является: «что вгодно тебѣ, Иванъ-царевичъ, то и буду дѣлать.» Онъ спрашиваетъ: «какъ-же намъ разогнать все это страженіе, побить непріятелей? сослужи-ка мнѣ эту*ю* службу.» — Это службишка, а не служба! Поѣхалъ Никаноръ-богатырь и разогналъ силу непріятельскую, всѣхъ побилъ, порубалъ. «Ну, теперь надо свадьбу играть!» говоритъ царь. Вдругъ пишетъ шестиглавой змѣй: «если ты не отдашь своей дочери за меня, то всю силу твою порублю и тебе(я) самого въ полонъ возьму!»—Ахъ, какъ-же намъ быть? спрашиваетъ царь. Говоритъ Ванька: «нечего дѣлать — надо силу выставлять; можетъ быть, намъ Богъ помогнётъ!» Выставили противъ силы змѣиной свою армію. Сталъ Иванъ-царевичъ проситься у поваровъ: «дядиньки! отпустите меня посмотрѣть.» —Ступай, да скорѣй назадъ приходи. Онъ пошелъ на чистое поле: «ахъ, другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь является: «что тебѣ вгодно, все для тебя буду дѣлать.»—Какъ-бы намъ порубить эту силу? Отвѣчаетъ Никаноръ-богатырь: «поѣду и потружусь для тебя!» Пустился на рать-силу змѣиную и побилъ ее всю дочиста. «Ну, говоритъ царь, теперь намъ можно

[1]) По другому варіанту: у царя пиръ горой; гости въ полсыта наѣдалися, въ полпьяна напивалися—вдругъ съ шумомъ влетаетъ въ окно каленая стрѣла и упадаетъ къ ногамъ царя, а къ той стрѣлѣ привязано грозное письмо отъ змѣя трехглаваго.

Digitized by Google

и свадьбу играть; никакой помѣхи не будетъ!» Взялись за свадьбу, а тутъ двѣнадцатиглавой змѣй пишетъ: «если не отдашь за меня своей дочери, то всю твою силу побью, тебя самого въ полонъ возьму, а царство твое головнёй выжгу!» Надобно опять выставлять армію; «если станетъ змѣй побивать, думаетъ царь, въ ту-жъ минуту отдамъ ему дочь добромъ, чтобъ только царства не тронулъ.» Иванъ-царевичъ просится у поваровъ: «дядиньки! отпустите меня посмотрѣть.» — Ступай, да скорѣй назадъ приходи! Вотъ приходитъ онъ на чистое поле, свиснулъ-гаркнулъ своимъ громкимъ голосомъ: «другъ Никаноръ! явись передо мной.» Никаноръ-богатырь является: «ну, братъ Иванъ-царевичъ! вотъ когда служба-то намъ пришла! Садись и ты на коня, и поѣдемъ: я впереди — на двѣнадцатиглаваго змѣя, а ты позади—на всѣхъ его богатырей.» А у того змѣя было двѣнадцать подручныхъ богатырей. Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня и вслѣдъ за Никаноромъ-богатыремъ поѣхалъ на непріятеля; стали биться, рубиться, изводить силу змѣиную. На томъ бою ранили Ивана-царевича въ руку; онъ повернулъ коня и прямо наѣхалъ на царскую карету. Царевна сняла съ себя шаль, разорвала пополамъ и половинкой завязала ему руку. Иванъ-царевичъ опять ударилъ на змѣя и побилъ все его войско; послѣ пріѣхалъ въ свое мѣсто, лёгъ спать и заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. Во дворцѣ свадьба готовится; хватились его повара: «куда, говорятъ, дѣлся нашъ молодой поваръ?» Побѣжали искать, и нашли соннаго; стали будить — никакъ не разбудятъ, стали толкать— никакъ не растолкаютъ. Одинъ поваръ взялъ колотушку: «сейчасъ пришибу его; пускай пропадаетъ!» Ударилъ его разъ, другой; Иванъ-царевичъ проснулся: «ахъ, братцы, я проспалъ!» И проситъ: «дядиньки! не сказывайте, что я такъ долго спалъ.» Тѣ говорятъ: «пойдемъ, дуракъ, скорѣе, чтобы насъ за тебя не ругали!» Привели его въ поварскую и

Digitized by Google

заставили кострюли чистить. Иванъ-царевичъ засучилъ рукава и принялся за работу. Увидала царевна у него половинку своей шали: «покажи-ка, Ванька! гдѣ ты этотъ платокъ взялъ?» Тутъ онъ и признался: «не тотъ, говоритъ, названникъ — царевичъ, а я!» и разсказалъ ей все, какъ было. Сейчасъ взяла царевна его за̀ руку, повела къ отцу: «вотъ мой нарѣченной женихъ, а не тотъ лакей!» Царь сталъ у него спрашивать: «какъ у васъ дѣло было?» — Такъ и такъ, говоритъ. Царь перевѣнчалъ свою дочь за Ивана-царевича, а названника расказнилъ. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было̀; подали бѣлужины — остался не ужинавши.

(Записана въ воронежской губерніи. — Изъ собранія, доставленнаго Н. И. Второвымъ.)

38.

МАСЕНЖНЫ ДЗЯДОКЪ.

Быу сабе гаспадаръ и мѣу трехъ сыноу: двухъ розумныхъ, а треци дурень. Да таго гаспадара упадзилоса [1]) нѣшто у пшаницу и што дзень — по моргу [2]) зъѣдало. Паслау той гаспадаръ на першую ночь старшаго сына вартаваць [3]); ёнъ пашоу, сидзѣу-сидзѣу, а падъ самы дзень заснуу, и рано, якъ устау, то пшаницу знашоу нецѣлую. На другую ночь пашоу середни, и ёнъ такъ само заснуу падъ дзень—и нѣшто зъѣло пшаницу. На трецюю ночь пашоу дурень; ёнъ, якъ тольки пришоу, такъ з' вечера и лёгъ спаць, а падъ дзень устау и сядзиць — ажъ прилетая пташка. Ёнъ падкрауся и злавиу тую

---

[1]) Повадилось. [2]) Моргъ — мѣра земли, меньше нашей десятины.
[3]) Wartować — караулить, стеречь.

Digitized by Google

пташку и усадзіу у мѣхъ, и самъ лёгъ спаць. На други дзень рано приходзяць брате старшіе гладзѣць пшаницы—ажъ пшаница цѣлая, а дурень спиць. Яны пабудзили дурня и стали пытаць: «чаму сегодня цѣлая пшаница?» Ёнъ разказау братомъ усе, якъ было, и паказау пташку, каторая сидзѣла у мѣху. Яны адобрали адъ дурня тую пташку и панясли бацьку на паказъ. Пришоуши да бацька, яны сказали, што дурень спиць и што яны злавили пташку, каторая сядзѣла на пшаницы и ѣла. Бацько, разглядзѣуши тую пташку, панёсъ ее да круля. Круль узяу пташку, заплациу за её мужику и казау замкнуць да склепу [1]), а ключь аддау жонцы. Сядзѣла тая пташка, сядзѣла у склепѣ, ажъ падбѣгъ падъ дзвери маленки кралевичъ. Дакъ тая пташка зачиная прасиць у кралевича чалавѣчаскимъ голасамъ, кабъ ёнъ ее выпусциу. «Якъ-же я магу выпусциць, кали ключь адъ склепу у маей матки на шіи?» сказау кралевичъ.—Вазьми падлащися [2]) да матки, адкрадзи ключь и мене выпусци, сказала пташка. Той кралевичъ такъ и зрабиу: пришоу да матки, зачау пѣсциццa [3]), адкрау ключь и выпусциу тую пташку; а тая пташка — то быу масенжны дзядокъ [4]), и ёнъ, выходзячи съ склепу, сказау кралевичу: «якъ чаго табѣ будзе треба, то толькы выйдзи на дворъ и скажи: масенжны дзѣдку, памажи мнѣ!—то я зараз пристаулюся и чаго толькы будзе треба, то усе зраблю.» На други дзень круль паспрашау гасцей, кабъ паглядзѣли такой дзнунай пташки. Пазъѣжджалися госци гладзѣць пташки и па абѣдзѣ пашли да склепу; приходзяць туда, адамкнули склепъ, ажъ пташки нима! Кароль

---

[1]) Погребъ, тюрьма. [2]) Подольстись. [3]) Ласкаться; pieścić — нѣжить, баловать, пѣстовать. [4]) Дзѣдка (дзядокъ), по бѣлорусскимъ повѣрьямъ, есть хранитель кладовъ и представляется съ огненными глазами и огненною бородою. (Смотри Прибавл. къ Журналу Министер. Народн. Просвѣщ. 1846, кн. 2, стр. 10 — 12.) Эпитетъ: масенжны — mosiężny (желтомѣдный, см. Słownik polsko-rossyiski, ч. I, стр. 408), вѣроятно, указываетъ на храненіе этимъ дзѣдкомъ мѣдныхъ кладовъ.

Digitized by Google

зàразъ да женки, бо у ее были ключи. Жонка бажилася, присягалася, што не выпущала пташки, але ёй не вѣрили и присудзили ее страпиць [1]). Плакала яна, плакала, а послѣ припамінае, што коло ее пѣецируся сынъ и пеуно ёнъ адкрау ключи; яна гето сказала мужу и усѣмъ гасцямъ. Госци адны казали, кабъ сына павѣсиць, другіе казали — кабъ утапиць, а адзинъ изъ гасцей каже, што пашиць яму свины кажушокъ и пусциць у свѣтъ. Усѣ на гето згадзилися [2]). Матка вельми плакала, а послѣ бачучи, што плачь не паможе, казала принясци той свины кажушокъ и панашивàла у яго грошей принайминѣй тысячъ сто бумажками и золотомъ, и выправила ягò.

Ёнъ узяу кіёкъ [3]), дый пашоу. Идзе ёнъ и плаче, што яму начаць? ажъ приходзиць яму на мысль масенжны дзядокъ; ёнъ взашоу на гору и сказау: «масенжны дзѣдку! памажи мнѣ.» Дакъ заразъ той дзядокъ пришоу до ягò и запытауся: чаго яму треба? Ёнъ разказау усё, якъ было, и прасиу, какъ яму памогъ. Дзядокъ падумауши сказау: «идзи ты за моро [4]) да караля и праси ягò, кабъ приняу цебе за кухцика [5]); якъ ёнъ цебе приме, то заразъ будзе вайна, и ты папрасися у кухара, кабъ табѣ пазволиу пайсци [6]) паглядзѣць той вайны, и якъ ёнъ табѣ пазволиць, то выйдзи за варота и пакличь мене.» Той кралевичъ паслухау дзѣдка и пашоу; приходзиць ёнъ за моро — ажъ станць палацъ [7]) и на дварѣ пахаджая круль. Кралевичъ у свинымъ кажушку падышоу да караля и стау прасицца, кабъ приняу ягò да себе за кухцика. Кароль згадзируся и казау исци да кухни. Служиу ёнъ у караля годъ, други, ажъ на трецёмъ гаду зрабилася вайна. Круль пазбирау войско, самъ вабрауся и паѣхау на вайну. Кухцикъ, давѣдаушися, што кароль паѣхау, зачау прасицца у кухара, кабъ яму пазволиу па-

---

[1]) Казнить. [2]) Согласился. [3]) Палку. [4]) Море. [5]) Kuchcik — поваренокъ; кухаръ—поваръ. [6]) Пойдти. [7]) Дворецъ.

Digitized by Google

глядзѣць вайны; кухаръ не хацѣу пазволиць, але кралевичъ дау кухару пяць рублёу, и ёнъ яму пазволиу. Кралевичъ вышау за браму [1]) и зачау кликаць масенжнаго дзѣдка. Дзядокъ заразъ приставиуся, дау яму каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау мечь, дау серебраное яблыко, и сказау: «ты на вайнѣ гетымъ мечомъ пабъешь усе непріяцельскае войско; круль цебе будзе прасиць да свайго палацу, але ты не йдзи; а гетое яблыко, якъ вернешся да палацу, то будзешь качаць, и будзе у цебе прасиць кралеуна гетаго яблычка, то ты тагды аддай ёй, кали яна пазволиць переначаваць табѣ у кралеуны пакои у парозѣ.» Кралевичъ такъ и зрабиу: паѣхау на вайну, пабиу усе войско; кароль прасиу, кабъ ёнъ заѣхау да палацу, але ёнъ не згадзиуся. Послѣ, пріѣхауши да дому, переадзѣуся у свой свины кажушокъ, пришоу да кухни; тамъ, памыуши начынё [2]), зачау качаць сребное яблычко — ажъ уходзиць кралеуна, и якъ убачила тое яблычко, такъ и зачала прасиць у ягò, кабъ ёнъ прадау. «Я ничого болѣй не хачу, толькн — кабъ кралеуна пазволила у сваёмъ пакои у парозѣ переначаваць.» — Дòбра! сказала кралеуна и узяла яблычко. Якъ пришла ночь, кралевичъ пашоу да кралеуны пакою, переначавау у парозѣ и вернууся да кухни. — Перезъ гадоу два изноу зрабилася вайна; кароль такъ само пазбирау войско и паѣхау. Кухцинъ выпрасиуся у кухара на вайну, взашоу за браму, крикнуу на дзѣдка, и ёнъ заразъ приставиуся; дау кралевичу каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау залатое яблыко и казау аддаць ягò кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць переначаваць коло свайго ложка [3]). Кралевичъ такъ само пабиу непріяцельскае войско; круль прасиу ягò да палацу, але ёнъ не згадзиуся и вернууся да дому. Памыуши начынё, зачау качаць и забауляцца съ сва-

---

[1]) Brama — ворота (Słownik Polsko-rossyiski, С. Миллера).
[2]) Naczynie — посуда (ibidem). [3]) Постель, ложе.

Digitized by Google

ним яблыкамъ — ажъ изноу вайшла кралеуна и зачала прасиць, кабъ ёнъ прадау яблычко. Ёнъ адказау, што жаднай [1]) платы не хоче, толькы хоче — кабъ пазволила яму̀ перенача-ваць при сваёмъ ложку. Кралеуна пазволила и узяла яблычко. Кралевичъ сабрауся, пашоу у кралеуны пакой, переначавау коло кралеуны ложка и назаутра пашоу да кухни и приняуся да сваёй работы. — Перезъ три годы изноу зрабилася вайна. Круль пазбирау сваё войско и самъ паѣхау на вайну. Кралевичъ, выпрасившися у кухара, пашоу паглядзѣць нибыто вайны. Вышауши за браму, пакликау масенжнаго дзѣдка; ёнъ заразъ приставиуся, дау яму̀ еще лѣпшаго каня и яблыко такое, якъ сонцо, и сказау: «ты изноу пабьешь усе непріяцельскае войско, цебе раняць у руку, круль будзе прасиць да себе, але ты не ѣдзь; а гетое яблыко аддаси кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць перенача-ваць табѣ на сваёмъ ложку.» Кралевичъ, сѣуши на каня, палецѣу на вайну; прилецѣуши туды, заразъ зачау рубаць непріяцельскае войско, перерубау усѣхъ, але адзинъ шаблею удариу кралевича па руцѣ и ранiу ягò. Кароль, убачиуши, што ягò ранили, падскочиу заразъ, зняу съ шіи сваю хустку [2]), абверцѣу рану, и аддауши свой персцёнакъ на пàмятку, прасиу, кабъ ёнъ заѣхау да ягò палацу адпачиць; але кралевичъ не захацѣу, удариу каня и схавауся за гору. Круль вельми быу радъ, што три вайны кончиу счасливе и забрау много другихъ краеу. Кралевичъ пусциу каня, переадзѣуся у свой свины кажушокъ и пришоу да кухни. Таиъ разпытывался у ягò, што бачиу? и ёнъ разказау абъ усёмъ, якъ нѣки панъ пабиу непріяцельскае войско, якъ круль аддау сваю хустку и свой персцёнакъ на пàмятку и якъ прасиу да себе, але той панъ не захацѣу. Памыуши сваимъ звычаемъ начинё и гаршки, стау сабѣ забауляцца з' яблыкамъ, каторае асвѣцило

[1]) Никакой. [2]) Платокъ.

Digitized by Google

цѣлую кухню. Якъ ёнъ забауляуся з' яблыкамъ, вайшла кралеуна да кухни, и убачиуши такое яблычко, зачала вельми прасиць, кабъ ёнъ ягò прадау, и яна ямў дасць толькі грошай, колькі ёнъ хоче. Кралевичъ у свинымъ кажушку сказау, што ёнъ грошай не хоче, толькі хоче — кабъ кралеуна пазволила перначаваць на сваёмъ ложку. Кралеуна згадзилася и казала паслаць кухцику сваю пасцель. Якъ надышла ночь, кухцикъ пашоу да кралеуны пакою, разабрауся и лёгъ на её пасцели.

Назаутра коло гадзины [1]) дванадцатой у поудзень прачхнууся [2]) кралевичъ и казау прасиць да себе круля. Круль, здивишися, вабрауся у мундиръ, сёу у карету и пріёхау. Пріёхауши падъ палацъ, заразъ убачиу стражъ(у) незнаёмую, але яна ягò усюды пропускала, и кароль дашоу да кралевича пакою. Якъ толькі адамкнуу дзвери, кралевичъ падбёгъ спатыкаць [3]), привитауся съ каралемъ и прасиу сядзёць. Кароль заразъ пазнау таго, каторы быу три разы на вайнё и усё три разы пабиу непріяцельскае войско; также пазнау на кралевича руцё сваю хустку и на пальцы персцёнакъ. Круль зачау абнимаць кралевича, што ямў памогъ на вайнё, и павёу да свайй дачкй. А кралеуна дауно ягò палюбила, бо быу вельми хароши, и заразъ з' нимъ заручилася [4]). На заручинахъ кралевичъ разказау, якъ ягò выгнали з' дому, якъ масенжны дзядокъ имъ апекавауся [5]), якъ ёнъ пришоу за моро, якъ дау ямў той дзядокъ яблыка. Па заручинахъ у три недзёли было веселё [6]) вельми гучное [7]), а па весели паёхали да родзицау кралевича. Бацке [8]) ихъ не пазнали, бо мёли свайго сына за прапаушаго; вельми были рады, што сынъ знашоуся, а асабліве маци, каторая зачала разпытываццa: якимъ способамъ ёнъ зайшоу такъ далёко? Кралевичъ заразъ абъ масенжномъ дзёдку, якъ ёнъ

---

[1]) Часа. [2]) Проснулся. [3]) Встрёчать. [4]) Обручилася. [5]) Объ немъ заботился. [6]) Свадьба. [7]) Пышное. [8]) Родители.

Digitized by Google

яго̀ завёу ажъ за моро, якъ ёнъ служиу за кухцика, якъ быу на вайнѣ; разказау абъ яблыкахъ, а послѣ — якъ адкрыуся крулю и якъ заручиуся и ажанiуся съ кралеунаю. Жили яны счасливы доуго; а послѣ бацке кралеуны и кралевича паумирали и пазаписывали сваи кралеуства имъ. А масенжны дзядокъ быу у ихъ ажъ да смерци и много имъ памагау у усёмъ, а асабливе у вайнѣ. Часто яны рабили балы, на каторыхъ и я быу, мёдъ-вино пиу; па барадзѣ цекло, а у роцѣ не было.

(Записана старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитрiевымъ.)

39.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА.

Жилъ купецъ прибогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозитъ этотъ купецъ товаръ по разнымъ губернiямъ, и прiѣхалъ онъ въ нѣкое царство къ царю, привес(з)ъ красный товаръ и сталъ ямȕ атдавать. Изымѣлъ съ нимъ царь таково слово: «што, говоритъ, я по себѣ невѣсты не найду!» Вотъ купецъ и сталъ говорить этыму царю: «у меня есть дочка хороша; такъ хороша, што̀ человѣкъ ни здумаитъ, то она узнаитъ!» То царь часа часовать не сталъ, написалъ письмо и скричалъ своимъ господамъ жандар(м)амъ: «ступайте вы къ этыму купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» а въ письмѣ написано: «убирайся вѣнчатца.» Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убиратца, и служанка съ нею; и нихто эту служанку не разгаданитъ съ купеческой дочерью, потому не разгаданитъ, што оби(ѣ) на одно лицо. Вотъ убрались они въ одинакое платье и ѣдутъ къ царю ви(ѣ)нчатца. Дасȁдна стало этой служанки(ѣ); сичасъ и говоритъ она: «пойдемъ по острову, погуляимъ!» Пошли по ос-

Digitized by Google

трову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, выри(ѣ)зала у ней глаза и положила въ карманчикъ. Потомъ приходитъ къ жандар(и)амъ и говоритъ: «господа жандар(и)ы! уходилась нà мори моя служанка.» А они въ отвѣтъ: «намъ лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовси не нужна!» Пріѣхали къ царю; сичасъ стали винчатца, и начали жить. Вотъ царь самъ себѣ и думаетъ: «должно быть купецъ меня обманулъ! это не купеческая дочь; отчего она такъ нехороша умомъ-разумомъ? вовси ничаво *ню*мѣетъ дѣлать!» Живетъ онъ съ нею; а энта купеческая дочь опомнилась отъ болѣзни, штò ей служанка-то причинила: ничаво она не видитъ, а только слышитъ. И слышитъ она, што стирягётъ старичокъ скатину; стала ямỳ говорить: «идѣ ты, дѣдушка, находишься?» —Я живу въ избушки. «Прими и меня съ собой.» Старичокъ принялъ ее. Она и говоритъ: «дѣдушка! атгани скатину-то.» Онъ ее послушался — атогналъ скатину. И посылаетъ она этыва старика въ лавку: «возьми ты барх(а)ту и шолку въ долх(г)ъ.» Старичокъ пошелъ; изъ богатыхъ никто не далъ въ долх(г)ъ, а дали ямỳ изъ бѣдной лавки. Принёсъ онъ слѣпинькой барх(а)ту и шолку; она ямỳ говоритъ: «дѣдушка! ложись спать и ухомъ не веди; а мнѣ штò день, штò ночь—все равно!» И стала изъ барх(а)ту и шолку царскую карону шить; вышила такую хорошую карону, штò глядѣть — ни(е) наглядишься. Поутру рано будитъ слѣпинькая старика и говоритъ: «поди-отнеси къ царю, ничаво ни(е) проси, а проси только глазъ; и што надъ тобой ни будутъ тамъ дѣлать—ничаво ни(е) бойсь!» Вотъ онъ пришелъ во дворецъ, принёсъ карону. Тутъ всѣ надъ этый короной сдивавались и стали у няво торговать; а старичокъ сталъ у нихъ просить глазъ. Сичасъ донесли царю, што онъ глазъ проситъ. Царь вышалъ, обрадывался карони(ѣ) и началъ торговать её, а тотъ и съ няво глазъ проситъ. Ну, царь заругался и хочитъ ужь яво въ астрохъ са-

Digitized by Google

жать. Толька штò царь ни говоритъ, а онъ свое дѣла правитъ. Царь скричалъ сваимъ жандар(м)амъ: «подите, у плѣннаво солдата выриштя глазъ!» А жана явò царица сичасъ выскачила, вынимаитъ глазъ и даетъ явò царю. Царь оченно обрадовалси: «ахъ, какъ ты меня выручила, царевнушка (sic)!» и отдалъ старику этотъ глазъ. Старикъ взялъ и пошелъ со дворца; пришелъ въ свою избушку. Сляпая спрашиваитъ: «взялъ ли ты, дѣдушка, мой глазокъ?» Онъ говоритъ: «взялъ». Вотъ она приняла у навò, вышла на зорю, поплевала на глазокъ, приставила — и стала видить. Посылаитъ она старичка опять въ лавки, дала ямỳ денихъ, вилѣла долх(г)ъ отдать за шолкъ и за бархатъ, и еще приказала взять барх(а)ту и золоту. Взялъ онъ у бѣднаво купца и принёсъ купеческой дочери и барх(а)ту и золоту. Вотъ она сѣла шить другую карону, сшила, и посылаитъ старичка къ этыму-жа царю, а сама приказываитъ: «ничаво ни бири, толька глазъ проси; а станутъ тибя спрашивать: идѣ ты взялъ? скажи: мнѣ Богъ далъ!» Пришелъ старикъ во дворецъ; тамъ всѣ сдивавались: перва карона была храша, а эта ищо лучше. И говоритъ царь: «штò ни давать, а купить надо!» — Дай мнѣ глазъ, проситъ старикъ. Царь сичасъ посылаитъ выризать глазъ у плѣннаво; а супруга царёва тутъ-жа и вынимаитъ другой глазокъ. Царь оченно обрадовалси, благодаритъ ее: «ахъ, какъ ты миня, матушка, выручила этимъ глазкомъ!» Спрашиваитъ царь старичка: «идѣ ты, старичокъ, бирёшь эти кароны?» — Мнѣ Богъ далъ! сказалъ ямỳ старикъ и пошелъ со дворца. Приходитъ въ избушку, отдаетъ глазокъ слѣпинькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазокъ, приставила явò — и стала видить абѣми глазами. Ночь спала въ избушки, а то вдругъ очутилась въ стикляннамъ дамỳ, и завялá она гулянья.

Ѣдитъ царь посмотрѣть, што такоя за дива! хто такоя построилъ эти харомы? Въѣхалъ во дворъ, и такъ она ямỳ

Digitized by Google

рада, сичасъ явѣ принимаитъ и за столикъ сажаитъ. Попировалъ тамъ, унажаитъ, и зоветъ ее къ себѣ въ гости. Вернулся къ себѣ въ домъ и сказываетъ своей царицы(ѣ): «ахъ, матушка, какой въ эвтакомъ мѣсти домъ! и какая въ немъ дивица: хто штѣ ни вздумаитъ, то она узнаитъ!» Царица догадалась и говоритъ сама себѣ: «это вѣрна она, которой я глаза выризала!» Вотъ царь опять ѣдитъ къ ней въ гости, а царицы(ѣ) оченно дасадна. Пріѣхалъ царь, попировалъ, и зоветъ ее въ гости. Она стала убиратца, и говоритъ старичку: «прощай! вотъ тибѣ сундукъ денихъ: до дна явѣ ни добирай — всягда будитъ поланъ. Ляжишъ ты спать въ этамъ стиклянамъ даму, а встанишъ въ избушки своей. Вотъ я въ гости поѣду; миня въ-живи ни будитъ — убьютъ и въ мелкія части изрубютъ; ты встань поутру, сдѣлай гробокъ, сыбири мои кусочки и похрани.» Старичокъ заплакалъ абъ ней. Тѣмъ-жа часомъ жандар(м)ы пріѣхали, посадили ее и повизли. Привозютъ ее въ гости, а царица на нее и ни смотритъ — сичасъ застрилила бы ее. Вотъ и вышла царица на дворъ и говоритъ жандар(м)амъ: «какъ вы эту дѣвку домой повизёте, дакъ тутъ-жа изсикита её въ мясныя части и выньта у ней сѣрца да привизита ко мнѣ!» Повизли они купеческу дочь домой и разговариваютъ съ ней быстра, а она ужь знаитъ, что они хочутъ дѣлать, и говоритъ имъ: «сикита-жъ миня скорѣе!» Они изсѣкли ее, вынули у ней сѣрца, а самаю въ назёмъ закопали, и пріѣхали во дворецъ. Царица вышла, взяла сѣрца, скатала явѣ въ яйцо и положила въ карманъ. Старичокъ спалъ въ стиклянамъ даму, а всталъ въ избушки, и залился слезами. Плакалъ-плакалъ, а дѣла нада исполнить. Сдѣлалъ гробъ и пошелъ искать её; нашелъ въ навози, разрылъ, собралъ всѣ части, положилъ ихъ въ гробъ и похранилъ у себя. А царь ни знаитъ никаково дѣла, ѣдитъ х(к)ъ купеческой дочери въ гости. Пріѣхалъ на то мѣста — нѣтъ ни дома, нѣтъ ни дивицы, а только идѣ она сира-

Digitized by Google

нена, тамъ на ней садъ вырасъ. Вернулся во дворецъ и сталъ царицы(ѣ) разсказывать: «ѣздилъ-ѣздилъ, ни нашелъ ни дома, ни дивицы, а толька одинъ садъ!» Вотъ царица услыхала объ этомъ; вышла на дворъ и говоритъ жандар(м)амъ: «ступайтя вы посикитя на томъ мѣсти садъ.» Пріѣхали они къ саду и стали явò сѣчь, а онъ весь окаминѣлъ.

Ни терпитца царю — хочитца садъ посмотрѣть; вотъ и ѣдитъ глядѣть явò. Пріѣхалъ въ садъ, и увидалъ въ немъ мальчика — и какой хорошинькай мальчикъ! «Вѣрна, думаитъ, господа гуляли да потеряли.» Взялъ явò во дворецъ, привесъ въ свои палаты, и говоритъ царицы: «смотри, матушка! ни(е) расквили [1]) явò.» А мальчикъ на то время такъ раскричался, што ничѣмъ явò и ни забавютъ: и такъ, и сякъ, а онъ знай кричитъ! Царица вынула изъ карманчика яичка, скатанная изъ сѣрца, и дала ямỳ; онъ и пересталъ кричать, зачилъ бѣгать по комнатамъ. «Ахъ, матушка! говоритъ царь царицы, какъ ты явò утѣшила.» Мальчикъ пабѣх(г)ъ на дворъ, а царь за нимъ; онъ на улицу — и царь на улицу, онъ въ пóля — и царь въ пóля; онъ въ садъ — и царь въ садъ. Увидалъ тамъ этотъ царь дивицу и оченно обрадовалси. Дивица и говоритъ ямỳ: «я твоя нивѣста купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка.» Вотъ и пріѣхали они во дворецъ. Царица упала ей въ ноги: «прости мина!» — А ты миня ни прощала: одинъ рас(з)ъ глаза выризала, а въ другой вилѣла въ мелкіи части разсѣчь! Царь и говоритъ: «жандар(м)ы! выриштя-жа теперь и царицы(ѣ) глаза и пуститя ее въ пóля.» Выризали ей глаза, привязали х(к)ъ канямъ и пустили въ пóля: размыкали еѐ каня̀ по чистому полю. А царь съ младой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовалси и въ золоти водилъ.

(Записана въ тамбовской губернiи,-въ Казачьей Слободѣ.)

[1]) Не раздразни (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 81).

Digitized by Google

40.

ОКАМЕНѢЛОЕ ЦАРСТВО.

Жилъ-былъ старикъ; у старика былъ сынъ — славной сынъ, вздумалъ чево идти въ дорогу, простился-благословился и пошолъ. Шолъ долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; приходитъ въ одно царство, видитъ —кругомъ камни! и скотъ, и люди — гдѣ кто былъ, стоялъ или сидѣлъ, кто куда ѣхалъ, тамъ всѣ и окаменѣли; иной дрова рубилъ, руку съ топоромъ поднялъ, да такъ и остался! Врагъ [1]) попутилъ надъ ними! Вотъ этотъ парень походилъ по городу — ни однаво человѣка не нашолъ живова; вошолъ въ царской чертогъ и думатъ: подожду; не будетъ ли кто? Вдрукъ прибѣгатъ царская дочь, увидѣла этаво человѣка, поклонилась, распросила ево: откудова онъ? куда пошолъ и зачѣмъ? и говоритъ: «вотъ бы надо крѣпкова человѣка, чтобы онъ по три ночи молился во дворцѣ; тогда бы люди всѣ стали опеть людьми!» Онъ согласился; уговорились, чтобы послѣ (если Богъ велитъ воротить царя и людей по прежнему) она вышла за него замужъ, и положили на томъ записи. Она дала ему восковыхъ свѣчъ три снопухи [2]) — по снопухѣ на кажду ночь, сама уѣхала. Наступила ночь; крестьянской сынъ сталъ на молитву. Въ полночь вдрукъ и набѣжало дьяволовъ множество; кто дразнитъ ево, кто говоритъ: надо заколоть, кто огня подпускатъ подъ нево, кто — воду, чево-чево не было! страшно! а онъ стоитъ да молится. Пѣтухъ спѣлъ — и дьяволовъ не стало. Онъ въ ночь снопуху свѣчъ изжокъ(г)ъ, утромъ лёкъ(г)ъ спать. Царская дочь пріѣзжатъ, спрашиватъ: «что живъ ли ты?» — Живъ, слава Богу! «Ну, каково тебѣ было?» — Страшно, да ничево, Богъ мило-

[1]) Нечистая сила. [2]) Связки.

Digitized by Google

ствъ! «Смотри, на эту ночь ешшо страшняй будетъ!» Переговорила и уѣхала. И точно на другую ночь ешшо больше дьявола страшшили; крестьянской сынъ промолился. На третью ночь и пушше тово; онъ опеть промолился, всѣ свѣчи издержалъ. А царская дочь послѣ третьей ночи велѣла ему залѣзти въ печь и написать рукопись, какъ спасалъ царство; «а то, говоритъ, отецъ мой оживится, разсердится, забѣгатъ—бѣда тебѣ!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Утро настало — вдрукъ весь народъ оживился, начали ходить, бѣгать, стали переѣзжать, только стукотъ стойтъ! Царь также ожилъ, забѣгалъ, осердился: «кто смѣлъ, говоритъ, шутить надъ моимъ царствомъ?» и увидялъ у печи рукопись, прочиталъ. Пріѣхала дочь; она рукопись утвердила, сказала отцу, что точно такъ было. Царю понравилось; тотчасъ свадьбу: крестьянской сынъ женился на царской дочери. Тесть по смерти своей благословилъ все свое царство милому зятю. Крестьянской сынъ то все изъ-подъ большихъ смотрѣлъ, а тутъ самъ царемъ сдѣлался, и теперь царствуетъ — такой доброй для подданныхъ, особливо для солдатъ!

Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

41.

ЧУДЕСНЫЙ ЯЩИКЪ.

У одново старика и старухи былъ сынъ ужь на возрастѣ; чему учить сына — отецъ не знатъ, и вздумалъ ево отдать одному мастеру въ работники всяки вешши дѣлать. Поѣхалъ въ городъ, сдѣлалъ условіе съ мастеромъ, чтобы сыну учиться у нево три года, а домой побывать въ три года только одинъ разъ. Отвёзъ сына. Вотъ парень живётъ годъ, другой;

Digitized by Google

скоро научился дѣлать дорогія вещи, превзошолъ и самово хозяина. Одинъ разъ сдѣлалъ часы въ пятьсотъ рублей, послалъ ихъ отцу: «хоть, говоритъ, продастъ да поправитъ бѣдность!» Гдѣ отцу продавать! онъ насмотрѣться не можотъ на часы, потому что сынъ ихъ дѣлалъ. Время приходитъ: надо ему увидѣться съ родителями. Хозяинъ былъ знаткой [1]), и говоритъ: «ступай, вотъ тебѣ срокъ три часа и три минуты; если въ срокъ не воротишься—смерть тебѣ!» Онъ и думатъ: «когда-жо я доѣду столько вёрстъ до отца?» Мастеръ на это говоритъ: возьми вонъ ту карету; какъ только сядешь — зашурся. «Нашъ парень такъ и сдѣлалъ; только зашурился, взглянулъ — ужь и дома у отца; вылѣзъ, приходитъ въ избу — никово нѣтъ. А отецъ и мать его увидѣли, что къ дому карета подъѣхала, испугались да и спрятались въ голбецъ; насилу онъ ихъ вызвалъ изъ голбца. Начали здороваться; мать плакать — долго не видались. Сынъ привёзъ имъ гостинцовъ. Докуда здоровались да говорили, время мешкалось— три часа ужь и прошло, осталось три минуты; то-друго, вотъ только одна минута! Нечистой шопчотъ парню: «ступай скоряя; хозяинъ ужо тебя!..» Парень былъ заботливой, простился и поѣхалъ; скоро очу(т)ился у дому, вошолъ въ избу, а хозяина за нево, что просрочилъ, нечиста сила мучитъ. Парень отваживаться-отваживаться съ хозяиномъ, отвадился, палъ ему въ ноги: «прости, просрочилъ, вперёдъ таковъ не буду!» Хозяинъ побранилъ только и подлинно простилъ. Парень нашъ опеть живётъ; всѣхъ лучше сталъ дѣлать всяки вещи. Хозяинъ и думатъ, что если парень отойдётъ, отнимётъ у нево всю работу—лучше мастера сталъ! и говоритъ ему: «работникъ! ступай въ подземное царство, принеси оттуда мнѣ яшшичокъ; онъ стоитъ тамъ на царскомъ тронѣ.» Подѣлали спуски длинные, ремень къ ремню

---

[1]) Знахарь, колдунъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 71).

Digitized by Google

ящики и къ каждому шву привязали по колокольчику. Хозяинъ началъ ево спускать въ какой-то оврагъ, велѣлъ: если достанетъ ящикъ, трести заранѣе за ремень; какъ колокольчики зазвонятъ, хозяинъ услышитъ. Парень спустился подъ землю, видитъ домъ, входитъ въ нево; человѣкъ съ дватцеть мужиковъ стали всѣ на ноги, поклонились и всѣ въ голосъ: «здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Парень изумился: какая честь! входитъ въ другу комнату—полна женшшинъ; тѣ также стали, поклонились, говорятъ: «здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Эти люди всѣ были наспускапы мастеромъ. Пошолъ парень въ третью комнату, видитъ — тронъ, на тронѣ ящикъ; взялъ этотъ ящикъ, пошолъ и людей всѣхъ за собой повёлъ. Пришли къ ремню, потресли, привязали человѣка—хозяинъ потянулъ; а самъ онъ съ ящикомъ хотѣлъ привязаться на самомъ послѣдѣ. Хозяинъ половину ихъ вытаскалъ; вдрукъ къ нему прибѣжалъ работникъ, зовётъ скоряй домой — сдѣлалось како-то несчастье. Хозяинъ пошолъ, велѣлъ всѣхъ таскать изъ-подъ земли, а крестьянскаво сына таскать не велѣлъ. Ну, людей всѣхъ перетаскали по ремню, а этово парня и оставили. Онъ ходилъ-ходилъ по подземному царству, что-то ящичокъ и трехнулъ — вдрукъ выскочило двѣнатцеть молодцовъ, говорятъ: «что Иванъ-царевичъ прикажетъ?»—Да вотъ выташшите меня наверхъ. Молодцы тотчасъ ево подхватили, вынесли. Онъ не пошолъ къ своему хозяину, а пошолъ прямо къ отцу. Между тѣмъ хозяинъ хватился ящичка, прибѣжалъ къ оврагу, трестй-трести за ремень — нѣту ево работника! Думатъ мастеръ: «видно ушолъ куда-то! надо посылать за нимъ человѣка.»

А крестьянской сынъ пожилъ у отца, выбралъ богатое какое-то мѣсто, мѣтнулъ ящикъ съ руки на руку—вдрукъ явилось дватцеть четыре молодца: «что, Иванъ-царевичъ, прикажите?»—Ступайте, на этомъ мѣстѣ устройте царство, чтобы оно лучше всѣхъ царствъ было. Въ кою пору царство яви-

Digitized by Google

лось! Парень нашъ переѣхалъ туда, женился и сталъ жить на славу. Въ ево царствѣ былъ какой-то дѣтинка — такъ, нездрашной [1])! а мать ево всё ходила къ Ивану-царевичу, збирала милостыню. Сынъ и велитъ ей: «матушка! украдь у нашево царя яшшичокъ.» Ивана-царевича дома не было; жена ево старухѣ подала милостыню да и вышла. Старуха схватила яшшичокъ, положила въ мѣшокъ и ступай къ сыну. Тотъ перемѣтнулъ яшшикъ—выскочили тѣ-же молодцы. Онъ велитъ имъ бросить Ивана-царевича въ глубокую яму, куда валили только пропавшаво [2]) скота, а жену ево и родителей размѣстилъ—ково въ лакеи, ково куда; самъ царёмъ сталъ. Вотъ крестьянской сынъ и сидитъ въ ямѣ день, другой и третей. Какъ вырваться? видитъ какую-то большую птицу — таскатъ скота; въ одно время свалили въ яму палую скотину, онъ взялъ да къ ней и привязался; птица налетѣла, схватила скотину и вынесла, сѣла на сосну, и Иванъ-царевичъ тутъ болтатся—отвязаться нельзя. Неоткуда взялся стрѣлецъ, прицѣлился, стрѣлилъ; птица спорхнула и полетѣла, корову изъ лапъ упустила; корова пала, и Иванъ-царевичъ за ней палъ, отвязался, идётъ дорогой и думатъ: какъ воротить свое царство? Хватилъ карманъ—тутъ ключь отъ яшшика; мѣтнулъ—вдрукъ выскочило два молодца: «что, Иванъ-царевичъ, прикажите?» — Вотъ, братцы, я въ несчастіи! «Знаемъ мы это; счастливъ ешшо, что мы двое за ключомъ остались!»—Нельзя ли, братцы, принести мнѣ яшшикъ? Иванъ-царевичъ не успѣлъ выговорить, двое молодцовъ яшшикъ принесли! Тутъ онъ ожилъ, старуху-нишшу и сына её приказалъ казнить, самъ сталъ по старому царёмъ.

(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

---

[1]) Невзрачной?

[2]) Дохлаго, палаго.

Digitized by Google

42.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ купецъ; жена у него померла, оставался одинъ сынъ Иванъ. Къ этому сыну приставилъ онъ дядьку, а самъ чрезъ нѣкоторое время женился на другой женѣ, и какъ Иванъ-купеческой сынъ былъ уже на возрастѣ и больно хорошъ собою, то мачиха и влюбилась въ него. Однажды Иванъ-купеческой сынъ отправился на плотикѣ по морю охотничать съ дядькою; вдругъ увидѣли они, что плывутъ къ нимъ тридцать кораблей. На тѣхъ корабляхъ была Царь-дѣвица съ тридцатью другими дѣвицами, своими названными сестрицами. Когда плотикъ сплылся съ кораблями, тотчасъ всѣ тридцать кораблей стали на якорях. Ивана-купеческаго сына вмѣстѣ съ дядькою позвали на самой лучшій корабль; тамъ ихъ встрѣтила Царь-дѣвица съ тридцатью дѣвицами, названными сестрицами, и сказала Ивану-купеческому сыну, что она его крѣпко полюбила и пріѣхала съ нимъ повидаться. Тутъ они и обручились. Царь-дѣвица наказала Ивану-купеческому сыну, чтобы завтра въ тоже самое время пріѣзжалъ онъ на это мѣсто; распростилась съ нимъ и отплыла въ сторону. А Иванъ-купеческой сынъ воротился домой, поужиналъ и легъ спать. Мачиха завела его дядьку въ свою комнату, напоила пьянымъ и стала спрашивать: не было ли у нихъ чего на охотѣ? Дядька ей все разсказалъ. Она, выслушавъ, дала ему булавку и сказала: «завтра, какъ станутъ подплывать къ вамъ корабли, воткни эту булавку въ одёжу Ивана-купеческаго сына.» Дядька обѣщался неполнить приказъ. Поутру всталъ Иванъ-купеческой сынъ и отправился на охоту. Какъ скоро увидалъ дядька плывущіе вдали корабли, тотчасъ взялъ и воткнулъ въ его одёжу

Digitized by Google

булавочку. «Ахъ, какъ я спать хочу! сказалъ купеческой сынъ; послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а какъ подплывутъ корабли, въ то время пожалуста разбуди меня.» —Хорошо! отчего не разбудить? Вотъ приплыли корабли и остановились на якоряхъ; Царь-дѣвица послала за Иваномъ-купеческимъ сыномъ, чтобъ скорѣе къ ней пожаловалъ; но онъ крѣпко-крѣпко спалъ. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни дѣлали—не могли разбудить; такъ и оставили. Царь-дѣвица наказала дядькѣ, чтобы Иванъ-купеческой сынъ завтра опять сюда-же пріѣзжалъ, и велѣла подымать якоря и парусa ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернулъ булавочку—и Иванъ-купеческой сынъ проснулся, вскочилъ и сталъ кричать, чтобъ Царь-дѣвица назадъ воротилась. Нѣтъ, ужь она далеко, не слышитъ. Пріѣхалъ онъ домой печальной, кручинной. Мачиха привела дядьку въ свою комнату, напоила дóпьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иванъ-купеческой сынъ поѣхалъ на охоту, опять проспалъ все время и не видалъ Царь-дѣвицы; наказала она побывать ему еще одинъ разъ. На третій день собрался онъ съ дядькою на охоту; стали подъѣзжать къ старому мѣсту, увидали: корабли вдали плывутъ, дядька тотчасъ воткнулъ булавочку и Иванъ-купеческой сынъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Корабли приплыли, остановились на якоряхъ; Царь-дѣвица послала за своимъ нарѣченнымъ женихомъ, чтобы къ ней на корабль пожаловалъ. Начали его будить всячески, но что ни дѣлали — не могли разбудить. Царь-дѣвица увѣдала хитрости мачихины, измѣну дядькину, и написала къ Ивану-купеческому сыну, чтобы онъ дядькѣ голову отрубилъ, и если любитъ свою невѣсту, то искалъ бы ее за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Только распустили корабли паруса и поплыли въ широкое море, дядька выдернулъ изъ одёжи Ивана-купеческаго сына булавочку, и

Digitized by Google

онъ проснулся, началъ громко кричать да звать Царь-дѣвицу; но она была далеко и ничего не слыхала! Дядька подалъ ему письмо отъ Царь-дѣвицы; Иванъ-купеческой сынъ прочиталъ его, выхватилъ свою саблю острую и срубилъ злому дядькѣ голову, а самъ присталъ поскорѣе къ берегу, пошелъ домой, распрощался съ отцемъ и отправился въ путь-дорогу искать тридесятое царство. Шелъ онъ куда глаза глядятъ, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, — приходитъ къ избушкѣ: стоитъ въ чистомъ полѣ избушка, на куричьихъ голяшкахъ [1]) повертывается. Взошелъ въ избушку, а тамъ баба-яга, костяная нога. «Фу-фу! говоритъ, русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ. Волей, али неволей, доброй молодецъ?» — Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятаго царства? «Нѣтъ, не вѣдаю!» сказала яга и велѣла ему идти къ своей середней сестрѣ: та не знаетъ ли? Иванъ-купеческой сынъ поблагодарилъ ее и отправился дальше; шелъ-шелъ, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли—приходитъ къ такой-же избушкѣ, взошелъ—и тутъ баба-яга. «Фу-фу! говоритъ, русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ. Волей, али неволей, доброй молодецъ?» — Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли: гдѣ тридесятое царство? «Нѣтъ, не знаю!» отвѣчала яга и велѣла ему зайдти къ своей младшей сестрѣ: та, можетъ, и знаетъ! «Коли она на тебя разсердится да захочетъ съѣсть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на нихъ: въ первую трубу негромко играй, въ другую погромче, а въ третью еще громче.» Иванъ-купеческой сынъ поблагодарилъ ягую и отправился дальше. Шелъ шелъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконецъ увидалъ из-

[1]) Голяшки—голени.

Digitized by Google

бушку — стоитъ въ чистомъ полѣ, на куричьихъ голяшкахъ повертывается; взошелъ— и тутъ баба-яга. «Фу-фу! русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ!» сказала яга и побѣжала зубы точить, чтобы съѣсть незваннаго гостя. Иванъ-купеческой сынъ выпросилъ у ней три трубы; въ первую негромко игралъ, въ другую погромче, а въ третью еще громче. Вдругъ налетѣли со всѣхъ сторонъ всякія птицы;- прилетѣла и жаръ-птица. «Садись скорѣй на меня, сказала жаръ-птица, и полетимъ, куда тебѣ надобно; а то баба-яга съѣстъ тебя!» Только успѣлъ сѣсть на нее — прибѣжала баба-яга, схватила жаръ-птицу за хвостъ и выдернула немало перьевъ. Жаръ-птица полетѣла съ Иваномъ-купеческимъ сыномъ; долгое время неслась она по поднебесью и прилетѣла наконецъ къ широкому морю. «Ну, Иванъ-купеческой сынъ! тридесятое царство за этимъ моремъ лежитъ; перенесть тебя на ту сторону я не въ силахъ; добирайся туда, какъ самъ знаешь!» Иванъ-купеческой сынъ слѣзъ съ жаръ-птицы, поблагодарилъ и пошелъ по берегу. Шелъ-шелъ — стоитъ избушка, взошелъ въ нее; повстрѣчала его старая старуха, напоила, накормила, и стала спрашивать: куда идетъ? зачѣмъ странствуетъ? Онъ разсказалъ ей, что идетъ въ тридесятое царство, ищетъ Царь-дѣвицу, свою суженую. «Ахъ! сказала старушка, ужь она тебя не любитъ больше; если ты попадешься ей на глаза—Царь-дѣвица разорветъ тебя: любовь ея далеко запрятана!» — Какъ-же достать ее? «Подожди немножко! у Царь-дѣвицы живетъ дочь моя и сегодня обѣщалась побывать ко мнѣ; развѣ черезъ нее какъ-нибудь узнаемъ.» Тутъ старуха обернула Ивана-купеческаго сына булавкою и вотнула въ стѣну; ввечеру прилетѣла ея дочь. Мать стала ее спрашивать: не знаетъ ли она, гдѣ любовь Царь-дѣвицы запрятана?—Не знаю! отозвалась дочь и обѣщала допытаться про то у самой Царь-дѣвицы. На другой день она опять при-

Digitized by Google

летѣла и сказала матери: «на той сторонѣ окіана-моря стоитъ дубъ, на дубу сундукъ, въ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, а въ яйцѣ любовь Царь-дѣвицы!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ хлѣба и отправился на сказанное мѣсто; нашелъ дубъ, снялъ съ него сундукъ, изъ него вынулъ зайца, изъ зайца утку, изъ утки яйцо, и воротился съ яичкомъ къ старухѣ. Настали скоро именины старухины; позвала она къ себѣ въ гости Царь-дѣвицу съ тридцатью иными дѣвицами, ея названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана-купеческаго сына срядила по праздничному и спрятала. Вдругъ въ полдень прилетаютъ Царь-дѣвица и тридцать иныхъ дѣвицъ, сѣли за столъ, стали обѣдать; послѣ обѣда положила старушка всѣмъ по простому яичку, а Царь-дѣвицѣ то самое, что Иванъ-купеческой сынъ добылъ. Она съѣла его, и въ ту-жъ минуту крѣнко-крѣпко полюбила Ивана-купеческаго сына. Старуха сейчасъ его вывела; сколько тутъ было радостей, сколько веселья! Уѣхала Царь-дѣвица вмѣстѣ съ женихомъ купеческимъ сыномъ въ свое царство; обвѣнчались и стали жить да быть, да добро копить.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

43.

СОЛДАТЪ ИЗБАВЛЯЕТЪ ЦАРЕВНУ.

Загнали солдата на дальнія границы; прослужилъ онъ положенной срокъ, получилъ чистую отставку и пошелъ на родину. Шелъ онъ чрезъ многія земли, чрезъ разныя государства; приходитъ въ одну столицу и останавливается на квартирѣ у бѣдной старушки. Началъ ее распрашивать: «какъ у васъ, баушка, въ государствѣ — все ли здорово?» — И-и, служивой! у нашего царя есть дочь-красавица Марѳа-царевна;

Digitized by Google

сватался за нее чужестранной принцъ; царевна не захотѣла за него идти, а онъ напустилъ на нее нечистую силу. Вотъ ужь третій годъ неможетъ! Не даетъ ей нечистая сила по ночамъ спокою; бьется сердечная и кричитъ безъ памяти... Ужь чего царь ни дѣлалъ: и колдуновъ, и знахарей приводилъ — никто не избавилъ! Выслушалъ это солдатъ, и думаетъ самъ съ собой: «дай пойду, счастья попытаю; можетъ, и избавлю царевну! царь хоть что-нибудь на дорогу пожалуетъ.» Взялъ шинель, вычистилъ пуговицы мѣломъ, надѣлъ и маршъ во дворецъ. Увидала его придворная прислуга, узнала — зачѣмъ идетъ, подхватила подъ руки и привела къ самому царю. «Здравствуй, служба! что хорошаго скажешь?» говоритъ царь. —Здравія желаю, ваше царское величество! слышалъ я, что у васъ Марѳа-царевна хвораетъ; я могу ее вылѣчить. «Хорошо, братецъ! коли вылѣчишь, я тебя съ ногъ до головы золотомъ осыплю.»—Только прикажите, ваше величество, выдавать мнѣ все, что требовать стану. «Говори, что тебѣ надобно?» — Да вотъ дайте мнѣ мѣру чугунныхъ пуль, мѣру грецкихъ орѣховъ, фунтъ свѣчей и двѣ колоды картъ, да изладьте мнѣ чугунной прутъ, чугунную царапку о пяти зубьяхъ да чугунное подобіе человѣка съ пружинами. «Ну, хорошо; къ завтраму все будетъ готово.» Вотъ изготовили что надо; солдатъ заперъ во дворцѣ всѣ окна и двери накрѣпко и закрестилъ ихъ православнымъ крестомъ; только одну дверь оставилъ незапертой, и сталъ возлѣ нея на часахъ; комнату освѣтилъ свѣчами, на столъ положилъ карты, а въ карманы насыпалъ чугунныхъ пуль да грецкихъ орѣховъ. Управился и ждетъ. Вдругъ въ самую полночь прилетѣлъ нечистой духъ: куда ни сунется— не можетъ войдти! Леталъ-леталъ кругомъ дворца, и увидалъ наконецъ отворену дверь; скинулся человѣкомъ и хочетъ войдти. «Кто идетъ?» окликнулъ солдатъ.—Пусти, служивой! я придворной лакей. «Гдѣ-же ты, халдейская харя, до сихъ поръ

Digitized by Google

тоскался?» — А гдѣ былъ, тамъ теперь нѣту! Дай-ка мнѣ орѣшковъ погрызть? «Много васъ тутъ халдеевъ! всѣхъ по орѣху одѣлить, самому ничего не останется.»—Дай пожалуста! «Ну, возьми!» и даетъ ему пулю. Чортъ взялъ въ ротъ пулю, давилъ-давилъ зубами, въ лепёшку ее смялъ, а разгрызть—не разгрызъ. Пока онъ съ чугуннею пулей возился, солдатъ орѣховъ съ двадцать разгрызъ да съѣлъ. «Эхъ, служивой! говоритъ чортъ; крѣпки у тебя зубы!» — Плохъ ты я вижу! отвѣчалъ солдатъ; вѣдь я двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, надъ сухарями зубы притупилъ, а ты-бъ посмотрѣлъ: каковъ съ молодыхъ годовъ я былъ! «Давай, служивой, въ карты играть.»—А на что играть-то станемъ? «Извѣстно — на деньги.» — Ахъ ты, халдейская харя! ну, какія у солдата деньги? онъ всего жалованья — три денежки въ сутки получаетъ, а надо ему и мыла и ваксы, и мелу и клею купить, и въ баню сходить. Хочешь — на щелчки играть? «Пожалуй!» Начали на щелчки играть. Чортъ наигралъ на солдата три щелчка: «давай, говоритъ, бить стану!» — Догоняй до десятку, тогда и бей; изъ трехъ щелчковъ нечего рукъ марать! «Ладно!» Стали опять играть; пришелъ солдату крестовой хлюстъ и нагналъ онъ на нечистаго десять щелчковъ: «ну-ка, говоритъ чорту, подставляй свой лобъ; я покажу тебѣ, каково съ нашимъ братомъ на щелчки играть! По солдацки урѣжу! И другу, и недругу закажешь!...» Чортъ взмолился, проситъ, чтобъ солдатъ полегче его билъ. «То то! съ вами халдеями только свяжись, самъ не радъ будешь; какъ дѣло къ расчету — такъ сейчасъ и отлынивать! А мнѣ никоимъ способомъ нельзя тебя пощадить: я—солдатъ и давалъ присягу завсегда поступать вѣрою-правдою.» — Возьми, служивой, деньгами! «А на что мнѣ твои деньги? я игралъ на щелчки—щелчками и плати. Развѣ вотъ что: есть у меня меньшой братъ, пойдемъ-ка къ нему—онъ пробьетъ тебѣ щелчки потише моего; а если

Digitized by Google

не хочешь, давай — я самъ стану бить!»—Нѣтъ, служивой! веди лучше къ меньшому брату. Солдатъ привелъ нечистаго къ чугунному человѣку, тронулъ за пружину, да какъ щолкнетъ чорта по лбу — тотъ ажно въ другую стѣну отлетѣлъ; а солдатъ ухватилъ его за руку: «стой! еще девять щелчковъ за тобою.» Тронулъ въ другой разъ пружину да такъ урѣзалъ, что чортъ кубаремъ покатился да чуть-чуть стѣны не пробилъ! А въ третій разъ отбросило нечистаго прямо въ окно: вышибъ онъ раму, выскочилъ вонъ и навострилъ лыжи. «Помни, проклятой! кричитъ солдатъ, за тобой еще семь щелчковъ осталось!» А чортъ-то улепётываетъ, ажъ пятками въ задъ достаетъ [1]). На утро спрашиваетъ царь Марѳу-царевну: «ну что—каково ночь проводила?»—Спокойно, государь-батюшка!

На другую ночь отрядилъ сатана во дворецъ иного чорта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орѣхи! Въ тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать нечистыхъ въ передѣлкѣ, и всѣмъ равно туго пришлось! Ни одинъ въ другой разъ идти не хочетъ. «Ну, внучки! говоритъ имъ дѣдушка сатана, я самъ теперь

---

[1]) *Варіантъ*: Пришелъ чортъ, сталъ съ солдатомъ въ карты играть: кто кого обыграетъ, чтобы дурака ударить разъ. Дьяволъ обыгралъ солдата и ударилъ такъ шибко, что чуть съ ногъ его не свалилъ. Потомъ солдатъ обыгралъ дьявола. Ну, какъ его бить? то и есть вертится, на минуту не остановится окаянной! «Постой-же, думаетъ солдатъ, я съ тобой поправлюсь по своему!» Показываетъ ему чугунное ядро и спрашиваетъ: «раскусишь ли ты вотъ этотъ орѣхъ?» Дьяволъ говоритъ: «раскушу!» Взялъ ядро, грызъ-грызъ, всѣ зубы поломалъ, а не раскусилъ. «Эхъ ты! говоритъ ему солдатъ; посмотри-ка: у меня малой братишка лучше тебя.» Сунулъ ядро въ ротъ чугунному мужику, потрогалъ пружину—ядро на мелкія части разлетѣлось. Дьяволъ облизнулся: «постой! цѣлы-ль зубы?» Началъ щупать; только запихалъ въ ротъ руки, у него ихъ и прижало. Солдатъ пошевелилъ другую пружину, чугунныя руки обвились вокругъ дьявола и крѣпко схватили; а солдатъ давай его угощать царапкою... Насилу чортъ вырвался и убѣжалъ; послѣ того полно ходить къ Марѳѣ-царевнѣ. (Записано въ пермской губерніи.)

Digitized by Google

войду.» Пришелъ сатана во дворецъ, и ну съ солдатомъ разговаривать: то-другое, пятое-десятое, стали въ карты играть; солдатъ обыгралъ его и повелъ къ меньшому брату щелчками угощать. Привелъ, подавилъ пружины, меньшой братъ обхватилъ сатану чугунными руками да такъ-таки плотно, что̀ ему ни взадъ, ни впередъ нельзя пошевелиться. Солдатъ схватилъ чугунный прутъ и давай хлестать; бьетъ сатану да приговариваетъ: «вотъ тебѣ въ карты играть! вотъ тебѣ Марѳу-царевну мучить!» Изхлесталъ чугунный прутъ, и взялся царапкой строгать: сатана благимъ матомъ ревetъ, а солдатъ знай себѣ деретъ, и такъ его донялъ, что̀ тотъ какъ вырвался — безъ оглядки убѣжалъ! Вернулся въ свое болото, охаетъ: «ахъ, внучки! чуть было солдатъ до̀ смерти ни убилъ!» — То-то, дѣдушка! вишь онъ какой мудрёной! вотъ ужь двѣ недѣли, какъ я во дворцѣ былъ, а все голова трещитъ! да еще спасибо, что не самъ билъ, а меньшаго брата заставлялъ!... Вотъ стали черти придумывать, какъ-бы выжить имъ изъ дворца этого солдата. Думали-думали и рѣшились золотомъ откупиться. Прибѣжали къ солдату разомъ всѣ; тотъ увидалъ, испугался и закричалъ громкимъ голосомъ: «эй, братъ! ступай сюда скорѣе, должники пришли, надо щелчки давать.»—Полно, полно, служивой! мы пришли къ тебѣ о дѣлѣ потолковать; сколько хочешь, возьми съ насъ золота — только выйди изъ дворца! «Нѣтъ! что̀ мнѣ золото! Ужь коли хотите услужить мнѣ, такъ полѣзайте всѣ въ ранецъ; я слыхалъ, что нечистая сила больно хитра — хоть въ щель, и то влѣзитъ! Вотъ коли это сдѣлаете, право слово уйду изъ дворца!» Черти обрадовались: «ну, служивой! открывай свой ранецъ.» Солдатъ открылъ; они и полѣзли туда всѣ до единаго, сатана сверху легъ. «Укладывайтесь плотнѣе, говоритъ солдатъ, чтобъ можно было на всѣ пряжки застегнуть.»—Застегивай, не твоя печаль! «Счастье вамъ, коли застегну! а не то не прогнѣвайтесь, ни-за̀-что изъ дворца не

Digitized by Google

выйду!» Вотъ солдатъ взялъ-застегнулъ ранецъ на всѣ пряжки, перекрестилъ его, надѣлъ на себя и пошелъ къ царю: «ваше царское величество! прикажите изготовить тридцать желѣзныхъ молотовъ, каждый молотъ въ три пуда.» Царь отдалъ приказъ; сейчасъ изготовили тридцать молотовъ. Солдатъ принесъ ранецъ въ кузницу, положилъ на наковальню и велѣлъ бить, какъ можно сильнѣе. Плохо пришлось чертямъ, а вылѣзать никакъ нельзя! Угостилъ ихъ солдатъ на славу! «Теперь довольно!» Вскинулъ ранецъ на плечи и явился къ царю съ докладомъ: «служба де моя кончена; больше нечистая сила не станетъ царевны тревожить.» Царь поблагодарилъ его: «молодецъ служивой! ступай-гуляй по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ, требуй что только душѣ угодно; ни въ чемъ тебѣ нѣтъ запрету!» И приставилъ къ нему царь двухъ писарей, чтобы всюду за нимъ ходили да записывали на казенной счетъ, гдѣ сколько солдатъ нагуляетъ. Вотъ онъ гулялъ-гулялъ, цѣлой мѣсяцъ прогулялъ, и пошелъ къ царю. «Что, служба, нагулялся?» — Нагулялся, ваше величество! хочу домой идти. «Что ты! оставайся-ка у насъ; я тебя первымъ человѣкомъ сдѣлаю.» — Нѣтъ, государь! хочется повидать своихъ сродниковъ. «Ну, ступай съ Богомъ!» сказалъ царь, далъ ему повозку, лошадей, и денегъ столько, что въ цѣлой вѣкъ не прожить.

Поѣхалъ солдатъ на родину; присталъ дорогою въ какой-то деревнѣ, и увидалъ знакомаго солдата — въ одномъ полку служили. «Здравствуй, братъ!» — Здравствуй! «Какъ поживаешь?» — Все по-старому! «А мнѣ Господь счастье далъ: вдругъ разбогатѣлъ! На радостяхъ надо бы выпить; сбѣгай-ка, братъ, купи ведёрку вина.» — Радъ бы сбѣгать, да вишь у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи самъ — кабакъ вотъ, недалеча! «Ладно; а ты возьми мой ранецъ, положи въ избѣ, да накажи бабамъ, чтобъ не трогали!» Отправился нашъ

Digitized by Google

солдатъ за виномъ, а землякъ его принесъ ранецъ въ избу и говоритъ бабамъ: «не трожьте!» Пока убиралъ онъ скотину, бабамъ не терпится: «дай посмотримъ, что такое въ ранцѣ накладено?» Принялись разстегивать — какъ выскочатъ оттуда черти съ шумомъ да съ трескомъ; двери съ крючьевъ посбивали и ну бѣжать! А на встрѣчу имъ солдатъ съ ведеркою: «ахъ, проклятые! кто васъ выпустилъ?» Черти испугались и бросились въ буковище [1]) подъ мельницу, да тамъ навсегда и остались. Солдатъ пришелъ въ избу, разбранилъ бабъ, и давай гулять съ старымъ товарищемъ; а послѣ пріѣхалъ на родину и зажилъ богато и счастливо.

44.

ГОРШЕЧНИКЪ.

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; на встрѣчу ему прохожій: «найми, говоритъ, меня въ работники!» — Да умѣешь ли ты горшки дѣлать? «Еще какъ умѣю-то!» Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: «ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу пріймусь!» Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ—самъ нечистой, и наказываетъ онъ горшечнику: «я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!» — Отчего такъ? «Ну, да ужь такъ! Прійдешь — бѣды наживешь!» Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенятъ видимо-невидимо, начали горшки лѣпить, пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: «дай пойду — посмотрю!» При-

[1]) Мѣсто подъ колесомъ мельницы.

Digitized by Google

ходитъ къ сараю, заглянулъ въ щелочку — сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотритъ, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пуститъ—и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ да хохотъ пуще прежняго! На утро говоритъ работникъ: «эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано.» Хозяинъ сосчиталъ — сорокъ тысячъ наработано. «Ну, теперь готовь мнѣ десять саженъ дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки.» Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ; сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотритъ; «ну, думаетъ, пропала работа!» На другой день зоветъ его работникъ: «погляди, хорошо ли сдѣлалъ?» Хозяинъ приходитъ смотрѣть — всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ уклалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу; а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ скликать — горшки покупать. Сейчасъ повалилъ народъ на базаръ; обступили со всѣхъ сторонъ горшечника и въ полчаса весь товаръ разобрали. Пріѣхалъ мужикъ домой, и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ. «Ну, говоритъ ему нечистой, давай барыши дѣлить.» Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и пропалъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо да еще всячески ругаютъ: «знаемъ мы твои горшки, старой хрѣнъ! съ виду казисты, а нальешь воды —сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не

Digitized by Google

надуешь.» Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднялъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

45.

ВДОВА И БѢСЪ.

Жилъ-былъ мужикъ, была у него жена-красавица; крѣпко они любили другъ дружку и жили въ ладу и согласіи. Ни много, ни мало прошло времени, померъ мужъ. Похоронила его бѣдная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дни, три ночи безперечь слезами обливалась; на четвертые сутки ровно въ полночь приходитъ къ ней бѣсъ въ образѣ ея мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею, и спрашиваетъ: «какъ ты пришелъ?» — Да слышу, говоритъ, что ты, бѣдная, по мнѣ горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришелъ. Лёгъ онъ съ нею спать; а къ утру, только пѣтухи запѣли, какъ дымъ исчезъ. Ходитъ бѣсъ къ ней мѣсяцъ и другой; она никому про то не сказываетъ, а сама все больше да больше сохнетъ, словно свѣчка на огнѣ таетъ! Въ одно время приходитъ ко вдовѣ мать-старуха, стала ее спрашивать: «отчего ты, дочка, такая худая?» — Отъ радости, матушка! «Отъ какой радости?» — Ко мнѣ покойной мужъ по ночамъ ходитъ. «Ахъ ты, дура! какой это мужъ — это нечистой!» Дочь не вѣритъ. «Ну, слушай же, что я тебѣ скажу: какъ придетъ онъ къ тебѣ въ гости и сядетъ за столъ, ты урони нарочно ложку, да какъ станешь подымать — посмотри ему на ноги.» Послушалась вдова матери; въ первую же ночь, какъ пришелъ къ ней нечистой, уронила подъ столъ ложку, полѣзла доставать, глянула ему на ноги— и увидала, что онъ съ хвостомъ. На другой день побѣжала къ матери. «Ну что, дочка? правда моя?» — Правда, матушка! что мнѣ дѣлать несчаст-

Digitized by Google

ной? «Пойдемъ къ попу.» Пошли, разсказали все, какъ было; попъ началъ вдову отчитывать, три недѣли отчитывалъ — насилу отсталъ отъ нея злой бѣсъ!

46.

БЕЗСТРАШНОЙ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ купеческой сынъ, сильной, смѣлой, съ молоду ничего не боялся; захотѣлось ему страсти (страху) извѣдать и поѣхалъ онъ съ работникомъ странствовать. Долго ли, коротко ли — пріѣхали они къ дремучему лѣсу, а тутъ какъ нарочно и смерклося. «Поѣзжай въ лѣсъ!» говоритъ купеческой сынъ. «Эхъ, хозяинъ, сюда страшно ѣхать; вѣдь теперь ночь, могутъ либо звѣри напасть, либо разбойники обидѣть.» — Вотъ испугался! дѣлай, что̀ приказываю. Въѣхали они въ лѣсъ, и спустя немного увидали: виситъ на одномъ деревѣ мертвецъ. Работникъ еще пуще набрался страху, а купеческому сыну все ни почемъ — снялъ мертвеца съ дерева, положилъ въ повозку и велѣлъ ѣхать дальше. Черезъ часъ-черезъ два подъѣзжаютъ они къ большому дому; въ окна огонь свѣтится. «Ну, вотъ и знатно: есть гдѣ переночевать!» говоритъ купеческой сынъ; а работникъ упирается: «лучше въ лѣсу ночевать, чѣмъ въ этомъ домѣ; того и гляди къ разбойникамъ попадемъ — оберутъ насъ до нитки, да и смерти не миновать!» И впрямь тутъ жили разбойники; но купеческой сынъ ничего не слушаетъ, самъ и ворота отворилъ и на дворъ въѣхалъ. Выпрягъ лошадей, и беретъ съ собой работника въ хоромы. Входятъ — а тамъ за большимъ столомъ сидятъ разбойники, всѣ въ богатой одёжѣ, у всѣхъ при боку̀ славныя сабли; пьютъ разные напитки да ѣдятъ рыбу. «Здравствуйте, господа! сказалъ имъ купеческой сынъ; посадите-ка и меня съ собой

Digitized by Google

попить, покушать.» Разбойники смотрятъ на него: что за молодецъ? и не отвѣчаютъ ни слова. Незванной гость самъ къ столу подходитъ, взялъ кусокъ рыбы, съѣлъ и говоритъ: «ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работникъ! поди-ка принеси сюда ту бѣлужину, что въ повозкѣ лежитъ.» Работникъ сбѣгалъ, принесъ мертвеца. Купеческой сынъ взялъ мертвое тѣло, бросилъ на столъ и принялся ножемъ кромсать; отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и закричалъ: «нѣтъ, не хороша и эта бѣлужина! Работникъ! лови-ка живыхъ.» А самъ на разбойниковъ показываетъ; разбойники съ испугу разбѣжались въ разныя стороны и попрятались — кто куда [1]). «Ну, вотъ ты боялся!

---

[1]) *Варіантъ:* Въ лѣсу безстрашной капралъ наѣзжаетъ на избушку. «Остановимся-ка здѣсь, да переночуемъ!» говоритъ онъ товарищу. Вошли въ избушку, а въ избушкѣ никого нѣтъ — только гробъ на столѣ стоитъ, на томъ гробу двѣнадцать желѣзныхъ обручей набито. «Я боюсь!» говоритъ капралу его товарищъ. — Да чего ты боишься? «Да страшно!» — Да чего тебѣ страшно? «Да боюсь!» Безстрашной плюнулъ и легъ на скамейкѣ, а боязливой за печку забился. Въ глухую полночь пошелъ гулъ по лѣсу — лопнулъ желѣзный обручь на гробѣ, за нимъ — другой, а тамъ — третій; такъ всѣ двѣнадцать и развалились! Встаетъ изъ гроба мертвецъ и давай тащить капрала за ноги. Тотъ проснулся и говоритъ: «какъ ты смѣешь будить меня? я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ прослужилъ да капральской чинъ выслужилъ!» Мертвецъ не слушаетъ, знай тащитъ, да зубами скрипитъ. Капралъ осерчалъ, вскочилъ съ лавки, схватилъ мертвеца и выкинулъ вонъ изъ избы. Долго мертвецъ въ избу стучался, пока пѣтухи не запѣли; а какъ закричали пѣтухи — такъ наземь и грохнулся. Капралъ положилъ его въ повозку и поѣхалъ съ товарищемъ дальше; ѣхали-ѣхали и наѣзжаютъ на разбойниковъ — вокругъ огня сидятъ да кашицу хлебаютъ. Тѣ увидали ихъ и говорятъ: «вонъ гуси сами къ намъ летятъ! не надо и на добычу ѣхать.» Капралъ соскочилъ съ повозки: «здравствуйте, добрые люди!» — Нѣтъ, братъ! не узналъ; мы — тѣ, что добрыхъ людей на дорогѣ подбираютъ! Капралъ выхватилъ у атамана ложку изъ рукъ и давай кашицу уписывать; разбойники только рты разинули, глядя на такого смѣльчака. «Что-жъ вы, ребята! говоритъ капралъ, про гуся поминали, а гусемъ-то вовсе и не пахнетъ. Гей, Терёха! подай сюда гуся.» Терёха притащилъ мертвеца. Капралъ отрѣзалъ у мертваго мяку съ правой ноги, понюхалъ и сказалъ: «немножко протухъ!

Digitized by Google

гдѣ-же страсть-то?» спрашиваетъ купеческой сынъ работника; «сядемъ лучше за столъ да поужинаемъ.» Сѣли, напились-наѣлись; а ночевать не остались; запрягли лошадей и поѣхали въ путь-дорогу. Вотъ подъѣзжаютъ они къ кладбищу. «Стой! закричалъ купеческой сынъ; остановимся здѣсь ночевать.» А работникъ опять за свое: «тутъ страшно! по ночамъ мертвецы встаютъ.» — Экой ты! всего боишься! Остановились и легли спать на могилѣ. Купеческой сынъ заснулъ, а работнику и сна нѣтъ. Вдругъ изъ той могилы подымаѣтся мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, огромнаго роста; навалился на купеческаго сына и началъ его душить. Тотъ пробудился, сшибъ мертвеца подъ себя и принялся въ свою очередь бить его и мучить всячески. Мертвецъ терпѣлъ-терпѣлъ и сталъ пощады просить. «Я тебя, пожалуй, отпущу (говоритъ купеческой сынъ), если ты черезъ часъ унесешь и доставишь мнѣ дочь такого-то царя, что̀ живетъ отсюдова за тридевять земель.» — Доставлю, только отпусти! Купеческой сынъ отпустилъ мертвеца, и черезъ часъ времени возлѣ его повозки появилась спящая царевна — на той-же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала въ царскихъ палатахъ. Купеческой сынъ не будилъ царевны до тѣхъ поръ, пока она сама не проснулась; а воротившись домой, вступилъ съ нею въ законное супружество.

Много купеческой сынъ по разнымъ землямъ странствовалъ, а страху нигдѣ не испыталъ; пріѣхалъ домой, и вотъ что случилось съ нимъ въ нѣкое время. Имѣлъ онъ сильную охоту рыбу ловить; цѣлые дни и ночи на рѣкѣ проводилъ. Матери его больно не нравилось, что онъ надолго изъ дому отлу-

---

Гей, Терёшка! бери свѣжаго.»—Котораго прикажешь? «Да вотъ съ краю-то, рыжаго!» Разбойники было бѣжать, да капралъ ухватилъ атамана за ноги и давай имъ направо-налѣво помахивать: всѣхъ до единаго перебилъ, а деньги ихъ себѣ забралъ. (Записано въ оренбургской губерніи.)

Digitized by Google

чается; вотъ она и попросила рыбаковъ какъ-нибудь испугать его. Рыбаки наловили ершей, и какъ скоро замѣтили, что купеческой сынъ, плавая въ лодкѣ, заснулъ, — подплыли къ нему потихоньку и положили ему за пазуху нѣсколько ершей. Ерши затрепетались, купеческой сынъ вскочилъ, испугался и упалъ въ воду, кое-какъ выплылъ, и тутъ-то впервые узналъ, что такое страхъ!

(Записана въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи, приходскимъ учителемъ А. Добровольскимъ.)

47.

СКРИПАЧЬ ВЪ АДУ.

Былъ жилъ мужикъ, у него было три сына. Жилъ онъ богато, собралъ два котла денегъ — одинъ закопалъ въ овинѣ, другой въ воротахъ. Вотъ померъ этотъ мужикъ, а про деньги никому не сказалъ. Однажды былъ на деревнѣ праздникъ; шелъ скрипачь на гулянку и вдругъ провалился сквозь землю; провалился и попалъ въ адъ, прямо въ то мѣсто, гдѣ богатой мужикъ мучился. «Здравствуй, знакомой!» говоритъ скрипачь. Отвѣчаетъ ему мужикъ: «ты неладно попалъ сюда! здѣсь адъ, и я въ аду сижу.» — За что-же ты, дядя, сюда угодилъ? «За деньги! было у меня денегъ много, нищимъ не давалъ, два котла въ землю закопалъ. Вотъ сейчасъ станутъ меня мучить, палками бить, когтями терзать.» — Какъ-же мнѣ-то быть? пожалуй и меня замучаютъ! «А ты поди, сядь за трубой на печкѣ, да три года не ѣшь—такъ уцѣлѣешь!» Скрипачь спрятался за трубой; пришли ненаши [1]), стали богатаго мужика бить да приговаривать: «вотъ тебѣ, богачь! тьму денегъ на-

[1]) Черти.

Digitized by Google

копилъ, а спрятать не съумѣлъ: туда закопалъ ихъ, что̀ намъ сторожить не въ моготу! Въ воротахъ безперечь ѣздятъ, лошади намъ головы подковами поразбивали, а въ овинѣ цѣнами насъ молотятъ.» Только ушли ненаши, мужикъ и говоритъ скрипачу: «если выйдешь отсюдова, скажи моимъ дѣтямъ, чтобы они взяли деньги: одинъ котелъ у воротъ закопанъ, а другой—въ овинѣ, и чтобы роздали ихъ на нищую братію.» Потомъ еще набѣжала цѣлая изба ненашихъ, и спрашиваютъ у богатаго мужика: «что у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?» Мужикъ говоритъ: «это вы по Руси ходили, русскаго духу набрались!» — Какъ бы не такъ! Стали искать, нашли скрипача и закричали: «ха-ха-ха, скрипачь здѣсь!» Стащили его съ печки и заставили играть на скрипкѣ. Онъ три года игралъ, а ему за три дня показалось; уморился и говоритъ: «что за диво! бывало игралъ я—въ одинъ вечеръ всѣ струны изорву, а теперь третій день играю— и всѣ цѣлы. Господи благослови!» Только вымолвилъ — всѣ струны и лопнули. «Ну, братцы! говоритъ скрипачь, сами видите: струны лопнули, не на чѣмъ играть!» — Постой, сказалъ одинъ нечистой; у меня есть два бунта струнъ, я тебѣ принесу. Сбѣгалъ и принесъ; скрипачь взялъ струны, потянулъ и опять только вымолвилъ: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нѣтъ, братцы, ваши струны мнѣ не годятся; у меня свои дома есть, дайте—схожу!» Ненаши его не пущаютъ: «ты уйдешь!» говорятъ. — Если вы не вѣрите, то пошлите со мной кого-нибудь въ провожатыхъ. Ненаши выбрали одного и послали съ скрипачемъ. Скрипачь пришелъ въ деревню; слышитъ: въ крайней избѣ свадьбу справляютъ. «Пойдемъ на свадьбу!» — Пойдемъ! Вошли въ избу; тутъ всѣ скрипача узнали, спрашиваютъ: «гдѣ это ты, братецъ, три года пропадалъ?» — На томъ свѣтѣ былъ! Посидѣли, погуляли; ненашъ зоветъ скрипача: «пора идти!» А тотъ: «погоди еще немножко; дай мнѣ на скрипкѣ поиграть,

Digitized by Google

молодыхъ повеселить.» До тѣхъ поръ просидѣли, пока пѣтухи запѣли; тутъ ненашъ пропалъ, а скрипачь сталъ говорить сыновьямъ богатаго мужика: «вашъ батюшка приказалъ вамъ взять деньги: одинъ котелъ у воротъ зарытъ, а другой — въ овинѣ, и велѣлъ всѣ эти деньги нищимъ раздать. Вотъ откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищьей братіи: чѣмъ больше ихъ раздаютъ, тѣмъ больше ихъ прибавляется. Вывезли эти котлы на перекрёстокъ: кто ни ѣдетъ мимо, всякой беретъ оттуда, сколько рукой захватитъ, а деньги все не сбываютъ. Подали челобитную государю; онъ и приказалъ: въ нѣкоторомъ городѣ шла дорога въ объѣздъ — верстъ пятьдесятъ будетъ, а если прямо проложить, то всего пять верстъ, и приказалъ государь выстроить прямоѣзжій мостъ. Вотъ и выстроили мостъ на пять верстъ, и на то дѣло оба котла опорожнили. Въ тѣ времена нѣкая дѣвица родила сына и покинула его съ малолѣтства; этотъ младенецъ три года не ѣлъ, не пилъ, и все съ нимъ божій ангелъ ходилъ. Пришелъ младенецъ на мостъ и говоритъ: «ахъ, какой славной мостъ! дай Богъ тому царство небесное, на чьи деньги его построили.» Услышалъ Господь эту молитву и велѣлъ своимъ ангеламъ выпустить богатаго мужика изъ аду кромѣшнаго.

(Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губерніи.)

48.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО.

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ старикъ со старухою въ большой бѣдности; у нихъ былъ сынъ. Взошелъ сынъ въ совершенныя лѣта, и стала старуха говорить старику: «пора намъ сына женить!» — Ну, ступай сватать! Пошла она къ сосѣду сватать дочь за своего сына: сосѣдъ отказалъ. Пошла къ другому му-

Digitized by Google

жику, и другой отказалъ, къ третьему — и тотъ на ворота указалъ; всю деревню обходила — никто не отдаетъ. Вернулась домой: «ну, старикъ! пропащій нашъ парень!» — Что такъ? «По всѣмъ дворамъ таскалася, никто за него не отдаетъ своей дочери.» — Плохо дѣло! говоритъ старикъ; скоро лѣто настанетъ, а у насъ работать некому. Ступай, старуха, въ другую деревню; можетъ, тамъ высватаешь. Потащилась старуха въ другую деревню, съ краю до краю всѣ дворы обходила — а толку нѣтъ ни капли; куда ни сунется — вездѣ отказываютъ. Съ чѣмъ изъ дому пошла, съ тѣмъ и домой пришла. «Нѣтъ, говоритъ, никто не хочетъ съ нами бѣдняками породниться.» — Коли такъ, отвѣчаетъ старикъ, нечего и ногъ ломать, полѣзай на полати. Сынъ закручинился и сталъ проситься: «родимой мой батюшка и родимая матушка! благословите меня — я самъ пойду искать свою судьбу.» — Да куда-жъ ты пойдешь? «А куда глаза глядятъ!» Они благословили его и отпустили на всѣ на четыре стороны.

Вотъ вышелъ парень на большую дорогу, горько-горько заплакалъ, да идучи самъ съ собой говоритъ: «неужли-жъ я хуже всѣхъ на свѣтѣ зародился, что ни одна дѣвка не хочетъ за меня замужъ идти? Кажись, еслибъ самъ чортъ далъ мнѣ невѣсту, я-бъ и тоё взялъ!» Вдругъ словно изъ земли выросъ — идетъ къ нему на встрѣчу старой старикъ· «здравствуй, доброй молодецъ!» — Здравствуй, старичокъ! «Про что ты сейчасъ говорилъ?» Парень испугался, не знаетъ, что и отвѣчать. «А ты меня не бойся! я тебѣ худаго ничего не сотворю, а можетъ еще — твоему горю пособлю. Говори смѣло!» Парень разсказалъ ему все по правдѣ: «бѣдная моя головушка! ни одна-то дѣвка за меня замужъ не йдетъ. Вотъ я идучи раскручинился, и съ той кручины вымолвилъ: хоть бы чортъ мнѣ невѣсту далъ, я-бъ и тоё взялъ!» Старикъ засмѣялся и сказалъ: «иди за мной; я тебѣ любую невѣсту на выборъ дамъ.» Приходятъ они къ озеру.

Digitized by Google

«Оберись-ка спиной къ озеру да ступай задомъ!» приказываетъ парню старикъ. Только успѣлъ онъ оборотиться и ступить шагъ-другой, какъ очутился подъ водой въ бѣлокаменныхъ палатахъ; всѣ комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормилъ-напоилъ его старикъ; послѣ выводитъ двѣнадцать дѣвицъ — одна другой краше: «выбирай себѣ любую! какую выберешь, ту и отдамъ за тебя.» — Это дѣло хитрое! позволь, дѣдушка, до утра подумать. «Ну, подумай!» сказалъ старикъ и отвелъ его въ особую свѣтлицу. Парень легъ спать и думаетъ: «какую взять?» Вдругъ дверь отворяется, входитъ къ нему красная дѣвица: «спишь ли, доброй молодецъ, али нѣтъ?» —Нѣтъ, красная дѣвица! и сонъ не беретъ, все думаю: какую невѣсту выбрать? «Я нарочно къ тебѣ пришла посовѣтовать; вѣдь ты, доброй молодецъ, къ чорту попалъ въ гости! Слушай-же: если ты хочешь пожить еще на бѣломъ свѣтѣ, то дѣлай такъ, какъ велю; а не станешь по моему дѣлать — отсюда живъ не уйдешь!» — Научи, красная дѣвица! по вѣкъ не забуду. «Завтра выведетъ нечистый двѣнадцать дѣвицъ — всѣ одна въ одну; а ты приглядывайся да меня выбирай: на правомъ глазу у меня будетъ мошка сидѣть — то тебѣ примѣта вѣрная!» И разсказала тутъ красна дѣвица про себя, кто она такова. «Знаешь ли ты, говоритъ, въ такомъ-то селѣ попа? Я его дочь — та самая, что̀ девяти лѣтъ изъ дому пропала. Разъ какъ-то отецъ на меня осерчалъ да въ сердцахъ слово вымолвилъ: чтобъ тебя черти побрали! Я вышла на крыльцо, заплакала — вдругъ подхватили меня нечистые и принесли сюда; вотъ и живу теперь съ ними.» Поутру вывелъ старикъ двѣнадцать дѣвицъ — одна въ одну, и приказываетъ доброму молодцу выбирать невѣсту. Онъ присмотрѣлся: у которой на правомъ глазу мошка сидѣла, ту и выбралъ. Старику жалко ее отдавать, перемѣшалъ красныхъ дѣвицъ, и велитъ выбирать съизнова; доброй молодецъ указалъ ту-же самую. Заставилъ

Digitized by Google

его нечистой выбирать еще въ третій разъ — онъ опять угадалъ свою суженую. «Ну, твое счастье! веди ее домой.» Тотчасъ очутился парень съ красной дѣвицей на берегу озера, и пока на большую дорогу ни выбрались — шли они задомъ. Бросились догонять ихъ нечистые: «отобьемъ, кричатъ, нашу дѣвицу!» Смотрятъ: нѣтъ слѣдовъ отъ озера, всѣ слѣды ведутъ въ воду! побѣгали, поискали, да ни съ чѣмъ и воротились.

Вотъ привелъ доброй молодецъ свою невѣсту на сёло, и остановился противъ попова двора. Попъ увидалъ и выслалъ работника: «поди, спроси, что за люди?»—Мы—люди прохожіе; пустите переночевать. «У меня купцы въ гостяхъ, говоритъ попъ; и безъ нихъ въ избѣ тѣсно.»—И, что ты, батюшка! говоритъ одинъ купецъ; прохожаго человѣка завсегда надо принять; они намъ не помѣшаютъ. «Ну, пусть войдутъ!» Вошли они, поздоровались и сѣли на лавочку въ заднемъ углу. «Узнаешь ли меня, батюшка? спрашиваетъ красная дѣвица; вѣдь я твоя родная дочь.» Разсказала все, какъ было; стали они обниматься, цѣловаться, радостныя слезы проливать. «А это кто?» —А это мой нарѣченной женихъ; онъ меня на бѣлой свѣтъ вывелъ. Если-бы не онъ, вѣчно-бъ тамъ осталась! Послѣ того развязала красна дѣвица свой узелъ, а въ томъ узлѣ была золотая да серебреная посуда — у чертей забрала. Купецъ глянулъ и говоритъ: «ахъ! посуда-то моя; пировалъ я однажды съ гостями, съ-пьяна осерчалъ на жену — чортъ возьми! говорю, и давай кидать со стола что ни попало за порогъ; съ той поры и пропала моя посуда!» И взаправду такъ было; какъ помянулъ этотъ купецъ чорта, нечистой тотчасъ явился у порога, сталъ забирать къ себѣ золотую да серебреную посуду, а замѣсто её черепковъ накидалъ.

Вотъ такимъ-то случаемъ добылъ себѣ парень славную невѣсту, женился на ней и поѣхалъ къ своимъ родителямъ; они считали его ужь на вѣки-пропащимъ; шутка ли — больше

Digitized by Google

трехъ лѣтъ дома не бывалъ, а ему показалось, что онъ всего-то одни сутки у чертей прожилъ!

49.

СОСВАТАННЫЯ ДѢТИ.

Жили-были два богатыхъ купца: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ; часто они съѣзжались по торговымъ дѣламъ, вмѣстѣ дружбу водили и хлѣбъ-соль дѣлили. Въ нѣкое время пріѣхалъ кіевской купецъ въ Москву, свидѣлся съ своимъ пріятелемъ и говоритъ ему: «а мнѣ Богъ радость далъ — жена сына родила!» — А у меня дочь родилась! отвѣчаетъ московской купецъ. «Ну-ка, давай по рукамъ ударимъ! у меня—сынъ, у тебя—дочь, чего лучше? — женихъ и невѣста! Какъ выростутъ, обвѣнчаемъ ихъ и породнимся.» — Ладно; только это дѣло нельзя просто дѣлать. Пожалуй, еще твой сынъ отступится отъ невѣсты; давай мнѣ двадцать тысячъ залогу! «А если твоя дочь да помретъ?» — Ну, тогда и деньги назадъ. Кіевской купецъ вынулъ двадцать тысячъ и отдалъ московскому; тотъ взялъ, пріѣзжаетъ домой и говоритъ женѣ: «знаешь ли, что̀ скажу? вѣдь я свою дочь просваталъ!» Купчиха изумилась: «что ты! али съ ума сошелъ? она еще въ люлькѣ лежитъ!» — Ну, что-жъ что въ люлькѣ? я все-таки ее просваталъ: вотъ двадцать тысячъ залогу взялъ.

Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а другъ друга не навѣщаютъ — далеко, да и дѣла такъ пошли, что надо дома оставаться. А дѣти ихъ ростутъ да ростутъ: сынъ хорошъ, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лѣтъ; московской купецъ видитъ, что отъ стараго его знакомца нѣтъ ни вѣсти, ни слуху, и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кіевской купецъ своего сына и говоритъ

Digitized by Google

ему: «поѣзжай-ка ты въ Москву; тамъ есть озеро, на томъ озерѣ я поставилъ плёнку; если въ эту плёнку попалась утка—то утку вези, а ежели нѣтъ утки—то плёнку назадъ.» [1]) Купеческой сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву; ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужь близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою-же самою дорогою случилось ѣхать и полковнику, подъѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону? Увидалъ онъ купеческаго сына и спрашиваетъ: «ты куда ѣдешь?»—Въ Москву. «Зачѣмъ?» —Тамъ есть озеро, въ томъ озерѣ—лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ поставилъ мой отецъ плёнку, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плёнку утка—то утку возьми, а если утки нѣтъ—то плёнку назадъ! «Вотъ задача! думаетъ полковникъ; развѣ можетъ простоять плёнка осьмнадцать лѣтъ? ну, пожалуй, плёнка еще простоитъ; а какъ-же утка-то проживетъ столько времени?» Думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ, ничего не разгадалъ; «какъ-же, говоритъ, намъ черезъ рѣку переѣхать?»—Я поѣду задомъ наперёдъ! сказалъ купеческой сынъ; погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски наперёдъ перемащивать; намостилъ и перебрался на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. «Ты гдѣ остановишься?» спрашиваетъ купеческаго сына полковникъ. —А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ. Распрощались и повернули всякой въ свою сторону. Купеческой сынъ присталъ у одной бѣдной старухи; а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Тамъ его стали поить, угощать, о дорогѣ спрашивать. Онъ и разсказываетъ: «повстрѣчался я съ какимъ-то купеческимъ сы-

---

[1]) *Вар.* «поѣзжай въ Москву; въ тамошнихъ садахъ я поставилъ сѣтку—такъ ты, сынокъ, или пеночку излови, или сѣточку сними.»

Digitized by Google

номъ; спросилъ его: зачѣмъ въ Москву ѣдетъ? а онъ въ отвѣтъ: есть-де въ Москвѣ озеро, на томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ мой отецъ плёнку поставилъ, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плёнку утка—то утку возьми, а ежели утки нѣтъ—то плёнку назадъ! Тутъ пришлось намъ черезъ рѣку переправляться; на той рѣкѣ мостъ, половина замощена, а другая нѣтъ. Раздумался я, какъ на другую сторону переѣхать? а купеческой сынъ сейчасъ смекнулъ, задомъ наперёдъ переѣхалъ и меня перевёзъ.» —Гдѣ-же онъ на квартирѣ сталъ? спрашиваетъ невѣста. «А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ.» Вотъ купеческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: «возьми кринку молока, ковригу хлѣба да лукошко яицъ; изъ кринки отпей, ковригу почни, изъ лукошки яйцо скушай. Потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; разыщи тамъ купеческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море, или упало? полонъ ли мѣсяцъ, или въ ущербѣ? всѣ ли звѣзды на небѣ, или скатились?» Пришла служанка къ купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: «что море — въ своихъ ли берегахъ или упало?» — Упало. «Что мѣсяцъ — полонъ или въ ущербѣ?» — Въ ущербѣ. «Что звѣзды—всѣ ли на небѣ?» — Нѣтъ, одна скатилась. Вотъ служанка воротилась домой и разсказала эти отвѣты купеческой дочери. «Ну, батюшка! говоритъ отцу купеческая дочь, вашъ женихъ мнѣ не годится; у меня есть свой давнишній — съ его отцемъ по рукамъ ударено, договоромъ скрѣплено.» Сейчасъ послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять, да пиръ пировать, а полковнику отказали. На той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

Digitized by Google

50.

ДОКА НА ДОКУ.

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. «Я бы тебя пустилъ, служивой! говоритъ мужикъ; да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ.» — Ничего, солдату вездѣ мѣсто! «Ну, ступай!» Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: «куда, хозяинъ, отправляешься?» — Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вези подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублевъ не отдѣлается, а коли богатъ, такъ и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортитъ! «Послушай, хозяинъ! не вози, и такъ сойдетъ!» Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорогою, а на встрѣчу поѣзду быкъ несется, такъ и реветъ, рогами землю копаетъ. Всѣ поѣзжане испугалися, а солдатъ усомъ не мигнетъ: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцѣпилась — быкъ такъ и грохнулся наземь. Ѣдутъ дальше, а на встрѣчу поѣзду огромной медвѣдь. «Не бойтесь, кричитъ солдатъ, я худа не допущу!» Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, кинулась на медвѣдя и давай его душить; медвѣдь заревѣлъ и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше; а на встрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть не подъ ногами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! «Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ; мы опосля поговоримъ съ тобой!» — и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Пріѣхали къ церкви благополучно, обвѣнчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ

Digitized by Google

въ свою деревню. Стали ко двору подъѣзжать, а на воротахъ чорной воронъ сидитъ да громко каркаетъ—лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. «Не дури, воронъ! крикнулъ на него солдатъ; мы съ тобой опосля потолкуемъ.» Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли—какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцовъ ему нѣ дали, пробовалъ было страхи напускать — и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говоритъ солдату: «я на тебя сердитъ!» —А за что на меня сердиться? ни я не занималъ у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять. «Давай!» Взялъ колдунъ со стола ендову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: «выпей, служивой!» Солдатъ выпилъ—у него всѣ зубы въ стаканъ выпадали! «Эхъ, братецъ! говоритъ солдатъ, какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будетъ сухари грызть?» Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ — они опять стали по-прежнему. «Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!» Колдунъ выпилъ — у него глаза вылѣзли! Солдатъ подхватилъ его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и заказался страхи напускать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

51.

ДВѢ ДОЛИ.

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій— богатую; а живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся. Вотъ начали жены

Digitized by Google

ихъ межъ собой сеориться да вздорить; одна говоритъ: «я за старшимъ братомъ замужемъ; мой верхъ долженъ быть!» А другая: «нѣтъ, мой верхъ! я богаче тебя!» Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что ни годъ, то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были—на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ — и дѣтямъ не радъ! Пошелъ къ меньшому брату: «помоги де въ бѣдности!» Тотъ на отрѣзъ отказалъ: «живи, какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подростаютъ.» Вотъ немного погодя опять пришелъ бѣдной къ богатому: «одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошади; пахать не на чѣмъ!» — Сходи на поле и возьми на одинъ день; да смотри — не замучь! Бѣдной пришелъ на поле и видитъ, что какіе-то люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ; сказывайте, что вы за люди?» —А ты что за спросъ? «Да то, что эти лошади моего брата!» —А, развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей, что я —Счастье твоего брата; онъ пьетъ, гуляетъ, ничего не знаетъ; а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?»— А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно! думаетъ мужикъ, доберусь я до тебя.» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изо всей силы. [1]) Счастье

---

[1]) *Варіантъ:* Жили-были два брата-рыбака. Одинъ богатой, другой — чуть не убогой! У богатаго завсегда всѣ верши рыбой полны, съ вечера поставитъ, а къ утру цѣлой возъ увезетъ; а бѣдному коли попадутся двѣ-три плотички — и то слава Богу! «Что за чудо! думаетъ онъ про себя; ужь не ходитъ ли братъ по ночамъ на рѣку да ни воруетъ ли мою рыбу? дай-ка я его изловлю.» Взялъ плеть, пошелъ на рѣку и легъ подъ лодку. Послышался ему ночью плескъ на водѣ; выглѣзъ изъ-подъ лодки, глядь — кто-то въ брат-

Digitized by Google

проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься!»—Еще не такъ прибью! Люди добрые землю пашутъ, а ты безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? И не думай!» — Что-жъ? все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло, да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю». — Займись торговлею!... да было бы на что! Мнѣ ѣсть нечего, а не то, что въ торгъ пускаться. «Ну, хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! А ужь я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду!» —Хорошо!

Поутру говоритъ бѣднякъ своей женѣ: «ну, жена! собирайся, пойдемъ въ городъ.» — Зачѣмъ? «Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну.» — Съ ума что-ли спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ въ городъ норовитъ! «Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтишекъ и пойдемъ.» Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали нàглухо запирать свою избушку, и послышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: «кто тамъ плачетъ?»—Это я — Горе! «О чемъ-же ты плачешь?» — Да какъ-же мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня здѣсь покидаешь. «Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу.» Жена опорожнила сундукъ. «Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!» Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замкàми; зарылъ сундукъ въ землю и говоритъ: «пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ

нину сѣть рыбу загоняетъ. «Кто ты?» спрашиваетъ рыбакъ.— Я—Доля твоего брата, гоню ему рыбу. «А гдѣ-жъ моя Доля?»—Твоя Доля на камнѣ лежитъ да пѣсни поетъ! Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

Digitized by Google

тобой не знаться!» Приходитъ бѣдной съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру, и началъ торговать: взялъ старой женинъ сарафанъ, понёсъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ новой сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что̀ за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхалъ про то младшій братъ, пріѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: «скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился — изъ нищаго богачомъ сталъ?»—Да просто, отвѣчаетъ купецъ, я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ. «Въ какомъ мѣстѣ?» —Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ. Младшій братъ чуть ни плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ оттуда Горе: «ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!» — Нѣтъ! отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду: ты — доброй человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй—въ землю упряталъ! Немного прошло времени—разорился завистливой братъ, и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

52.

ДУРАКЪ И БЕРЕЗА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ, у него было три сына: двое — умныхъ, третій — дуракъ. Померъ старикъ, сыновья раздѣлили имѣнье по жеребью: умнымъ досталось много всякаго добра, а дураку одинъ быкъ — и тотъ худой? Пришла ярмарка; умные братья собираются на торгъ ѣхать. Дуракъ увидалъ и говоритъ: «и я, братцы, поведу своего быка продавать.» Зацѣпилъ быка

Digitized by Google

веревкою за рога и повелъ въ городъ. Случилось ему идти лѣсомъ, а въ лѣсу стояла старая сухая береза; вѣтеръ подуетъ — и береза заскрипитъ. «Почто береза скрипитъ? думаетъ дуракъ; ужь не торгуетъ ли моего быка? Ну, говоритъ, коли хочешь покупать — такъ покупай; я не прочь продать! Быкъ двадцать рублевъ стоитъ; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвѣчаетъ, только скрипитъ; а дураку чудится, что она быка въ долгъ проситъ. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязалъ быка къ березѣ, распрощался съ нею и пошелъ домой. Вотъ пріѣхали умные братья и стали спрашивать: «ну что, дуракъ! продалъ быка?» — Продалъ. «За дорого?»—За двадцать рублевъ. «А деньги гдѣ?» —Денегъ еще не получалъ; сказано—завтра приходить. «Эхъ, ты—простота!» На другой день поутру всталъ дуракъ, снарядился и пошелъ къ березѣ за деньгами. Приходитъ въ лѣсъ—стоитъ береза, отъ вѣтру качается, а быка нѣту: ночью волки съѣли. «Ну, землякъ! подавай деньги, ты самъ обѣщалъ, что сегодня заплатишь.» Вѣтеръ подулъ —береза заскрипѣла, а дуракъ говоритъ: «ишь ты какой невѣрной! вчера сказывалъ: завтра отдамъ! и нонче тоже сулишь. Такъ и быть, подожду еще одинъ день, а ужь больше не стану—мнѣ самому деньги надобны.» Воротился домой. Братья опять къ нему пристаютъ: «что получилъ деньги?» — Нѣтъ, братцы! пришлось еще денёкъ подождать. «Да кому ты продалъ?» — Сухой березѣ въ лѣсу. «Экой дуракъ!» На третій день взялъ дуракъ топоръ и отправился въ лѣсъ. Приходитъ и требуетъ денегъ. Береза скрипитъ да скрипитъ. «Нѣтъ, землякъ! коли все будешь завтраками подчивать, такъ съ тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо съ тобой раздѣлаюсь!» Какъ хватитъ ее топоромъ — такъ щепки и посыпались во всѣ стороны. Въ той березѣ было дупло, а въ томъ дуплѣ разбойники спрятали полной котелъ золота. Распалось дерево надвое, и

Digitized by Google

увидалъ дуранъ чистое золото; нагрёбъ цѣлую пòлу и потащилъ домой; принесъ и показываетъ братьямъ. «Гдѣ ты, дуракъ, добылъ столько?» — Землякъ за быка òтдалъ; да тутъ еще несполна все, чай и половины домой не притащилъ! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное! Пошли въ лѣсъ, забрали деньги и несутъ домой. «Смотри-же, дуракъ! говорятъ умные братья, никому не сказывай, что у насъ столько золота.»—Небось, не скажу! Вдругъ попадается имъ на встрѣчу дьячокъ [1]). «Что вы, ребята, изъ лѣсу тащите?» Умные говорятъ: грибы. А дуракъ поперечитъ: «врутъ они! мы деньги несемъ; вотъ посмотри! Дьячокъ такъ и ахнулъ, бросился къ золоту и давай хватать пригоршнями да въ карманъ совать. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ дò смерти. «Эхъ, дуракъ! что ты надѣлалъ? закричали братья, самъ пропадешь, и насъ загубишь! Куда теперь мертвое тѣло дѣвать?» Думали думали и стащили его въ пустой погребъ, да тамъ и бросили. Поздно вечеромъ говоритъ старшій братъ середнему: «дѣло-то выходитъ неладно! Какъ станутъ про дьячка розыскивать, вѣдь дуракъ все разскажетъ. Давай-ка убьемъ козла да схоронимъ въ погребѣ, а мертвое тѣло зароемъ въ иномъ мѣстѣ.» Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили въ погребъ, а дьячка снесли въ иное мѣсто и зарыли въ землю. Прошло нѣсколько дней, стали про дьячка вездѣ розыскивать, у всѣхъ распрашивать; дуракъ и отозвался: «на чтò онъ вамъ? анамедни я его топоромъ убилъ, а братья на погребъ снесли.» Тотчасъ ухватились за дурака: «веди, показывай!» Дуракъ полѣзъ въ погребъ, досталъ козлиную голову и спрашиваетъ: «вашъ дьячокъ чорной?»— Чорной. «И съ бородою?»—Да, и съ бородою. «И рога есть?»—Какіе тамъ рога,

[1]) *Варіантъ:* Дуракъ подбираетъ деньги.... Шелъ мимо попъ, увидалъ и ну приставать: «дуракъ, подѣлись со мной деньгами!»— Отойди, батька! голову отрублю!...

Digitized by Google

дуракъ! «А вотъ смотрите!»—и выбросилъ голову. Люди смотрятъ — какъ есть козёлъ, плюнули дураку въ глаза и разошлись по домамъ. Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ.

53.

СКАЗКА ПРО УТКУ СЪ ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ.

а. Было-жило два брата: одинъ богатой, другой бѣдной; у бѣднаго — жена да дѣти, а богатой одинъ какъ перстъ. Пошелъ бѣдной къ богатому и сталъ просить: «накорми, братецъ, сегодня при бѣдности моихъ дѣтей; намъ и пообѣдать нечего!» — Сегодня мнѣ не до тебя! говоритъ богатой; сегодня у меня все князья да бояре, такъ бѣдному не приходится тутъ быть! Облился бѣдной братъ слезами и пошелъ рыбу ловить: «авось Богъ дастъ—поймаю! хоть ухи дѣти похлебаютъ.» Только затянулъ тоню, и попалъ ему кувшинъ. «Вытащи меня да разбей на берегу, отозвалось изъ кувшина; такъ я тебѣ счастье укажу.» Вытащилъ онъ кувшинъ, разбилъ на берегу, и вышелъ оттуда невѣдомой молодецъ и сказалъ: «есть зеленый лугъ, на томъ лугу береза, у той березы подъ кореньями утка; обруби у березы коренья и возьми утку домой: она станетъ тебѣ нести яички — одинъ день золотое, другой день серебреное.» Бѣдной братъ пошелъ къ березѣ, досталъ утку и принесъ домой; стала утка нести яички—одинъ день золотое, другой день серебреное; сталъ онъ продавать ихъ купцамъ да боярамъ, и куда какъ разбогатѣлъ скоро [1])! «Дѣти! говоритъ онъ, молитесь Богу; Господь нашелъ насъ.»

---

[1]) *Варіантъ 1:* Жилъ старикъ со старухою въ большой бѣдности. Въ домѣ нѣтъ ничего; дѣти сидятъ безъ хлѣба да горькими слезами заливаются. Выпросилъ старикъ у сосѣда ружье и пошелъ въ лѣсъ: не удастся ли, думаетъ, птицы какой застрѣлить да семью накормить. Цѣлой день ходилъ по лѣсу—

Digitized by Google

Богатой братъ позавидовалъ, озлобился: «отчего такъ разбогатѣлъ мой братъ? теперь я нужнѣе (бѣднѣе), а онъ богаче сталъ! вѣрно, какой-нибудь грѣхъ за нимъ водится!» и пошелъ въ судъ съ жалобой. Дошло это дѣло до самого царя. Зовутъ того брата, что̀ былъ бѣденъ да разбогатѣлъ скоро, къ царю. Куды дѣвать утку? дѣти малы, пришло женѣ подъ присмотръ отдать; начала она на базаръ ходить, да яйцы по дорогой цѣнѣ продавать, а была собой красавица и слюбилась съ барином̀ъ. «Отчего, скажи, вы разбогатѣли?» распрашиваетъ ее баринъ. —Да намъ вѣдь Богъ далъ! А онъ приступаетъ: «нѣтъ, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану къ тебѣ ходить.» И таки не пришелъ къ ней день-другой; она позвала его къ себѣ и разсказала: у насъ есть утка—день несетъ золотое яичко, день серебреное. «Принеси-ка эту утку да покажъ, какова птица?» Оглядѣлъ утку, и видитъ—на брюшкѣ у ней золотыми буквами написано: кто съѣстъ ея голову, тотъ царемъ будетъ, а кто — сердце, тотъ станетъ золотомъ пле-

---

нѣтъ, да и нѣтъ удачи; сталъ домой ворочаться, глядь — сидитъ на деревѣ птица. Старикъ поднялъ ружье и только прицѣлился — птица ему промолвила человѣческимъ голосомъ: «не бей меня, доброй человѣкъ! возьми лучше живую, я тебѣ на добро пригожусь!» Взялъ онъ ту птицу домой, и что ни день—стала она нести ему по золотому яичку, одно другаго краше. Дождался старикъ свѣтлаго Христова Воскресенья и пошелъ къ царю христосоваться золотымъ яичкомъ; царь тому несказанно обрадовался, сдѣлалъ его купцомъ и наградилъ вольнымъ т оргомъ.

Варіантъ 2: Жилъ старикъ со старухою: занимался старикъ охотою, лавливалъ и птицъ перелетныхъ, и звѣрей прискучихъ. Говоритъ однажды старуха: «поди-ка, старикъ, въ лѣсъ; не поймаешь ли чего на заговѣнье, а я Богу помолю.» Пошелъ старикъ въ лѣсъ; ходилъ-ходилъ, не видалъ ни птицы перелетныя, ни звѣря прискучаго, только и поймалъ что̀ одну птичку-синичку; да вѣдь птичка-синичка куда невеличка! на ней нечего взять. «Понесу ее на базаръ, думаетъ старикъ; авось кто купитъ! Попался ему на базарѣ купецъ, сторговалъ синичку, заплатилъ деньги и взялъ ее себѣ. У той синички подъ крыломъ было написано: кто ее съѣстъ, тотъ царемъ сдѣлается...

Digitized by Google

вать [1]). Позарился баринъ на такое великое счастье, присталь къ бабѣ: «зарѣжь, да и зарѣжь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тѣмъ, что зарѣзала утку и поставила въ печь жарить. День былъ праздничной; ушла она къ обѣдни, а тѣмъ временемъ прибѣжали въ избу два ея сына. Вздумалось имъ перекусить чего-нибудь, заглянули въ печку и вытащили утку; старшій съѣлъ голову, а меньшой сердце. Воротилась мать изъ церкви, пришелъ и баринъ, сѣли за столъ; смотритъ онъ — нѣтъ ни сердца утинаго, ни головы. «Кто съѣлъ?» спрашиваетъ баринъ, и таки дозналася, что съѣли эти два мальчика. Вотъ онъ и пристаетъ къ матери: «зарѣжь де своихъ сыновей, изъ одного вынь мозги, изъ другаго сердце; а коли не зарѣжешь — и дружба врозь!» Сказалъ и ушелъ отъ неё; вотъ она цѣлую недѣлю томилась, а послѣ не выдержала, посылаетъ къ баринѣ: «приходи! такъ и быть для тебя и дѣтей не пожалѣю!» Сидитъ она и точитъ ножъ; старшій сынъ увидалъ, заплакалъ горькими слезами и просится: «отпусти насъ, матушка, въ садъ погулять.» — Ну, ступайте, да далеко не уходите. А мальчики не то, что гулять, ударились въ бѣги. Бѣжали-бѣжали, уморились и оголодали. Въ чистомъ полѣ пастухъ коровъ пасетъ. «Пастушокъ, пастушокъ! дай намъ хлѣбца.» — Вотъ вамъ кусочекъ, говоритъ пастухъ; только всего и осталось! кушайте на здоровье. Старшій братъ отдаетъ меньшому: «скушай ты, братецъ! ты малосильнѣе, а я подюжѣе — могу и такъ стерпѣть.» — Нѣтъ, братецъ! ты все меня за ручку тащилъ, хуже моего

---

[1]) *Варіантъ:* кто съѣстъ потрохи, у того будетъ золота безъ выгреба: что ни встанетъ поутру, а подъ изголовьемъ комокъ золота лежитъ. — Въ другомъ спискѣ сказано: кто съѣстъ печенку, у того каждое утро подъ изголовьемъ двадцать пять рублей готово. Два мальчика съѣли эту печенку, на другой день проснулись, а въ головахъ у каждаго изъ нихъ лежитъ по двѣнадцати рублей съ полтиною.

Digitized by Google

утомился; съѣдимъ пополамъ! Взяли-пополамъ раздѣлили, съѣли и оба сыты стали. Вотъ пошли они дальше; идутъ все вперёдъ да вперёдъ дорогою широкою— и разбилась та дорога надвое; на распутіи столбъ стоитъ, на столбѣ написано: кто въ правую руку пойдетъ — царемъ сдѣлается, кто въ лѣвую руку пойдетъ—богатъ будетъ. Малой братъ и говоритъ большему: «братецъ! ступай ты въ правую руку; ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь.» Большій братъ пошелъ направо, меньшой—налѣво. Вотъ первой-то шелъ, шелъ, и пришелъ въ иное царство; попросился къ старушкѣ ночь ночевать, переночевалъ, всталъ поутру, умылся, одѣлся, Богу помолился. А въ томъ государствѣ померъ тогда царь, и собираются всѣ люди въ церковь со свѣчами: у кого прежде свѣча сама собой загорится, тотъ царь будетъ. «Поди и ты, дитятко, въ церковь! говоритъ ему старушка; можетъ у тебя свѣча прежде всѣхъ загорится.» Дала ему свѣчку; онъ и пошелъ въ церковь; только что входитъ туда—у него свѣча и загорѣлась; другимъ князьямъ да боярамъ завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вонъ гнать. А царевна сидитъ высоко на тронѣ, и говоритъ: «не троньте его! худъ ли, хорошъ ли—видно судьба моя!» Подхватили этого мальчика подъ руки, привели къ ней; она сдѣлала ему во лбу печать своимъ золотымъ перстнемъ, приняла его во дворецъ къ себѣ, выростила, объявила царемъ, и вышла за него замужъ. Ни много, ни мало пожили они вмѣстѣ, и говоритъ новой царь своей женѣ: «позволь мнѣ поѣхать— розыскивать моего малаго брата!» — Поѣзжай съ Богомъ! Долго ѣздилъ онъ по разнымъ землямъ и нашелъ малаго брата: въ великомъ богатствѣ живетъ, цѣлыя кучи золота въ анбарахъ насыпаны; что ни плюнетъ онъ — то все золотомъ! дѣвать некуда! «Братецъ! говоритъ меньшой старшему, поѣдемъ къ отцу нашему, да посмотримъ: каково его житье-бытье?» — Хоть сейчасъ въ дорогу!

Digitized by Google

Вотъ пріѣзжаютъ они къ отцу-къ матери, попросились къ нимъ въ избу роздыхъ сдѣлать, а не сказываютъ, кто они таковы? Сѣли за столъ; старшій братъ и началъ говорить про утку съ золотыми яичками да про мать-лиходѣйку. А мать то и дѣло перебиваетъ да рѣчь заминаетъ. Отецъ догадался: «не вы ли—мои дѣтки?» — Мы, батюшка! Пошло обниманье, цѣлованье; что разговоровъ тутъ было! Старшій братъ взялъ отца въ свое царство жить; меньшой поѣхалъ невѣсту искать, а мать одноё покинули.

b. Былъ-жилъ старикъ со старухою: старика того звали Абросимомъ, а старуху Фетиньею, и жили они въ великой скудости и бѣдности и имѣли одного сына, по имени Иванушка, который и былъ уже по пятнадцатому году. Въ одинъ день старикъ Абросимъ промыслилъ краюшку хлѣба и принесъ домой, чтобъ накормить свою жену и сына, и лишь только принялся рѣзать—вдругъ изъ-за печки выбѣжалъ Кручина, выхватилъ изъ рукъ его краюшку и ушелъ опять за печь. Тогда старикъ началъ Кручинѣ кланяться и просить, чтобъ онъ отдалъ краюшку назадъ, потому что ему съ семьею своею ѣсть нечего. Кручина старику на то сказалъ: «я тебѣ краюшки твоей не отдамъ, а за нее подарю тебѣ уточку, которая всякой день будетъ несть по золотому яичку.» — Хорошо, сказалъ Абросимъ, я севодни какъ-нибудь безъ ужина пробуду. Только ты меня не обмани и скажи, гдѣ та уточка? «Завтра поутру, какъ ты встанешь, отвѣчалъ ему Кручина, поди въ свой огородъ, и тамъ въ пруду увидишь утку, которую поймай и возьми къ себѣ въ домъ.» Абросимъ выслушалъ его слова и легъ спать, а поутру всталъ рано и пошелъ въ огородъ, и увидѣвъ въ пруду [1]) утку, несказанно обрадовался; сталъ ловить утку, и скоро поймалъ, принесъ домой и отдалъ ее

[1]) *Варіантъ:* въ-правду.

Digitized by Google

Фетиньѣ. Старуха пощупала утку и сказала мужу, что утка съ яичкомъ.

Тогда они оба обрадовались и посадили утку въ корчагу и покрыли рѣшетомъ, а чрезъ часъ послѣ того посмотрѣли и увидѣли, что утка снесла золотое яичко. Тогда утку пустили погулять по̀ полю [1]), а яичко старикъ взялъ и понесъ продавать въ городъ, и продалъ то яичко за сто рублей, и взявши деньги, пошелъ на рынокъ и накупилъ всякаго харчу и принесъ домой. На другой-же день та уточка снесла опять такое-же яичко; Абросимъ и то продалъ. И такимъ образомъ та уточка несла всякой день по золотому яичку, и старикъ въ малое время весьма обогатился, и сдѣлался богатъ, и состроилъ себѣ въ городѣ большой домъ и множество великое лавокъ, и накупилъ разныхъ товаровъ и началъ торговать. Жена же его Фетинья понялась съ нѣкіимъ молодымъ своимъ прикащикомъ и стала его любить; а тотъ прикащикъ ее не любилъ и только выманивалъ у неё деньги.

Въ одно время, когда Абросимъ ушелъ закупать новые товары, прикащикъ пришелъ къ Фетиньѣ, и говоря съ нею, увидѣлъ уточку, которая несла золотыя яички, поймалъ ее и любовался, и примѣтилъ, что подъ крылушками у ней подписано золотыми буквами: «ежели кто ту уточку съѣстъ, тотъ царь будетъ.» Тогда прикащикъ, не сказавъ о томъ Фетиньѣ, сталъ ее упрашивать, чтобъ она любя его зажарила ту утку. Однако Фетинья ему отвѣчала, что она не можетъ и не смѣетъ ее зарѣзать, потому что отъ неё ихъ счастіе зависитъ. Прикащикъ же началъ усильно просить Фетинью, чтобъ она ту уточку изъ любви къ нему зарѣзала и зажарила. Фетинья же, долго думая и боясь своего мужа, не смѣла того сдѣлать; но послѣ ослѣпилась и уточку зарѣзала и поставила въ печь. Прика-

[1]) *Вар.* по полу.

Digitized by Google

щикъ отлучился, обѣщаясь вскорѣ назадъ придти; а Фетинья пошла въ городъ. И на ту пору пришелъ домой Иванушка, сынъ ея, и захотѣлось ему ѣсть. Онъ началъ искать чего-нибудь пообѣдать и нашелъ въ печи жареную уточку; вынувши ту утку изъ печки, съѣлъ ее всю дочиста и ушелъ со двора опять въ лавку. Потомъ пришелъ и прикащикъ и кликнулъ Фетинью. Когда-же она пришла, тогда прикащикъ велѣлъ ей подать жареную утку. Фетинья тотчасъ бросилась въ печь, и увидѣвъ, что утки нѣтъ, испужалась и сказала прикащику, что утка изъ печи пропала. Тогда прикащикъ на нее разсердился и сказалъ ей: «ты, конечно, сама утку скушала!» — разбранился и ушелъ изъ дому.

Къ вечеру пришли домой Абросимъ и Иванушка, сынъ его. Примѣтивъ, что утки нѣтъ, Абросимъ спрашиваетъ объ ней Фетинью: куда она дѣвалась? Фетинья же ему отвѣчала, что ничего о томъ не знаетъ. А Иванушка сказалъ своему отцу: «кормилецъ батюшка! я давича пришелъ домой пообѣдать, и какъ матушки не случилось дома, то я заглянулъ въ печь и увидѣлъ жареную утку, и вынувши ее изъ печи, съѣлъ всеё дочиста; только не знаю, наша ли это утка или чья иная?» Тогда Абросимъ вздурился на свою жену и прибилъ ее до полусмерти, а сына своего Иванушку согналъ со двора долой.

Малой Иванушка пошелъ путемъ-дорогою и шелъ, куда и самъ не знаетъ, а туда, куда глаза глядятъ; шелъ десять дней и десять ночей, и пришелъ къ нѣкоему государству. И когда пошелъ во градскія ворота, увидѣлъ великое множество народу; и тотъ народъ думалъ думушку крѣпкую и такую думу, что царь ихъ умеръ, а они не знали кого царемъ выбрать, и уговорились между собою такъ: который человѣкъ прежде придетъ къ нимъ въ градскія вороты, то того и царемъ сдѣлать надъ собою. И какъ на ту пору Иванушка пришелъ во градскія ворота, тогда весь народъ закричалъ: «вотъ идетъ

Digitized by Google

нашъ царь!» — и старѣйшины подхватили Иванушку подъ руки, и повели въ царскіе чертоги, и облекли его въ царскія ризы, и посадили на царской престолъ, и начали всѣ ему кланятися, яко истинному царю своему, и спрашивали отъ него разныхъ приказовъ. Тогда Иванушка подумалъ, что онъ царемъ себя во снѣ видитъ, а не на яву; однако опомнился, и увидѣвъ себя настоящимъ царемъ, возрадовался всѣмъ сердцемъ, и началъ повелѣвать народомъ и учредилъ многихъ чиновныхъ людей.

По маломъ же времени выбралъ одного изъ нихъ, именемъ Лугу, призвалъ его къ себѣ и говорилъ ему сицевыя слова: «вѣрный мой и добрый кавалеръ Луга! сослужи ты мнѣ служ» бу: поѣзжай въ мое отечество прямо къ самому царю, бей ему отъ меня челомъ, проси, чтобъ онъ отдалъ тебѣ виновнаго купца Абросима и съ женою его Фетиньею, и когда онъ тебѣ ихъ отдастъ, то привези ты обоихъ ко мнѣ; а ежели не отдастъ, то скажи самому царю отъ меня, что его государство огнемъ сожгу и самого царя въ полонъ возьму.» Когда слуга Луга отправился въ отечество Иванушки и пріѣхалъ къ самому царю и сталъ у него просить виноватыхъ Абросима и Фетинью, — царь, вѣдая, что Абросимъ богатой купецъ въ его государствѣ, не хотѣлъ было выдавать; однако разсудилъ, что государство Иванушкино весьма сильно воинствомъ, и убояся того, отпустилъ Абросима и Фетинью. Луга же, принявъ ихъ, отправился въ свое государство, и когда привезъ ихъ къ Иванушкѣ-царю, тогда Иванушка сказалъ своему отцу Абросиму: «государь мой батюшка! ты меня выгналъ изъ дому своего; я за то принимаю тебя къ себѣ. Живите оба съ матушкою у меня до конца жизни.» Абросимъ и Фетинья возрадовались, что ихъ сынъ царемъ сталъ, и съ того дня жили у сына много лѣтъ, а послѣ померли. Иванушка сидѣлъ на престолѣ тридцать лѣтъ въ добромъ здоровьи и

Digitized by Google

благополучіи; всѣ подданные любили его нелицемѣрно до послѣдняго часа его жизни.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

54.

ИВАНЪ СУЧЕНКО И БѢЛОЙ ПОЛЯНИНЪ.

Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки. На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ быкъ печеный, возлѣ него лукъ толченый; ишли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идутъ — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то мѣста, наѣдались пуще, чѣмъ деревенская баба тѣста! Это присказка, сказка будетъ впереди.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь на гладкомъ мѣстѣ, словно на скатерти, съ-роду не имѣлъ у себя дѣтей. Пришелъ до него нищій. Царь его пытаетъ: «не знаешь ли ты — что мнѣ такое сдѣлать, чтобъ были у меня дѣти?» Онъ ему отвѣчаетъ: «собери-ка ты мальчиковъ да дѣвочекъ — семилѣтокъ, чтобъ дѣвочки напряли, а мальчики выплели за одну ночь неводъ; тѣмъ неводомъ вели изловить въ морѣ леща златопѣраго и дай его царицѣ съѣсть.» Вотъ поймали леща златопѣраго, отдали въ кухню изжарить; поварка[1]) вычистила, вымыла леща, кишки собакѣ бросила, помои отдала тремъ кобыламъ выпить, сама огладала косточки, а рыбу царица скушала. Вотъ разомъ-родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь далъ имъ всѣмъ имена: царевичъ Иванъ, Поваренко Иванъ и Сученко Иванъ. Ростутъ они, добрые

[1]) Стряпуха.

Digitized by Google

молодцы, не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ; выросли большіе, и посылаетъ Иванъ-Сученко Ивана-царевича до царя: «поди, попроси, чтобъ позволилъ намъ царь осѣдлать тѣхъ трехъ коней, что̀ кобылы принесли, да поѣхать по городу погулять-покататься.» Царь позволилъ; они посѣдлали коней, выѣхали за̀ городъ и начали межъ собой говорить: «чѣмъ намъ у батюшки у царя жить, лучше въ чужія земли поѣдемъ!» Вотъ они взяли-купили желѣза, сдѣлали себѣ по булавѣ — каждая булава въ девять пудовъ, и погнали коней. Немного погодя, говоритъ Иванъ-Сученко: «какъ намъ, братцы, будетъ путь держать, когда нѣтъ у насъ ни старшаго, ни младшаго? Надо такъ сдѣлать, чтобъ былъ у насъ старшій братъ.» Царенко говоритъ, что меня отецъ старшимъ поставилъ, а Сученко — свое, что надо силу попробовать — по стрѣлкѣ бросить. Кидаютъ стрѣлки одинъ за другимъ: сначала Царенко Иванъ, за Царенкомъ Поваренко, за Поваренкомъ Сученко. Ѣдутъ не далеко, не близко — ажъ лежитъ царенкова стрѣлка; немного подальше того упала поваренкова стрѣлка, а сученковой нигдѣ не видать! Ѣдутъ все впередъ да впередъ, и заѣхали за тридевять земель въ тридесятое царство, въ нишее государство — ажъ тамъ лежитъ сученкова стрѣлка. Тутъ и порѣшили: Царенко будетъ меньшой братъ, Поваренко — подстаршій, а Сученко — самый найстаршій, и пустились опять въ путь-дорогу. Смотрятъ — передъ ними степь разстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоитъ, ярую пшеницу ѣстъ, медовой сытой запиваетъ. Посылаетъ Иванъ-Сученко Ивана-царевича: «пойди, узнай: кто въ палаткѣ?» Вотъ Царенко приходитъ въ палатку, а тамъ на кровати Бѣлой-Полянинъ лежитъ. И ударилъ его Бѣлой-Полянинъ мизинцомъ по̀ лбу — Царенко упалъ; онъ взялъ его да подъ кровать и бросилъ. Посылаетъ Сученко Ивана-Поваренка; Бѣлой-Полянинъ и этого ударилъ мизинцомъ по̀ лбу и бросилъ подъ кро-

Digitized by Google

вать. Сученко ждалъ-ждалъ, не дождался; прибѣгаетъ туда самъ, какъ ударитъ Бѣлаго-Полянина разъ — онъ и глаза подъ лобъ! Послѣ вынесъ его изъ палатки; свѣжій вѣтерокъ пахнулъ, Бѣлой-Полянинъ ожилъ и проситъ: «не убивай меня! пріими за самаго мѣньшаго брата!» Иванъ-Сученко его помиловалъ.

Вотъ всѣ четыре брата посѣдлали своихъ коней и поѣхали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ѣхали — стоитъ передъ ними домъ въ два этажа подъ золотой крышею. Зашли въ этотъ домъ—вездѣ чисто, вездѣ убрано, напитковъ, наѣдковъ вдоволь запасено, а живыхъ людей нѣтъ никого; подумали-подумали и положили пока здѣсь проживать-дни коротать. Утромъ три брата на охоту поѣхали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйствомъ смотрѣть. Онъ наварилъ, нажарилъ къ обѣду всякой всячины, сѣлъ на лавкѣ да трубку покуриваетъ. Вдругъ ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета (?) на семь саженей лита, и проситъ милостины. Царенко даетъ ему цѣлой хлѣбъ; дѣдъ не за хлѣбъ, за него берется, крючкомъ да въ ступу, толкъ-толкъ! снялъ у него со спины полосу до самыхъ плечей, взялъ-половою натёръ, да подъ полъ [1]) бросилъ... Вернулись братья съ охоты, спрашиваютъ Царенка: «никого у тебя не было?» — Я никого не видалъ; развѣ вы кого? «Нѣтъ, и мы не видали!» На другой день дома остался Иванъ-Поваренко, а тѣ на охоту поѣхали; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку— ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Поваренко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу, толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ, да подъ полъ бросилъ... Вернулись братья съ охоты и

[1]) Помостъ въ избахъ, замѣняющій кровати (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 168).

Digitized by Google

спрашиваютъ: «никого у тебя не было?» — Нѣтъ, никого! а вы развѣ видѣли? «Нѣтъ, и мы не видали!» На третій день дома остался Бѣлой-Полянинъ; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку—а́жъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Бѣлой-Полянинъ даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу, толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ, да по̀дъ полъ бросилъ... Пріѣхали братья съ охоты: «ты никого не видалъ?» —Нѣтъ, никого; а вы? «И мы-тожъ!» На четвертой день остался дома Иванъ-Сученко; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ опять ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачемъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Сученко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу — ступа и разбилась. Иванъ-Сученко ухватилъ дѣда за̀ голову, притащилъ до вербоваго пня, расколо̀лъ пень на̀двое да всадилъ дѣдову бороду въ ра̀зщелину, а самъ — въ горницу. Вотъ ѣдутъ его братья, межъ собой разговариваютъ. «Что, братцы! вамъ ничего не случилось? спрашиваетъ Царенко; а у меня такъ рубаха совсѣмъ къ тѣлу присохла!»—Ну, и намъ досталось! до спины доторкнуться нельзя. Проклятой дѣдъ! вѣрно, онъ и Сученку содралъ. Пріѣхали домой: «а что, Сученко Иванъ, никого у тебя не было?» — Былъ одинъ нахаба [1]), такъ я ему по своему задалъ! «Что-жъ ты ему сдѣлалъ?»—Пень расколо̀лъ да бороду всадилъ. «Пойдемъ, посмотримъ!» Пришли на дѣда смотрѣть, а его и слѣдъ простылъ! Какъ попалъ онъ въ тиски, началъ биться, рваться, и таки выворотилъ весь пень съ корнемъ и унесъ съ собой на тотъ свѣтъ; а съ того свѣта онъ приходилъ до своего дома подъ золотою крышею.

---

[1]) Наглой, непріятной гость (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр. 138).

Digitized by Google

Братья пошли по его слѣдамъ, шли-шли—стоитъ гора: въ той горѣ ляда [1]); взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили въ нору; какъ достали камнемъ дно, вытянули его назадъ и привязали до каната Ивана-Сученка. Говоритъ Сученко: «черезъ три дня какъ встряхну канатъ — сейчасъ меня вытягайте!» Вотъ опустили его на тотъ свѣтъ. Онъ вспомнилъ про царевенъ, что̀ покрали на тотъ свѣтъ три змія: «пойду ихъ шукать!» [2]) Шелъ-шелъ — стоитъ двухъэтажной домъ; вышла оттуда дѣвка: «чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — А ты что за спросъ! Дай-ка мнѣ наперёдъ воды—глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай. Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела къ царевнѣ. «Здравствуй, прекрасная царевна!»—Здравствуй, доброй молодецъ! чего сюда зашелъ? «За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать.»—Охъ, не отымешь ты меня! мой мужъ дюже сильный, съ шестью головами! «Я и съ одною, да буду воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ!» Царевна его за двери спрятала — ажъ летитъ змій: «Фу, русска кость воня!» —Ты, душечка, на Руси леталъ, русской кости напахалъ! [3]) говоритъ царевна, подаетъ ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. «Чего, голубка, такъ тяжело вздыхаешь?»—Какъ мнѣ не вздыхать! четвертой годъ за тобою, не видѣла ни отца, ни матери. Ну что если-бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ да сюда пришелъ? что-бъ ты ему сдѣлалъ? «Что сдѣлалъ? пилъ да гулялъ бы съ нимъ.» На тѣ рѣчи выходитъ изъ-за дверей Иванъ-Сученко. «А, Сученко! здравствуй; зачѣмъ пришелъ: биться, или мириться?» — Давай биться! дай точокъ! [4]) Змій дунулъ—у него сталъ чугунный точокъ съ серебреными пругами, а Сученко дунулъ — у него серебреный съ золотыми пругами.

---

[1]) Поперечная дверь (Дополн. къ Опыту обл. словаря, стр. 107).

[2]) Искать. [3]) Т. е. русскаго духу набрался; *пахнуть* — вѣять и *запахъ* сравни съ словами: *дунуть* и *духъ*. [4]) Токъ, видное мѣсто.

Digitized by Google

Ударилъ онъ змія разъ и убилъ до смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ; царевна дала ему кольцо, онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ — опять двухъэтажной домъ; вышла ему на встрѣчу дѣвка и спрашиваетъ: «чего ты, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — А ты что за спросъ? Дай напередъ мнѣ воды—глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай! Вотъ она принесла ему воды, накормила его, напоила и къ царевнѣ проводила. «Чего ты пришелъ?» говоритъ царевна.—За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать. «Куда тебѣ воевать съ моимъ мужемъ! мой мужъ дюже сильный, съ девятью головами!» — Я и съ одною, да буду съ нимъ воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ! Царевна спрятала гостя за двери—ажъ летитъ змій: «фу, какъ русска кость воня!»—Это ты по Руси леталъ, русской кости напахалъ! говоритъ царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. «Чего ты, душечка, вздыхаешь?» — Какъ мнѣ не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что-бъ ты сдѣлалъ, если-бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ сюда пришелъ? «Пилъ да гулялъ бы съ нимъ!» Иванъ-Сученко выходитъ изъ-за дверей. «А, Сученко! здравствуй, говоритъ змій; чего ты пришелъ сюда: биться, или мириться?» — Станемъ биться! дми точокъ! Змій дунулъ—у него сталъ чугунный точокъ съ серебреными пругами, а Иванъ-Сученко дунулъ — у него серебреный съ золотыми пругами; ударилъ онъ змія и убилъ до смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна ему дала кольцо; онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ—опять такой-же домъ съ двумя этажами. Вышла на встрѣчу дѣвка: «чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — Ты прежде воды дай—глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай! Она принесла ему воды, накормила, напоила и къ царевнѣ проводила. «Здравствуй, Иванъ-Сученко! чего ты пришелъ?» — За тобою; хочу тебя у змія

Digitized by Google

отнять. «Куда тебѣ отнять! мой мужъ дюже сильный, съ двѣнадцатью головами!» — Я и съ одною, а его повою, коли Богъ поможетъ! Входитъ въ горницу, а тамъ двѣнадцатиглавой змій дрыхнетъ [1]): какъ змій вздохнётъ, такъ увесь потолокъ ходоромъ [2]) заходитъ! а его сорокопудовая булава въ кутку [3]) стоитъ. Иванъ-Сученко свою булаву въ кутокъ поставилъ, а зміеву взялъ; размахнулся, какъ ударитъ змія — пошелъ гулъ по всему двору! съ дому крышу сорвало! Убилъ Иванъ-Сученко двѣнадцатиглаваго змія, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна даетъ ему кольцо и говоритъ: «будемъ со мною жить!» А онъ зоветъ ее съ собою. «Какъ-же я свое богатство брошу?» Взяла-все свое богатство въ золотое яйцо сворotила и отдала Ивану-Сученку; онъ положилъ то яйцо въ карманъ, и вмѣстѣ съ нею пошелъ назадъ до ея сестеръ. Подстаршая царевна сворotила свое богатство въ серебреное яйцо, а самая меньшая—въ мѣдное, и ему-жъ отдали.

Приходятъ они въ-четверомъ до норы; Иванъ-Сученко привязалъ меньшую царевну и встряхнулъ канатъ: «какъ тебя (говоритъ) вытянутъ наверхъ, то покличь: Царенко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Послѣ привязалъ другую царевну и опять встряхнулъ канатъ, чтобъ наверхъ тянули: «какъ тебя вытянутъ, то покличь: Поваренко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Сталъ третью царевну до каната привязывать, и говоритъ ей: «какъ тебя вытянутъ, ты молчи—моя будешь!» Вытянули эту царевну, она молчитъ; вотъ Бѣлой-Полянинъ разсердился, и какъ стали тянуть Ивана-Сученка, взялъ да-й перерѣзалъ канатъ. Сученко упалъ, приподнялся и пошелъ до стараго дѣда. Дѣдъ его пытаетъ: «чего ты пришелъ?» —Биться! Начали воевать; бились-бились, устали и бросились

---

[1]) Спитъ. [2]) Ходенемъ (Доп. къ Опыту областн. словаря, стр. 292). [3]) Въ углу.

Digitized by Google

до воды. Дѣдъ ошибся, далъ Сученку сильной воды напиться, а самъ простой выпилъ. Сталъ Иванъ Сученко осѣдлывать; дѣдъ ему и говоритъ: «не добивай меня! возьми себѣ въ погребѣ кремень, кресало да трехъ сортовъ шерсть — въ бѣдѣ пригодится!» Иванъ-Сученко взялъ кремень, кресало и трехъ сортовъ шерсть; вырубилъ огонь и припалилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь, изъ-подъ копытъ шматья [1]) летятъ, изо рта пàра [2]) пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ. «Много-ль нужно времени, пока ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» —А столько, сколько нужно людямъ, чтобъ обѣдъ наварить! Сученко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пàра пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро-ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — Люди пообѣдать не успѣютъ! Приналилъ рыжую шерсть — бѣжитъ рыжій конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пàра пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро-ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — Плюнуть не успѣешь! Сѣлъ на того коня, и очутился въ своей землѣ.

Приходитъ до золотаря: «я, говоритъ, буду твоимъ помощникомъ!» Меньшая царевна приказываетъ золотарю: «сдѣлай мнѣ къ свадьбѣ золотой перстень!» Онъ взялся за ту работу, а Иванъ-Сученко говоритъ: «постой, я тебѣ перстень сдѣлаю, а ты мнѣ мѣшокъ орѣховъ дай.» Золотарь принесъ ему мѣшокъ орѣховъ; Иванъ-Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино колечко, вычистилъ и отдалъ хозяину. Царевна приходитъ въ субботу за кольцомъ, глянула: «ахъ, какое прекрасное колечко! я такое отдала Ивану-Сученку, да его нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» И проситъ золотаря къ себѣ на свадьбу. На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, при-

---

[1]) Большіе куски грязи, земли. [2]) Паръ.

Digitized by Google

палилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь. «Чего ты меня требуешь?»—Надо на весильномъ [1]) домѣ трубу сорвать! «Садись на меня, заглянь въ лѣвое ухо, выглянь въ правое!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, а въ правое выглянулъ— и сталъ такой молодецъ, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Поскакалъ и снялъ трубу съ дома; тутъ всѣ закричали, перепугались, свадьба разъѣхалась. — Другая царевна принесла золото, проситъ кольцо сдѣлать. Иванъ-Суценко говоритъ золотарю: «дай мнѣ два мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю.»—Ну, что-жъ? сдѣлай. Суценко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Царевна увидала кольцо: «ахъ, какое славное! я точно такое отдала Ивану-Суценку, да его теперь нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» Взяла кольцо и зоветъ золотаря на свадьбу. Тотъ пошелъ на свадьбу, а Иванъ-Суценко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — Надо сорвать съ весильнаго дома крышу. «Сядь на меня; въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, выглянулъ въ правое — сталъ молодецъ молодцомъ! Конь понесъ его такъ шибко, что сорвалъ съ дома крышу; всѣ закричали, принялись стрѣлять въ коня, только не попали; свадьба опять разъѣхалась. — Вотъ и старшая царевна проситъ, чтобы ей колечко сдѣлали: «не хотѣла я, говоритъ, за Бѣлаго-Полянина замужъ идти, да видно Богъ такъ судилъ!» Иванъ-Суценко говоритъ золотарю: «дай мнѣ три мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю.» Опять орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Въ субботу приходитъ царевна за кольцомъ, глянула: «ахъ, какое славное колечко! Боже мой! гдѣ ты досталъ этотъ перстень? я точно такой отдала тому, кого любила.» И

[1]) Свадебномъ.

Digitized by Google

проситъ золотаря: «приходи завтра на свадьбу ко мнѣ!» На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, приналилъ рыжую щерстину — бѣжитъ рыжій конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — Неси меня, какъ хочешь; только бы намъ впередъ ѣхать — потолокъ на весильномъ домѣ сорвать, а назадъ ѣхать — Бѣлаго-Полянина за чубъ взять! «Сядь на меня, въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Понесъ его рыжій конь шибко-шибко! туда ѣдучи — Сученко потолокъ съ дома снялъ, а назадъ ѣдучи — ухватилъ Бѣлаго-Полянина за чубъ, поднялся высоко вверхъ и бросилъ его наземь: Бѣлой-Полянинъ на кусочки разбился. А Иванъ-Сученко опустился внизъ, обнялся, поцѣловался съ своею невѣстою; Иванъ-царевичъ и Поваренко ему обрадовались; всѣ они обвѣнчались на прекрасныхъ царевнахъ и стали жить вмѣстѣ богато и счастливо.

(Сообщена М. А. Максимовичемъ.)

55.

СКАЗКА О ЕМЕЛѢ ДУРАКѢ [1]).

Въ нѣкоторой было деревнѣ: жилъ мужикъ, и у него было три сына, два было умныхъ, а третій дуракъ, котораго звали Емельяномъ. И какъ жилъ ихъ отецъ долгое время, то и пришелъ въ глубокую старость; призвалъ къ себѣ сыновьевъ и говорилъ имъ: «любезныя дѣти! я чувствую, что вамъ со мною недолго жить; оставляю вамъ домъ и скотину, которые вы раздѣлите на части ровно; также оставляю вамъ денегъ на каждаго по сту рублевъ.» Послѣ того вскорѣ отецъ ихъ умеръ, и дѣти, похоронія его честно, жили благополучно. Потомъ

[1]) См. вып. VI, № 32.

Digitized by Google

вздумали Емельяновы братья ѣхать въ городъ торговать на тѣ триста рублевъ, которые имъ отказаны были ихъ отцомъ, и говорили они дураку Емельяну: «послушай, дуракъ, мы поѣдемъ въ городъ, возьмемъ съ собой и твои сто рублевъ, а когда выторгуемъ, то барышъ пополамъ и купимъ тебѣ красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставятъ сдѣлать наши жены, а твои невѣстки (ибо они были женаты), то ты сдѣлай.» Дуракъ, желая получить обѣщанные красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, отвѣчалъ братьямъ, что онъ будетъ дѣлать все, что̀ его заставятъ. Послѣ того братья его поѣхали въ городъ, а дуракъ остался дома и жилъ съ своими невѣстками.

Потомъ спустя нѣсколько времени въ одинъ день, когда было зимнее время и былъ жестокой морозъ, тогда говорили ему невѣстки, чтобъ онъ сходилъ за водою. Но дуракъ, лежа на печи, сказалъ: «да а вы-то что?» Невѣстки закричали на него: «какъ, дуракъ, мы-то что? Вить ты видишь, какой морозъ, что̀ и мущинѣ въ пору идти!» Но онъ говорилъ: «я лѣнюсь!» Невѣстки опять на него закричали: «какъ ты лѣнишься? вѣдь ты захочешь же ѣсть, а когда не будетъ воды, то и сварить ничего нельзя.» Притомъ сказали: «добро-жъ, мы скажемъ своимъ мужьямъ, когда они пріѣдутъ, что хотя и купятъ они красной кафтанъ и все, но чтобъ тебѣ ничего не давали»—что̀ слыша дуракъ и желая получить красной кафтанъ и шапку, принужденъ былъ идтить, слѣзъ съ печи и началъ обуваться и одѣваться. И какъ совсѣмъ одѣлся, взялъ съ собою вёдры и топоръ, пошелъ на рѣку, ибо ихъ деревня была подлѣ самой рѣки; и какъ пришелъ на рѣку, то и началъ прорубать пролубь, и прорубилъ чрезвычайно большую. Потомъ почерпнулъ въ вёдра воды и поставилъ ихъ на льду, а самъ стоялъ подлѣ пролуби и смотрѣлъ въ воду. Въ то самое время увидѣлъ дуракъ, что плавала въ той пролуби пребольшая щука; а Емеля, сколько

Digitized by Google

ни былъ глупъ, однако-жъ пожелалъ ту щуку поймать, и для того сталъ онъ по-немножку подходить; подошелъ къ ней близко, ухватилъ вдругъ ее рукою, вытащилъ изъ воды, и положивъ за пазуху, хотѣлъ идти домой. Но щука говорила ему: «что ты, дуракъ! на что ты меня поймалъ?» — Какъ на что? говорилъ онъ, я тебя отнесу домой и велю невѣсткамъ сварить. «Нѣтъ, дуракъ, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять въ воду; я тебя за то сдѣлаю человѣкомъ богатымъ.» Но дуракъ ей не вѣрилъ и хотѣлъ идти домой. Щука, видя, что дуракъ ея не отпускаетъ, говорила: «слушай, дуракъ, пусти-жъ ты меня въ воду; я тебѣ сдѣлаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанію исполнится.» Дуракъ, слыша сіе, весьма обрадовался, ибо онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ и думалъ самъ себѣ: «когда щука сдѣлаетъ такъ, что чего я ни пожелаю — все будетъ готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорилъ онъ щукѣ: «я тебя отпущу, только ты сдѣлай то, что обѣщаешь.» На что отвѣчала щука: «ты прежде пусти меня въ воду, а я обѣщаніе свое исполню.» Но дуракъ говорилъ ей, чтобъ она прежде свое обѣщаніе исполнила, а потомъ онъ ее отпуститъ. Щука, видя, что онъ не хочетъ ее пускать въ воду, говорила: «ежели ты желаешь, чтобъ я тебѣ сказала, какъ сдѣлать — чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь-же сказалъ: чего хочешь?» Дуракъ говорилъ ей: «я хочу, чтобъ мои вёдры съ водою сами пошли на̀ гору (ибо деревня та была на горѣ), и чтобъ вода не расплескалась.» Щука тотчасъ ему говорила: «ничего, не расплещится! только помни слова, которыя я тебѣ стану сказывать; вотъ въ чемъ тѣ слова состоятъ: по щучьему велѣнію, а по моему прошенію ступайте, вёдры, сами на̀ гору!» Дуракъ послѣ ея говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ступайте, вёдры, сами на̀ гору!» — и тотчасъ вёдры и съ коромысломъ пошли сами на̀ гору. Емеля, видя сіе, весьма удивился; потомъ говорилъ

щукѣ: «все ли такъ будетъ?» На что щука отвѣчала, что «все то будетъ, чего только пожелаешь; не забудь только тѣ слова, которыя я тебѣ сказывала.» Послѣ того пустилъ онъ щуку въ воду, а самъ пошелъ за вёдрами. Сосѣди его, видя (то), удивлялись и говорили межъ собою: «что это дуракъ дѣлаетъ? вёдры съ водою идутъ сами, а онъ идетъ за ними.» Но Емеля, не говоря ничего съ ними, пришелъ домой; вёдры взошли въ избу и стали на лавку, а дуракъ влѣзъ на печь.

Потомъ спустя нѣсколько времени говорили ему опять невѣстки: «Емеля, что ты лежишь? ты бы пошелъ дровъ нарубилъ.» Но дуракъ говорилъ: «да а вы-то что?» — Какъ мы что? вскричали на него невѣстки; вѣдь та(е)перь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ тебѣ-жъ будетъ холодно. «Я лѣнюсь!» говорилъ дуракъ. — Какъ лѣнишься? говорили ему невѣстки; вѣдь ты-же озябнешь. Притомъ онѣ говорили: «ежели ты не пойдешь рубить дровъ, такъ мы скажемъ своимъ мужьямъ, чтобъ они тебѣ не давали ни краснаго кафтана, ни красной шапки, ни красныхъ сапоговъ.» Дуракъ, желая получить красной кафтанъ, шапку и сапоги, принужденъ былъ нарубить дровъ; но какъ онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ и не хотѣлось ему слѣзть съ печи, то говорилъ потихоньку, на печи лёжа, сіи слова: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-ка, топоръ, поди наруби дровъ; а вы, дрова, сами въ избу идитя(е) и въ печь кладитесь!» Топоръ откуда не взялся — выскочилъ на дворъ и началъ рубить; а дрова сами въ избу шли и въ печь клались, что̀ видя его невѣстки весьма удивились Емельяновой хитрости. Итакъ каждой день, когда только дураку велятъ нарубить дровъ, то топоръ и нарубитъ. И жилъ онъ съ невѣстками нѣсколько времени; потомъ невѣстки говорили ему: «Емеля, таперича нѣту дровъ у насъ; съѣзди въ лѣсъ и наруби.» Дуракъ имъ говорилъ: «да а вы-то что?» — Какъ мы что? отвѣчали невѣстки; вѣдь

Digitized by Google

лѣсъ далеча и теперь зима, такъ холодно ѣхать намъ въ лѣсъ за дровами. Но дуракъ имъ говорилъ: «я лѣнюсь!» — Какъ лѣнишься? говорили ему невѣстки; вѣдь тебѣ-же будетъ холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда пріѣдутъ твои братья, а наши мужья, то мы не велимъ имъ ничего тебѣ давать: ни кафтана краснаго, ни шапки красной, ни сапогъ красныхъ. Дуракъ, желая получить красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги, принужденъ былъ ѣхать въ лѣсъ за дровами, и вставъ, слѣзъ съ печи и началъ скорѣе обуваться и одѣваться.

И какъ совсѣмъ одѣлся, то вышелъ на дворъ и вытащилъ изъ-подъ навѣсу [1]) сани, взялъ съ собою веревку и топоръ, сѣлъ въ сани и говорилъ своимъ невѣсткамъ отворить вороты. Невѣстки, видя, что онъ ѣдетъ въ саняхъ, да безъ лошади, ибо дуракъ лошади не запрягалъ, говорили ему: «что ты, Емеля, сѣлъ въ сани, а лошади не запрёгъ?» Но онъ говорилъ, что лошади ему не надо, а только чтобъ отворили ему вороты. Невѣстки отворили вороты, а дуракъ, сидя въ саняхъ, говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайтя(е) въ лѣсъ!» Послѣ сихъ словъ сани тотчасъ поѣхали со двора, что̀ видя живущіе въ той деревнѣ мужики удивлялись, что Емеля ѣхалъ въ саняхъ и безъ лошади, и такъ шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ѣхать! И какъ надобно было дураку ѣхать въ лѣсъ черезъ городъ, то и поѣхалъ онъ по оному городу; но какъ не зналъ, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то онъ ѣхалъ и не кричалъ, чтобъ посторонились, и передавилъ множество народу, и хотя за нимъ гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уѣхалъ изъ города, а пріѣхавъ къ лѣсу, остановился и вылѣзъ изъ своихъ саней, и говорилъ: «по щучьему велѣнью,

[1]) *Вар.* изъ сарая.

Digitized by Google

а по моему прошенью ну-тка, топоръ, руби-ка дрова, а вы, полѣнья, сами кладитесь въ сани и вяжитесь!» Лишь только сказалъ дуракъ сіи слова, топоръ началъ рубить дрова, а полѣнья сами клались въ сани и веревкой вязались. Послѣ того, какъ нарубилъ онъ дровъ, велѣлъ еще топору вырубить одну дубинку. Какъ топоръ вырубилъ, то онъ сѣлъ на́ возъ и говорилъ: «ну-ка по щучьему велѣнью, а по моему прошенью поѣзжайте, сани, домой сами.» Тотчасъ и поѣхали они весьма шибко, и какъ подъѣхалъ онъ къ тому городу, въ которомъ онъ уже передавилъ много народу, тамъ уже дожидались его, чтобъ поймать; и какъ въѣхалъ въ городъ, то его поймали и стали тащить съ возу долой; притомъ начали его бить. Дуракъ, видя, что его тащутъ и бьютъ, потихоньку сказалъ сіи слова: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги!» Въ тотъ часъ выскочила дубинка и начала всѣхъ бить. И какъ народъ бросился бѣжать, дуракъ поѣхалъ изъ городу домой [1]), а дубинка когда всѣхъ перебила, то покатилась вслѣдъ за нимъ-же. И какъ пріѣхалъ Емеля домой, то и влѣзъ на́ печь.

Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ города, стали поговаривать объ немъ вездѣ—не столько о томъ, что онъ передавилъ множество народу, сколько удивлялись тому, что онъ ѣхалъ въ саняхъ безъ лошади. Мало по малу рѣчи сіи дошли до самаго короля. Какъ король услышалъ то, чрезвычайно захотѣлъ его видѣть, и для того послалъ одного офицера и далъ ему нѣсколько солдатъ, чтобъ его сыскать. Посланной отъ короля офицеръ поѣхалъ немедленно изъ города и напалъ на ту дорогу, по которой ѣздилъ дуракъ въ лѣсъ. И какъ пріѣхалъ офицеръ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и сказалъ ему: «я присланъ отъ короля за

---

[1]) *Вар.* въ свою деревню.

Digitized by Google

вашимъ дуракомъ, чтобъ взять его и привезти къ королю.» Староста тотчасъ показалъ тотъ дворъ, гдѣ жилъ Емеля, и офицеръ взошелъ въ избу и спрашивалъ: гдѣ дуракъ? а онъ, лёжа на печи, отвѣчалъ: «на что тебѣ?»—Какъ на что? одѣвайся скорѣй; я повезу тебя къ королю. Но Емеля говорилъ: «а что мнѣ тамъ дѣлать?» Офицеръ на него разсердился за неучтивыя слова и ударилъ его по щекѣ. Дуракъ, видя, что его бьютъ, сказалъ потихоньку: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка имъ руки и ноги!» Дубинка тотчасъ выскочила и начала ихъ бить, и перебила всѣхъ—какъ офицера, такъ и солдатъ. Офицеръ принужденъ былъ ѣхать назадъ; и какъ пріѣхалъ въ городъ, то и доложили королю, что дуракъ всѣхъ перебилъ. Король весьма удивился и не вѣрилъ тому, чтобъ могъ онъ всѣхъ перебить; однако выбралъ король умнаго человѣка, котораго послалъ съ тѣмъ, чтобы, какъ только возможно, привезъ дурака—хоть обманомъ.

Посланной отъ короля поѣхалъ, и какъ пріѣхалъ въ ту деревню, гдѣ жилъ Емеля, то призвалъ къ себѣ старосту и говорилъ ему: «я присланъ отъ короля за вашимъ дуракомъ, чтобъ его привезть; а ты призови мнѣ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ.» Староста тотчасъ побѣжалъ и привелъ его невѣстокъ. Посланной отъ короля спрашивалъ ихъ: что дуракъ любитъ? Невѣстки ему отвѣчали: «милостивой государь нашъ! дуракъ любитъ—ежели станешь просить неотступно о чемъ; онъ откажетъ разъ и другой, а въ третій уже не откажетъ и сдѣлаетъ; не любитъ онъ того, кто съ нимъ грубо поступаетъ.» Посланной отъ короля отпустилъ ихъ и не велѣлъ сказывать Емели, что онъ призывалъ ихъ къ себѣ. Послѣ того накупилъ изюму, черносливу и винныхъ ягодъ, пошелъ къ дураку, и какъ пришелъ въ избу, то подойдя къ печи говорилъ: «что ты, Емеля, лежишь на печи?» и даетъ ему изюму,

Digitized by Google

черносливу и винныхъ ягодъ, и проситъ: «поѣдемъ, Емеля, къ королю со мною; я тебя отвезу.» Но дуракъ говорилъ: «мнѣ и тутъ тепло!» ибо онъ ничего, кромѣ тепла, не любилъ. А посланной началъ его просить: «пожалуста, Емеля, поѣдемъ; тамъ тебѣ будетъ хорошо!» Дуракъ говорилъ: «я лѣнюсь!» Посланной сталъ просить его: «пожалуста поѣдемъ; тамъ тебѣ король велитъ сшить красной кафтанъ, красную шапку и красные сапоги.» Дуракъ, услыша, что красной кафтанъ велятъ ему сшить, ежели поѣдетъ, говорилъ: «поѣзжай же ты впередъ, а я за тобой буду.» Посланной не сталъ ему болѣе докучать, отошелъ отъ него и спрашивалъ тихонько у его невѣстокъ: «не обманываетъ ли меня дуракъ?» Но онѣ увѣряли, что онъ не обманетъ. Посланной поѣхалъ назадъ, а дуракъ послѣ его полежалъ еще на печи и говорилъ: «охъ, какъ мнѣ не хочется къ королю ѣхать; но такъ ужь и быть!» Потомъ говорилъ: «ну-ка по щучьему велѣнью, а по моему прошенью поѣзжай-ка, печь, прямо въ городъ!» Тотчасъ изба затрещала и печь вонъ пошла изъ избы, и какъ сошла содвора, то и поѣхала печь столь шибко, что̀ и догнать нельзя; и онъ догналъ еще на дорогѣ того посланнаго, которой за нимъ ѣздилъ, а во двор(ецъ) съ нимъ пріѣхалъ.

Какъ король увидѣлъ, что пріѣхалъ дуракъ, то и вышелъ со всѣми своими министрами его смотрѣть, и видя, что Емеля пріѣхалъ на печи, ничего не говорилъ; потомъ спрашивалъ его король: «для чего ты столько передавилъ народу, какъ ѣздилъ за дровами въ лѣсъ?» Но Емеля говорилъ: «я чѣмъ виноватъ! для чего они не посторонились?» И въ то время подошла къ окошку королевская дочь и смотрѣла на дурака, а Емеля нечаянно взглянулъ на то окошко, въ которое она смотрѣла, и видя дуракъ ее весьма прекрасною — говорилъ тихонько: «кабы по щучьему велѣнью, а по моему прошенью

Digitized by Google

влюбилась одакая красавица въ меня!» Лишь только сіи слова выговорилъ, королевская дочь посмотрѣла на него и влюбилась. А дуракъ послѣ того сказалъ: «ну-ка по щучьему велѣнью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!» Тотчасъ поѣхала печь домой, а пріѣхавши—опять стала на прежнемъ мѣстѣ.

Емеля жилъ послѣ того нѣсколько времени благополучно; но въ городѣ у короля происходило другое, ибо по дураковымъ словамъ королевская дочь влюбилась, и стала просить отца своего, чтобъ выдалъ ее за дурака замужъ. Король за то весьма разсердился на дурака, и не зналъ, какъ его взять. Въ то время доложили королю министры, чтобъ послать того офицера, которой прежде ѣздилъ за Емелей и не умѣлъ его взять; за вину его король, по ихъ совѣту, приказалъ представить того офицера. Какъ офицеръ предъ нимъ предсталъ, тогда король говорилъ ему: «слушай, другъ мой, я тебя прежде посылалъ за дуракомъ, но ты его не привезъ; за вину твою посылаю тебя въ другой разъ, чтобъ ты привезъ непремѣнно его; ежели привезешь, то будешь награжденъ, а ежели не привезешь, то будешь наказанъ.» Офицеръ выслушалъ короля и поѣхалъ немедленно за дуракомъ, а какъ пріѣхалъ въ ту деревню, то призвалъ опять старосту и говорилъ ему: «вотъ тебѣ деньги; купи все, что надобно завтра къ обѣду, и позови Емелю, и какъ будетъ онъ къ тебѣ обѣдать, то пой его допьяна, пока спать ляжетъ.» Староста зналъ, что онъ пріѣхалъ отъ короля, принужденъ былъ его послушаться, искупилъ все то и позвалъ дурака. Какъ Емеля сказалъ, что будетъ, то офицеръ его дожидался съ великою радостію. На другой день пришелъ дуракъ; староста началъ его поить и напоилъ его допьяна, такъ что Емеля легъ спать. Офицеръ, видя, что онъ спитъ, тотчасъ связалъ его и приказалъ подать кибитку, и какъ подали, то и положили дурака; потомъ сѣлъ и офицеръ

Digitized by Google

въ кибитку и повезъ его въ городъ. И какъ подъѣхалъ онъ къ городу, то и повезъ его прямо во дворецъ. Министры доложили королю о пріѣздѣ того офицера. И какъ скоро король услышалъ, то немедленно приказалъ принести большую бочку, и чтобъ набиты были (на ней) желѣзные обручи. Тотчасъ была сдѣлана и принесена оная бочка къ королю. Король, видя, что все готово, приказалъ посадить въ ту бочку свою дочь и дурака, и велѣлъ ихъ засмолить; а какъ ихъ посадили въ бочку и засмолили, то король при себѣ жъ велѣлъ пустить ту бочку въ море. И по его приказанію немедленно ее пустили, и король возвратился въ свой городъ.

А бочка, пущенная по морю, плыла нѣсколько часовъ; дуракъ все то время спалъ, а какъ проснулся и видя, что темно, спрашивалъ самъ у себя: «гдѣ я?» ибо думалъ, что онъ одинъ. Принцесса ему говорила: «ты, Емеля, въ бочкѣ, да и я съ тобою посажена.»—А ты кто? спросилъ дуракъ. «Я—королевская дочь», отвѣчала она, и разсказала ему—за что она посажена съ нимъ вмѣстѣ въ бочку; потомъ просила его, чтобъ онъ освободилъ себя и ее изъ бочки. Но онъ говорилъ: «мнѣ и тутъ тепло!»—Сдѣлай милость, говорила принцесса, сжалься на мои слезы; избавь меня и себя изъ этой бочки. «Какъ-же не такъ, говорилъ Емеля; я лѣнюсь!» Принцесса опять начала его просить: «сдѣлай милость, Емеля, избавь меня изъ этой бочки, и не дай мнѣ умереть.» Дуракъ, будучи тронутъ ея просьбою и слезами, сказалъ ей: «хорошо; я для тебя это сдѣлаю.» Послѣ того говорилъ потихоньку: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, въ которой мы сидимъ, на берегъ—на сухое мѣсто, только чтобъ поближе къ нашему государству; а ты, бочка, какъ на сухомъ мѣстѣ будешь, то сама разшибися!» Только успѣлъ дуракъ выговорить эти слова, какъ море начало волноваться и въ тотъ часъ выкинуло бочку на берегъ — на сухое мѣсто, а бочка

Digitized by Google

сама разсыпалась. Емеля всталъ и пошелъ съ принцессою по тому мѣсту, куда ихъ выкинуло, и увидѣлъ дуракъ, что они были на весьма прекрасномъ островѣ, на которомъ было преизобилие разныхъ деревьевъ со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на такомъ прекрасномъ островѣ; а послѣ того говорила: «что-жъ, Емеля, гдѣ мы будемъ жить? ибо нѣтъ здѣсь и шалаша.» Но дуракъ говорилъ: «вотъ ты ужь многаго требуешь!» — Сдѣлай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домикъ, говорила принцесса, чтобы можно было намъ гдѣ во время дождя укрыться; ибо принцесса знала, что онъ все можетъ сдѣлать, ежели захочетъ. Но дуракъ сказалъ: «я лѣнюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронутъ ея просьбой, принужденъ былъ для нея то сдѣлать; онъ отошелъ отъ нея и говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворецъ лучше королевскаго, и чтобъ отъ моего дворца и до королевскаго былъ хрустальной мостъ, а во дворцѣ чтобы были разнаго званія люди.» И лишь успѣлъ выговорить сіи слова, то въ ту-жъ минуту и появился преогромной дворецъ и хрустальной мостъ. Дуракъ взошелъ съ принцессою во дворецъ и увидѣлъ, что въ покояхъ весьма богатое было убранство и множество людей: какъ лакеевъ, такъ и всякихъ разнощиковъ, которые ожидали отъ дурака повелѣнія. Дуракъ, видя, что всѣ люди — какъ люди, а онъ одинъ былъ нехорошъ и глупъ, захотѣлъ сдѣлаться получше, и для того говорилъ: «по щучьему велѣнью, а по моему прошенью кабы я сдѣлался такой молодецъ, чтобъ мнѣ не было подобнаго, и чтобъ былъ я чрезвычайно умёнъ!» И лишь успѣлъ выговорить, то въ ту-жъ минуту сдѣлался такъ прекрасенъ, а притомъ и умёнъ, что всѣ удивлялись.

Послѣ того послалъ Емеля изъ своихъ слугъ къ королю, чтобъ звать его къ себѣ и со всѣми министрами. Посланной

Digitized by Google

отъ Емели поѣхалъ къ королю по тому хрустальному мосту, которой сдѣлалъ дуракъ; и какъ пріѣхалъ во дворецъ, то министры представили его предъ короля, и посланной отъ Емели говорилъ: «милостивой государь! я присланъ отъ моего господина съ покорностію просить васъ къ нему кушать.» Король спрашивалъ: «кто таковъ твой господинъ?» Но посланной отвѣчалъ: «я не могу вамъ сказать про него (ибо дуракъ ему сказывать не велѣлъ про себя, кто онъ таковъ); о моемъ господинѣ ничего неизвѣстно; а когда вы будете кушать у него, въ то время и скажетъ о себѣ.» Любопытствуя знать, кто прислалъ звать его, король сказалъ посланному, что онъ непремѣнно будетъ. Когда посланной ушелъ, король тотчасъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ со всѣми министрами. Посланной, возвратясь назадъ, сказалъ, что король непремѣнно будетъ, и только сказалъ — а король и ѣдетъ къ дураку по тому мосту хрустальному и съ принцами. И какъ пріѣхалъ король во дворецъ, то Емеля вышелъ на встрѣчу, принималъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ во уста сахарныя, ласково вводилъ его въ свой бѣлокаменный дворецъ, сажалъ его за столы дубовые, за скатерти браныя, за кушанья сахарныя, за питья медовыя. За столомъ король и министры пили, ѣли и веселились; а какъ встали изъ-за стола и сѣли по мѣстамъ, то дуракъ говорилъ королю: «милостивой государь! узнаёте ли вы меня, кто я таковъ?» И какъ Емеля былъ въ то время въ пребогатомъ платьѣ, а притомъ лицемъ былъ весьма прекрасенъ, то и нельзя было узнать его, почему король и говорилъ, что онъ не знаетъ. Но дуракъ говорилъ: «помните ли, милостивой государь, какъ дуракъ къ вамъ пріѣзжалъ на печи во дворецъ, и вы его и съ дочерью, засмоля въ бочку, пустили въ море? Итакъ узнайте теперь меня, что я — тотъ самой Емеля!» Король, видя его предъ собою, весьма испугался и не зналъ, что дѣлать; а дуракъ въ то время пошелъ за его дочерью и при-

Digitized by Google

велъ ее предъ короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорилъ дураку: «я передъ тобой весьма виноватъ, и за то отдаю за тебя въ замужство дочь мою.» Дуракъ, слыша сіе, съ покорностію благодарилъ короля; и какъ у Емели все было готово къ свадьбѣ, то въ тотъ-же день праздновали ее съ великолѣпіемъ. А на другой день дуракъ сдѣлалъ великолѣпный пиръ для всѣхъ министровъ, а для простаго народу выставлены были чаны съ разными напитками [1]). И какъ веселье отошло, то король отдавалъ ему свое королевство; но онъ не захотѣлъ. Послѣ того король поѣхалъ въ свое королевство, а дуракъ остался въ своемъ дворцѣ и жилъ благополучно.

(Напечатана съ лубочнаго изданія.)

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ВЫПУСКА.

[1]) *Вар.* винами.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
1. Народные анекдоты (a—aa)	7
2. Гусакъ	19
3. Скряга	21
4. Не любо-не слушай	23
5. Лутонюшка	24
6. Воръ: a	27
b	30
c	33
7. Шутъ	34
8. Ѳомка-шутъ	40
9. Батракъ	42
10. Дурачокъ	47
11. Про Ѳому Беренникова	48
12. Мѣна	52
13. Правда и Кривда: a	54
b	56
c	57
14. Злая жена	59
15. Дочь и падчерица	65
16. Морока: a	67
b	68
17. Чудесная дудка	71
18. Сивка-бурка, вѣщая каурка	74
19. Шемякинъ судъ	82
20. Никита-Кожемяка	85
21. Мальчикъ-съ-пальчикъ	86
22. Хитрая наука	90
23. Морской Царь и Василиса Премудрая: a	96
b	105
c	111

Digitized by Google

		Стран.
24.	Покатигорошекъ	118
25.	Змѣй и цыганъ	120
26.	Неумойка	123
27.	Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная	127
28.	Царь-медвѣдь	131
29.	Дочь пастуха	138
30.	Разсказы о мертвецахъ: a	140
	b	142
	c	144
	d	—
	e	147
31.	Доброе слово: a	150
	b	152
32.	Три копѣечки	155
33.	Диво-дивное, чудо-чудное	157
34.	Горе	159
35.	Безногой и слѣпой богатыри	164
36.	Рога	175
37.	Царевичъ и его слуга	178
38.	Масенжны дзядокъ	185
39.	Купеческая дочь и служанка	191
40.	Окаменѣлое царство	196
41.	Чудесный ящикъ	197
42.	Царь-дѣвица	201
43.	Солдатъ избавляетъ царевну	205
44.	Горшечникъ	211
45.	Вдова и бѣсъ	213
46.	Безстрашной	214
47.	Скрипачь въ аду	217
48.	Неосторожное слово	219
49.	Сосватанныя дѣти	223
50.	Дока на доку	226
51.	Двѣ доли	227
52.	Дуракъ и береза	230
53.	Сказка про утку съ золотыми яйцами: a	233
	b	237
54.	Иванъ Сученко и Бѣлой Полянинъ	241
55.	Емеля-дуракъ	250

790226

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google